

Священная история Андрей Николаевич Муравьев

I. Сотворение мира

«В начале сотворил Бог небо и землю; земля была невидима и не устроена, и тьма поверх бездны, и Дух Божий носился над водою. Бог рек да будет свет и явился свет, и видел Бог, что свет добро, и разлучил Бог свет от тьмы, и Бог нарек свет днем, а тьму нарек ночью, и был вечер и было утро день единый.»

Так начинает великолепную картину мироздания древнейший бытописатель Моисей, исполненный Духом Святым: ибо только по Его внушению мог он, хотя и в недоступной дали, созерцать таинственное начало вселенной, с такою истинною, что через пять тысячелетий любознательные испытатели природы, после многих произвольных систем и заблуждений, невольно возвращаются к сему чистому, первобытному источнику, для разумения бытия всех тварей.

В начале сотворил Бог небо и землю, говорит Моисей, и Оставляя небо, т. е. мир невидимый духов, созданный прежде видимых творений, по толкованию некоторых Св. Отцов, обращается к земле, т. е. к нашему миру собственно, как ближайшему предмету созерцаний человеческих. Здесь, вместе с творческой силой Господа, все вызывающего из небытия в бытие, проявляется, уже при самом начале, и неизглаголанная тайна существа Божия в трех лицах. Моисей представляет Бога, все созидающего Словом своим и оживотворяющего Духом, как в последствии выразился и псалмопевец Давид: «Словом Господним небеса утвердились и, Духом уст Его, вся сила их» (Пс. XXXII.6). Ещё яснее изрек Евангелист Иоанн, о происхождении всей твари чрез Слово Божие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог; Оно было в начале у Бога, все Им создано, и без Него не сотворено ничего из всего сотворенного.» (Иоан. I. 1,2,3) Богослов называет Слово сие Светом истинным, просвещающим всякого человека, грядущего в мире, и Моисей, движимый тем же Духом, возвещает, что первым созданием сего невещественного, истинного Света, в видимом мире, был свет вещественный, дабы, как говорит Апостол Павел: «невидимое Его, вечная сила и божество, от самого сотворения мира, видимы были чрез разсматривание тварей.» (Рим. I.20).

«Верую, говорит тот же Апостол, познаем, что веки устроены Словом Божьим» (Евр. XI. 3). и с сею верою, которая «есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом, чрез которую получили свидетельство древние,» (1.2) мы благоговейно последуем свидетельству древнейшего Моисея, в его книге бытия неба и земли, не мешая суетных

мудрований с необъятными истинами, какие могли только открыться ему, верую в Создавшего и Открывшего. – Так, по словам его, во второй день, Бог тем же Словом создал твердь небесную и разлучил воды над твердью от вод под ней. В третий день Бог собрал воды под небесами, в собрание единое, и явилась суша, которую назвал землею, собрание же вод морем, и велел земле произрастить былье травное и древа плодовые. В четвертый день Бог сотворил светила на тверди небесной, как вместилища света, чтобы разлучить день от ночи, для определения времен дня и года, и в просвещение земли. Казалось, сие позднее создание светил должно было и духовно просветить мир, что не их вещественною теплотою, по законам естественным природы, которые восприяли течение в последствии, промыслом и волею Творца, но что Его животворящею силою, земля произрастала былье и свет возсиял миру, прежде нежели временное солнце познало восток свой, сделавшись орудием света, и еще до солнца уже был вечер и было утро.

В пятый день создал Бог первое творение животное на земле, пресмыкающихся, и птиц летающих по воздуху, и рыб плавающих в воде, и благословил их расти и множиться и наполнять воду и землю. В шестой день, приготавливая землю к лучшему её украшению, человеку, и населяя царство для грядущего владыки, Бог сотворил из земли всех зверей и скотов, по роду их, и, как все прочее творение, нашел их добрыми, ибо всякое создание благого Творца благо.

II. Создание человека

При создании человека является особенный промысел Творца, о новом творении, долженствующем заключить и увенчать предшествования. – Господь Бог, прославляемый во Св. Троице, совещается Сам с Собою, и изрекает знаменательное слово, отличающее новую тварь от всех прочих, дабы чувствовала свое достоинство и стремилась от дольного к горнему: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию.» И сотворил Бог человека, говорит богодуховный писатель, присовокупляя еще: по образу Божью сотворил его. – Что же есть образ Божий, когда безконечность существа Божия поставляет Его вне и превыше всякого образа? – Апостол Павел «Сиянием славы Божьей, образом существа Его, образом Бога невидимого, называет Сына Божия, чрез Которого и веки сотворил.» (Евр. I. 2,3). И так вот по какому, особенно явственному божественному образу, создан человек, чтобы, по мере пребывания в праведности и святине, являть и Его подобие: и это, при самом начале, уже объясняет, почему, когда повредилось сие подобие в человеках, то же самое творческое Слово, без Которого ничто не может быть создано, или обновлено, и тот же Первообраз, по коему они созданы, благоволил принять на Себя их померкший образ, чтобы возстановить в прежней славе.

Указав горний образ человека, бытописатель распространяется, о дольном его происхождении: «Бог создал человека, взяв перст от земли, вдунул в лице его дыхание жизни и сделался человек душою живою»; но сие божественное вдохновение показывает только начало бытия души в человеке, а не делает её частицей Божеского естества, как заблуждаются некоторые по сбивчивому о том понятию: ибо безпредельно разстояние твари от Творца, и души живой, человеческой, от Божьего Духа животворящего. Глубоко объясняют Св. Отцы земное создание и возвышенное назначение человека: «когда совершен был мир Духов невидимый, и мир чувственный, небо и земля, – первый более близкий Божеству, как состоящий из одних разумных Сил, другой же, отдаленный грубостью своего естества: то подобало, говорит святой Григорий Богослов, создаться некоему соединению из обоих, для большего познания совершенств каждого естества, и создан человек, союз видимого с невидимым: подобало, ибо такова была воля Создателя, которая есть лучший закон: «изделие скажет ли художнику: зачем ты меня так сделал?» (Рим. IX. 20.)

О совершенстве первого человека, (вопреки суетных мудрований падших его потомков, которые хотят видеть, в праотце своем, постепенное усовершенствование от грубого животного начала), свидетельствует то, что когда Господь ввел его в рай сладости и привел пред лице его всех животных, то Адам дал имена всем зверям сельным и всем птицам небесным, свойственно их природе.

Когда же все животные, одно за другим, предстали первому человеку, названному Адамом в Св. Писании, (ибо там это одно и то же имя), не обрелся ему помощник, подобный ему. Тогда наложил Бог изступление на Адама, и во время сна, взяв одно из ребер его, исполнил плотью пустоту, и создал ребро сие в жену, которую привел к Адаму; Адам же воскликнул: «се ныне кость от костей моих и плоть от плоти моей, она наречется женою, ибо от мужа своего взята была.» Столь таинственно создание первой жены, из ребра первого человека, чтобы весь род человеческий, по своему происхождению, составлял одно тело и, при самом начале, уже естественно был расположен ко взаимной любви. Священный бытописатель влагает здесь в уста Адама, еще незнавшего отца и матери, но уже пророчески видевшего пред собою все грядущее потомство, знаменательные слова, которые повторил и новый Адам, Господь И. Христос, пришедший обновить род падшего праотца: «сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два в плоть единую.»

Посреди рая, изрек над ними Бог первое благословение брачное: «раститесь и множитесь, и наполняйте землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими, и птицами небесными, и всеми скотами и всеми гадами, пресмыкающимися по земле.» Однако, благословением брачным, Господь двух только и навсегда соединил в плоть единую, для произведения себе подобных во славу Творца; ибо рождение детей есть как бы непрестанное продолжение творческого дела Божия, и рождаемое нами не есть одна лишь плоть, одушевленная чувственной жизнью, но существо разумное: посему сколь священно должно быть для нас таинство брака, и сколь страшная дерзость похищать творческий дар, для низких страстей и неблагословенных рождений.

Когда таким образом совершились небо и земля и все украшения их, и окончил Бог, в день шестой, все творения, почил Он в седьмой день от всех дел своих, благословив и освятив его, ради сего таинственного покоя; и во свидетельство неразрывной цепи дней наших, со днями мироздания, чрез семь тысяч лет, продолжается святиться между нами день седьмой.

Святое Писание, в знак невинности первых человеков, говорит, что

Адам и жена его были оба наги и не стыдились, и представляет блаженным их жилищем рай сладости, насажденный для них Богом на Востоке в Эдеме; оно определило и само место рая, четырьмя реками его наполнявшими из одного истока: Фисоном и Геоном, Тигром и Ефратом, что позволяет искать допотопного места рая в Месопотамии.

III. Падение человека в раю

Посреди рая находилось таинственное древо жизни, плоды коего должны были даровать Адаму бессмертие тела, подобно как он был бессмертен душой. И другое древо насаждено было в раю, древо знания доброго и лукавого, таинственное название коего доселе тревожит пытливый разум детей Адама, не желающих постигнуть, что знание доброго и лукавого могло быть смертоносным для тех, которые, под сенью древа жизни, созерцали дотоле одно высшее благо. Господь дал единственную заповедь Адаму в блаженном его состоянии: не вкушать от древа знания доброго и лукавого, присоединив к тому и угрозу, что в день, в который вкусит от него, смертью умрет. Поелику свободная воля была коренным свойством его природы, и насильственная добродетель не могла ему вмениться: то существо разумное должно было, чрез испытание, усовершенствовать свою волю, направив её по воле Божьей, чтобы подобие сходствовало с образцом. Лучшим доказательством совершенства первого человека служит то, что и само искушение пришло к нему извне, как открывает нам сию тайну Св. Писание.

Змей был мудрейший из всех зверей, и он спросил жену: «истинно ли запретил вам Бог вкушать от всякого древа райского?». Жена отвечала: «от всякого древа райского вкушать можем, кроме плодов древа, насажденного посреди рая, к которому Господь запретил даже прикасаться, чтобы нам не умереть.» Но змей сказал ей: «не умрете, ибо знает Бог, что в тот день, в который вы вкусите плода сего, откроются очи ваши и будете, как боги, знающие доброе и лукавое.» Жене показалось древо сие добрым для пищи, приятным для очей и вожделенным, потому что давало знание, и она, взяв плод его, вкусила и дала вкусить мужу своему. Тогда у обоих открылись очи; они увидели свою наготу и сшили себе смоковые листья для препоясания, и услышав глас Господа, ходящего в раю, скрылись от лица Его, посреди деревьев райских.

С такой удивительной простотой излагает священный бытописатель высокую истину нашего падения, полагая её в основание всякому знанию, но и соизмеряя с возрастом ума человеческого, чтобы она могла пройти сквозь все века и удовлетворить все народы, от младенчествовавших тогда Евреев до дряхлеющих современников наших. Под именем змея разумеется однако другое высшее творение, которое приняло на себя только образ сего животного, для удобнейшего искушения. В слове Божьем называется оно древним змием, дьяволом, сатаной (Апок. XX.2),

человекоубийцей от начала и отцом лжи (Иоан. VIII. 44), одним из числа ангелов, не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище (Иуд. 6), по гордости и уклонению от любви Божьей к самолюбию (Иса. XIV).

Когда же непокорность Богу отозвалась в человеке, возмущением внутренней его природы и непокорностью чувств рассудку: тогда в смятенной душе его омрачился и первобытный образ Божий, и человек, лишенный сей благодати, оставленный сам себе, почувствовал всю наготу свою, еще более духовную, нежели телесную, и скрылся от взоров испытующего Бога. Такое удаление от источника жизни было началом смерти, обещанной за нарушение закона; ибо беззаконие, т. е. грех, сообщившись в одно время, и духовной и чувственной природе нашей, произвело в каждой свойственные им действия смерти, и, помрачив бессмертную душу, подвергло тело естественному тлению.

За падением немедленно следовали обличение и приговор, хотя наказание растворено было отеческой любовью, ибо в самом приговоре уже просиявало грядущее избавление. «Адам, где ты?» – воззвал Господь к падшему, чтобы он постиг всю глубину своего падения; «кто возвестил тебе, что ты наг, если бы не вкусил ты от запрещенного дерева?» – И что же Адам? Вместо чистого покаяния, он как будто укоряет самого Творца за свое падение: «жена, которую Ты мне дал, дала мне плод сего дерева и я ел.» И жена ответствовала испытующему Господу, также более с желанием оправдаться, нежели с сознанием вины своей: «змей обольстил меня и я ела.» – Тогда над тремя виновными произнес приговор праведный Судья; но суд без милости одному змию, и под образом его самому источнику зла, укrywшемуся в нем князю отверженных духов; над ним должна совершиться светлая победа нового Адама, Искупителя рода человеческого, названного Семенем жены, ибо он, воплотившись от Девы, дарует жизнь, так как и смерть пришла от первой жены. В строгих словах Судьи, явилось первое пророчество о грядущем Мессии, который вновь откроет двери рая изгоняемым, и тем усладилось их несчастье.

Господь сказал змию: «за то, что ты сие сделал, проклят ты пред всеми скотами земными, и пред всеми зверями; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей, и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем её; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.» И жене сказал Бог: «скорбь на скорбь наведу я тебе в беременности твоей; с болезнью будешь рожать детей, и к мужу твоему вожделение твое, и он будет господствовать над тобой.» Адаму же сказал: «за то, что ты

послушал слов жены своей и ел плод древа, которое я запретил тебе вкушать, проклята земля тебя ради; с печалью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей, терни и волчецы произрастит она тебе, и ты будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, пока не возвратишься в землю, ибо ты из неё взят; ты перст, и в перст возвратишься.»

Господь предрек Адаму смерть в самый день, когда он преступит заповедь, но решительное и окончательное действие сей казни, начавшейся в духе, отсрочил для того, чтобы дать ему время к покаянию. И конечно, в сию горькую минуту изгнания, уже чувствовал Адам и сладость грядущего избавления, когда, восприявший смерть от жены, назвал её Евой, т. е. жизнью, как мать всех живущих, не только в смысле того, что от нее произойдет род человеческий, осужденный при рождении на смерть, но и в том пророческом духе, что из неё произойдет Имеющий даровать жизнь вечную падшим сынам Адама.

Милосердный Господь, изгоняя человек из блаженства райского в пустоту вселенной, на трудные подвиги обуреваемой жизни, покрыл наготу их одеждами более приспособленными к новому состоянию, облекши в кожаные ризы вместо смоковых листьев; некоторые понимают здесь, что и сама плоть Адама погрубела, из нетленной сделавшись тленной, ибо уже не могла питаться плодами райского древа жизни. Оно не могло быть полезно тому, кто был однажды отчужден от жизни Божьей, за дерзновенное желание найти в себе самом её независимое начало, носил внутри себя начало смерти, ибо в таком случае земное бессмертие утвердило бы его духовную смерть. Он должен был удалиться от древа жизни, не столько в наказание, сколько для сокращения наказания, доколе новое, крестное древо жизни, не принесет ему плодов бессмертия. Посему и Бог, опять сотворяя совет о судьбе человека, обличил дерзновенную мысль его сделаться богом:

«Вот Адам стал, как один из нас, зная доброе и злое, и ныне да не прострет он руки своей к древу жизни, чтобы, вкусив от плода его, не остался жив во веки.» Господь изгнал его из рая сладости возделывать землю, из которой взят был: – какое горькое обличение хотевшему быть богом! Бог поселил Адама против рая сладости, чтобы навсегда сохранялась в его сердце память прежнего блаженного состояния, с искренним раскаянием; но до определенного дня, в который отверзлись опять двери рая, Господь поставил Херувима, с пламенным оружием, охранять путь к древу жизни. Таковы три первые возвышенные главы священного Писания, в которых заключается таинственная повесть всей

судьбы человеческого рода, падения его и надежды искупления.

IV. Времена допотопные, 2256 лет

Так сильно было упование первых человек о грядущем Искупителе, что уже при рождении своего первенца, Каина, воскликнула Ева: «приобрела я человека Богом.» Но вопреки всех её надежд, сей Каин показал в себе высшую степень развращения рода человеческого, нуждающегося в Искупителе, и сделался убийцей брата своего Авеля, который, невинной смертью, преобразовал божественное страдание сего Искупителя. Каин возделывал землю, Абель же был пастырем овец, и верой принес Богу жертву лучшую, нежели Каин, и призрел Бог на дар его, а жертву Каина отвергнул. – Здесь, при самом начале повести о роде человеческом, мы уже видим приношение жертвы, о которой не упоминалось в раю, ибо тогда еще не прогневал человек Бога; но, вместе с падением, обнаружилась нужда умиловления, и кровь животных знаменовала божественную кровь единородного Сына Божия, которая одна только могла искупить мир от греха, сообщая таинственную силу и предобразовательным жертвам.

Огорчился Каин отвержением жертвы и, не смотря на благое предостережение Господа, который хотел, чтобы заглянул он в мрачное сердце и почувствовал свое недостойнство, позвал брата в поле и там убил его; но и после столь ужасного злодеяния, не хотел Господь смерти грешника, хотя изрекал клятву над ожесточенным. «Где Абель, брат твой?» спросил Он Каина; и услышав нераскаянный ответ: «разве я страж брата моего?» сказал: «глас крови брата твоего вопиет ко мне от земли! И ныне проклят ты на земле, которая отверзла уста свои, чтобы принять кровь брата твоего от руки твоей; когда будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником, и станешь скитаться по землею» – «Велико преступление мое и непростительно, воскликнул Каин, вот, Ты изгоняешь меня от лица земли, и от лица Твоего я скроюсь; буду изгнанником и стану скитаться по земле; всякий же, кто встретится со мною, может убить меня.» Но Господь сказал: «всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро» и положил на нем знамение, дабы никто, встретив его, не убил, и, чтобы угрозой ещё большей казни, сделать само убийство ненавистным роду человеческому.

Абель, как пастырь и начальник пастырской жизни, есть первый образ Христа, великого пастыреначальника жизни духовной, встречающийся нам в Св. Писании: ило и он принес жертву, приятную Богу, запечатленную собственной мученической кровью, и страдал от зависти

брата, как пострадал Спаситель от зависти братьев Своих человеков; как первородный брат Авеля, за его убийство, сделался изгнанником всей земли, так и первенец всех народов, Израиль, убивший Господа Иисуса, скитается пришельцем у всех народов, и носит на себе знамение кровь Христову, которую призвал на себя и детей, подобно как и кровь Авелева вопияла к Богу.

Бог даровал вместо Авеля благословенное потомство Адаму, в третьем сыне его Сифе; таким образом, от самого начала мира, уже являются два племени, одно избранное, называемое сынами Божьими, другое, идущее по стезям отца своего Каина, под именем сынов человеческих. Священный бытописатель, чтобы показать неразрывную цепь рода человеческого, от Адама до Христа, исчисляет поколение Сифово; оно замечательно долговечностью, по особенному промыслу Божию о размножении человеков, и потому, что сами жизненные силы ещё не истощились, умножением тления греховного. Адам жил 230 лет; до рождения Сифа, и потом еще семь сот до своей кончины, и жизнь Сифова объемлет 912 лет; но упоминая о его рождении, горькую истину возвещает Моисей: Адам, созданный невинным, по образу Божию, рождает, после грехопадения, Сифа, уже по виду своему и по образу, т. е. с порчей греха и тлением, которое еще более умножилось, когда сыны Божьи, т. е. потомки благочестивого Сифа, смешались в последствии с потомством Каина.

Таков ряд Патриархов допотопных, от племени Сифова: Енос, Каинан, Малелеил, Иаред, Енох, коего земные годы короче нежели у других; он только 365 лет оставался в дольном мире, но в краткие дни сии угодил Богу и, странствуя всегда пред лицом Его, более не обрелся на земле: ибо Господь живым преложил его в вечность, как некий благодатный пример того, что предстояло человеку, если бы не преступил заповеди Творца. Сын Еноха, Мафусаил, был самый долговечный из допотопных людей, прожив 969 лет; а Ламех, от него происшедший, предвидя грядущее бедствие вселенной, назвал сына своего Ноем, т. е. утешителем, ибо он должен был обновить, после потопа, род человеческий.

Моисей называет и некоторых потомков Каина, между коими произошли первые искусства. Дети Ламеха, Иувал и Фовел, изобрели, один гусли и цевницу (свирель), другой же кование меди и железа, а брат их Иовил был отцом живущих в шатрах со стадами. Когда же, от смешения сынов Божьих с дочерьми человеческими, обольстившими их красотой, возникли исполины, мужи именитые, полагавшие все упование на силу свою, Господь определил сперва время для их покаяния. Но видя, что развращение умножилось на земле и что всякий помышляет прилежно

одно лишь злое в сердце своем, во все дни жизни, Господь восскорбев сказал: «истреблю от лица земли человеков, сотворенных Мною, и не только их, но и скот, и гадов, и птиц небесных, ибо Я размыслил, что их создал.» Ной же обрел благодать пред Богом. Так, на языке человеческого, выразил священный бытописатель неисповедимый совет Божий, о обновлении первобытного растленного мира, волнами потопа, как некогда и сей второй мир, по словам Апостола Петра, обновится огнем, в день суда. (11Петр. III. 7).

Милосердя о Ное, как о грядущем родоначальнике человеков, Господь сказал ему: «время всякого человека пришло пред лице Мое, ибо земля исполнилась от них неправды; Я истреблю их с земли, и наведу на неё потоп водный, и все что есть на земле, лишится дыхания, но с тобою поставлю завет Мой.» Господь велел ему сделать ковчег, из древа негниющего, трехярусный, в триста локтей длины, пятьдесят ширины и тридцать вышины, чтобы он мог взойти в него, со всем семейством и ввести с собой, по семи пар чистых животных и птиц, способных в жертву, и по одной паре из всех нечистых птиц, животных и пресмыкающихся, с запасом пищи на все время потопа, для сохранения их рода. Испытатели природы находят, что все роды животных, какие могли находиться в ковчеге, простираются только до трех сот или не много более, и когда Творец их говорит, что они войдут в ковчег, бесполезно было бы затрудняться исследованием, каким способом собрались они в одно место. Не могло ли это быть произведено тайным внушением природы или предощущением, подобно тому, как и ныне некоторые животные ежегодно совершают отдаленные странствия? Священный повествователь заключает весьма кратко: «Ной сделал все, как повелел ему Бог», дабы показать, что нет никакой трудности, в исполнении известной и непреложной воли Божьей.

V. Потоп и обновление мира

Ной был шестисот лет от рождения, когда вошел в ковчег, с женой, тремя сыновьями, их женами, и с заповеданными ему животными, и после семи дней воды потопа пришли на землю. Здесь начинается страшная и величественная картина: разверзлись все источники бездны и хляби небесные открылись, лился дождь сорок дней и сорок ночей, и был потоп сорок дней и сорок ночей на земле; умножалась вода и подняла ковчег, ковчег же носился над землею; вода усиливалась более и более, так что покрылись все высокие горы, какие только суть под небесами, и вода поднялась еще на пятнадцать локтей над вершинами гор. Тогда погибла всякая плоть, двигавшаяся на земле, птицы и звери и гады и все люди, все, что имело только дыхание жизни на суше, погибло, от человека до скота все истребилось; остался Ной один и бывшие с ним в ковчеге; вода же возвышалась над землей сто пятьдесят дней.

Страшное сие зрелище греховного, потопляемого мира становится еще знаменательнее для нас, когда вспомним слова Искупителя, который предвидел нераскаянность многих, в последний день, столь же нечаянный для них, как и потоп для нераскаянных современников Ноя. «Сын человеческий, пришедши, найдет ли веру на земле?» (Луки XVIII. 8.) говорил Спаситель; «но как во дни пред потопом ели, пили, женились и отдавали замуж, до дня, в который Ной взошел в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, так будет и в пришествие Сына человеческого.» (Матф. XXIV. 38, 39.) Спасительный же ковчег Ноя есть благодетельный образ Церкви, которая соблюдет невредимо в лоне своем граждан мира сего, подобно как и Ной, сохраненный в ковчеге, населил землю, обновленную волнами потопа.

Изображению потопа, возрастающего и истребляющего, противопоставляется описание потопа прекращающегося, так, что в первом открывается действие правосудия, а во втором милосердия. Бог помянул Ноя и всех бывших с ним в ковчеге, навел ветер на землю и перестала вода; заключились источники бездны и хляби небесные, и удержался дождь; вода возвратилась в землю и шла обратно, умаляясь по ста пятидесяти днях; в месяц седьмой стал ковчег на горах Араратских, воды же упали до десятого месяца; тогда показались верхи гор, и через сорок дней открыл Ной окно своего ковчега.

Сперва пустил он ворона, который отлетел и прилетел, доколь не осушилась земля от воды; потом пустил голубицу, чтобы узнать, стекла ли

вода с лица земли, но голубица не нашла себе места упокоения; Ной принял её обратно, в окно ковчега, и помедлив семь дней, опять пустил её; к вечеру принесла она свежую масличную ветвь, как бы в знамение мира от бурной стихии, оставившей землю. Тогда Ной узнал, что воды стекли с лица земли, и через семь дней голубица, еще однажды выпущенная, более не возвращалась в ковчег. На шестисот первом году жизни Ноевой иссякла вода и во втором месяце осушилась земля; таким образом страшный потоп сей продолжался время целого года. Тогда вышел из ковчега Ной и все бывшие с ним, по новому повелению Божию, и первым его действием было устройство жертвенника Спасителю Богу, для торжественного всесожжения избранных из числа чистых птиц и скотов.

Высокого значения была сия первая жертва, как являет милостивое её приятие Господом, и обновление твари после потопа, вместо предшествовавшего осуждения. Достоинство жертвы состояло в том, что она, будучи всеобщей, от всего мира и за весь мир, была посему совершеннейшим прообразованием жертвы Христовой, который предал Себя за нас, в приношение и жертву, в благоухание Богу. (Еф. V. 2). И Господь, приняв благоухание жертвы Ноевой, сказал: «отныне Я уже не буду проклинать землю за дела человеческие, ибо помышление человека прилежит ко злу от юности его, и не буду более поражать всего живущего; но впредь, во все дни земли, сияние и жатва, холод и зной, зима и лето не пресекутся.» Так, Словом Божиим постановленные вначале законы естества, и после, Словом Божиим потрясенные, Им же опять восстанавливаются и утверждаются. Бог изрек опять над Ноем и детьми его благословение, данное некогда Адаму, о размножении потомства и обладании землей, но присоединил еще и то, чего не было сказано Адаму: «да страшатся и да трепещут его все звери и птицы»; ибо первый человек, в состоянии невинности, был владыкой твари; когда же внутреннее его достоинство уже не покоряло ему тварей, Бог обуздал их страхом и даже назначил в пищу человеку, что показывает также и некоторое изменение во всей природе, происшедшее после потопа.

Господь, заключая завет с Ноем и его потомством, положил знамение сего завета, дугу свою в облаках, дабы, когда наведет облако на землю и явится дуга сия, вспомнил Сам о своем завете и вода не сделалась бы губительным потопом. Здесь, после обновления земли, впервые является завет Бога с человеками, который, со стороны Творца, есть обещание сохранить творение, со стороны же человека – вера обещанию, выраженному знамением, и сие сопряжение невидимой вещи с видимым знаком, постигаемое верой, составляет отличительную черту и свойство

завета, без чего был бы простым благословением. Подобное сему свойство мы видим и в таинствах Церкви. Дуга же избрана знаком завета, не оттого будто бы восприяла начало только после потопа, но и для того, чтобы, сопутствуя обыкновенно дождю, и представляя образ начинающегося потопа, являла залог спасения в самом действии опасности, и умножала благодать искушением веры.

VI. Время от потопы до Авраама, 1192 года

Сыновья Ноя, вышедшие с ним из ковчега, были Сим, Хам и Иафет; от них населилась вся земля. Ной начал возделывать землю, впервые насадил виноград, и не зная силы нового плода, упился; обнаженный лежал он посреди шатра; Хам увидел наготу отца своего, и сказал о том двум братьям; но они, разостлав одежду, покрыли его спящего, и сами отвратили лица, во время сего благочестивого действия. Когда проснулся Ной и уразумел, что сделал меньшей сын его, в духе пророческом он сказал: «проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих» и доселе рабствует Африканское племя Хамово; над другими же сынами изрек он благословение: «благословен Господь Бог Симов, и да распространит Бог Иафета и да вселится он в шатры Симовы» и действительно, потомки Иафетовы заняли Европу, и вселились в удел старшего брата, в Азию, колыбель народов. Так далеко простиралось прорицание Ноя, предсказавшего судьбу грядущего мира, в лице трех сынов своих; он жил после потопы 350 лет, всех же дней его было 950.

Краткое исчисление первых потомков Ноя, по главным племенам, в сказании Моисеевом, имеет ту пользу, что пролагает путь к разумению пророчества Ноева, и постепенно вводит в историю народа Божия. Начиная Иафетом и заключая старшим племенем Сима, от которого произошли Евреи, бытописатель именует только тех, которые оставили имена свои странам и народам, достойным особенного внимания по их судьбе, прошедшей или будущей.

Тогда еще вся земля имела один язык. Люди, двинувшись к востоку, поселились в равнинах Сennaарских, и умыслили построить град и столп, высотой до небес, чтобы сделать себе имя, прежде нежели разойтись по лицу всей земли. Но Господь снисшел видеть град и столп, который воздвигала суетная гордость сынов человеческих, и положил ей предел, нарушением единства, направленного к славолюбию; предупреждая умножение зла, против которого уже не хотел посылать опять потопы, смешал Он языки человеков и разсеял их по лицу земли.

Имя Вавилона, т. е. смешения, донныне сохранившееся граду сему, противопоставляется в Св. Писании Иерусалиму, граду мира, как селение Антихриста, ибо основано желанием сотворить себе имя более, нежели человеческое, дабы поставить оное на место имени Божия. А Церковь, вспоминая в песнях своих смешение языков, бывшее в Вавилоне при разделении народов, противопоставляет ему благодатное раздаяние

огненных языков Апостолам, которые, именем Христовым и Духом Святым, собрали опять воедино Божью вселенную.

Отселе продолжается в Св. Писании, уже не общая история рода человеческого, но частная, того избранного племени Еврейского, которому вверено было хранение истинной веры и чистых преданий, о грядущем Искупителе, доколе Он не явился в мир и вера сия не сделалась достоянием всех языков. Таковы родоначальники народа Еврейского, от Сима до Аврама, коих годы постепенно уменялись после потопа: Сим жил еще 600 лет, Арфаксад, сын его, уже не более 465; за ними следовали Каинан, Сала, Евер, от которого возникло имя Евреев, Фалек, Рагав, Серух, Нахор, Фарра, отец Аврамов. При нем начались странствования Патриархов, возванных Богом из земли Халдейской, от смешения народов, чтобы, через добровольное изгнание, сохранились от заблуждений своего времени. Дом Фарры был уже недалек от своей гибели, когда Бог простер к Авраму слово благодати и спасения.

VII. Призвание Авраама

«Изыди от земли твоей и от рода твоего, и иди в землю, которую укажу тебе, и Я произведу из тебя народ великий, и возвеличу имя твое и будешь благословен; благословляющих тебя благословлю и прокляну клянущих тебя, и в тебе благословятся все племена земные» – Так сказал Господь Авраму и пошел Аврам, как сказал ему Бог. Какое смирение, какая твердая вера и совершенная покорность воле Божьей! Аврам оставляет родину и идет не зная сам куда, в страну, которую еще ему укажут. Апостол Павел говорит, что его странствование было хождение верою, в ожидании будущего града, которого зодчий есть Бог, искание отечества небесного. (Ев. XI. 8–16.) Потому и обетования были свыше всего земного: как в Адаме весь род человеческий подвергся клятве, так и в Аврааме, т. е. в Том, кто должен был от него произойти, в Иисусе Христе, обещано благословение всем народам, ибо Авраам, по вере своей, сделался отцом всех верующих.

Семидесяти лет вышел Аврам из земли Харранской в неведомый путь, взял с собой жену свою Сару, племянника Лота и все имение. В земле Ханаанской явился ему Господь и обещал дать землю сию его потомству, и Аврам, соорудив жертвенник на месте явления, продолжал путь к полудню. Тогда постигло его первое искушение: возник голод и он удалился в Египет.– Опасаясь, чтобы красота жены не навлекла на него меч грубых Египтян, он просил её называться сестрой, (ибо Сара действительно была ему сестра по отцу). Вельможи Фараоновы взяли её в дом царский; но тяжким наказанием поразил Господь Фараона и дом его, ради Сары, доколе не возвратил её невредимой, со всем достоянием, супругу, который, оставив Египет, поселился в Вефиле.

Богатство стад его и племянника Лота не позволяло им жить вместе, и когда от сего возникла распря между их пастырями, Аврам сказал Лоту: «да не будет распри между единокровными; не вся ли земля пред тобой? Отделись от меня, если ты на лево, то я на право, если же ты на право, я на лево». Лоту понравилась красота долины Иорданской, тогда еще орошаемой многими водами, как бы некий цветущий сад, и он двинулся к востоку; Аврам же остался жить в земле Ханаанской. Тогда опять явился ему Господь и сказал: «возведи очи твои от места, на котором ты теперь, и посмотри к северу и югу, востоку и западу, ибо всю землю, которую ты видишь, дам тебе и твоему потомству навсегда, и потомство дам тебе, как песок земной; если кто может счесть песок земной, сочтет и твое

потомство.» Аврам, поселившись у дуба Мамврийского в Хевроне, выразил опять благодарность сердца, созданием жертвенника Богу, а бесчисленное потомство его, плотское и духовное, свидетельствует и поныне истину сего пророчества.

Случилось, что пять Царей, Содома, Гоморы и других городов, выступили на брань против поработившего их Царя Эламского, с его союзниками, и вновь побежденные, достояние же их сделалось добычей врагов; пленен был и Лот, живший в Содоме. Услышав о том, Аврам, с тремя стами восемнадцатю своих домочадцев, напал ночью на неприятелей, которых преследовал до Дамаска, и освободил племянника, со всем его имуществом. Царь Содомский вышел к нему на встречу, а Царь Салимский Мелхиседек, Священник Бога Вышнего, принеши ему хлеб и вино, изрек над ним благословение: «благословен Аврам от Бога Вышнего, создавшего небо и землю, и благословен Бог Вышний, который предал врагов твоих в руки твои.» Аврам же дал ему десятую долю всей добычи.

Весьма таинственно лицо Мелхиседека, Царя правды, Царя мира, по значению его имени, и сие благословение хлебом и вином, во имя Бога Вышнего. Давид, воспевая в псалмах своих Сына Божья, говорит: «Ты Священник во век, по чину, т. е. по подобию, Мелхиседекову», (СІХ. 4) и это не может быть отнесено ни к какому человеческому лицу, ибо никто не может быть священником вечно. Апостол Павел, в послании к Евреям (VII) уподобляет также Мелхиседека Сыну Божью, неисповедимому родом, вечному Первосвященнику; ибо и у Моисея, не без высокой причины, опущено повествование о роде Мелхиседека, и он представляется, без отца, без матери, без родословия, так что не видно ни начала дней его, ни конца жизни, для большего подобия со Христом; а в хлебе и вине, которые принес он Авраму, созерцают Св. Отцы и самый образ безкровной жертвы. – Так рано уже, в Св. Писании, начинают проявляться образы грядущего Искупителя.

Царь Содомский предложил Авраму сохранить себе всю добычу, возвратив ему только людей; но отец Евреев безкорыстно возвратил все и поклялся Богом Вышним, что никому не позволит хвалиться обогащением Аврама, ибо он относил все свое благосостояние к единому Богу. И Бог опять сказал ему в ночном видении: «не бойся, Я твой щит, награда твоя весьма велика.»

Тогда Аврам, с детской доверенностью, излил пред Господом тайный помысел своего сердца: «Господи, что ты дашь мне? Я бездетен, и вот домочадец мой будет моим наследником.» Но Господь отвечал ему: «не он, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником»,

и изведши его из под крова, сказал: «воззри на небо и изочти звезды, если можешь счесть их: – таково будет твое потомство.» Поверил Аврам Богу, и Бог вменил ему сие в праведность, ибо началом и концом таинственного руководства Божия была вера, сущность коей есть безусловное предание ума и воли своей Богу, сверх всякого упования; посему и вменилась такая вера в великую заслугу и праведность Авраму; ближайшим же её предметом представлен был ему тот, кто произойдет из чресл его – Исаак, образ грядущего Христа.

VIII. Завет Божий с Авраамом

Укрепленный верой, услышав еще однажды от Господа, что земля Ханаанская дана ему в наследие, он просил знамения, как бы залога на обладание сею землей, и знамение, сопровождаемое страшным видением, обратилось в завет между Богом и Авраамом. По велению Господа рассек он трехлетних телицу, козу и овна, и положил их друг против друга; налетели на трупы хищные птицы, которых отгонял, доколе при заходе солнца погрузился в сон; тогда напал на него ужас и мрак великий, и услышалось слово Господне: «ведай, что потомки твои будут пришельцами в земле чужой, в порабощении и угнетении четыреста лет; но я произведу суд над народом, у которого будут они в порабощении, и после сего выйдут они с великим богатством; ты же отыдешь к отцам твоим в мире и погребен будешь в старости доброй; в четвертом роде возвратятся они сюда, ибо мера беззакония Амморейского еще не исполнилась.» Наконец, когда зашло солнце, был мрак и дым, как бы от печи, и светильник огненный прошел между рассеченными животными. В сей день заключил Господь завет с Авраамом, употребив обряд, свойственный при союзах человеческих, ибо прохождение между рассеченными половинами животных, знаменовало, что как сии рассеченные составляли прежде одно тело и имели одну жизнь, так обе союзные стороны обещают руководиться одним духом и составлять одно общество.

Не смотря однако на обетования Божьи Авраму, Сара, жена его, оставалась неплодной; опасаясь быть виной безчадия супруга, она убедила его разделить ложе с египтянкой Агарью, от которой родился ему сын Измаил. – Но, еще прежде его рождения, уже стала превозноситься рабыня над госпожой, и преданная Аврамом на волю оскорбленной Сары, бежала от лица её в пустыню. Там, у источника, нашел её Ангел и велел возвратиться с покорностью, обещав ей многочисленное потомство в сыне Измаиле: «дикий человек будет он между людьми, сказал Ангел, руки его на всех и руки всех на нем, и вселится он пред лицом братьев своих.» – Событие сего предсказания видим мы в воинственном роде Арабов, и оно простирается до Магомета, потомка Измаилова, который с оружием вселился пред лицом новозаветных чад Аврама.

Авраму было девяносто девять лет от рождения, когда опять явился ему Господь, и сказал: «Я Бог всемогущий, ходи пред лицом моим и будь непорочен; Я поставлю завет мой между мною и тобою, и умножу тебя;

отныне ты не будешь называться Авраамом, но Авраам будет имя твое, ибо тебе положил Я быть отцом многих народов, и цари из тебя изыдут; поставлю завет вечный с тобой и твоим потомством, и буду Богом твоим и твоего потомства, и дам ему в наследие вечное землю, по которой странствуешь. Ты же соблюди завет мой и племя твое, после тебя, да соблюдет из рода в род, чтобы всякий восьмидневный младенец, мужского пола, был обрезан; знамение сие да будет на теле вашем заветом вечным; необрезанный же отсечется от народа своего, ибо нарушил завет Мой.»

Наружное обрезание плоти было таинственным видом духовного обрезания сердца, от всех страстей ветхого греховного человека, и знамением будущего крещения, чрез которое совершенно возрождается обновленный человек. «Не тот Иудей, говорит Апостол Павел, который таков только наружно, и не то обрезание, которое совершается только наружно над плотью; но тот Иудей, который таков втайне, и то обрезание, которое совершается над сердцем по духу, а не по букве» (Рим. II. 28, 29). Плод же обрезания есть вступление в завет с Богом и наследование его обещаний.

И Сару благословил Бог именем Сарры, т. е. госпожи множества, обещав Аврааму, что от нее собственно родится ему сын и произойдут народы и цари народов. В радостном изумлении пал Авраам на лицо свое, помышляя сам в себе: как у столетнего старца и девяностолетней жены возникнет еще племя? Довольный Измаилом, он просил только Господа, чтобы сын сей остался жив пред лицом его; но Господь, проникнув помысел Авраама, ответствовал: «воистину Сарра, жена твоя, родит сына Исаака, и с его потомством поставлю Я завет вечный; от Измаила же произойдет народ великий и двенадцать князей от него родятся, но не завет Мой с Исааком.» – Так разрешилось радостное недоумение Авраама, пораженного величием обетований и избытком благословений Божьих. В тот же день обрезал он Измаила и всех рожденных в доме своем, и всех купленных у иноплеменников, мужского пола; обрезал и сам себя, не смотря на столетний свой возраст, для исполнения заповеди Божьей, и в залог рождения Исаакова.

Опять явился Господь Аврааму, у дубравы Мамврийской, когда он сидел, во время зноя дневного, пред дверьми шатра. Здесь священный повествователь почел нужным предварить, о явлении самого Бога, ибо в сказании его представляются три мужа, которым говорил Патриарх, как одному. Некоторые Св. Отцы полагают, что один из сих таинственных мужей был Сын Божий, ибо он изрек суд над Содомом, другие же два были только Ангелы совершители суда. Но Церковь издревле приняла

обыкновением представлять тайну Св. Троицы, в образе трех Ангелов, явившихся Аврааму. – Патриарх возвел очи свои, и вот три мужа стоят пред ним; он устремился на встречу их, и поклонившись до земли, сказал: «Господи, если обрел я благодать пред Тобою, не пройди мимо раба Твоего. Да принесется вода, и омоются ноги ваши и вы прохладитесь под деревом, а я принесу хлеба, чтобы подкрепить сердце ваше; потом же пойдете в путь ваш, ибо для сего и проходите вы близ раба своего.»

Услышана была страннолюбивая молитва Авраама, которую поставляет благим примером Апостол Павел: «ибо некоторые, пишет он, страннолюбием оказали гостеприимство Ангелам, сами не ведая того» (Евр. XIII. 2). Патриарх поспешил в шатер свой, чтобы велеть супруге приготовить хлеб, и в стадо, чтобы заклать тельца и принести оттоль масло и молоко; он предложил их таинственным пришельцам, а сам с благоговением стоял пред ними, под сенью дуба. Тогда первый из них, спросив старца о Сарре, сказал, что в течении года опять посетит их и родится ему сын. Рассмеялась Сарра, услышав такое обещание сквозь двери шатра, ибо она и супруг её уже заматорели в годах; но Господь сердцевидец сказал Аврааму: «для чего рассмеялась Сарра? Разве может быть что либо трудное для Господа? Истинно в назначенный срок родится у нее сын»; так обличилась хотевшая, ради страха, утаить смех свой.

Небесные мужи встали и обратились к Содому. Авраам провожал их, и здесь является неизреченное милосердие Господа к Патриарху, с которым беседовал как с другом, и долготерпение Божье к грешникам, ради немногих праведных. «Утаю ли от Авраама, раба Моего, что хочу совершить?» сказал Господь, «ибо в нем благословятся все племена земные, и Я стал знать его ради того, что заповедает он сынам своим, после себя, ходить путем Господним, и творить суд и правду, дабы исполнилось над ними все, что Я сказал о нем! Умножился предо Мною вопль Содомский и Гоморрский, и грехи их весьма тяжки; низшедши узрю, довершилось ли у них то, о чем восходит до Меня вопль?» т. е. достиг ли Содом крайней степени своих беззаконий, так что долготерпение Божье сделалось бесполезно и исправление невозможно. – Посещение Содома нужно было для избавления Лота, а вид нерешительный, принятый Господом, вызывал Авраама к ходатайству за Лота и внушал дерзновение грядущим праведникам предстательствовать за братьев, восполняя верой своей их недостойнство.

Два Ангела уже шли к Содому; Авраам же еще стоял пред лицом Господа и приблизившись сказал: «неужели погубишь Ты праведного с нечестивыми? Может быть найдется в городе том пятьдесят праведных?

Неужели не пощадишь места ради пятидесяти праведных? – Судия всей земли поступит ли неправосудно? И милосердно отвечив на дерзновенную молитву: «если найду в Содомах пятьдесят праведных, пощажу ради них место.» Умножилось дерзновение Авраама: «осмелюсь ли еще говорить с Господом моим, я, который земля и пепел? – может быть не достанет пяти праведников до полноты пятидесяти: неужели за сей недостаток истребишь весь город?» – и опять услышал милостивое слово: «не истреблю ради сорока пяти праведников». «Если же обретутся там только сорок?» продолжал молиться Патриарх, «не истреблю и ради сорока», отвечив Господь. «Да не прогневается Господь мой, если еще скажу слово, воззвал опять и опять Авраам: что если там найдется их только тридцать? Что если двадцать? Что если десять?» и на каждый человеколюбивый вопрос, слышал столь же человеколюбивое слово: «не погублю». После сего престал Господь беседовать с Авраамом; но в Содоме, созревшей к гибели, не нашлось и десяти праведных, ради коих мог бы спастись.

IX. Казнь Содома

Вечером пришли два Ангела в Содом, когда Лот сидел у ворот города; движимый тем же духом страннолюбия, как и Авраам, он встал в сретение им и поклонившись до земли, умолял их войти в дом его, чтобы омыть ноги свои и отдохнуть, а на утро продолжать путь. Отрекались небесные странники, испытывая добродетель Лотову, и наконец согласились на убедительный зов его. Но еще не предались они покою, как внезапно все люди Содомские, от юноши до старца, обступили с шумом дом Лота, требуя, чтобы выдал пришельцев их неистовству. – Ужаснулся праведник и, выступив за двери дома, умолял народ не делать поругания гостям его, но тщетны были моления Лота; разъяренный народ с воплем наступал и хотел выломать двери. Тогда обнаружили себя небесные гости, и приняв Лота во внутренность дома, поразили слепотой неистовствовавшую толпу. – Испытав довольно добродетель старца, они спросили его: «не имеет ли кого из близких в городе, чтобы спасти их от гибели, предстоящей Содому?» но Лот не мог убедить, даже и двух нареченных женихов дочерей его, бежать от предстоящей гибели.

Так и последнее призвание милосердия Божья оказалось бесполезным для Содомлян! Взошла заря, Ангелы стали понуждать медлившего Лота, чтобы не погиб с беззаконными; они вывели его за руки, с женой и детьми, из стен города, строго запретив им озиаться вспять. Чувство сострадания, одушевлявшее Авраама, отразилось и в Лоте. «Господи, сказал он Ангелам, повелевавшим ему бежать в горы, не успею спастись на гору; но вот ближе есть малый город, позволь мне там укрыться, чтобы не застигла меня беда сия на пути; не малый ли этот город? – там пусть сохранится жизнь моя». И Господь отвечал: «сотворю тебе и сию милость; не погублю города ради твоей молитвы, но не медля в него спасайся.»

Солнце взошло над землей, Лот пришел в Сигор. Тогда Господь послал на Содом и на Гоморру серный, огненный дождь, и истребил города и всех жителей, всю равнину и все произрастения земли; доселе сохранилось свидетельство сей страшной казни в долине Иорданской, где мертвая пучина, смрадными, неподвижными волнами, тяготеет над цветущей некогда страной, навлекшей на себя гнев Божий.

Но и малом числе спасаемых из Садома, явилась преступница заповеди Божьей; жена Лотова оглянулась на Содом и за сие пристрастие к жилищу разврата, обратилась в соляной истукан, на память грядущим родам. – Утром пришел опять Авраам на то место, где накануне стоял пред

лицом Господа; он воззрел к Содому и Гоморре и на окрестную страну, и увидел только дым, восходящий от земли, как дым печной. – Так исполнилась мера беззакония и совершилась казнь! Содом и Гоморра, по словам Апостола Иуды (ст. 7) предлежат нам в пример и знамение огня вечного; день же исшествия Лота от Содомлян, Господь И. Христос уподобляет дню своего явления и повелевает вспоминать жену Лотову; (Лук. XVII. 28–32) ибо, как говорит Он в другом месте, «никто взявшись за соху и оглядываясь назад не управит себя в царствие Божие» (Лук. IX. 62.)

Искушение постигло Лота, едва только усомнился он обрести безопасность в том малом городе, которому сам испросил спасение. По малодушию оставил он Сигор, с двумя дочерьми, и стал жить в пещере горной; но там безумная мысль обуяла их сердце, ибо они почитали себя, как Ной с его семейством, остатками от всего человеческого рода, и хотели незаконно возстановить свое племя.

И Авраама, удалившегося от видения казни Содомской к полудню, в землю Герарскую, постигло искушение, подобное тому, какое с ним случилось в Египте. Оно научает нас, что и величайшие праведники могут иметь такие же преткновения, в исходе пути своего, какие и в начале, и что вера их, иногда и после яснейших обетований, имеет временное помрачение. Опять возмутил страх сердце Патриарха, и он назвал жену свою сестрою, и опять владетель земли, куда уклонился, взял её в дом свой, хотя уже не за красоту, а вероятно для брачного союза с могущественным домом Авраама. Но Господь посетил, в ночном видении, Царя Авимелеха и грозил смертью за Сарру, если не возвратит её супругу, дабы тот о нем помолился. В простоте сердца исповедал Авимелех свою невинность пред Господом, который удержал его от греха, ради чистоты намерения, и на утро, в присутствии всех домашних, Царь упрекал Авраама за наведенную на него опасность. Он возвратил ему супругу, со многим богатством, и предложил место для жительства; молитва же праведника исцелила Царя и весь дом, от приразившегося им неплодия.

Х. Рождение, жертва и брак Исаака

Наконец, после столь долгих ожиданий, разрешил Господь бесплодие Сарры, и в предсказанное время родила она сына столетнему Аврааму, который назвал его Исааком и обрезал, по заповеди, в восьмой день. Сарра, увидев однажды сына Египтянки Агари, смеющегося над её младенцем, убедила Патриарха изгнать отрока Измаила, чтобы не наследовал с сыном её, и хотя слова сии показались жестокими Аврааму, однако Бог велел ему исполнить волю Сарры, ибо в одном Исааке обещал даровать ему благословенное племя; потому заблаговременно и отделял избранный род сей от потомков рабыни. Агарь и Сарра, по толкованию Апостола Павла, знаменовали два завета, ветхий и новый (Гал. IV. 24).

Рано утром Авраам, взяв хлеба и мех воды, положил на плечи Агари и отпустил её с отроком Измаилом; Агарь заблудилась в пустыне, и когда оскудела у неё вода, положив отрока под одиноким деревом, она отошла, чтобы не видеть смерти его, и плакала горько. Но Господь услышал в пустыне голос плача; Ангел подкрепил её, указав источник и она освежила водой умиравшего от жажды отрока. Возросший Измаил стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука и отцом великого народа, по обещанию Божию, повторенному Ангелом Агари.

Вскоре Авимелех, Царь Герарский, видя благословение Божье, пребывающее на Аврааме, заключил с ним союз клятвенный, что, ради данного ему гостеприимства, не обидит он его потомства, и по жалобе Авраама возвратил отнятый у него колодезь, который был назван клятвенным. Авраам насадил при нем рощу, призвав имя Господне, и многие годы обитал пришельцем в земле Филистимской.

Ещё одно тяжкое испытание предстояло Аврааму, чтобы вполне обнаружилась твердая вера его в обетования Божьи; Господь, искушая его, велел ему взять единственного, возлюбленного сына, от коего обещал ему племя, идти в землю Морию, и там принести его во всесожжение, на одной из гор, которую ему укажет, и нимало не усомнился Авраам исполнить столь горькое повеление, разрушающее все его надежды. Рано утром он взял с собой двух рабов и Исаака сына своего, приготовил дрова для всесожжения и пошел в путь; на третий день, увидел издали место указанное Богом. Тогда сказал он служителям, не веря сам истине слов своих: «останьтесь здесь, доколе возвратимся, а я с сыном пойду на поклонение Богу», и возложив дрова всесожжения на Исаака, взял с собой нож и огонь; вместе пошли отец и сын, жрец и жертва, но ещё не довольно

было сего испытания родительскому сердцу. – «Отец мой!» воззвал к нему на пути отрок, идущий на жертву, и горько отозвался ему отец, готовый совершить её: «что, сын мой?» повторением сего сладостного имени, ещё сильнее воображая себе предстоящую утрату. «Вот огонь и дрова, спросил с детской доверенностью Исаак, где же агнец во всежжение?» – и опять отвечал ему скорбящий духом отец, не зная знаменательной силы слов своих: «Бог усмотрит для себя агнца во всежжение, сын мой»; – они безмолвно продолжали путь.

Когда же пришли на место, указанное Богом, Авраам создал жертвенник, разложил дрова, и связав Исаака, вознес его на жертвенник, а сам простер руку, чтобы заколоть сына своего; но здесь окончилось испытание Господа, не искушающего свыше сил человеческих. Ангел воззвал с небес: «Авраам, Авраам!» и запретил ему возлагать руку на сына, ибо познал Бог всю полноту веры, не пожалевшей едиnorodного для исполнения заповеди. Авраам увидел овна, запутавшегося рогами в чаще леса, и принес его во всежжение вместо сына.

«Мною клянусь, сказал ему именем Господним Ангел, за то, что Меня ради не пожалел ты сына возлюбленного, благословляя благословлю тебя и умножая умножу племя твое, как звезды небесные и как песок на краю моря, и наследует семя твое грады врагов твоих, и благословятся в Семени твоём все народы земные, за то, что ты послушался гласа моего.» Так возвратился Авраам к служителям своим, вместе с сыном, как обещал им, и поселился опять у колодезя клятвенного.

Принесение сына в жертву было торжеством веры Авраамовой и окончанием духовного воспитания отца верующих. Простота, с какой Моисей изложил происшествие столь поразительное, свыше всякого искусства, потому что он умел приблизить к нашему разумению такие чувства и деяния, для изображения коих недостаточен язык человеческий. – Апостол Павел называет повесть сию «притчею воскресения мертвых» (Евр. XI. 19) ибо смерть и воскресение Христово есть самое близкое и верное её разрешение. – Авраам, из любви к Богу, жертвует ему единственным сыном, и Бог из любви к человекам «не пощадил Сына своего едиnorodного, и за нас всех предал его» (Иоан. III. 16. Рим. VIII. 32.) На Исаака возлагаются дрова, на коих должен быть принесен в жертву; Иисус же, несущий крест, потом и Сам возносится на кресте, и подобно как Исаак, в течении трех дней, закалаемый решительным произволением отца своего, приемлет жизнь свыше, так Иисус, умерщвленный по плоти, возстает тридневно из гроба. Жертва Исаака призвала обильнейшее благословение на потомство Авраамово, а жертва Христова привлекла

безчисленные благословения на всю Церковь и весь человеческий род.

Немного лет спустя умерла Сарра, в земле Ханаанской, и Авраам, оплакав её, обратился от лица умершей своей к сынам Хетовым, чтобы как странник приобрести себе место для гробницы, в той земле, которая предназначена была его потомству. Долго не соглашались на то сыны Хетовы; уважая Патриарха как князя Божия в народе своем, они предлагали ему избрать себе погребальную пещеру; но отец Евреев не захотел смешать праха близких своих, с прахом чуждого племени, и купил ценою серебра место, предлагаемое ему в дар, утвердив свидетельством обладание оным на будущие роды.

Чувствуя старость свою, Авраам еще при жизни хотел устроить сына Исаака, чтобы, брачным союзом с иноплеменными, не смешался избранный род его. Клятвой обязал он домоправителя своего Елезара, что не избрет Исааку жены Хананейской, но пойдет за невестой в родственную Месопотамию, и обещал Ангела путеводителя послушному рабу.

С десятью верблюдами и сокровищами господина своего поднялся в путь домоправитель, в город брата Авраамова, Нахора, и там, остановясь к вечеру у источника, молил Бога Авраамова споспешествовать ему. «Вот, я стою у источника, говорил в простоте сердца верный служитель, и дочери жителей города исходят почерпать воду: сделай, чтобы та, которая предназначена Тобой Исааку, когда попрошу её склонить водонос и напоить меня, предложила бы мне напоить и моих верблюдов.» – Ещё не окончил он тайной молитвы, как вышла с водоносом Ревекка, дочь Вафуила, сына Нахорова, прекрасная лицом, и благосклонно напоила раба Авраамова и его верблюдов.

В благоговейном молчании внимал он, устроит ли Господь путь его? И когда напились верблюды, предложил деве золотые серьги и запястья, спросив её, кто она и есть ли ночлег в доме её родителей? – Услышав же имя родственное Аврааму, он благословил Бога, оказавшего милость господину его. Ревекка предварила своих о пришельце, и брат её Лаван поспешил к нему на встречу до источника, пригласил в дом, разседлал его верблюдов, и умыв ноги гостю, предложил ему трапезу. Но верный служитель не хотел прикасаться яствам, доколе не исполнит воли своего господина, и рассказав о данной им клятве, и тайной молитве у источника, спросил семейство Нахорова, согласно ли оно исполнить желание Авраама? Лаван и Вафуил приняли сей случай за дело Провидения и нарекли Ревекку невестой Исааку. Тогда домоправитель наделил её и все семейство богатыми дарами, и вкусил гостеприимной трапезы; на утро же

просил отпустить с ним невесту, чтобы скорее исполнить порученное ему Авраамом, и Ревекка не убоялась ни дальнего пути, ни скорой разлуки с близкими, ибо чувствовала свыше тайное призвание.

Исаак обитал в пустыне, около кладезя видения Агари; однажды, когда при наступлении вечера, вышел в поле для размышления, он увидел вдали идущих верблюдов. – Увидела его и Ревекка и спросила служителя Авраамова, кто сей идущий к ним на встречу? Услышав же имя жениха своего, стыдливо опустила покрывало на лицо; Исаак ввел Ревекку в бывший шатер своей матери и, ради возлюбленной невесты, утешился о её кончине.

XI. Смерть Авраама; неприязнь детей Исаака

И Авраам, не смотря на мастистую старость, взял еще себе жену по смерти Сарры, именем Хеттуру, от которой родились ему пять сыновей, и произошло многочисленное потомство, ибо Господь, обещавший ему неизчислимое племя, обновил силы его, как юность орла, после столетнего бесплодия, разрешенного рождением Исаака. – Но Патриарх, еще при жизни, отдал все свое имение Исааку; Измаила же и прочих сыновей, наделив дарами, отпустил в землю восточную, чтобы обетованная земля оставалась для них неприкосновенной. Сто семьдесят пять лет было всей жизни Авраамовой, когда изнемог, исполненный дней, и присоединился к отцам своим. Исаак и Измаил погребли его близ Сарры, в пещере, купленной им в Хевроне, против дубравы Мамврийской, где столь долго обитал и где являлся ему Господь. – Первый поселился у кладезя видения, второй же, с своим племенем, от пределов Египта даже до Ассирии, пред лицом братьев, по жребию Божью.

Исаак уже достиг шестидесятилетнего возраста, но пребывал еще бездетным, подобно отцу своему, чтобы и его вера искусилась. Он помолился о разрешении неплодия жены своей, и услышана была его молитва; двух близнецов зачала Ревекка, и утроба её возмутилась их игранием; страждущая мать спросила Господа, о судьбе их, и услышала, что два различные народа произойдут из утробы её, один сильнее другого, и больший поработится меньшему. Родились близнецы, Исав и Иаков: первый смуглый и косматый, как руно, второй же изшел, держась за пята брата своего; они выросли вместе; но Исав, искусный в ловитве, скитался в пустыне, и его любил Исаак; кроткого же Иакова, обитателя шатров, полюбила Ревекка, предчувствуя его избрание. Однажды утомленный Исав, возвратясь с поля, просил брата утолить голод его красным брашном, от чего и прозван был Эдомом, т. е. красным; но Иаков требовал за то право первородства, и чувственный Эдом уступил их для угождения чреву; он утвердил клятвенно права свои за младшим братом, который, конечно, не без тайного промысла, приобрел их себе, как избранный в родоначальники Мессии.

Голод побудил Исаака удалиться в пределы Царя Филистимского Авимелеха, и он последовал внушению Божию не идти далее в Египет, но странствовать в той земле, которая обещана была его потомству; явившийся Господь подтвердил ему клятву, данную Аврааму, о умножении его потомства и о том благословении, которое

распространится на все народы земные, чрез его Семя, за то, что послушал гласа Божия и соблюл Его заповеди. Но в Гераре едва не случилось с Исааком искушение, подобное родительскому, когда, избегая опасности, утаил от жителей страны, что Ревекка жена ему. Сам Авимелех, нечаянно удостоверясь в истине, со страхом призвал Исаака, и упрекая его в недостатке доверенности, под смертной казнью, запретил народу своему оскорблять пришельца.

Между тем благословил Бог жатву и стада Исааковы, так, что возбудилась зависть Филистимлян. Они завалили землей все колодези, ископанные еще Авраамом, и Авимелех просил его удалиться, ибо он становился могущественнее самого Царя. Исаак перенес шатры в долину Герарскую и обновил там все колодези отца своего, возвратив им древние названия. В ночном видении явился ему опять Господь и сказал: «Я Бог Авраама отца твоего, не бойся, ибо Я с тобою и благословлю тебя, и умножу потомство твое, ради Авраама раба моего.» Там воздвиг Исаак алтарь Богу, и призвав имя Его, ископал колодезь, и туда пришел к нему Авимелех Герарский заключить союз клятвенный, ибо видел, что благословение Божие пребывало с Исааком, который назвал место сие кладезем клятвенным.

Исав, старший сын Исаака, взял себе в жены двух иноплеменниц, которые были в тагость его родителям, и Провидение Божье, тайными путями, лишило недостойного прав первородства, столь невнимательно проданных им брату. Когда уже притупилось зрение Исаака и начал он помышлять о смерти, старец хотел благословить старшего сына, но велел ему прежде принести себе ловитву с поля и приготовить любимую его пищу, чтобы принять над нею благословение родительское; быть может хотел он, по тайному внушению, испытать ловитвою, следуют ли еще Исаву права, проданные им однажды по недостатку ловитвы. Другое внушение пробудилось в сердце Ревекки: услышав, что послан за добычей Эдом, она призвала младшего сына Иакова и велела ему поднести, вместо брата, любимую пищу отцу, которую сама для него изготовила: отрекался Иаков, боясь, обличением обмана, навлечь на себя проклятие вместо благословения, но мать одела его в богатую одежду Исаву, а руки и гладкую шею обложила кожей молодых козлов, чтобы показался косматым, подобно брату.

Он вошел с пищей к старцу и, назвавшись именем Исаву, просил благословения. Не доверял Исаак ни скорой ловитве, ни голосу сына; он хотел еще коснуться тела его и, ощутив руки, воскликнул: «голос, голос Иакова, а руки, руки Исаву!» Тогда вкусив пищи, обнял сына и изрек над

ним благословение: он молил Господа даровать ему, от росы небесной и от тучности земной, множество пшеницы и вина, чтобы он был господином брату своему, и покорствовали ему народы, проклинаящие его были бы прокляты, а благословляющие благословены.

Но едва вышел Иаков, как возвратившийся с ловли, Исав, принес также пищу и просил себе благословения у отца. Вострепетал Исаак, услышав голос первородного: «кто же был прежде тебя? Спросил он, я благословил его и с ним пребудет мое благословение.» Горько восплакал Исав, угадав братнюю хитрость; невольное сознание, о продаже первородства, исторглось из уст его: «неужели ты не оставил мне благословения?» воскликнул он к отцу, но Исаак отвечив: «вот я поставил его господином над тобой и обещал ему обилие пшеницы и вина, что же сделаю для тебя, сын мой?» – «Благослови и меня, продолжал взывать к нему, с горьким воплем Исав; неужели одно только и было у тебя благословение?» – Умилился Исаак и сказал в утешение сыну: «вот будет в местах обитания твоего тучность земли и роса небесная; но ты станешь жить мечем своим и будешь рабом брату твоему; однако придет время, когда ты свергнешь иго его с выи твоей.» – Возненавидел Исав брата своего, за похищенное благословение: он ожидал только смерти родителя, чтобы отмстить ему; но заботливая мать, услышав угрозы, призвала меньшего сына и велела ему бежать на время в Харран, к брату её Лавану, доколе не утихнет гнев Исава.

Ревекка сказала мужу своему: «я не рада жизни от дочерей Хананейских, если же Иаков возьмет себе из них жену, подобно Исаву, то что мне в жизни?» Посему старец, призвав Иакова, заповедал ему: не брать себе жены из дочерей Хананейских, но благословил идти в Месопотамию, в дом матери своей, и взять за себя одну из дочерей брата её Лавана; «Бог же всемогущий умножит тебя в сонмы народов, сказал он, и даст тебе благословение Авраамово, и ты наследуешь, с потомством твоим, землю странствования, обещанную Аврааму.» Так отпустил Исаак младшего сына; Исав же видя, что жены его неуютны отцу, взял за себя одну из дочерей дяди своего Измаила.

XII. Странствование Иакова

Иаков оставил колодезь клятвенный, чтобы идти в Харран, и когда зашло солнце, нашел на пути место удобное для упокоения; он положил себе камень в изголовье, уснул и видел сон: вот лестница утверждена на земле, а верх её касается небес, Ангелы Божьи восходят и нисходят по ней, и сам Господь с её вершины говорит ему: «Я Бог Авраама отца твоего и Бог Исаака, не бойся! Землю, на которой ты спишь, дам тебе и твоему потомству, и будет оно как прах земной, и распространится к западу и востоку, к северу и к полудню, и благословятся в тебе и Семени твоем все племена земные. И вот Я с тобою, сохраняя тебя на всяком пути; возвращу тебя в сию землю, и не оставлю, доколе не исполню всего, что обещал тебе.»

Пробудился Иаков от сна и в страхе воскликнул: «воистину Господь на этом месте, а я не знал сего; как страшно место сие; это дом Божий, это врата небесные!» Возстав же поутру, он взял камень, бывший у него под головой, и поставил его памятником, назвав место домом Божьим, возлил елей на вершину камня и положил обет, что если Господь сохранит его на пути, даст ему хлеб и одежду, и возвратит здоровым в дом родительский, и будет его Богом: то ему посвятит он десятину всего достояния, которым благословит его Бог.

В таинственном видении Иакова, заранее исполнялось божественное обещание Спасителя ученикам своим: «отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божьих, восходящих и нисходящих к Сыну человеческому.» (Иоан. I. 51.) Сам Он явился на верху лестницы, утвержденной от земли на небо, и лестница сия знаменовала Его божественное воплощение, которое соединило землю с небом, и человека с Богом; так открывался падшему человечеству новый, живой путь к престолу благодати, по коему стали восходить земные Ангелы и небесные человеки.

Иаков, продолжая путь в землю восточную, увидел на поле три стада овец, около колодезя, заваленного большим камнем, который ежедневно снимали только при собрании общих стад, чтобы напоить их. «Братия мои, спросил пастырей Иаков, откуда вы, и знаете ли Лавана, сына Нахорова?» «Мы из Харрана, отвечали пастыри, знаем Лавана, и вот дочь его Рахиль идет со стадом.» Увидев Рахиль, не стал ожидать Иаков обычного времени для открытия колодезя, но немедленно отвалил камень, напоил её стадо, и приветствовав её, с радостным воплем и слезами, назвал себя сыном

Ревекки. Рахиль устремилась с вестью к отцу своему и Лаван выбежал на встречу Иакову, обнял его и ввел в дом свой, как единокровного.

По прошествии месяца он сказал пришельцу: «еужели ты будешь даром на меня работать? Ты мне родственник, проси себе награды.» – Две дочери были у Лавана: имя старшей Лия, имя младшей Рахиль; но у Лии болезненны были очи, Рахиль же, прекрасную и лицом и взором, полюбил Иаков. Семь лет предложил он служить за нее Лавану, и отец согласился отдать её пришельцу; так нежно любил Иаков свою невесту, что семь лет показались ему только семью днями; когда же настало условленное время, Лаван созвал близких и сделал пир, но вечером, вместо Рахили, ввел он Лию в ложницу Иакова. Настало утро и открылся обман; горько жаловался Иаков; Лаван извинялся обычаем места, не позволявшим выдавать младшей прежде старшей сестры, и предложил ему в супружество и Рахиль, если поработает за нее еще семь других лет. Неделю спустя после первого брака, он исполнил свое обещание, отдав Рахиль, и полюбил её Иаков больше, нежели Лию; Господь же отверз утробу нелюбимой, оставив неплодною Рахиль. Рувим, Симеон, Левий, Иуда, родились от Лии, и она воздала хвалу Богу ее призревшему.

Поревновала бесплодная Рахиль многочадию сестры; она молила Иакова дать ей детей, хотя от рабыни её, которых усыновит как собственных, и нарекла своими Дана и Неффалима, рожденных Валлой. Тоже сделала и Лия, из опасения потерять любовь Иакова, когда увидела, что перестала рождать; она дала ему рабыню Зельфу, от которой родились Гад и Асир; потом же и сама, откупив у младшей сестры время обитания с супругом, принесла ему Иссахара, Завулону и дочь Дину. – Услышал наконец Бог молитву неплодной Рахили и избавил её от нарекания между женами, даровав ей сына Иосифа.

После того сказал Иаков Лавану: «отпусти меня, с женами и детьми, в землю мою; ты знаешь сколько я служил тебе; мало было в доме твоём до меня и стало много, ибо Господь благословил тебя со дня моего пришествия; время устроить мне и собственный дом.» Лаван предложил ему назначить себе награду, и условился Иаков разделить с ним таким образом стада, чтобы все овцы и козы, которые родятся впредь с пятнами или крапинами, принадлежали ему, остальные же телята, равно как и все пестрые, прежде бывшие в стаде. – Но, отделив белый и черный скот, он употребил хитрость, и положил в поильные колоды прутья с нарезкою, так, что пестрота сия, невольно поражающая коз и овец при водопое, оказывалась на ягнятах, и стадо его сделалось многочисленнее Лаванова.

Тогда начался ропот между сынами Лавана на пришельца, что овладел

всем богатством отца их, и сам Иаков заметил, что лицо Лавана уже не так приветливо к нему как прежде. Приняв тайное повеление от Господа, идти в землю отцов своих, он призвал обеих жен и объяснив пред ними неправо поступки отца их, несколько раз менявшего заслуженную награду, открыл им волю Божию о возвращении на родину. Лия и Рахиль согласились оставить дом родительский, и втайне перешел Иаков реку Евфрат, взяв с собой детей, стада и все приобретенное богатство, чтобы идти из Месопотамии в землю Ханаанскую.

На третий день услышал Лаван, о удалении зятя, и собрав присных своих, погнался вслед за ним; но Бог Иакова явился ему во сне и запретил оскорблять бегущего. Устрашенный Лаван, поставил шатер против его шатра, и скромно укорял зятя за тайное отшествие, которым лишил его утешения проститься с дочерьми, укорил и за покражу богов своих, ибо Рахиль, втайне от Иакова, унесла с собой идолов отца; когда же супруг её предложил раздраженному тестю сделать обыск в шатрах, она скрыла идолов под седло верблюжье и извинилась немощью пред отцом своим, чтобы не подыматься с седла.

В свою череду стал укорять Иаков Лавана, за его несправедливость в течении долголетней службы и за погоню, от которой защитил гонимого только Бог Авраамов. Смирившийся Лаван предложил ему заключить взаимный завет, взяв во свидетели Бога отцов их. Они воздвигли холм из камней, который назвали холмом свидетельства, принесли на нем жертву и совершили дружелюбную трапезу; на утро Лаван благословил дочерей и внуков, и отпустил их с миром.

Иаков продолжал путь и встретили его Ангелы Божьи, явление коих предвещало ему безопасное возвращение в землю обетованную, подобно как видение небесной лестницы укрепило его в день исхода. Ополчением Божьим назвал он место сие, и послал дружелюбных вестников к брату Исаву, чтобы предупредить его о своем возвращении; но они принесли страшную весть, что Исав идет сам к нему на встречу, с четырьмястами вооруженных. Смятенный Иаков разделил людей своих и стада на два ополчения, чтобы по крайней мере сохранилось одно, если погибнет другое, и так помолился Богу отцов своих: «мал я пред всеми милостями Твоими, и пред всею истиною, которую сотворил Ты рабу твоему; некогда с одним жезлом моим перешел я сей Иордан, а ныне вот у меня два полка. Избавь меня от руки брата Исав, чтобы не убил он матерей с их детьми, ибо Ты обещал мне неисчислимое потомство.»

Желая умиловить брата, Иаков отделил для него верблюдов, крупные и мелкий скот, и приказал рабам своим вести на встречу ему

каждое стадо особо, отвечая на вопросы Исава о стадах: «это дар раба твоего Иакова, идущего вслед за нами.» Когда же переправил жен и детей чрез поток, Иаков остался один в безмолвии ночи. Тогда некто боролся с ним, таинственной борьбою, до зари и видя, что не одолевает, коснулся бедра его так, что повредился состав. «Отпусти меня, сказал он, ибо взошла заря,» Иаков отвечал: «не отпущу доколе не благословишь», и таинственный борец нарек ему имя Израиль, потому что он укрепился с Богом и силен будет против человеков; но благословив, не сказал дивного своего имени.

Иаков, проразумевая неизреченного борца, назвал место сие: вид Божий, воскликнув: «я видел Бога лицом к лицу и спаслась душа моя!» и когда отступил от него таинственный муж, он почувствовал хромоту, которая осталась ему на всю жизнь, в память борьбы сей, начавшейся духовно. Но с телесным знамением сохранилось Иакову и новое имя Израиля или богоборца, дабы он борясь, т. е. подвизаясь с Богом, обнимал его верою и любовью, соединялся с ним волей, и силой молитвы привлекал себе благословение Божье, одолевая тем человеков. Сын Божий, и до спасительного своего воплощения, коим искупил род человеческий, благоволил, таинственными видениями, приучал избранных своих к настоящему явлению Образа Божия, в образе человеческом, хотя и не открывал им своего имени, и отходил до зари как от Израиля; потому что откровения ветхого завета происходили еще во времена сеней и гаданий, и только, сквозь туман и облака, можно было принимать свет приближающегося солнца правды.

Уже не страшно было Иакову пришествие вооруженного Исава; он разделил однако детей своих, по числу жен и рабынь, и предпослал на встречу брату рожденных от рабынь, с их матерями, оставив Рахиль с Иосифом позади; сам же предупредил всех и поклонился до земли пред лицом Исава. Смягчилось суровое сердце его, смирением Иакова и зрелищем многочисленной, безоружной семьи. «У меня много, брат мой, сказал Исав, пусть твое останется при тебе», но Иаков умолял его принять дары, в виде благословения, ради избытка милостей Божьих. Исав предложил брату идти с ним вместе или взять вооруженных для защиты, но Иаков, довольный его благоволением, отказался от всякой помощи, ибо надеялся более на Бога, чем на силу оружия. – Так достиг он города Сихема, в земле Ханаанской, и там расположившись станом, на купленном им месте, воздвигнул жертвенник во имя Бога Израилева.

Однажды, Дина, дочь Иакова, вышла из шатров посмотреть дочерей Сихемских, и сын князя Эммора, плененный её красотой, овладел ею; но

душа юноши прилепилась к деве, и он молил отца своего испросить ему супругою Дину. Иаков, огорченный безчестием дочери, молчал, доколе сыновья его скитались в поле со стадами; когда же возвратились, сильным гневом воспылала душа их, услышав брачное предложение после позора. Тщетно Эммор и сын его Сихем, обещая вено и дары, просили породнить оба племени взаимными супружествами; братья Дины, замышляя месть, отвечали хитростью на их ласковые речи, что не могут выдать сестры за необрезанного, если все Сихемляне не согласятся подражать им в сем обряде.

Юноша, исполненный любви к дочери Иаковлевой, не отрекся исполнить над собой болезненного обряда, и убеждал граждан последовать его примеру, чтобы чрез родство соединиться с семейством Патриарха и наследовать его богатства. Послушались князя своего граждане Сихемские, но на третий день, во время общего расслабления от болезни, два сына Иаковлевы, Симеон и Левий, мечем избили весь мужской пол в Сихеме, увели сестру свою из дома умерщвленного жениха, и разграбив все достояние города, взяли в плен жен, детей и стада. – Огорчилось кроткое сердце Патриарха: «вы сделали меня ненавистным между жителями сей земли, говорил он сыновьям своим, соседи поразят меня со всем моим домом», но Симеон и Левий оправдывались безчестием, нанесенным сестре.

После бедствия Сихемского, Господь велел Иакову идти в Вефиль, где некогда явился он бегущему от Исава, и поставить там жертвенник; повиновался Патриарх, но прежде нежели оставил Сихем, отнял у своих домашних все идола, богов чуждых, закопал их в землю и очищенным повел все семейство в Вефиль, поклониться истинному Богу, утешившему его на скорбном пути. Там имел опять отрадное явление Господа, который обещал в потомство Израилю народ и сонм народов и царей, с землей, данной Аврааму в наследие; в память беседы Божьей, Иаков воздвигнул столп каменный, с принесением жертвы и возлиянием елея.

Горькая потеря ожидала его далее, на пути к Ефрафе: возлюбленная Рахиль родила ему последнего сына и, в тяжких родах испуская дух, назвала младенца сыном болезни, отец же назвал его Вениамином. При распутии похоронил супругу свою Иаков и памятник её слышет донныне гробом Рахили. – К умножению скорби, старший сын его Рувим, впал в искушение с рабыней Валлой; и когда пришел Патриарх к сто восьмидесятилетнему родителю, жившему у дубравы Мамврийской, Исаак, исполненный дней, приложился к отцам своим. В Хевроне погребли его оба сына, Исав и Иаков, в пещере Авраамовой. Тогда Исав, с

женами, детьми и всем имуществом, удалился в другую землю, от лица брата своего, ибо, по обилию стад, не могли они обитать вместе; он основался на горе Сеир, отколе пошло племя Идумеев, и Цари от рода его царствовали в Эдоме прежде, нежели возникли Цари Израилевы; – Иаков же поселился в земле странствования отца своего.

XIII. Приключения Иосифа

Семнадцатилетний Иосиф, любимый сын его старости, пас вместе с братьями стада; но братья завидовали предпочтительной любви родителя к отроку, которого отличил он пред всеми разноцветной одеждой. Еще более умножилась их ненависть, когда Иосиф неосторожно рассказал им сновидения, возвещавшие его грядущее величие: как вязали они вместе снопы в поле, и снопы братьев поклонились воздвигнутому снопу его, и как в другой раз солнце, луна и одиннадцать звезд ему поклонились. «Неужели подлинно ты будешь царствовать над нами?» говорили ему ожесточенные братья, и сам отец упрекал отрока за надменные видения, хотя и сохранял в сердце слова его.

Однажды Израиль послал возлюбленного сына, из долины Хевронской, принести ему весть о братьях, которые пасли стада около Сихема; братья же увидев его издали, стали замышлять против него злое. «Убьем сновидца, говорили они между собой, и бросим в пустой колодезь, чтобы видеть, исполнятся ли сны»; но старший Рувим удержал их от пролития крови, и желая спасти отрока, советовал лучше опустить его в сухой колодезь, отколь надеялся втайне извлечь и возвратить родителю. Послушались жестокие братья и, сняв разноцветную одежду с Иосифа, опустили его в безводный колодезь; и вот показался вдали караван Измаильтянский, идущий в Египет: пробудилась совесть в сердце одного из братьев, Иуды: «что нам пользы убивать единокровного, сказал он; лучше продадим его Измаильтянам», и они продали отрока в Египет за двадцать сиклей серебра.

Когда же Рувим возвратился к колодезю и не нашел в нем Иосифа, исполненный горести, разодрал на себе одежды: «отрока нет! Воскликнул он братьям, как покажусь родителю?». Но они, заглушив совесть, обагрили кровью козлею разноцветную одежду Иосифа и послали её к отцу с горьким вопросом: узнает ли одежду возлюбленного, найденную ими в пустыне? – Зарыдал, узнавши её Израиль; «эта его риза, воскликнул он, лютей зверь разтерзал сына моего!» и старец, разодрав собственную одежду, положил на себя вретиче, много дней оплакивая погибшего. Тщетно собрались вокруг него все сыновья и все дочери, чтобы утешить; не хотел утешиться убитый горем, взывая только: «сетуя сойду я к сыну моему!» А между тем сына продали купцы Измаильтянские в Египет, Пентефрию, начальнику стражи Фараоновой.

Суд Божий постиг брата, его продавшего, в горестях семейных. Два

сына Иуды, Ир и Авнан, один за другим, поражены были преждевременной смертью от Господа, за их пороки, когда еще младший, Силом, не достиг совершеннолетнего возраста, чтобы восстановить семья братьям, и потому не мог еще взять за себя, по обычаю местному, оставшуюся после них вдову Фамарь. Иуда отпустил невестку к отцу; она же видя, что и после совершеннолетия Силома останется вдовой, искала даже с опасностью жизни, снять с себя пятно бесплодия пред народом, путем незаконным, хотя и без нечистого помысла.

Это не помешало однако старшему сыну её Фаресу, быть в числе родоначальников Мессии, и на него прямо указывает Евангелист Матфей, в книге родства Христова. Так велико было снисхождение Того, кто истощив сам себя до рабского подобия, и не гнушаясь ни кем из праотцов Своих по плоти, показал тем, что действительно принял на Себя все болезни наши, как и понес все грехи.

Между тем Иосиф жил в Египте, и с ним был Господь. – Вельможа Фараонов, видя, что во всем ему споспешествует Бог, поставил юношу Еврейского над всем домом своим. Но красота Иосифа поразила взоры Египтянки, жены Пентефриевой, и она хотела склонить его к измене долгу своему. С трудностью противостоял Иосиф искушению, напомнив ей самой о священной обязанности супруги, и тем раздражил ослепленную страстью. Однажды, в отсутствии мужа, она хотела удержать у себя юношу; целомудренный бежал, оставив в её руках верхнюю свою одежду, и Египтянка, полная ярости, с воплем призвала домашних, оклеветав пред ними прищельца Еврейского, в нечестивых помыслах против супруги своего господина. Поверил ей и Пентефрий, когда представила в обличие саму одежду юноши; в порыве гнева он ввергнул Иосифа в темницу, где содержались царские узники; но и там Господь был с невинным и внушил благоволение стражу темничному, который поверил ему всех узников.

Случилось, что виночерпий и хлебодар Царя Египетского провинились пред Фараоном, и он заключил их в темницу; Иосиф был приставлен служить им. Узники видели сны, и недоумевали, как объяснить их. «Не от Господа ли истолкование снов?» сказал им юноша, когда увидел их мрачные лица, и хотел слышать сон каждого. – Виночерпию виделась лоза виноградная и три расцветшие ветви, с созревшими на них плодами; в руке его была чаша Фараонова, которую и подал Царю. – «Три ветви значат три дня, сказал ему Иосиф, чрез три дня опять поставит тебя Фараон на прежнее место, и ты подашь ему чашу; вспомни тогда и меня, и выведи из темницы, ибо я украден из земли

Еврейской и не сделал здесь ничего злого, чтобы быть ввергнутым в сию пропасть.»

И хлебодар рассказал сон свой Иосифу: ему виделось, что он несет на голове три корзины; в верхней была пища Фараонова и налетевшие птицы ее клевали. Горько было истолкование, но не умолчал правдивый юноша: «три корзины значат три дня, отвечал он; через три дня Фараон снимет голову твою и повесит тебя на древе, а птицы будут клевать плоть твою.» – Три дня спустя вспомнил Фараон, на торжественном пиршестве, о своих виночерпии и хлебодаре, и казнив последнего, принял опять чашу из рук первого; но освобожденный забыл в темнице предсказателя.

Прошло два года и Фараону виделся сон: ему казалось, он стоит при реке, и вот исходят из волн семь коров тучных и пасутся на берегу; исходят и семь других, тощих, которые поедают тучных. Проснулся Фараон и опять заснул, и опять видел сон: семь колосьев тучных вышли из одного стебля, и после них семь колосьев тощих, погоревших от зноя, которые поели тучные. Смятенный призвал утром всех гадателей и мудрецов Египетских, и никто не объяснил ему сна. Тогда виночерпий вспомнил грех свой; он сказал Фараону о юноше Еврейском, изъяснявшем сны в темнице, и призвал Царь Иосифа, требуя от него истолкования.

«Бог дает спасительный совет Фараону», скромно отвечал Иосиф, и выслушав сон, открыл Царю волю Божью: «семь коров и семь колосьев тучных и столько же тощих, означают семь лет; это один сон: семь лет будет великое плодородие во всей земле Египетской, а после наступят семь лет голода, так что исчезнет прежнее обилие; сон же повторился дважды, ибо это событие от Бога и близко. И так да усмотрит Фараон мужа разумного и поставит его над всею землею Египетской, собирать пятую часть хлеба в годы обилия, и сия пища будет в запас на время голода, чтобы не опустошилась земля.»

Понравилась мудрая речь сия Фараону: «найдем ли иного подобного человека, который имел бы в себе Духа Божья?» сказал он рабам своим и, обратясь к Иосифу, говорил ему со смирением сердца: «когда уже все сие открыл тебе Бог, то нет разумнее и мудрее тебя; ты будешь над домом моим и над всей землей Египетской, и твоего слова держаться будет народ мой; только престолом я буду выше тебя.» Сняв перстень с руки своей, он отдал его Иосифу, облек его в ризу багряную, возложил ему на грудь золотую цепь, и велел везти на своей колеснице, с глашатаем, что его поставил Царь над всей землей Египетской. – Он нарек ему новое имя, и дал в супруги дочь жреца Илиопольского, тридцати лет от рождения обошел Иосиф все царство Фараоново.

В лице смиренного и вознесенного Иосифа, таинственно отразилось самое лицо грядущего Искупителя. Посланный отцом своим, чтобы посетить братьев, продан ими невинный юноша, по предложению Иуды, за двадцать сребренников, как и другой предатель из Апостолов, Иуда, продаст за тридцать сребренников Христа, посланного Отцом небесным к братьям Его человекам; но чрез сие предательство Иосиф делается не только владыкой братий и Египта, но и спасителем окрестной земли, питая всех обилием своего хлеба; так и Христос, пострадавший за нас, дает всему миру спасительную пищу божественного хлеба; и ему дана всякая власть на небеси и на земли. И в других обстоятельствах то же изумительное сходство с небесным образцом: праведник, по клевете, брошен в темницу и с ним два преступника, как и Христос распят на кресте, между двух разбойников. Иосиф предсказывает одному спасение, другому смерть, и Христос спасает одного, оставляя нераскаянным другого; но Иосиф просит сам того, кому обещает спасение, чтобы вспомнил о нем во дни своей славы; Христа же умоляет кающийся разбойник: «помяни мя Господи во царствии своем.»

Сбылось предсказание Иосифа, и семь лет приносила земля обильную жатву, так что он наполнил житницы, и в течении сего времени благословил его Бог, двумя сыновьями, Манассием и Ефремом, которые привели ему в забвение все прежние бедствия. После же семи лет настал голод по всей земле, и в Египет, где открыл житницы Иосиф, начали стекаться отовсюду за хлебом.

XIV. Свидание Иосифа с братьями

Когда усилился голод, Иаков, услышав, где продается хлеб, сказал сыновьям своим: «что вы смотрите друг на друга? Идите в Египет и купите там немного хлеба, чтобы нам не умереть.» Десять братьев собрались в путь; Вениамина же удержал при себе старец, чтобы с ним не случилось беды, как некогда с его братом. Дети Иакова, пришедшие в Египет, поклонились до земли Иосифу, во исполнение его сновидений. Иосиф узнал братьев, но утаил от них лицо свое и обошелся с ними сурово, спросив: «отколь они?» – «Мы из земли Ханаанской, пришли сюда за пищей», смиренно отвечали ему братья. «Вы соглядатаи, сказал им Иосиф, и пришли осмотреть наготу земли сей.» Устрашенные, тщетно старались оправдаться пред лицом властителя, говоря, что их было двенадцать и все они дети одного отца, побужденные голодом искать пищи в Египте, и что еще один младший брат остался при их престарелом родителе, одного же из них не стало. Иосиф, продолжая называть их соглядатаями, требовал, чтобы, во свидетельство истины, один из них привел бы к нему младшего брата из земли Ханаанской; он отдал всех под стражу, а на третий день, как бы сжалившись, позволил им возвратиться с запасом хлеба на родину, оставив одного в залог, что приведут меньшего брата, если точно они люди мирные, не соглядатаи.

Тогда пробудилась совесть в их сердце и не зная, что понимает их Иосиф, стали они говорить между собой: «по истине наказываемся мы теперь за грех против брата нашего, ибо мы видели скорбь души его и не послушали, когда он умолял нас; за то постигла нас скорбь сия.» – «Не говорил ли я вам, сказал старший Рувим, чтобы не грешили вы против отрока; вот теперь взыскивается с нас кровь его.» Внимая братьям, Иосиф, отвратил лицо свое и прослезился; но возвратясь к ним опять, велел связать Симеона, а прочим позволил наполнить хлебом мешки и втайне приказал положить в них данное ими серебро. На первом ночлеге один из братьев, развязав узел мешка, с изумлением нашел серебро свое, и в трепете говорили они друг другу: «что сотворил с нами Бог?» – Возвратясь в землю Ханаанскую, рассказали старцу Иакову, сыновья его, все бывшее с ними, и еще более ужаснулись, когда каждый нашел у себя свое серебро.

«Вы сделали меня бездетным, с горестью упрекал их древний Иаков, Иосифа нет, Симеона нет и Вениамина ли взять хотите? Все сие совершилось на беду мою!» Тщетно умолял старца Рувим, отдать ему на руки младшего брата и убить двух собственных его детей, если не

возвратит его к родителю. «Не иди сыну моему с вами, отвечал Иаков, брат его умер, он один мне остался; если же что случится с ним на пути, с печалью сведете вы во гроб старость мою.»

Между тем голод усилился на земле; когда истощился весь хлеб, привезенный из Египта, Иаков опять стал посылать детей своих за пищей, но Иуда сказал ему: «властитель земли той с клятвой засвидетельствовал нам, что не увидим лица его, если не приведем с собой младшего брата, и так, если отпустишь его с нами, пойдем, если же нет, напрасен путь наш.» «Зачем, на беду мою, упоминали вы о меньшем брате?» возразил старец, и сыновья его опять отвечали: «вельможа Фараонов спрашивал о роде нашем, и жив ли у нас отец и есть ли братья? Могли ли мы угадать, что он потребует брата!» «Отпусти отрока со мною, умолял Иуда огорченного отца, чтобы мы все остались живы, и ты и малые наши дети; я беру его на свои руки и от меня требуй его обратно; если же не представлю опять Вениамина лицу твоему, пусть останусь на всю жизнь виновным пред тобой; когда бы ты не медлил, мы успели бы дважды уже совершить путь.»

Тронулся наконец Израиль мольбами детей своих. «Если уже так должно быть, сказал он, то возьмите лучшие произведения земли сей и отнесите в дар властителю; возьмите также двойное количество серебра, чтобы возратить и то, которое, быть может по ошибке, положено было в мешки ваши; возьмите и брата своего и вместе идите к человеку тому. Бог мой, да даст вам обрести его благоволение, чтобы отпустил с вами обратно и оставленного брата и Вениамина; а мне, если уже суждено быть бездетным, пусть буду бездетен.»

Сыновья Иакова, взяв дары и серебро, опять пошли в Египет и вместе с Вениамином предстали Иосифу. Увидев между ними брата своего единоутробного, он велел домоправителю пригласить их на трапезу. Смутились пришельцы, думая, что их ведут для допроса, и сами предварили домоправителя, отдавая ему обратно найденное серебро; но он успокоил смятенных и, возвратив им Симеона, велел всем омыть ноги, чтобы приготовились к трапезе. Настал полдень, Иосиф вышел к братьям; они опять поклонились ему до земли и поднесли дары свои. Спросив их о здравии, спросил он, как бы нечаянно, и об отце: «здравствует ли отец ваш, старец, о котором вы говорили?» и братья отвечали: «здравствует раб твой, отец наш, еще он жив.» – «Благословен человек сей от Бога» сказал тронутый Иосиф, и устремил взоры на Вениамина, брата своего от единой матери, возмущенный духом; скрывая однако внутренне смятение, «это ли меньшой брат ваш, о котором вы мне говорили?» спросил он и, не дождавшись ответа, воскликнул: «Бог да помилует тебя, чадо!» Воскипела

в сердце любовь его к брату; он искал места плакать и, удалившись во внутреннюю храмину, плакал там; потом вышел опять, умыв лицо свое от слез, и скрепясь духом, велел предложить трапезу. Ему и братьям поставили пищу особо, потому что Египтяне не могли сообщаться с Евреями; но к общему изумлению братьев, все они были посажены по старшинству; каждому из них Иосиф послал от себя части, Вениамину же, младшему, впятеро больше других.

Еще однажды велел он наполнить мешки их хлебом и положить опять серебро каждому в устье мешков, а к младшему брату свою серебряную чашу. На рассвете пришельцы собрались в путь, но еще не отошли далеко, как послал за ними погоню Иосиф, и домоправитель стал упрекать их, что украли чашу господина его. Огорченные таким нареканием, сыновья Иакова, напомнили домоправителю, с какой честностью принесли они обратно найденное ими серебро, и во свидетельство правоты своей предложили, чтобы тот, у кого найдется чаша, казнен был смертью, а прочие на веки остались бы рабами. Начался обыск со старшего и кончился младшим; у Вениамина нашлась чаша; тогда братья его разодрали свои одежды и, возвратясь в город, пали на землю пред Иосифом. «Разве не знали вы, сказал он, что нет гадателя подобного мне?» и воскликнул Иуда: «что скажем господину нашему, или чем оправдаемся? Бог взыскал неправду рабов своих, и вот мы тебе рабы, мы все и тот, в чьих руках нашлась чаша»; но Иосиф отвечив: «нет, пусть тот один, у кого нашлась чаша, будет рабом моим, вы же идите с пищей к отцу вашему.»

Тогда Иуда, дерзнув приблизиться к Иосифу, молил его выслушать без гнева слово раба своего, которому страшен он как сам Фараон. – «Не ты ли спрашивал рабов своих, есть ли у нас отец и брат? И мы отвечали тебе, что у нас есть престарелый отец и отрок, сын его старости, которого брат умер; он же остался один от матери своей и возлюбил его отец; и не ты ли требовал к себе отрока, если хотим видеть лице твое? Когда же донесли мы речь твою старцу, раб твой, отец наш, сказал: «вы знаете, что двух сыновей родила мне Рахиль; один отошел от меня, и вы сказали, что лютей зверь растерзал его, я же не видел его с тех пор и доньне; если и сего возьмете от лица моего и случится с ним беда на пути, с печалью вы сведете во гроб старость мою. Ныне, если пойду к рабу твоему, отцу нашему, и не будет с нами отрока, с душой коего связана его душа, – едва только увидит старец, что нет при нас отрока, умрет он, и рабы твои сведут во гроб старость отца своего; а я взял отрока с клятвой, что останусь виновным на всю жизнь, если не возвращу его родителю; и так

позволь рабу твоему остаться вместо отрока у тебя в рабстве; он же пусть идет с братьями, чтобы мне не видеть бедствия, какое постигнет отца, если возвращусь без отрока.»

Не мог долее удерживаться Иосиф пред лицом стоявших окрест него; он удалил всех и, с громким воплем, воскликнул к братьям своим: «я Иосиф! Жив ли еще отец мой?» и не могли ему отвечать братья, так смутилась душа их. «Приблизьтесь», сказал он, и приблизились, «я Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет; но не печальтесь и не сетуйте, потому что Бог послал меня пред вами, для сохранения вашей жизни; вот уже два года голод на земле, и еще пять лет не будет ни оранья, ни жатвы; не вы меня послали сюда, но Бог, поставивший меня отцом Фараону и властителем во всей земле Египетской. Поспешите к отцу моему и скажите: так говорит сын твой Иосиф: Бог поставил меня господином над всем Египтом, приди ко мне, не медли; ты будешь жить в земле Гессемской, недалеко от меня, ты и сыновья твои и внуки, и все твое; там пропитаю тебя и твоих, во дни голода, чтобы не истощился дом твой. И вот очи Вениамина, брата моего, видят, что это я и что мои уста говорят вам; скажите отцу моему о всей славе моей в Египте, и о всем, что вы видели, и поспешите привести сюда отца моего.»

Тогда Иосиф пал на выю Вениамина, брата своего и плакал над ним, и Вениамин плакал на выи брата своего, и целовал всех братьев Иосиф и плакал, обнимая их. Пронесся слух в доме Фараоновом, что к вельможе его пришли братья, и обрадованный Царь подтвердил пришельцам обещания Иосифовы. Исполняя волю царскую, Иосиф дал братьям колесницы и каждому по одежде, Вениамину же пять одежд и триста секлей серебра; он послал с ними в дар родителю двадцать ослов и ослиц, нагруженных хлебом и всеми благами Египта. Сыновья Иаковы возвратились в землю Ханаанскую и сказали старцу, что Иосиф жив и владычествует над всем Египтом; но сердце Иакова было холодно к речам их, потому что он не верил. Когда же пересказали ему все слова Иосифовы и увидел он колесницы, – ожило сердце Иакова, отца их, и он воскликнул: «довольно, еще жив Иосиф, сын мой, пойду и увижу его, прежде нежели умру!»

XV. Переселение и кончина Иакова

Поднялся Израиль и все бывшие с ним, к колодезю клятвенному, принести жертву Богу; там, в видении ночном, явился ему Господь и сказал: «Иаков, Иаков, Я Бог отцов твоих; не бойся идти в Египет, ибо там Я возвращу тебя в народ великий, с тобой пойду в Египет и выведу тебя обратно; рука же Иосифа закроет очи твои.» От кладезя клятвенного повели сыны Израилевы отца своего, жен и детей на колесницах, посланных Фараоном, и взяли с собой имущество, приобретенное ими в земле Ханаанской. Все потомство Иакова переселилось в ним в Египет, в семидесяти пяти душах, считая и детей Иосифа. Старец послал пред собой Иуду возвестить о своем пришествии, чтобы Иосиф вышел к нему навстречу в пустыню, и царственный сын, встретив на колеснице родителя, пал на выю старческую и долго плакал над ним. «Ныне пусть умру, говорил Израиль обретенному по долгой разлуке, ибо ты еще жив и я видел лицо твое.»

Иосиф советовал братьям просить себе пажитей, чтобы получить в достояние тучную землю Гессемскую, и поспешил предупредить Фараона о их пришествии. Он представил ему пятерых братьев своих, которые на вопрос Царя о их промысле, назвались пастырями, по обычаю отцов их, и просили пристанища себе и стадам на пажитях Гессемских. – «Земля Египетская пред тобой, милостиво сказал Фараон своему вельможе, посели на лучшем месте братьев своих, и выбери меж ними приставов над моими стадами.» Иосиф представил также Царю отца своего, и благословил Иаков Фараона. «Сколько лет жизни твоей?» спросил дряхлого Фараон, и старец отвечал: «дней странствования моего уже сто тридцать лет, но кратки и несчастны дни жизни моей и не достигли они до числа лет, до коих доживали отцы мои, во дни их странствия.» – Тогда поселил Иосиф отца и братьев в лучшем месте земли Египетской, по воле Фараоновой, и отпускал пшеницу всему их дому, по числу лиц.

Между тем, от продолжительного голода, не стало хлеба по всей земле; истощились Ханаань и Египет; Иосиф собрал все их серебро и скот в казну царскую, и когда не стало никаких средств к пропитанию, купил всю землю Египетскую, кроме принадлежащей жрецам; все жители продали себя Фараону, с тем, чтобы пятая часть их жатвы принадлежала Царю, в возмездие за семена и ради спасения их жизни, во дни голода, а дети Израиля приобрели себе землю Гессемскую.

Семнадцать лет обитал Иаков в Египте и достиг ста сорока

семилетнего возраста; когда же стал приближаться к смерти, призвал к себе сына Иосифа и умолял клятвенно ему обещать, что не погребет его в Египте, но отнесет во гроб отцов, ибо с ними хотел успокоиться древний Израиль. Поклялся Иосиф и старец поклонился на верх жезла, с которым предстоял сын его, чувством веры воображая себе, в лице его, грядущего Царя Христа.

Скоро пришли сказать Иосифу: «отец твой болен», и он поспешил к нему с двумя сыновьями Манассией и Ефремом. Укрепился Иаков, услышав о его пришествии, и сел на одре своем. «Бог всемогущий явился мне в земле Ханаанской, сказал старец, и благословил меня, обещав мне землю сию в наследие и сонм народов в потомство; и так два сына, тебе родившиеся прежде прихода моего в Египет, пусть будут моими; прочие же дети твои, под именем братьев своих, призовутся в их наследие.» Очи Иакова уже тяжелы были от старости и он не мог видеть ясно, когда Иосиф подвел к нему детей своих для благословения; старец заключил их в объятия, сказал, с умиленным сердцем: «я не надеялся видеть лицо твое, но вот Бог показал мне и детей твоих.» Отроки отступили с благоговением, от колен деда, и поклонились ему до земли; Иосиф же поставил старшего Манассию против десницы Израиля, а младшего Ефрема против левой руки, чтобы приняли благословение; но старец, по тайному внушению, простер крестообразно руки на главы отроков, изменив старейшинство их, и в лице их изрек благословение Иосифу: «Бог, пред которым ходили отцы мои, пасущий меня из млада и доселе, Ангел избавляющий меня от всякого зла, да благословит отроков сих, да будет на них имя мое и отцов моих, и да возрастут они во множество посреди земли.» – Здесь в первый раз является обряд рукоположения, с тех пор сохранявшийся всегда у Евреев в знак благословения, и перешедший в Церковь Христианскую. Тяжко показалось Иосифу, что отец его положил десницу на главу младшего Ефрема, и он хотел переложить старческую руку на Манассию, напомнив о его первенстве; но Израиль сказал: «знаю, сын мой, знаю, и сей произведет народ, и сей вознесется, но меньший брат его будет больше, потомство его будет полнота народов.» Так поставил он Ефрема выше Манассии и наконец сказал Иосифу: «вот я умираю, но Бог будет с вами и возвратит вас в землю отцов ваших; тебе же даю, преимущественно пред братьями, один участок, который я взял из рук Амморейских, мечем моим и луком.»

Потом призвал Таков сыновей своих и сказал: «соберитесь и я возвещу вам, что постигнет вас, в грядущие дни; соберитесь и послушайте меня сыны Иаковлевы, послушайте Израиля, послушайте отца вашего.»

Рувиму первенцу, начатку силы своей, который бы должен наследовать и верх достоинства, предрек Иаков, что как воскипевшая вода, не удержится он вверху, ибо осквернил ложе родительское; Симеону и Левию напомнил жестокость суда их и коварство против Сихемлян, избиенных в порыве гнева, и проклиная ярость сию, которой чуждалась душа его, обещал рассеять их во Израиле, что и исполнилось над обоими коленами. Однако не совершенно осудил их Иаков, но только для того, чтобы дать мимо их старейшинство, отнятое у Рувима, достойнейшему Иуде; к нему обращены лучшие надежды старца, от него произойдет ожидаемый Мессия.

«Иуда, тебя восхвалят братья твои, руки твои на хребте врагов твоих, поклонятся тебе сыны отца твоего. Иуда, юный лев, ты идешь от ловитвы, сын мой, возлег и уснул, как лев и как детище львов, – кто пробудит его? Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, доколе не придет Тот, Кто должен быть послан, и Он будет Чаением языков.! Слова сии прямо указывают на Христа, явившегося во дни оскудения силы Иудовой, когда иноплеменники им овладели и не было более князя от племени Иакова; царство его заменилось царством, покорившихся Мессии народов по вселенной.

Завулону предрек умирающий отец, что он будет жить при берегу моря; Иссахара сравнил с крепким ослом, лежащим на тучных пажитях, между протоками воды; Дана же со змием, угрызающим на пути мимотекущего коня, означая тем хитрость его потомков, имевших поселиться на краю колен Израилевых; Гаду предрек, что на него нападет бранный сонм, но и он ударит в тыл ему; Ассиру обещал тучный хлеб и царские яства, а Неффалима уподобил теревинфу, распускающему ветви свои, ради обилия обоих участков. Иосифу, возлюбленному сыну его старости, отрасли плодоносного древа, обещал Иаков крепость лука и мышц, с помощью крепкого Бога Израилева, обещал благословение небес свыше и благословение гор и долин; он нарек его камнем и пастырем, избранным между братьями; ибо на нем, т. е. на сыне его Ефреме, должны были утвердиться десять колен, составившие особое царство Израильское, подобно Иудину; Вениамина же, юнейшего, назвал хитрым волком, до вечера разделяющим добычу, в знамение воинского духа племени.

Это последнее пророчество есть одна из тех частей Св. Писания, в которых наипаче открывается его целостность и единство, ибо заключая собой историю Патриархов, оно служит вместе приготовлением к дальнейшей истории Еврейского народа и показывает союз Церкви ветхого завета с новозаветной, чаением Мессии. Изрекши каждому свое благословение, старец заповедал еще сыновьям своим, чтобы отходящего к предкам

погребли подле них, в пещере Хевронской, там, где похоронили Авраама и Сарру, Исаака и Ревекку, там, где сам он похоронил Лию, и после сего завещания Иаков, простершись на одре своем, испустил дух.

Иосиф пал на лицо отца своего и плакал над ним; он велел рабам своим приготовить к погребению тело родителя, по обычаю Египетскому, и чрез семьдесят дней плача, испросил у Фараона дозволение идти погребсти отца, по данной ему клятве, в земле Ханаанской. С ним пошел весь дом Фараонов и старейшины земли Египетской, и все братья, кроме малых детей, всадники и колесницы. За Иорданом совершили они великий плач, в течении семи дней, и название плача осталось месту сему; в пещере Авраамовой погребли дети Иакова отца своего и возвратились в Египет. Но братья Иосифовы опасаясь, чтобы по смерти родителя не захотел он отмстить за прежнее зло, послали сказать ему, что умирающий отец велел просить его, еще однажды, о прощении братьев. Заплакал Иосиф, и сказал братьям, припадшим к ногам его: «не бойтесь, я Божий; вы помышляли против меня злое, но Бог все обратил ко благу, чтобы сохранить жизнь великому множеству людей; и так не бойтесь, я буду питать вас и детей ваших.» Иосиф остался в Египте, с домом отца своего, и видел детей и внуков своих до третьего рода; умирая же предсказал братьям, что Бог посетит их и изведет в землю, обещанную отцам, Аврааму, Исааку и Иакову; он умолял их вынести тогда с собой кости его из Египта, укрепив клятвой сие завещание. Ста десяти лет скончался Патриарх и, до времени, положили его в Египте.

XVI. Рождение и призвание Моисея

По смерти Иосифа и братьев его, сыны Израилевы умножились в земле Египетской, и возстал иной Царь, не знавший Иосифа. Смутился он, видя умножение иноплеменников в стране своей, и опасаясь, чтобы не одолели его народа, обременил из налогами: многие города воздвиглись руками пришельцев. Но чем более смирял их, тем более умножались ненавистные Египтянам, хотя и горькой была для них жизнь от тяжелой работы. Фараон велел бабкам Еврейским, при повивании, сохранять только женский пол, убивая мужеский; но они боялись Бога более, нежели Фараона, и не исполняли жестоких повелений; на вопрос Царя: каким образом остаются в живых младенцы Еврейские? – бабки отвечали хитростью: что жены Евреев раждают прежде, нежели их призовут для пособия. Тогда Царь, видя, что продолжает умножаться племя пришельцев, велел народу своему бросать в реку всех детей Еврейских, мужеского пола.

Родился прекрасный младенец Амвраму, от колена Левиина, и три месяца укрывали его родители; когда же не могли долее, положили дитя свое в корзину и пустили на воду, в заливе реки, а сестра его наблюдала издали, что будет? – И вот дочь Фараонова идет с рабынями купаться на берег реки; она велела принести себе плывущую корзину и умилилась сердцем, увидя плачущее прекрасное дитя. – «Это одно из детей Еврейских» сказала Царевна; сестра младенца предложила ей призвать кормилицу, чтобы вздоить его и призвала свою мать, которой поручила собственного её сына дочь Фараонова, сама того не зная. Когда же приведен был вздоенный младенец в чертоги царские, она усыновила его и назвала Моисеем, т. е. спасенным от воды. – Отрок возрос и научен был всей премудрости Египетской, но сохранил истинную веру и предпочел страдание с народом Божьим, временной греховной жизни с язычниками.

Однажды вышел он к братьям своим, сынам Израилевым, и тяжелой представилась ей скорбь их: Египтянин, пред его очами, бил Израильянина; не стерпело неправды пылкое сердце Моисея; он убил Египтянина и скрыл его в песке; на другой день увидя двух Евреев, ссорящихся между собой, он сказал обижавшему: «зачем оскорбляешь ближнего своего?» но ожесточенный возразил: «кто поставил тебя князем и судьей над нами? Или ты хочешь убить меня, как вчера Египтянина?» – Испугался Моисей, и услышав, что слово сие дошло до Фараона, бежал в пустыню Мадиамскую.

Семь дочерей священника Мадиамского. Иофора, пришли напоить

стада свои из колодезя, у которого сел отдохнуть Моисей, и стали черпать воду; но их отогнали пастыри. Пришелец вступился за беззащитных и напоил стада их; они поспешили известить о том отца своего, и отец укорил дочерей за то, что не пригласили пришельца вкусить у него хлеба. Моисей принят был в дом Иофора, и женившись на его дочери Сепфоре, имел от нее двух сыновей, Гирсама и Елиезера. – Между тем умер Царь Египетский, притеснявший Израильтян; но еще более страдали они при его преемнике. Услышал наконец Господь их стенания и вспомнил завет свой с их отцами, Авраамом, Исааком и Иаковом.

Моисей пас стада тестя своего в пустыне, близ горы Божьей, Хорив; там явился ему Ангел Господень, в пламени горящего и несгорающего куста. Изумленный хотел ближе созерцать чудное видение, и услышал глас Господа, зовущий его из пламени: «Моисей! Моисей!» – Он отозвался на божественный глас, и опять услышал: «не приближайся, сними обувь, ибо место сие свято; Я Бог отца твоего, Бог Авраамов, Бог Исааков, Бог Иаковлев;» Моисей преклонил лицо свое, не дерзая воззреть к Богу. «Вижу озлобление людей Моих, сказал Господь, и слышу вопль их; знаю болезнь их и изведу из земли Египетской, в землю благовую, кипящую медом и млеко, в пределы Хананейские. Я пошлю тебя к Фараону, и ты изведешь людей Моих, сынов Израильских из Египта.»

Смутился духом Моисей и сказал: «кто я, чтобы мне идти к Фараону, освободить сынов Израилевых?» Господь отвечал: «Я буду с тобой, и вот тебе свидетельство Моего послания: на сей горе помолишься ты Богу, с изведенным тобой народом.» Тогда Моисей дерзнул спросить Господа: «если пойду к сынам Израилевым, от имени Бога отцов их, и спросят они, как имя Его? Что скажу им?» и Господь произнес великолепное имя Свое: «Я Сущий! Скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам, Бог Авраамов, Бог Исааков, Бог Иаковлев; таково Мое вечное имя на веки.» – Он повелел Моисею собрать старейшин своего народа и объявить им, о посещении Бога, хотящего вывести их из плена Египетского, в землю, кипящую медом и млеко; потом предстать с ними Фараону и требовать, чтобы отпустил народ в пустыню, на расстояние трехдневного пути, для принесения жертвы; но предвидя ожесточение Царя, открыл, что поразит страшными знаменьями Египтян, доколе не отпустят народ, и не велел выходить ему с пустыми руками, из богатой земли, где столько лет стонал под игом тяжелой, безмездной работы.

Еще колебалось сомнением сердце Моисеево: «что скажу людям, если не послушают гласа моего?» спросил он Господа, и Господь отвечал чудом. Он велел ему бросить на землю жезл, который держал в руках;

жезл превратился в змея, и бежал от него Моисей. «Простри руку и возьми его» сказал Господь; простер и змей опять сделался жезлом в его руке. Чтобы еще более утвердить недоумевающего, и чрез него веру детей Израилевых, Бог велел ему положить руку в недра свое, и он вынул её белой, как снег, от проказы, велел положить во второй раз, и она опять сделалась румяной как здоровое тело.

И третье знамение дано было Моисею, для народа, если не уверует двум первым: вода речная, пролитая им на земле, должна была обратиться в кровь, пред глазами Евреев. Убежденный столь чудными знаменами, он искал еще уклониться, по своему косноязычию; но Господь спросил его: «кто дал уста человеку, и кто сотворил глухого и немого, видящего и слепого? Не Я ли Господь? – иди, Я открою уста твои и научу, что говорить.» В последний раз дерзнул возразить Моисей, по чувству своего недостойнства: «Господи, умоляю, избери другого, могущаго, и пошли его» и прогневался Бог на пререкающагося; но снисходя к малодушию, обещал послать ему в помощь старшего брата Аарона, чтобы служить устами косноязычному; он же, как таинник Божий, предназначен был открывать брату то, что сам примет свыше.

Моисей, возвратясь к тестю Иофору, просил отпустить его в Египет, наведаться о братьях, и укрепленный небесной вестью, что уже умерли все искавшие души его, взял жену и детей и, с жезлом в руках, пошел в путь. Глас Божий укрепил его новым откровением, что ожесточенному Фараону угрожает смерть его первенца, за насилие первенцу Божию в народах, Израилю. Сам Моисей едва не лишился, во время странствования, старшего сына своего, за то что не совершил над ним обрезания, заповеданного Аврааму, и одна только поспешность заботливой матери Сепфоры, в исполнении священного обряда, остановила Ангела смерти над младенцем. Господь послал Аарона в пустыню, на встречу брата, к горе святой; Моисей открыл ему волю Божью; вместе собрали они старейшин Израилевых и убедили их, Аарон словом, а Моисей чудесами; возрадовались сыны Израилевы, что наконец призрел Господь на скорбь их, и с верой ему поклонились.

XVII. Ожесточение Фараона; десять язв Египетских

Оба брата предстали Фараону: «так говорит Господь, сказали они, отпусти людей Моих, чтобы сотворили Мне праздник в пустыне.» – Царь ответствовал: «кто сей, которого гласа я бы послушал? – не знаю Господа, не отпущу Израиля! Зачем развращаете людей моих? Пусть каждый идет на свое дело», и велел приставникам еще более обременить работой пришельцев, лишив их всякой помощи. Народ Израильский принужден был сам собирать солому, для делания кирпичей, и наказанию подвергались не исполнявшие чрезмерных уроков; тщетно вопияли к Царю старейшины, о неправде и обидах: «вы праздны, вы праздны,» было жестоким ответом Фараона, «оттого хотите идти приносить жертву в пустыне.» Старейшины, возвращаясь из палат царских, винули Моисея и Аарона за то, что без пользы ожесточили сердце Фараоново, дав ему только меч в руки, и воззвал Моисей к Богу, его пославшему.

«Увидишь, что сотворю Фараону, ответствовал Господь, силой отпустит он народ и изгонит его из земли своей. Я Бог, явившийся Аврааму, Исааку, Иакову, и поставивший с ними завет, чтобы дать им землю Ханаанскую, землю их странствия. Слышу стенание сынов Израилевых и помню завет мой; скажи им: рукой высокой и судом великим, изведу их из плена Египетского и введу в землю обетованную, их наследие; иди к Фараону, скажи, чтобы отпустил народ мой.» – Но Моисей возразил Господу: «сыны Израилевы не послушали меня по малодушию; как же послушает несловесного Фараон?»

«Вот, Я поставлю тебя богом Фараону и Аарона твоим пророком, ответствовал Господь; брату своему скажи слово Мое и он передаст его Царю; вижу и попускаю ожесточение сердца Фараонова и умножу чудеса Мои в Египте, доколе не изведу, рукой сильной, народ Мой и познают Египтяне, что Я Господь.» – Моисей и Аарон, во свидетельство слов своих, повергли пред Царем жезл, который обратился в змея; то же сделали чарованиями и волхвы Египетские, чтобы поколебать веру Фараонову; но жезл Ааронов пожрал жезлы их и отягчилось сердце Царя. – На утро, исходящему к реке, предстали опять оба брата, по заповеди Господней, требуя чтобы отпустил народ, и совершили новое знамение, которое было начатком десять язв Египетских. Тем же жезлом ударил Аарон по водам речным, и воды превратились в кровь, так что издохли все рыбы, и жители принуждены были ископать себе колодези окрест реки; но и волхвы

Фараононы сделали нечто подобное чарованиями, и не смягчилось царское сердце.

Семь дней спустя, Господь велел опять Моисею и Аарону предстать Царю, и новая язва постигла непокорного. Аарон простер руку на воды, и изшедшие жабы наполнили всю землю Египетскую, входя в дома и в печи, на постели и на столы. На сей раз, хотя и волхвы повторили то же знамение, испуганный Фараон просил Моисея и Аарона, помолиться о нем Господу, обещая отпустить народ. – Воззвал Моисей к Богу и истребились жабы; но едва пришла отрада, как опять ожесточилось сердце Фараоново. Тогда повелел Господь Аарону ударить жезлом в персть земную, и произошли скнипы (мошки), так, что в них обратился весь возмятенный песок; они покрывали человекoв и скотoв. «Это перст Божий!» воскликнули сами волхвы, но не послушал их Фараон; ибо над ним, во свидетельство грядущих родов, должна была еще более отяготеть рука Господня, чтобы указать, куда ведет путь нераскаянных грешников.

На другой день, исходящему к реке Царю, предстали опять чудодейственные братья, с угрозой, что Господь поразит всю землю Египетскую песьими мухами, но избавит от них область Гессемскую, ради избранного народа; когда же увидел Фараон исполнение угрозы, предложил Моисею принести в Египте жертву, требуемую Богом; но вождь Израильский отринул такое условие, чтобы не смешать богослужения истинного с требищами идольскими, и настаивал об отпуске в пустыню; смягчился Фараон; еще однажды дал обещание, и когда, по молитве Моисеевой, истребились песьи мухи, опять возвратилось упорство в сердце Царя.

Рука Божья все более и более над ним тяготела, по мере ожесточения; ибо о каждой новой казни был он предваряем, и тогда только постигла его казнь, когда упорствовал верить; при малейшем же чувстве раскаяния она переставала. Так, по слову Моисея, в один день пришла смерть на все стада Египетские и не коснулась Израильских в Гессеме, что еще сильнее раздражило Царя; и от горсти пепла, брошенной Моисеем к небу, пред лицом его, явились гнойные струпы на человеках и на скотах, так что и самые волхвы не могли стоять пред карающим их, именем Бога Израилева. Еще однажды простер руку Моисей, по гласу Божию, и послал Господь громы, молнии и град на землю Египетскую, поражая поля, скот и людей, которые не захотели благовременно укрыться в доме, но не было бури над землей Гессемской. – Так проповедалось страшное имя Господне Царю, которого щадил дотоль, чтобы показать над ним крепость свою, в обличение жестокого сердца, и временно оно смягчилось, невольное

сознание исторглось из уст: «Господь праведен, я же и народ мой нечестивы! Воскликнул Фараон, помолитесь обо мне и да перестанут громы Божьи; отпущу вас» и опять не отпустил, едва только рука Пророка удержала громы, молнии и град. Тогда Моисей грозил Царю навести еще тучу саранчи, для истребления того, что уцелело на полях от града, и возроптали рабы Фараоновы, поражаемые язвами, каких не помнили отцы их. «Отпусти иноплеменников, молили они Царя, чтобы не погиб ради них весь Египет»; но Фараон решался отпустить только одних мужей, для принесения жертвы в пустыне, удерживая жен, детей и стада, и Моисей движением жезла навел ветер южный на землю, с густым облаком саранчи, которая истребила всякую зелень деревьев и полей. Покаялся и вновь ожесточился Фараон, и как бы в знамение той духовной тьмы, которая омрачала его сердце, внезапно, по слову Моисея, страшная, осязаемая мгла, облегла его царство и три дня лежала на Египте; но свет сиял в земле Гессемской избранному народу.

В последний раз призвал Фараон чудодейственных братьев и обещал им отпустить с народом жен и детей, но только без стад, чтобы не удалились совсем из Египта; услышав же от Моисея, что люди Божьи изыдут, со всем своим имуществом, и даже получают жертвы от самого Царя, гневно прогнал их от лица своего, с угрозой смерти, если дерзнут опять явиться. Тогда Господь сказал Моисею, что еще одну и последнюю казнь наведет на Египет, и не только отпустит, но и изгонит их сам Фараон, ибо, в час страшного посещения Божия, погибнет всякий первенец земли той, от сидящего на престоле, до первенца последней рабыни и скота, и произойдет плачь, какого не было и не будет.

Сии десять казней, одна за другой поражавшие Фараона и Египтян, не должны казаться столь ужасными, если вспомнить о греховном ожесточении народа, закосневшего в идолослужении, угнетавшего тяжкими работами Израиля и избивавшего его младенцев. «Не знаю Господа!» дерзновенно восклицал Фараон, и в страшных знамениях явилась ему сила Божья. Волхвы его чародействовали в начале, ибо некоторое тайное познание, сокровенных сил природы, искони сохранялось в Египте; но искусство их уступило могуществу знаний Моисеевых, чтобы немощь человеческая открылась пред величием чудес Божьих, и обаяния, которыми они обольщали взоры неопытных, вполне обличались, когда сами, покрытые струпьями, воскликнули Фараону: «это перст Божий!» Воистину познали Египтяне Господа и Он совершил суд свой над их богами, ибо поразили покланяемых ими животных, и быльи сельные, почитаемые за святыню, и тьмой облек само солнце, бывшее для

них богом. Чистое же богослужение, в народе Израильском, спасаемом пред их очами от всех казней, постигавших Египет, могло бы достаточно служить к их обращению, если бы не презрели они все средства, какие столь явно предлагала нераскаянным милость Божья, доколе наконец, не усмиренные даже смертью своих первенцев, сами пошли искать гибели в пучине. Дивный пример сей долготерпения и казни, не для одних Египтян, но и для всех грядущих родов.

XVIII. Пасха; исход из Египта

Между тем сам Господь благовременно приготовлял к отшествию избранный народ свой. Он повелел выносить у Египтян драгоценные сосуды и одежды, и с одной стороны, как испытующий сердца, страхом чудес и побуждениями любви, расположил их отдавать в дар или в займы богатство свое иноплеменным; с другой же, как верховный Владыка всех вещей, дал Евреям право на такое приобретение, в возмездие долговременной работы. – Бог учредил также новый священный год, положив началом его месяц Низан, ближайший к весеннему равноденствию, для того, чтобы Евреи, вступающие как бы в новую жизнь, сохраняли в памяти лето их свободы, и для сего наипаче заповедал празднование величайшего из торжеств древнего и нового Израиля, Пасху.

В десятый день первого месяца каждое семейство, одно или вместе с другим, в случае малочисленности, должно было избрать и отделить, а в четырнадцатый день, вечером, заклать однолетнего непорочного агнца, и омочив кровью его кисть иссона, помазать двери своего дома; кровь сия служит охранительным знаменем, чтобы Ангел Господень, в наступающую таинственную ночь, шедший истребить первенцев Египетских, прошел мимо жилищ Израильских, и это было причиной наименования Пасхи, т. е. проществия. Сам агнец долженствовал быть испечен огнем и поспешно съеден, с горькими травами, в знак скорого избавления от горького рабства, и посему, ядущие имели на себе знаки готовности к пути, сапоги на ногах и поясы на чреслах и жезлы в руках. Не позволялось сокрушать костей агнца, ни оставлять до утра избытков, но то и другое должно было сжечь немедленно, и остальное время ночи провести в благоговейном бдении, не дерзая выходить за порог дома, окропленного спасительной кровью.

Моисей, именем божьим, повелевая Израилю впервые сотворить Пасху, заповедал её и позднейшим родам, и на вопрос потомков: «что означает такое служение?» велел ответить: «Пасха сия есть жертва Господу, спасшему сынов Израильских в день смерти Египтян.» Он позволил приобщаться сей таинственной жертве тем только, которые были посвящены Богу чрез обрезание, первый залог союза Его с верующими, и присоединил в последствии к торжеству Пасхи семидневный праздник опресноков, в знамение чистоты новой духовной жизни, спасенных кровью агнца, и в память того, с какой поспешностью бежали они из Египта, ибо не успели даже заквасить хлеба.

Не приникает ли в душу невольное благоговение к истине Св. Писания, когда, чрез пять тысяч лет, нам еще слышится как бы голос самого Моисея, и мы доселе отвечаем, его словами, вопрошающим нас о Пасхе, которой вся духовная сила перешла к новому Израилю! – Но сколь велико должно быть умиление наше, при той мысли, что агнец пасхальный, закланный для спасения Евреев, был только предзнаменованием Христа, нашей Пасхи, за нас принесенной жертвы, по словам Апостола, (Кор.V.7.) чтобы мы избавились от мысленного Фараона, дьявола, поработившего нас под иго страстей! По дивному созвучию обоих заветов, все указывало в ветхом на события нового: избрание и непорочность жертвы – на безгрешность Агнца, вземлющего грехи мира; спасение кровью его и вкушение жертвы одними обрезанными, – на таинственное приобщение одних верных тела и крови Христовых; само несокрушение костей агничих повторилось над Распятием, которому воины не перебили голеней, но в тот же вечер предали его гробу, подобно как и от пасхального агнца ничего не долженствовало оставаться до утра. И мы, искупленные божественной кровью, должны также ей приобщаться, как странники, готовые идти в небесную отчизну, подобно Израильтянам препоясанным в путь, и праздновать, как они, Пасху сию, не с одними опресноками, но и с безквасием сердца, чуждого всякой злобы.

С благоговением преклонился народ Израильский пред Моисеем, возвестившим ему слово Божье и свято исполнил первую Пасху. Настала полночь, Господь поразил всякого первенца в земле Египетской, от сидящего на престоле до первенца последней рабыни и всякого скота, и поднялся плач великий, в чертогах Фараона и во всем его царстве, ибо не было дома без мертвеца. Ночью возстал Царь и, призвав Моисея с Аароном, умолял их поспешить в пустыню, со всеми стадами, для принесения жертвы, и отходя благословить его. Так и Египтяне понуждали детей Израилевых оставить их землю, чтобы не погибли все ради них, и дали серебро свое, золото и одежды отходящим, которые не успели даже заквасить хлеба для пути.

Из Рамессы поднялись в путь сыны Израилевы, в числе шести сот тысяч, кроме жен, детей и пришельцев, чрез 215 лет после переселения Иакова, и чрез 430 лет после призвания Авраамова, которому обещал Господь племя безчисленное, как песок моря: – так исполнилось, в краткое время, обещание Божье. Ночью воздвиглась вся вила их из Египта, в ночь Пасхи, и чтобы сохранилась в сердце их память столь дивного избавления, Господь, на первом стане, дал новый закон, устами Моисея: каждый рождающийся первенец, от человека и до скота, должен был

посвящаться Богу, так, что всякого первенца жертвенных животных необходимо было приносить в жертву, и выкупать первенца прочих, ценой серебра.

Моисей не повел народ ближним путем Филистимским, чтобы уstraшенный оружием преследующих не бежал опять в Египет, но направил в пустыню, к морю Чермному, чтобы там явилась над ним помощь Вышнего, при недостатке всякой защиты человеческой. Он взял с собой и кости Иосифовы, по клятвенному обещанию, данному некогда умирающему Патриарху, и ополчился в пустыне. Господь был с своим народом, и днем предводительствовал столпом облачным, указывая путь идущим, ночью же светил столпом огненным.

Опять ожесточилось сердце Фараона и рабов его, когда услышали о бегстве народа; шесть сот колесниц вооружил Царь и со всеми конниками своими погнался за Израильтянами, которых настиг на берегу моря Чермного. Устрашился народ, при виде ополчения Египетского, и возопил к Моисею: «или мало было гробов в Египте, что ты извел умертвить нас в пустыне? Не умоляли ль мы тебя оставить нас в плену, ибо лучше было бы работать там, нежели здесь погибнуть!» Но Моисей ответствовал: «дерзайте и придет спасение свыше, ибо отныне не увидите более лица Египтян. Господь будет вам поборник, вы же умолкните.» Тогда Господь сказал Моисею: «что вопиешь ко мне? Скажи сынам Израилевым: пусть идут; ты же возьми жезл и простри руку на море, и сухо пройдут посреди него; ожесточится сердце Фараона, прославолюсь во всех колесницах и конницах его, и познают, что Я Господь.»

Ангел Божий, ходивший пред полком в столпе облачном, стал позади, между Израилем и полками Египетскими, и тьма их разделила, так что те и другие не смешались во мраке. Моисей простер руку на море и Господь погнал море, во всю ночь, сильным южным ветром, – море стало сушей, расступилась вода и поднялась стенами, с обеих сторон, для перехода сынов Израильских. Вслед за ними погнались Египтяне, со всеми колесницами, и вот, в стражу утреннюю, воззрел Господь, из столпа огненного, на полк Египетский и смял его, сокрушив колесницы; воскликнули гонители: «побежим от лица гонимых, ибо с ними Господь!» По глаголу Божию, опять простер Моисей руку на море: обратились волны и покрыли бежавших Египтян, с конями и колесницами, так что от всей силы Фараоновой ни один ни остался, все погрязли в пучине. На краю моря со страхом увидели сыны Израилевы трупы изверженных; они уверовали в Бога и его угодника, и Моисей вместе с народом воспел:

«Поем Господу, Он славно прославился: коня и всадника ввергнул в

море! Помощник и покровитель был мне во спасение; сей мой Бог и прославлю Его, Бог отца моего и вознесу Его; Господь сокрушающий брани, Господи имя Ему! Колесницы Фараоновы и силу его ввергнул в море; пучиной покрыл их, погрязли в глубине, как камень. Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости, десница Твоя сокрушила врагов, и духом ярости Твоей расступилась вода и огустели, как стена, волны посреди моря. – Враг сказал: настигну, разделю корысть, насыщу душу, убью мечем, но Ты послал Духа своего и стер врага, и как олово погряз он во глубине! – Кто подобен Тебе в богах, Господи; кто подобен Тебе, дивному во Святых, творящему чудеса?» И сестра Моисея, пророчица Мариам, взяв в руки тимпан, вместе с девами Израильскими воспела: «поем Господу, Он славно прославился, коня и всадника ввергнул в море!»

Сие дивное прошествие моря Чермного, утвердившее веру избранного народа в Моисея и в Бога, прежде нежели дан был закон в пустыне Синайской, служило вместе и таинственным прообразованием грядущего крещения нашего; ибо Апостол Павел ясно говорит: «не хочу оставить вас, братья, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прешли сквозь море, и все крестились в Моисея, в облаке и в море, и все одну и ту же духовную пищу ели, и все одно и то же духовное питье пили: ибо пили из духовного последующего камня, камень же был Христос.» (1Коринф. X. 1–4.) Последние слова Апостола относятся к иным, чудным событиям народа Израильского.

От моря Чермного повел его Моисей в пустыню Сур, и после трехдневного, безводного пути, достиг места, от горькой воды названного Мерра. Едва спасенные от Фараона и моря Чермного, уже возроптали на Моисея, доколе, по указанию Божью, не усладил им воды, вложив древо в источник; оттоль пришли они в Елим, где обрели двенадцать источников и семьдесят фиников, и ополчились при водах. Потом весь сонм Израильский двинулся в пустыню Син, недалеко от Синая, и там опять возроптал на вождей своих: «о если бы мы умерли в Египте, когда сидели вокруг котлов, наполненных мясом и пресыщались хлебом! Вот вы извели нас, чтобы уморить голодом в пустыне.» Но Моисей, приняв слово от Господа, который обещал ему послать с неба хлеб, сказал людям: «что мы? Не против нас роптание ваше, но против Бога; завтра увидите славу Его и познаете, что не мы, а Господь извел вас из земли Египетской;» и слава Божья явилась в облаке, среди пустыни, пред лицом народа.

К вечеру налетели стаями перепела и покрыли стан; а на утро выпала, вместе с росой, манна, мелкая как сотренное пшено и белая как лед. «Вот хлеб, который дает вам в пищу Господь,» сказал Моисей, и велел собирать

манну на рассвете, по определенной мере на каждого человека, ни меньше, ни больше, ибо всякий избыток гноился. При лучах солнца таяла манна, а в субботу совсем не падала, ради священного дня; посему каждый должен был собрать накануне двойную меру, приучаясь уважать покой субботний. Но чтобы манна сия, сорок лет питавшая в пустыне народ Израильский, на веки сохранилась для него памятником чудного руководства Божия, Господь велел Моисею взять одну её меру и сохранять всегда в святилище. Спаситель, низшедший на землю, изъяснил высокое её значение: «истинно, говорю вам, не Моисей дал вам хлеб с небес, но Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес, ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. Я есмь хлеб жизни; отцы ваши ели манну и умерли, но ядущий хлеб сей жить будет во век.» (Иоан. VI. 32, 33, 48, 52.)

Опять не было воды, при перемене стана, в Рафидиме, и опять возроптал неблагодарный народ, угрожая побить камнями Моисея; он воззвал к Богу на искушающих; но Господь велел ему идти, пред лицом народа, с жезлом, рассекшим море, и ударить в скалу Хоривскую; ударил Моисей в камень, и камень источил воду в утоление жаждущих; искушением и хулой названо было место. Тогда восстал Амалик, с сильным воинством против Израиля, покушаясь истребить ослабевших, которые отстали позади ополчения; Моисей велел Иисусу, сыну Навина, идти сразиться с врагами; а сам взошел на верх горы, с Аароном и Ором, держа в руках чудодейственный жезл. Доколе руки его были воздвигнуты к небу, одолевал Израиль, но поражался при их опущении, ибо победа следовала не оружием, а молитве; когда же утомились руки Моисеевы, Аарон и Ор стали поддерживать их, до захождения солнца, и сие крестообразное воздвижение даровало победу, в знамение той, которой должен был восторжествовать над землей крест Христов. – На память сей дивной битвы, Моисей воздвигнул алтарь, а в примерное наказание бесчеловечных врагов, Бог велел ему передать потомству свою непрременную волю, о истреблении Амаликитов, которая исполнилась уже при Царях Израилевых.

Услышав о дивных судьбах, которые совершились над Моисеем и людьми Израильскими, священник Мадиамский, Иофор, посетил в пустыне зятя и привел к нему жену и детей. Моисей рассказал все бывшее с ним тестю, и он принес всеожжение Богу, единому истинному, ради великих чудес, исполнивших ужасом его сердце. На другой день, видя, что от утра до вечера, сидит Моисей, один пред целым народом, приходящим просить у него суда Божия, Иофор советовал ему облегчить столь тягостный труд, избрав себе в помощь мужей праведных, богобоязливых,

смиранных, которых бы мог поставить над тысячами, сотнями и полусотнями и десятками, для рассуждения народа. Одно только неудоборешимое слово должно было восходить до Моисея, как посредника между Богом и людьми, и Моисей поступил по совету мудрого тестя.

ХІХ. Завет Божий, с Израилем на Синае

В третий месяц после выхода из Египта, сыны Израилевы пришли в пустыню Синайскую. Там, по зову Божию, взошел на гору Моисей, и Бог повелел ему напомнить странствующим людям все виденное ими в Египте и спасение их, как бы на крилах орлих; Господь обещал сделать народ сей избранным, святым между всеми народами, священным царством Своим, если только сохранит завет Его, и народ единокорно дал клятву исполнить все, что будет заповедано свыше. Тогда Моисей велел два дня очищаться людям, чтобы на третий предстать Господу, у горы Синайской, не прикасаясь к ней, под угрозой смерти, доколе не прейдут на её вершине гласы и трубы и облако, знаменующие присутствие Господа Бога.

На рассвете третьего дня, облако мрачное покрыло гору Синайскую, и посреди молний раздались с её вершины трубные гласы; Моисей извел народ в сретение Богу, к подошве горы, гора же вся дымилась, от сошествия Божия в огне, и восходил дым, как дым печной, и ужаснулся народ страшного трубного гласа, когда Моисей говорил Богу и Бог ему отвечивал. Призванный взошел опять на гору и с ним один только Аарон; тогда, с вершины Синая, изрек Господь десять заповедей, которые, как вечный закон, посреди непостоянства и разрушения дел человеческих, прешли все времена и достигли всех народов.

«Я Господь Бог твой, да не будут тебе боги иные, кроме Меня.

«Не сотвори себе кумира, ни всякого подобия того, что на небесах горе, или на земле долу, или в водах и под землю: да не поклонись, не послужишь им.

«Не принимай имени Господа Бога твоего всуе.»

«Помни день субботний, чтобы святить его: шесть дней делай, и сотвори в них все дела твои, день же седьмой, суббота, Господу Богу твоему.

«Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет и долголетен будешь на земле.

«Не убей».

«Не прелюбодействуй».

«Не укради.»

«Не послушествоуй на друга своего свидетельства ложного.»

«Не пожелай жены искреннего твоего; не пожелай дома ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, что только принадлежит ближнему твоему.»

При звуке страшного грома, при блеске молний, в ужасе отступил народ от дымящейся горы; он молил Моисея быть посредником между Богом и людьми, чтобы не сразил их глас Божий, и Моисей вошел один во мглу присутствия Господня, принять от него новые повеления народу, уверовавшему и познавшему страх закона.

Поелику беззаконная жизнь, час от часу более, затмевала в человеках внутренний закон совести, написанный в сердце каждого, то Бог предложил сперва, в кратком десятиловии, закон нравственный, обличающий немощь человеческую и необходимость небесной помощи; потом, чтобы еще более направить на путь спасения народ, уклоняющийся к чувственному, Господь связал его, на каждом шагу, обрядами внешними, которые имели только сень будущих благ, и обуздал бурный, еще юношеский тогда возраст человечества, строгими узаконениями гражданскими, посреди коих всюду проявлялась религия, как душа в теле. Но свобода веры облекалась страхом закона, бывшего пестуном во Христа, потому что многоразличные обряды и наипаче жертвы, приносимые за грехи людей, приготавливали, чрез искреннее сознание грехов, к той искупительной жертве, которая долженствовала однажды быть принесена за весь мир. Дух небесного учения, дотоле сообщавшийся чрез слово Божие, мужам избранным, по их оскудению, заключился в письмена священных книг, для грядущих родов; так произошли пять книг Моисеевых: Бытия, в которой изложил он повесть о начале мира и народа избранного, Исход, живописавший чудное его избавление из Египта; а три последующие: Левит, Числа и Второзаконие, заключали в себе законоположения церковные и гражданские, с повестью сорокалетнего странствования по пустыне.

Самые первые узаконения, которые принес Моисей с горы Синайской, уже показывали, из какого небесного источника они льются, ибо милость и суд изрекались вместе. Рабы из Евреев, чрез шесть лет служения, должны были получать свободу, в седьмой субботний год отдыха, если только не пожелают добровольно остаться при господах своих; но строгий суд постигал жестокосердых: око за око и зуб за зуб, и кровь за кровь, и цена сугубая за татьбу, с тонким разбирательством вольного или невольного поступка, и с заповедью глубокого уважения к судьям и князьям народа.

Господь, напоминая спасенным от работы Египетской, о их долгом странничестве, повелевал не оскорблять пришельцев, вдов и сирот, ибо голос их возопиет о мести, а сиротство падет на обижающих. Он запрещал заимодавцу удерживать у себя одежду, взятую в залог, далее захождения

солнца, чтобы не лишить нищего единственного его покрова, на время ночи; внушал даже возвращать врагу заблудившихся вола или осла его, и оставлять в покое саму землю или виноградник, на седьмой год субботный, чтобы бедные могли питаться их избытком и звери сельные остатками полей.

С возобновлением заповеди, о строгом хранении субботы, о начатках всякой твари и десятины всего имущества, посвящаемых алтарю, Бог определил три времени года, в которые должен был весь мужской пол в Израиле являться пред лице Его: в седмицу Пасхи и опресноков, ради избавления от плена; в день Пятидесятницы, на память законоположения Синайского и для благодарения за новые плоды полей, которых приносили начатки; и, в конце года, по собрании плодов, в праздник Кущей, воспомигавший долгое странствование по пустыне, под кровом Божиим; закон сей, о троекратном собрании всего народа, служил теснейшим для него союзом.

Бог обещал еще сынам Израилевым, послать пред ними Ангела своего, очистить путь в землю Ханаанскую и вытеснить оттоле все враждебные племена, достояние коих они должны были наследовать, с тем однако, чтобы не сообщались с ними и не веровали мнимым богам их, дабы не впасть чрез то в тяжкий, непростительный грех пред истинным Богом. – Моисей сошел с горы Синайской и объявил заповеди Божии людям, которые произнесли единогласный обет повиновения. Тогда он создал жертвенник, у подошвы горы, из двенадцати камней, по числу колен Израилевых, заклал жертву спасения, и половину крови возлил на алтарь, другой же окропил народ, прочитав ему прежде книгу завета: «Вот кровь завета, который совершил с вами Господь», сказал он, и это было прообразованием той божественной крови нового завета, которая некогда должна была пролиться во оставление грехов.

Потом Моисей возвел с собой на гору Аарона и двух сыновей его, Надава и Авиуда, с семидесятью старцами; избранные видели место, где стоял Бог Израилев, и остались живы. Но Господь воззвал опять Моисея на гору, чтобы дать ему скрижали каменные, с начертанием заповедей своих, которые были сокращением закона любви к Богу и ближним. Вождь Израильский велел народу, в глубокой тишине, ожидать своего возвращения и относиться для суда к Аарону и Ору; а сам, в сопровождении одного Иисуса Навина, поднялся в гору. Слава Божья, в подобии пламени, являлась на Синае, и облако покрывало гору, в течении шести дней; в седьмой, по гласу Божию, взшел Моисей в средину облака, и пробыл там сорок дней и сорок ночей неисходно, без пищи и питья, для

принятия наставлений, о таинственном устройении скинии и кивота, по образу, виденному на горе, на который указывал ему сам Господь; – так земное богослужение составилось по образу небесного, и невидимое отразилось в видимом.

XX. Идолослужение народа; предстательство Моисея

Между тем люди Израильские видя, что Моисей медлит на горе, восстали на Аарона: «сделай нам богов, которые бы шли пред нами, вопияли они, потому что не знаем где вождь, изведший нас из Египта.» – Малодушествовал Аарон, собрав золотые украшения жен и дев, он вылил тельца, воздал алтарь, и на утро принес всесожжение кумиру; вокруг него громко изрекали хулу неблагодарные: «Вот боги, изведшие нас из Египта!» взывали они, и потом сели есть и пить, и встали играть.

Господь внял святотатный вопль их и сказал Моисею: «Поспеши с горы, народ твой беззаконствует; скоро совратился он с пути, заповеданного Мною. Ныне оставь меня, Я истреблю его гневом ярости Моей, и произведу из тебя народ великий.» – Но Моисей помолился Господу, о изведенных им, рукою крепкою, из Египта, чтобы враги не обрадовались их гибели и не отнесли её к бессилию их Бога. Он напомнил обещания, данные Аврааму, Исааку и Иакову, о многочисленном племени их, и умилился Господь.

Вождь Израилев сходил с горы, неся в руках две каменные скрижали, на коих начертан был закон, перстом Божиим; спутник его Иисус услышал издали шумные вопли: «голос ратный в полку», сказал он Моисею, но извещенный Богом горько отвечал: «это не клики одолевающих и не вопль бегущих, нет, это шум упоенных вином»; когда же, приблизясь к стану, увидел золотого тельца и лики играющих, гневом воскипело сердце его; повергнув на землю скрижали, Моисей разбил их под горой. Он растопил тельца, стер его в прах, и смешав сей прах с водой, напоил ею сынов Израилевых; и на Аарона воспылал гнев брата, за соблазн целого народа. – Народ сей, после стольких чудес, согрешивший смертным грехом против Бога, который избавил его от смерти, и почти уже осужденный на всеобщее истребление, должен был однако понести казнь, по крайней мере в уменьшенном числе некоторых, наиболее виновных. Моисей стал во вратах стана и воскликнул: «есть ли кто Божий, пусть идет ко мне!» вокруг него собрались все сыны Левиины, и по слову вождя, прошли с мечем в руках, весь стан от края и до края, поражая каждый ближнего, соседа и брата, без всякой пощады, ибо все повинны были смерти; три тысячи человек пали от карающей руки их. «Ныне вы посвятили руки свои на служение Богу, сказал им Моисей, ибо не пощадили для него единокровных; да будет на вас благословение.» С тех пор колено Левиино

исключительно избрано было в удел Божий, потому что в день общего отпадения, предпочло закон его любви человеческой.

Совершив праведную казнь, как строгий судья, Моисей принял на себя кроткий сан посредника и, взойдя на гору, исповедал пред Господом согрешение народа. «Если отпускаешь людям грехи их, молился праведник, отпусти; если же нет, то изгладь и меня из книги Твоей». Господь отвечал: «виновного только изглажу, иди к народу; Ангел Мой пойдет пред лицом твоим, носам Я не пойду с народом жестоковъным, чтобы не поразить его на пути.» Восплакал народ, услышав страшное слово, и совлек с себя веселые одежды у подошвы Хорива. Моисей поставил шатер свой, названный Скинией свидетельства, далеко от полка, и всякий, кто обращался верой к Господу, исходил вне стана. Издали только видели люди вхождение Моисеево в скинию, которую покрывало тогда облако, и поклонялись издали славе Божьей, в видении облачного столпа; один юноша, Иисус Навин, не отходил от скинии, и Бог говорил с Моисеем, как бы кто беседовал со своим другом.

«Господи, сказал Моисей, вот Ты мне повелеваешь вести людей сих, но доселе не явил, кого пошлешь со мной; если же, по слову Твоему, действительно обрел я благодать пред Тобой, яви мне Самого себя, да увижу Тебя разумно и познаю, что истинно велик народ Твой.» Господь отвечал: «Сам Я пойду пред тобой и успокою тебя.» Еще дерзновеннее вознеслась молитва Моисеева, когда услышал о божественном сопутствии. «Господи, воскликнул он, покажи мне славу Твою»; но Господь сказал ему: «славой Моей пройду пред тобой и произнесу имя Мое, но не можешь видеть лица Моего, ибо видевший его не остается жив. Вот место на камне, стань и укройся в расселине, там осеню тебя рукою Моею, доколе не мимо иду, тогда взглянешь в след Меня, но лицо Мое не явится тебе.»

Снизшел Господь, в облаке, на гору Синайскую и мимо протекла слава Его, пред лицом Моисея, который услышал имя и свойства Божьи, из уст Божьих: «Господь, Господь Бог, щедр и милостив, долготерпелив, и многомилостив, и истинен, хранящий правду и творящий милость до тысячи родов, отъемлющий беззакония, неправды и грехи, творящий суд без лицепрятия, наводящий грехи отцов на детей до третьего и четвертого рода.» В ужасе пал Моисей на лицо свое; он молил очистить беззакония народа, и Господь, обновляя с ним завет и повторяя данные заповеди, обещал знамения, каких дотоле не видела вселенная, чтобы народ, руководимый Моисеем, познал дивные дела Божьи.

Сорок дней и сорок ночей стоял опять Моисей в облаке, пред лицом

Божьим, не вкушая хлеба и воды, и Господь написал ему, на новых скрижалях, им приготовленных, десять заповедей; когда же сходил Моисей с горы, держа в руках скрижали, прославилось лицо его, сиянием небесным; сам он не видел славы своей, но Аарон и сыны Израилевы, видя её, не дерзали приступить к нему, доколе не призвал их, чтобы объявить все услышанное им на горе. Тогда возложил на лицо свое покрывало, которое снимал только пред Господом, и оно знаменовало, что откровения ветхого завета являли только тень будущих благ.

XXI. Устройство скинии и кивота

Моисей внушил сынам Израилевым принять ревностное участие в деле Божием и принести, по желанию сердца и по достоянию каждого, золото, серебро, медь, руно, багряницу, кожи, елей, фимиам, не гниющее дерево и драгоценные камни, для создания скинии, кивота, алтаря и всего, что потребно было к богослужению, по образу, виденному им на горе. – Каждый поспешил принести все, что полюбилось сердцу его или пришлось ему по мысли; мужья пожертвовали драгоценными украшениями жен своих, а жены, искусные в делании тканей, предложили от себя багряницы, виссон и пряденую волну; князья народа принесли драгоценные камни свои, на ризу святительскую, миро и фимиам. Столь сильно возгорелось общее усердие, что в скором времени Моисей должен был запретить приношения, от избытка принесенных утварей.

Господь исполнил Духом премудрости Веселиила и Элиава, и они прежде всего устроили святительскую одежду, для верховного Архиерея, который не только долженствовал быть представителем всего народа Израильского в богослужении, но и образом грядущего великого Первосвященника Христа, и потому, облаченный в свои знаменательные одежды, мог, по высшему вдохновению, давать ответы вопрошавшим его о воле Божией.

Кроме нижних одежд, употреблявшихся и у Левитов, облачение сие составляли: верхняя риза, сотканная из гиацинтовой шерсти, долгая, круглая, без рукавов, украшенная ометами и золотыми звонцами, чтобы слышал народ хождение Архиерея по святилищу; ефод, сделанный из двух разноцветных тканей, с золотом и багрянцем, соединялся на верху парамниками, на которых сияли, в двух камнях имена колен Израилевых; ефод сей оставлял на груди место для наперсника, или слова судного, сделанного также из двух тканей, (с двенадцатью различными камнями, по числу колен Израилевых), которые прикреплялись золотыми цепями; на главу Первосвященника возлагалась, поверх митры, золотая дщица с надписью: «святыня Господня», чтобы помнил он свое высокое значение.

Веселиил и Элиав, приступили потом к созданию места общественного богослужения, Скинии свидетельства, которая была походным храмом, или царским дворцом Владыки Израилева, являвшего в ней Свое горнее присутствие. Все здание простиралось на сто локтей, от востока к западу, и на пятьдесят от юга к северу; оно разделялось на три части, куда входили с востока, в противоположность обычаям языческим,

чтобы и само солнце, предмет идолослужения, восходя, поклонялось храму истинного Бога, и потому что Церковь ветхозаветная ожидала еще пришествия Востока свыше. Двор скинии ограждали шестьдесят посеребренных столпов, на медных стоялах, обвешанных виссонными опонами, в пять локтей высоты; против входа, который отличался испещренной завесой, шириной в двадцать локтей, стоял большой алтарь жертвоприношений, окованный медью; на нем хранился неугасимый огонь, а за ним медная умывальница, в которой жрецы омывались пред начатием служения. Далее, внутри двора, находилась сама скиния: северная и южная стороны её состояли из двадцати, а западная из шести широких столпов, с двумя угольными; каждый имел десять локтей в высоту, был облечен золотом, о двух серебряных стоялах, и соединялся с прочими, посредством поперечников и золотых колец. Четыре покрыва: виссонный, по которому вытканы были Херувимы, шерстяной и два кожаных, один поверх другого, облекали не только верх, но и стены скинии, кроме восточной стороны, которая имела пять столпов и на них висела испещренная завеса, вместо дверей. Еще другая завеса, украшенная Херувимами, пресекала длину скинии, так, что две трети её принадлежали отделению восточному: это было святилище. При входе, на южной стороне, представлялся светильник с семью ветвями, изваянный из золота, на подобие дерева; с северной же стояла окованная золотом трапеzia, на которой непрестанно находились двенадцать хлебов предложения и фимиам; а впереди, ближе ко внутренней завесе, небольшой алтарь кадилный, также одетый золотом.

Внутренняя часть скинии называлась Святое Святых. Здесь находился кивот завета, в котором хранились скрижали закона: он сделан был из лучшего кедра, в два с половиной локтя длины, полтора высоты и ширины, и покрыт золотом извне и внутри, с золотым венцом по краям, такими же кольцами и носилами. Той же меры покров, из чистого золота, названный очистилищем, украшался Херувимами, которые преклоняли над кивотом свои лица и крила: очистилище сие было престолом, с которого Господь принимал поклонение людей Своих и открывал им волю Свою, чрез уста Архиерея.

Нет сомнения, что скиния, будучи устроена по образу, показанному Моисею на горе, имела в себе образы высших духовных вещей; она представляла Церковь, постепенно устрояемую в роде человеческом, и в каждой душе, обращающейся к Богу. Двор, открытый для всего народа, знаменовал внешнюю Церковь и всеобщее к ней призвание, а жертвенник и умывальница прообразовали Христианские таинства; крови и воды,

которые вводятся в Церковь, и запечатлевают союз с ней. Святилище открытое жрецам представляло внутреннюю Церковь, в которой Христос есть истинный свет и хлеб животный, и алтарь возносящий к Богу возлагаемые на Него молитвы и благодарения; однако в главнейшие таинства небесного царства еще должно было проникать гаданием, сквозь завесу, до predeterminedенного часа её расторжения. Святое Святых, доступное одному Архиерею, знаменовало самый престол и владычество Мессии Богочеловека, низшедшего с небес, как манна, и совершившего тайну оправдания и освящения нашего, в которую желают приникнуть Ангелы.

В первый день первого месяца, по велению Божию, поставил Моисей устроенную им скинию, оградил её двор, осенив завесами на столпах, и внес во внутренность святилища кивот завета; он возжег свечники и фимиам на алтаре кадильном, положил хлебы предложения на трапезу, все освятив миром, составленным по особенному наставлению Божию, и когда принес жертву всесожжения, внезапно облако покрыло скинию и слава Господня её исполнила так, что и сам Моисей не мог в нее проникнуть.

Устроив скинию, Моисей омыл пред дверьми её Аарона и сыновей его, потом облек брата в святительские ризы, хитон и ефод, возложил на грудь его слово судное, а на главу митру с золотой дщицею, семь раз окропил елеем помазания алтарь, все сосуды и скинию, и возлил миро на главу Первосвященника. – Он облек в хитоны и сыновей его, потом, возложив руки отца и детей на главу избранной жертвы, заклал тельца за грехи их и освятил кровью алтарь, а жертву сжег вне стана. Аарон, вместе с сыновьями, возложили еще руки на овна всесожжения, которого сжег Моисей на алтаре, в воню благоухания. И на другого овна совершения; кровью его помазал он край правого уха и правых перстов руки и ноги, Архиерея и обоих жрецов, чтобы посвятить их Господу. Возложив сперва, на руки освященных, рассеченную жертву и один хлеб предложения, Моисей вознес сии приношения также на алтарь; потом окропил еще раз. Елеем помазания и кровью жертвы, алтарь и ризы Архиерея и жрецов, чтобы довершить освящение, и велел им вкусить от жертвы на дворе скинии, запретив, под страхом смерти, выходить из нее семь дней и семь ночей, доколе не окончится время освящения.

В восьмой день опять повелел он Аарону избрать непорочных, тельца и овна, во всесожжение Господу, за грехи свои, а старцам Израильским привести тельца и овна, на жертву спасения, и еще козла за грехи свои, и собрался весь сонм пред дверьми скинии. Аарон приступил к алтарю и, помолясь сперва о себе и домашних, принес жертву всесожжения за грехи

свои, и кровью помазал роги алтаря; потом принес Богу и дар народа, заклал козла очистительного, за грехи людей, а тельца и овна, в жертву спасения, и пролил кровь их крестообразно на алтарь. Тогда, совершив всесожжение, поднял руки и благословил народ; вместе с ним благословил и Моисей, изшедший из скинии; слава Божья внезапно явилась всем людям, и огонь небесный, низшедши, объял все принесенное на алтарь, к ужасу народа, который пал на землю, пред столь дивным знамением.

Но сыны Аароновы, Надав и Авиуд, небрежные к служению святыни, вместо того, чтобы наполнить кадиланицы свои, огнем небесным с алтаря, огнем чуждым возжгли в них фимиам, и внезапно низшел от Господа огонь поядующий, который умертвил их, не опалив даже одежды. Ужаснулся Аарон; два другие сына, Елеазар и Ифамар, заступили место погибших, но Моисей запретил совершать плачь по ним, отцу и братьям, как посвященным Богу, дозволив сетование только народу.

XXII. Обряды богослужения и законы

Вся третья книга Моисеева, называемая Левит, заключает в себе, как права и обязанности сего избранного племени и трех степеней священства, Левита, Жреца и Архиерея, (которым соответствуют нынешние три степени церковные, Дьякона, Пресвитера и Епископа) так и законы церковные и частью гражданские народа Израильского.

Левиты простые вступали в действительное служение, в двадцать пять лет, и продолжали оное до пятидесяти. Они обязаны были помогать священникам, в делах звания их, и носить скинию со всеми её принадлежностями; но им не позволено было входить в нее, прежде нежели священники покроют кивот завета внутреннего завесой, и не оденут его, так как и другие священные вещи, покровами.

Священники должны были быть потомками Аарона, законорожденные, без порока на теле, неззорные в поведении и супружестве. Посему могли вступать в брак только с девицей из своего народа, или вдовой священника; не позволялось им употреблять вина пред священнодействиями и запрещались светские обряды сетования о умерших, исключая отца, матери, сына, дочери, брата и девствующей сестры. Во время служения жрецы употребляли четыре льняные одежды: надраги, покрывавшие наготу от чресл до колен, хитон, пояс и кидар, или род малой митры, обвитой длинной тканью. В определенное время приносили они во дворе скинии жертвы, и фимиам в святилище, возжигали каждый вечер светильник, и каждую субботу переменяли хлебы на трапезе предложения; трубами созывали они народ, для снятия ополчения, для праздников и на брань, и очищали молитвенно проказу и другие нечистоты, наставляя народ в законе.

Звание Иерея великого, после Аарона, по порядку должно было принадлежать старшему в его потомстве, достигшему по крайней мере гражданского совершеннолетия, т. е. двадцатилетнего возраста. Все отличия и обязанности простых жрецов относились равномерно и к великому священнику, но с некоторыми дополнениями, соответственными его достоинству. Он не мог иметь в супружестве вдовы, не смел обнажить голову или разодрать одежду в знак печали, ни оплакивать самых ближних родственников. Посвящение его отличалось, обильным излиянием мира, сделанного Моисеем и после хранившегося при скинии; преимущества его состояли в праве распоряжаться священнодействиями и входить однажды в год, во Святое Святых, с кровью очищения, во образ Христа.

Были еще лица, посвящаемые Богу под именем Назореев, что означало отделенного; они обязывались удерживаться от вина и винограда, во всех его видах, от стрижения волос и осквернения над мертвым. Обет сей давался иногда на всю жизнь, иногда же на известное время, и в последнем случае разрешался, принесением троякой жертвы и сожжением волос на жертвеннике.

Священным временем скинии было каждое утро и вечер, когда приносилось обычное всесожжение овна, муки, елея, вина и фимиама. Но ежедневная жертва удваивалась в субботу, которая начиналась и оканчивалась вечером и прообразовала покой нового завета. Строгость субботы простиралась до запрещения возгнетать огонь, но она не возбраняла дел богослужения, любви и необходимости.

После главных праздников, Пасхи, Пятидесятницы и Кущей, важнейшие освященные дни были: первый день седьмого месяца на праздник труб, в память слышанных на Синае, и во образ тех, которыми возвестят Архангелы кончину мира, и день очищения, десятый того же месяца. – В день сей, великий Иерей, принесши жертву о грехе за себя, поставлял пред скинией двух козлов, и, по жребию, одного из них закалал в жертву за грехи всего народа, входил с фимиамом во Святое Святых, и семикратно кропил кровью над очистилищем, а потом возлагал ее на роги алтаря. Над остальным козлом исповедывал он грехи народа, и повелевал изгнать его в пустыню; омовение предшествовало и последовало сим обрядам, и все оканчивалось всесожжением.

Новомесячия возвещались звуком труб, и жертвоприношениями. Бог, требуя себе начатков вещей и времен, напоминал, что Он есть единственное начало всего, и что все к Нему должно возвращаться. К той же высокой цели относилось учреждение года субботнего, т. е. седьмого, и юбилея, или седьмого из седьмых, которые воспоминали покой земли, во время невинности человека, и упокоения в Боге, с возвращением небесного наследия. Тогда прекращалось всякое земледелие, ибо Господь обещал изобилие от предыдущего лета, в год субботний, под условием сохранения заповедей. Сверх чтения закона и отпущения рабов и оставления долга, юбилей отличался еще возвращением наследственных имений прежним владельцам, почему и открываем был с большой торжественностью.

Пять различных жертвоприношений установлены были законом Моисеевым; для всесожжения употреблялись, смотря по достатку приносящего, телец, овен, козел, горлица, голубь; жертвенное животное должно было быть без порока на теле, не моложе семи дней, но и не

старое. Приведший четвероногое, возлагал на него руки пред алтарем, перенося на него свои грехи; а в случае общественной жертвы, сей обряд совершали старейшины; кровь проливалась крестообразно у алтаря; по снятии кожи, которую отдавали жрецу, труп рассекался, изымали внутренности и все возлагали на дрова жертвенника. Обряды над птицей были короче; жрец приносил её пред алтарь, с пролитием её крови; потом, бросив перья и внутренности на восточную сторону, надламывал крылья, осолял и полагал в огонь. Всесожжение знаменовало, что человек, его приносящий, жертвует собой Богу, подобно как Мессия вполне Собой пожертвует спасению человеков.

Жертву о грехе приносили за грехи, сделанные по неведению, слабости. Неосторожности, и за грех прирожденный, от которого истекают все прочие. По различию приносящих, она имела различные виды; от жреца помазанного, или целого сонма, требовался телец, коего кровь семикратно была бросаема пред внутренней завесой скинии, возлагалась на роги алтаря кадильного, и проливалась у алтаря жертвоприношений; тук сожигали на алтаре, а все прочее вне ополчения. От князя – козел, коего кровь возлагалась только на роги жертвенника, и, по сожжении тука, мясо сдается было жрецами во дворе скинии; от простолюдина – овца или коза; от неимущего – две горлицы или два птенца голубиных, из которых один, по воскроплении крови его на стену алтаря, принадлежал жрецу, а другой приносим был во всесожжение, или наконец, довольно было и несколько муки, коей горсть принадлежала алтарю, а остаток священнику.

Жертва о преступлении назначена была только за такую вину, которая не будучи достойна смерти, требовала однако удовлетворительного наказания, хотя не была обнаружена свидетелями; если же преступление сделано было с присвоением чужого, виновный возвращал похищенное и присовокуплял еще пятую часть цены.

Жертва спасения или мира образовала мир между приносящими, священнодействующим и Богом, и была троякая: благодарственная, обетная, вольная; её кровь проливалась также, как во всесожжении, и для жертвенника отделилось то же, что в жертве о грехе: но она имела ту особенность, что собственно жертвенные части возлагались на руки принесшего, и он, с помощью жреца, совершал обряд возношения; ему же возвращались прочие части животного и были сданы недалеко от скинии, а остатки сжигались. – Для дара безкровного употребляли: муку в различных видах, елей, ладан и вино.

Апостол Павел, объясняя различие между ветхим и новым заветом,

говорит, «что закон Моисеев, имея только тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, непрестанно повторяемыми, не мог сделать однако совершенными приносящих, ибо невозможно было, кровью бессловесных животных, уничтожить грехи; посему Христос, входя в мир, говорит словами предсказавшего о нем Пророка: «жертвы и даров ты не восхотел, но тело уготовал Мне, и потому Я сказал: си иду, как в свитке книжном писано о Мне, исполнить волю Твою, Боже»; – и по сей то воле освящены мы единокатным за нас принесением тела Иисуса Христова.» (Евр. XI. 4,5,7,10). «Если же, говорит тот же Апостол, отвергший закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывался смертью: то сколь жесточайшему, думаете, мучению повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню кровь завета, которой он освящен, и ругается над Духом Благодати? – страшно впасть в руки Бога живого!» (Евр. X. 28,29,31).

Выходя из скинии, закон обрядов сопровождал сынов Израиля в их дома, и преследовал их на всех путях жизни; он распоряжал их одеждой, присутствовал за их столом, бдел над чистотой их тела; входил в долю во всех их трудах и приобретениях. – В одеждах не позволял никому, кроме священников, смешивать льна и волны, что способствовало обузданию роскоши; ибо удобнее можно иметь одно из двух, нежели оба вместе. Такого же рода запрещение, распространенное на домашних животных и растения, служило наставлением, что никогда не должно делать примеси к чистому. Далее закон украшал воскрилия одежд, несколькими нитями того цвета, который присвоен был ризам святительским, и тем напоминал священному народу его достоинства и обязанности. Охраняя целомудрие, он запрещал смешивать одежды различного пола, и стрижение бороды и волос, вокруг головы, как обыкновение языческое.

В пищу из животных закон определял только более совершенные или самые кроткие и способные к поддержанию здоровья человеческого. С другой стороны, положив печать осквернения на тех, которых боготворили Египтяне, заграждал вход суеверию, и вообще укреплял преграду между Евреями и язычниками. Некоторые вещи возбранялись потому, что были посвящены Богу, как то: кровь и тук, а иные для того, чтобы воздержать алчность; так например, плоды молодых деревьев, до трех лет, почитались необрезанными.

Установления о телесной чистоте клонились не только к благосостоянию тела, но и к возвышению чистоты внутренней. Нечистый почитался неспособным к общению с людьми, а еще менее к богослужению, и состояние обрядовой нечистоты продолжалось иногда

один, иногда семь дней и более, и оканчивалось измовением, жертвой, кроплением воды очищения.

Моисей дал также некоторые законы, относившиеся к внутреннему благоустройству семейному, объяснил первоначальный закон брака, определив известные степени родства; но он уступил отчасти закоренелым обычаям и жестоковейности своего народа, когда допустил развод, даже кроме случая прелюбодеяния. Впрочем, для отвращения беспорядка, повелел акт развода совершать письменно, и запретил возобновление расторгнутого брака.

Гражданские законы Евреев, хотя писаны не для всех времен, однако всегда заслуживают уважения, по своей безпримерной древности, по равновесию между преступлениями и наказаниями, по мудрой строгости к злодеяниям и кротости к преступникам, более несчастным нежели виновным, по снисхождению к бедным, по сообразности с жизнью и нравами народа, по простоте и точности.

Моисей заключил книгу законоположений Божьих, небесным благословением, если народ будет держаться заповедей; от лица Господня обещал он плодоносие земли и благовременные дожди, обилие хлеба и вина, твердость и мир в стране обетованной, сквозь которую не пройдут рати, ибо враги падут под мечем Израиля, и пять человек из них погонят сто, я сто тьму; Господь будет их Богом, они же людьми Его, и с ними поставит Он завет Свой. Но если не покорятся заповедям и разорят завет, вознегодует Господь и наведет на них скудость и болезни, повреждающие очи и истаявающие душу; седмиричные язвы их постигнут, железным станет небо и медной земля; она не даст семени и плодов; люди Израильские падут под мечем врагов и побегут от страха, даже и когда не будет гонящих. Мстительный меч завета наведет Господь, и пошлет смерть на укrywшихся в города; все преданы будут в руки врагов, и ради голода снесут плоть своих младенцев. Опустеют капища и трупы людей лягут близ трупа кумиров, ибо отринутся жертвы и опустеет земля, так что изумятся о ней поселившиеся враги; весь народ рассеется между языками, и земля опустевшая будет праздновать свою субботу, вместо того отдыха, которого алчные не хотели давать её, после каждых шести лет. – Необычайный страх обуяет сердца сынов Израилевых, посреди рассеяния, так что побегут от шума летящих листьев, ибо не в силах будут противостоять врагам, за грехи свои и ха грехи отцов, доколе не обратятся и не исповедуют грехи, и не помянет Господь завета Своего с Иаковом, Исааком и Авраамом.

Сия страшная, но верная картина нынешнего состояния Евреев, за

тысячи лет предвиденная их законодателем и предсказанная им, в обличение грядущих родов, не должна ли поражать взоры каждого, как очевидца, истинной и величи́ем судеб Божьих?

XXIII. Ропот народа в пустыне и мятеж

На второй год странствования, прежде оставления пустыни Синайской, которая была ознаменована дарованием закона, Господь повелел Моисею и Аарону сделать, вместе с князьями народа, исчисление двенадцати колен Израилевых, и, кроме Левитов, нашлось могущих носить оружие, от двадцатилетнего возраста, 603550 душ; многолюднее прочих было колено Иудино, предназначенное для будущего царства; оно восходило до 75000, сыны же Левиины, обреченные Господу, вместо первенцев всего народа Израильского, не превышали числом 22273, и между ними разделены были различные служения скинии. – Из трех племен Каафова, Гирсамова и Мерарина, первому поручены были священные сосуды, второму завесы, покров и опоны, а последнему столпы здания.

Законодатель определил и место каждому колену, при расположении стана. Левиты, как ближайшие хранители святыни, должны были ставить шатры свои окрест скинии свидетельства, а во главе их, со стороны восточной, Моисей и Аарон. Вокруг ополчались сыны Израилевы: к востоку царственный Иуда, и Исахаром и Завулоном; к югу старший Рувим, с Симеоном и Гадам; к западу сыны Иосифа, Ефрем и Манассия, с единоутробным ему Вениамином; к северу же Дан, Асир и Неффалим. Старейшины каждого из двенадцати колен, принесли от себя богатые дары и жертвы, по совершении святилища, один за другим, в течении двенадцати дней, и сыны Израилевы совершили Пасху по закону, со всеми её обрядами, в пустыне Синайской.

Особенное знамение подавал Господь для поднятия стана; облако, которое, со дня устройства скинии, лежало над ней, блистая пламенем во время ночи, внезапно подымалось: тогда воздвигался Израиль и останавливался вместе с облаком, доколе опять не возвещало оно пути. – При звуке серебряных труб приходил в движение весь стан, по одному их зову собирались старейшины к Моисею, а по другому известному зову, снимали шатры свои и за ними следовали прочие.

В двадцатый день второго месяца, второго года, поднялось впервые облако с вершины скинии, от горы Синая к пустыне Фаранской, и колено Иуды, с восточной стражей, открыло шествие; за ним несли скинию Левиты и следовали по порядку прочие колена, начиная с южных. – Каждый раз, при воздвижении кивота, возглашал Моисей: «возстань Господи и да разсыплются все враги Твои, и да бежат все ненавидящие

Тебя»; при поставлении же кивота опять молился: «возвращай Господи тысячи тем во Израиль».

В пустыне Фаранской возникли новые искушения Моисею, от неблагодарного народа, который беспрестанно роптал на вождя своего, в течении сорокалетнего странствования. Господь поразил ропщущих огнем, и одна только молитва Моисея потушила пламя, истребившее часть полка, отчего и место прозвано запалением. Но вскоре возник другой ропот; сыны Израилевы вспомнили обилие рыбы и зелень Египта, и плакали, что душа их иссохла от вкушения одной манны; восстал и Моисей пред лицом прогневанного Бога. «Зачем огорчаешь Ты раба Своего, и не заслужил он довольно милости у Тебя, чтобы избавиться от управления таким народом! -воскликнул он. – Разве я зачал в утробе моей или родил людей сих, чтобы, как доилица в лоне своем, перенести их в землю, которую обещал Ты отцам их? Отколь мне взять мяса взывающим о пище? Не могу один водить их! Если же обрел я благодать пред Тобою, лучше порази меня смертью, чтобы я не видел такого озлобления.» – Но Господь велел Моисею избрать семьдесят мужей, из числа старейшин Израилевых, и привести их пред скинией свидетельства, народу же обещать мяса до сытости, на многие дни, так что возгнушается наконец избытком мяса.

На рассвете собрались старейшины к скинии и, снишедший в облаке Господь, взял от Духа, данного Им Моисею, и возложил на избранных мужей, которые внезапно стали пророчествовать. Двое из числа семидесяти не явились к скинии, но и на них излился Дух Божий, и они начали также пророчествовать в стане, к крайнему негодованию Иисуса Навина, который поспешил известить о том Моисея, прося его запретить им; но вождь Израилев отвечал: «кто даст, чтобы и все были Пророки, когда излиет Господь Духа Своего на них!» Он взошел в стан с избранными старцами: – тогда поднялся сильный ветер и нанес карастелей от моря, так что вся земля покрылась ими окрест стана; целый день и целую ночь и еще наутро, люди собирали себе птиц, иссушая их для пищи. Но еще мясо было в устах их, когда Господь поразил алчных, язвой великой, и место сие прозвано было: гробами похотения, от множества погибших.

Моисей перенес стан в Асироф, и там возроптали на него домашние, брат Аарон и сестра Мариям: «неужели с одним Моисеем беседует Бог?» говорили они и услышан был ропот их; Моисей же был самый кроткий из всех человеков на земле. Сам Господь рассудил братьев и сестру и, призвав их пред двери скинии, сказал им, из столпа облачного: «если

восстанет между вами Пророк, Я откроюсь ему в видении и во сне; но не таков будет он, как раб Мой Моисей, который верен Мне во всем доме Моем; не гаданием, но устами к устам беседую с ним, и он видел славу Господню; – как не устрашились вы роптать на него?» – Тогда отступило облако от скинии и обнаружился гнев Божий: Мариям внезапно сделалась белой, как снег, от проказы. В ужасе молил Аарон брата, не вменить им греха, ради неведения их, и исцелить сестру; помолился Моисей, и Господь велел отлучить Мариям только на семь дней из стана; весь народ ждал очищения её, не снимая шатров, потом опять ополчился в пустыне Фаранской.

Отсель, по воле Божьей, послал Моисей соглядатаев в землю Ханаанскую, по одному из каждого колена, узнать, какова земля обетованная и люди, живущие в ней. Крепки ли города их и обильны ли плоды? Сogleдатаи дошли до Хеврона и дебри виноградной, и там, отрезав одну гроздь, чрез сорок дней, возвратились в стан. Но весть, принесенная ими о исполинах, населявших крепкие города земли, кипящей медом и млеком, наполнила ужасом народ. Тщетно двое из соглядатаев, Халев и Иисус Навин, старались успокоить волнение; прочие десять вопили: «земля сия поядает живущих, и люди её исполины, пред которыми мы кажемся саранчой.»

Тогда восплакался весь сонм и роптал на Моисея и Аарона: «о если бы умерли мы, в земле Египетской, или хотя в сей пустыне! Зачем вводит нас Господь в землю, где падем на брани, а жены и дети наши сделаются добычей врагов! Лучше возвратиться нам в Египет; поставим себе старейшину и возвратимся!» Моисей и Аарон пали ниц пред народом и верные соглядатаи разодрали одежды свои, взывая: «хороша земля, виденная нами! Если любит нас Господь, то введет в неё; только не отступайте от Господа и не бойтесь людей, ибо время их прошло, с нами же Господь!» Но разъяренный народ, не внимая увещаниям, хотел побить камнями вождей; тогда слава Божья явилась в облаке, над скинией, пред всеми сынами Израилевыми, и сказал Господь Моисею: «доколь будут огорчать Меня люди сии, не веруя знаменьям, которые совершил пред ними? Поражу их смертью и погублю; тебя же и дом твой сделаю народом великим, еще более многочисленным.» Смирненно отвечив Моисей: «узнают Египтяне, как извел Ты, силой Твоей, народ сей из земли их, и не все ли живущие по вселенной слышали, что Ты Господь сему народу, видимо являешься очам его и идешь пред ним, столпом облачным днем, и столпом огненным ночью? Ныне, если истребишь народ сей до последнего человека, язычники, слышавшие имя Твое, скажут: «Бог погубил их в

пустыне, ибо не мог ввести их в землю, которую клялся даровать им. – Да вознесется рука Твоя, Господи, как некогда сам Ты возвестил мне; отпусти грех сему народу, подобно как и доньше Ты всегда был к нему милостив!»

Услышал Господь кроткую молитву Моисея и сказал: «милостив буду, по слову твоему; во веки будет жить имя Мое, и слава Моя исполнит землю. Но люди, видевшие славу и знамения Мои в Египте и пустыне, и десять раз искушавшие Меня, истинно не увидят землю, которую обещал отцам их; одни только дети их, еще неразумные добра и зла, её получат, и с ними Халев и Иисус Навин. Завтра возвратитесь опять в пустыню к Чермному морю. Скажи дерзнувшему роптать на Меня и на вас: в пустыне падут тела их; но дети, которых боялись отдать в добычу врагам, те наследуют землю, от коей отрекались отцы; сорок лет будут пастись они в пустыне, по числу дней, употребленных соглядатаями, год за день, неся на себе беззаконие родителей, доколе не истлеют тела их, и познают роптавшие всю полноту гнева Моего.» Во исполнение угрозы, первые поражены были соглядатаи, кроме Халева и Иисуса, внезапной смертью. Восплакались сыны Израилевы, движимые поздним раскаянием, захотели они взойти на верх горы, заслонявшей землю обетованную, вопреки словам Моисея, который предупреждал, что Амалик и Хананей поразят их, ибо Господь отступил от непокорных; он не позволил поднять кивота из среды полка, и меч врагов отразил ослушников.

Господь хотел утвердить, страхом, закон свой в сердце непостоянного народа. Вопреки заповеди, о соблюдении субботы, один из сынов Израилевых найден был собирающим дрова в пустыне. Моисей велел побить виновного камнями, и весь сонм был исполнителем казни, ибо против всех согрешил нарушитель закона, данного для общего спасения.

Вскоре открылось возмущение, угрожавшее спокойствию целого народа; ибо начальниками его были Корей, из племени Левитов, Дафан, Авирон и Авнан, из старшего колена Рувимова, с двумястами пятидесятью именитых мужей совета Израильского. Завидуя власти Моисея и Аарона, они восстали на них, говоря: «весь сонм свят, ибо со всеми Господь; зачем же превозносите над сонмом?» Изумленный такой речью, Моисей, со смирением отвечал возмутителям: «завтра покажет Господь, кто святые его, и призовет их к себе, не избранных же оставит; возьмите кадила ваши, Корей с своим сонмом; возжгите фимиам и завтра, кого изберет Господь, тот будет святым. Послушайте меня сыны Левиины: или мало вам, что Господь отделил вас, от всего сонма Израилева, на служение в скинии? Для того ли приблизил вас к Себе, чтобы вы еще восхитили священство и восстали на Господа, ибо кто Аарон, что ропщете против

него?»

Кроткая речь Моисеева не смягчила надменных; он послал звать и мятежных сынов Рувима, но они отрекались придти, упрекая вождя, что извел их из земли, кипящей медом и млеком, на гибель в пустыню, где еще хочет властвовать. Гневом исполнилось сердце Моисея, от несправедного укора: «Господи, воскликнул он, не принимай от них жертвы; ни от которого из них ничего я не принял и ни единого не оскорбил.»

На утро Корей, с своим сонмом, держа в руках кадила, стали у дверей скинии; стал и Аарон с кадилом возле брата; внезапно явилась слава Божья и Господь сказал Моисею и Аарону: «отступите от сонма сего и истреблю весь»; но Моисей простершись на землю, воскликнул: «Боже духов и всякой плоти, если согрешит один человек, на всех ли падет гнев твой?» и Господь велел сказать народу, чтобы отступили от сонмища Корея, Дафана и Авирона; отступили сыны Израиля, по слову Моисея, а мятежники спокойно стояли пред дверьми шатров своих, с женами и детьми, как бы не страшась казни за преступление.

Тогда Моисей сказал народу: «ныне узнаете, что Господь меня послал, и что я не от себя действую. Если, обычной смертью всех человеков, умрут люди сии, то не от Господа я послан; но вот земля раскроет уста свои и поглотит их, со всем достоянием; живыми сойдут они в ад, и вы уверуете, что прогневали Бога.» – Едва умолк Моисей, внезапно разселась земля под ногами мятежников, и погиб Корей, со всем его сонмом. Ужаснулся Израиль и с воплем бежал от места гибели; но огонь, изшедший от Господа, сжег двести пятьдесят мужей, принесших фимиам. Моисей велел сыну Ааронову, Елеазару, собрать медные кадила погибших и обложить ими алтарь всежжения, для вечной памяти страшного события, чтобы никто кроме семени Ааронова, не дерзал возжигать фимиам пред Господом, подобно Корею и его сонму.

Утром опять возроптал народ и устремился на вождей своих, взывая, «вы умертвили людей Божьих!», Моисей и Аарон бежали к скинии; облако покрыло её; явилась слава Господня, и гонимые опять услышали то же страшное слово: «отступите от народа и одним ударом истреблю весь.» – Они же еще однажды простерлись на землю и кроткий Моисей сказал брату: «возьми кадил и огонь с алтаря, вложи фимиам, и поспеши в стан помолиться о людях, ибо гнев Божий изшел от лица Его и уже начал губить их.» Аарон поспешил исполнить волю брата; с кадилом в руках, устремился он в стан, где совершалась казнь, стал между живыми и мертвыми, вознес молитву и престала смерть, но уже погибло четырнадцать тысяч семьсот человек. Только необычайная кротость

Моисея могла противостоять такому ожесточению спасаемого им народа, и здесь является чудный пример праведного гнева Божия и неизреченной его милости, а вместе и священнодейственной силы при заступлении Святых; ибо одно движение кадила, и одна молитва облаченного Архиерея, отделили живых от мертвых и спасли весь стан. Если же такую силу имело ветхозаветное богослужение, которое было только образом будущего, то кольми паче таинственно и знаменательно действие новозаветной молитвы и жертвы.

Чтобы совершенно истребить святотатное покушение на священный сан, подобающий только избранному семейству, Господь велел Моисею взять у двенадцати старейшин жезлы их, с именами каждого колена, и начертав на тринадцатом жезле Левия, имя Аароново, положить их в скинию свидения; Моисей исполнил волю Божью и на утро жезл Ааронов процвел один, между всеми жезлами князей Израильских, в одну ночь произрастив листья, цветы и плоды. Весь сонм с изумлением увидел печать избрания вышнего, на жезле Аароновом, который и положен был в кивот завета, в знамение грядущим родам. Страх смерти заменил ропот: «гибнем! Восклицали сыны Израилевы, всякий, прикасающийся к скинии умирает, неужели все до единого погибнем?» – Тогда дом Аарона и колена его, еще однажды и более исключительно, предопределены были на служение скинии, с распределением должности Первосвященника, жрецов и простых Левитов, и уже никто из иных колен не дерзал к ним присоединяться, для дел богослужения, под угрозой неминуемой смерти.

XXIV. Приближение к земле обетованной

Наступил сороковой год странствия. – Сыны Израилевы пришли в пустыню Син и пребывали в Кадисе; там скончалась сестра Моисея, Мариям. Опять возроптали люди на Моисея и Аарона, по недостатку воды. «О если бы погибли мы вместе с братьями нашими, в день из гибели! Говорили неблагодарные. Зачем привели нас из Египта в сию землю, где нет сеяния, ни винограда, ниже воды?» – Вожди народа простерлись пред дверьми скинии и слава Божья явилась над ними. «Возьми жезл твой, сказал Господь Моисею, и с братом собери сонм; скажи пред ними камню, чтобы дал воды и даст вас; вы же напоите ею людей и скот.» Но Моисей и Аарон, собрав народ, произнесли горькое слово, как бы сомневаясь в небесной помощи: «смотрите, непокорные, не изведем ли вам воды из камня сего?» Дважды недоверчиво ударил Моисей в скалу и потекла обильная вода, утолившая жажду всего народа. Тогда Господь сказал обоим братьям: «поелику вы не поверили Мне и не освятили Меня, пред сынами Израилевыми, не введете вы сонма их в землю обетованную.»

Здесь последовало начало неприязни Израиля с Эдомом, как бы в продолжение древней вражды Исава к Иакову. Моисей отправил послов из Кадиса, к Царю Эдомскому, с вестью о пришествии родственных ему детей Израиля и с смиренной просьбой пропустить их чрез его область. – Но тщетно обещали послы, именем Моисея, идти путем царским, не свращаясь на право и на лево, не касаясь винограда, не черпая даже воды из потоков; Эдом грозил ратью мимоидущим и выпустил против Израиля, который принужден был уклониться от Кадиса к горе Ор.

Там, на пределах Эдомских, сказал Господь Моисею: «да присоединится Аарон к отцам своим; вы не взойдете в землю наследия Израилева, поелику огорчили Меня на воде пререкания. Возьми брата своего, и сына его Елеазара, и возведи на гору Ор, пред всем сонмом; там совлеки с Аарона священные ризы и облеку ими Елеазара, Аарон же пусть умрет на горе.» Исполнил Моисей повеленное Господом; он возвел Аарона на гору и сняв с него ризы, облек Елеазара; на вершине Ора умер Аарон; Моисей же сошел с сыном его к народу, и тридцать дней плакал по Аарону весь дом Израилев.

Царь Арадский, Хананей, услышав, что приблизился Израиль к пределам его, выступил против него ратью и пленил некоторых; но Израиль воззвал к Богу и Бог предал врагов в руки своего народа, который опустошил всю негостеприимную область, так что само место прозвалось

запустением. Обходя землю Эдомскую, Моисей повел опять народ, от горы Ор по пути моря Чермного, и малодушествовали странствующие по пустыне.

Еще однажды возроптали они на Господа и на Моисея: зачем извел их на погибель в пустыню, где нет ни хлеба, ни воды; и Господь послал на них змей, от угрызания коих многие погибли. Тогда народ обратился с плачем к вождю своему: «мы согрешили, возроптав на Господа и на тебя, помолись о нас, и да удалятся змеи!» и помолился Моисей. «Сделай медного змея, сказал ему Господь, и повесь его как знамение; всякий угрызенный, возрев на него, будет жив.» Моисей воздвигнул змея и кто взирал на него, исцелялся. – Таинственный змей сей, который спасал веровавших, был знамением Того, кто некогда, как знамение пререкаемое, на падение и на восстание многих, благоволил, с вершины крестного древа, спасти верующих в него, ибо по собственному свидетельству Христову: «как Моисей вознес змея в пустыне, так подобало вознестись Сыну человеческому, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную.» (Иоан. III. 14, 15).

Народ Израильский продолжал странствие и достиг потока Арионского, на пределах Моавитских и Амморейских, у горы Фазги; оттоль Моисей послал просить свободного пути у Сиона Царя Амморейского, но Сион ополчился; Израиль, поразив его, овладел всей землей, разорил его столицу, и вселился во всех городах Амморейских. Той же участи подвергся и Ог, Царь Васанский, противостоящий народу Божию, на рубежах его наследия; ибо уже исполнилась мера беззаконий Ханаанских, как о том предвещал Господь Аврааму. Последний стан Израильский, вне обетованной земли, был в долинах Моавских, в виду Иерихона, на берегах Иордана.

Тогда Валак, Царь Моавский, видя поражение Аммореев, устранился и сказал старейшинам Мадиаамским: «пришельцы истребят нас, как поедают тельцы злак полей.» Он послал к Валааму, сыну Восорову, именитому волхву страны своей, с вестью о страшном нашествии иноплеменников, и просил проклясть их, ибо веровал, что благословенные Валаамом будут благословенны, а проклятые им прокляты. Когда же старейшины Моава и Мадиаама пришли с дарами к Валааму, волхв просил их переждать одну ночь, чтобы он мог испытать волю Божью, и услышал: «не идти с послами и не проклинать пришельцев, ибо они благословены Богом.» С сим ответом возвратились посланные; но Царь отправил к волхву князей своих, умоляя его придти, и опять отрекался Валаам, прежде нежели вопросить Господа. В ночном видении позволил ему Господь идти

с послами, с тем однако, чтобы делать только то, что Сам повелит ему; на утро Валаам, оседлав ослицу, пошел с князьями Моава.

Но Господь, видящий тайное, провидел, что сердце волхва, возлюбив несправедную мзду, уже отклонилось от правого пути, и послал ему обличение, явлением необычайным: Ангел преградил ему путь, и никто не видел посланника Божия, кроме ослицы волхва, которой Господь глаза и разрешил язык, когда ничего не видели созданные по подобию Божию, но уподобившиеся скотам бессловесным. В теснине, между виноградных лоз, уstraшенная ослица прижалась к ограде и повредила ногу волхва; раздраженный тщетно поражал её жезлом, доколе не упала под его ударами; тогда проговорила она, языком человеческим, укоряя жестокого всадника; прозрел Валаам, с ужасом увидел Ангела пред собой, с мечем обнаженным, и устыдился ослицы, спасшей его от неминуемой гибели. Он хотел возвратиться, но Ангел позволил ему продолжать путь, с условием, верно соблюсти заповедь Божью. – Обрадовался Царь Моавский пришествию волхва; Валаам объявил ему, что изречет только то, что вложил ему в уста сам Господь, и вместе с Царем, пославшим к нему богатые дары, взошел на высоту, отколь увидел часть стана Израилева. Там велел воздвигнуть семь алтарей, приготовить столько же тельцов и овнов, и сказал Царю: «останься у жертвы твоей, а я пойду: не явится ли мне Господь, чтобы возвестить тебе слово Его», и Господь внушил ему слово, которое передал князьям Моавским.

«Из Месопотамии призвал меня Царь Моавский, от гор восточных, говоря: иди прокляни мне Иакова, поспеши проклясть Израиля. – Как прокляну того, которого не клянет Господь, или как скажу зло тому, кого не осуждает Бог? Вижу его с вершины гор и с высоты холмов; один будет обитать народ сей и не смешается с языками. Кто исследит семя Иакова, кто сочтет сонмы Израилевы! Да будет душа моя с душами праведных сих и семя мое, как семя их!»

Смутился Царь Моавский и сказал Валааму: «я призвал тебя для проклятия и вот ты благословляешь.» – «Не обещал ли я тебе возвестить только то, что вложит Бог в уста мои?! Отвечал волхв. Опять возвел его Царь на иное место, на вершину Фазги, отколь мог видеть иную часть стана Израилева, создал еще семь алтарей, и остался ожидать у жертвы слова пророческого; снова шел Валаам спросить Бога и в притчах говорил Царю: «Бог не колеблется как человек и не изменяется, как сын человеческий, сказал и совершит, и сказанное пребудет; Он послал меня благословлять и благословляю: не будет труда в Иакове, ни болезни в Израиле; Господь его с ним, слава царская на нем. – Нет гаданий в Иакове,

ни волхований в Израиле; в свое время откроется им то, что совершит Бог.»

Еще более смутился Царь и сказал Валааму «если не клянешь, по крайней мере, ты бы не благословлял»; еще однажды возвел он волхва на другую высоту Фогора, чтобы оттоль извлечь клятву, если будет на то воля Божия. – Но Валаам уже чувствовал, что угодно Господу благословить Израиля, и не стал повторять прежнего обряда, но обратясь к пустыне, обозрел все ополчение Израиля, по коленам его, и исполнившись Духа Божия прорек в притчах, о грядущем царстве Мессии: «сколь красны дома твои Иаков, и шатры твои Израиль! Как тенистые дубравы, насажденные при реках, как скинии, которые водрузил Господь, или кедры при водах. Изыдет Человек от семени его и будет обладать народами, и возрастет царство Его; возлег и почил как лев и скимен, – кто возбудит Его? Благословляющие тебя благословенны, и проклинающие прокляты!»

Разгневался Царь и воскликнул: «я призвал тебя для проклятия, а ты в третий раз благословляешь; иди к себе, лишенный той награды, которую я обещал»; но Валаам, движимый Духом, не убоился отвечать: «не говорил ли я послам твоим, что целые храмины золота и серебра не принудят меня преступить волю Божию?» и отходя, в притчах, продолжал возвещать видение Божие, тайны Вышнего, и славу грядущего Мессии, которого видел только издали и ублажил еще не приближающегося, как звезду, имеющую возсиять от Иакова, (которой в свое время поклонились служащие звездам волхвы), и как человека от Израиля, который погубит Моава, т. е. беззаконие, и пленить всех сынов Сифовых, сим именем объемля весь мир. – Но Валаам, возвестивший славу народа Еврейского, в чрезвычайной дали, предвидел и его падение, от рук пришельцев Италийских, и окончив пророчество, возвратился в дом свой.

Не удивительно, что Валаам имел понятие о истинном Боге, потому что жил в стране, где обитали отрасли Авраамовы, и некоторые черты отчасти являли его человеком Божьим. Господь употребил волхва, как Пророка, между язычниками, чтобы показать глубину милосердия и величие судеб своих, ибо не гнушался иногда и не совсем чистым орудием, для вразумления стремящихся по гибельному пути.

В земле языческой постигло горькое искушение детей Израилевых; нечистая связь с дочерьми Моавитскими, вовлекла их в идолослужение и они стали поклоняться Веельфегору и другим кумирам, участвуя в жертвах идольских: – так сродны между собой неверие и разврат. Гнев Божий возгорелся против Израиля, и Моисей велел старейшинам раода умертвить близких своих, служивших кумирам, чтобы отвратить гнев небесный. Еще

стоял он с князьями, пред дверьми скинии, когда один из сынов Израилевых, Замврий, князь колена Симеонова, в виду всех, бесстыдно вошел в шатер жены Маданитской; но сын Первосвященника Елеазара, Финеес, воспаленный ревностью по Богу, схватил копье и устремившись в шатер, пронзил обоих в самую минуту преступления; тем прекратилась язва, свирепствовавшая по стану, которая истребила уже двадцать четыре тысячи человек. Господь обещал Финеесу, вечное святительство в роде его, за то что возревновал о Боге и умилиствовал Его для спасения Израиля.

Новое изчисление народа, сделанное Моисеем, пред входом в землю обетованную, показало могущих носить оружие, 520 630 человек, не считая колена Левиина, которое умножилось во дни странствования, когда уменьшились некоторые из других. Но все сыны Израилевы, готовые вступить в свое наследие, принадлежали уже к новому поколению, ибо отцы их, роптавшие на Господа, положили кости свои в пустыне, кроме Иисуса Навина и Халева, и еще немногих, верных обетованиям Божьим.

Когда Моисей довел народ до пределов земли обетованной, Господь сказал ему: «взойди на гору, и оттоль окинь взорами землю Ханаанскую, которую даю Я сынам Израилевым; взгляни на нее и присоединись к отцам своим, как брат твой Аарон, на горе Ор; ибо вы оба преступили слово Мое в пустыне Син, когда не прославили Меня пред ропщущим сонмом, у воды пререкания.» Исполненный смирения и заботы о своем народе, в самый час, когда лишился цели долголетнего, многотрудного странствия, Моисей отвечал: «да избрет Господь человека над сонмом, который пойдет пред ним и введет в наследие, чтобы не оставались люди, как овцы без пастыря.» – Бог повелел Моисею возложить руки на Иисуса Навина, передать ему заповеди, с участием славы своей, и поставить пред Елеазаром жрецом и народом: жрец должен был вопрошать Господа, а по слову его Иисус руководить народ Божий. – Моисей исполнил небесную волю и здесь является таинственное смотрение Божье, ибо не древний законодатель, чрез которого люди прияли ветхий завет, но иной вождь, ознаменованный спасительным именем Иисуса, должен был провести, чрез воды Иордана, обновленный народ, в землю обетованную, как и мы, крещаемые во имя Иисуса, отложив ветхий закон, вступаем в царство благодати.

Прежде однако, нежели отошел Моисей к отцам своим, Господь велел ему наказать Маданитов, за тяжкий соблазн своего народа, вовлеченного ими в идолослужение. Сыны Израилевы вооружились в последний раз, по гласу древнего вождя; с ними отпустил он Финееса и священные сосуды, с трубами зовущими на брань. – Весь мужеский пол Маданитский погиб, с

пятью царями их, и в общем поражении пал гадатель Валаам; все города и селы истреблены были огнем, а жены, скот и имение достались в руки победителей, которые привели их к Моисею и Елеазару. Но Моисей, опасаясь соблазна и новой язвы в людях, сказал князьям народа: «зачем сохранили вы женский пол? Не жены ли, по совету Валаама, обольстили сынов Израилевых, преступить закон Божий и тем подвергли их язве? – сохраните одних только дев, и семь дней не входите в стан, чтобы вам очиститься от крови, вместе с добычей приобретенной на брани.» Таким образом все, что могло пройти сквозь огонь, прошло чрез него, прочее же было измыто водой очищения, а добыча, за исключением десятины, по равным частям, разделена была между ходившими на бой и оставшимися в стане. Не погиб ни один из воинов, исполнителей суда Божия; вожди их, в знак благодарения, посветили скинии все приобретенное ими золото. Так исполнилась мера долготерпения Божия над одним из племен, исполнивших меру своих беззаконий, как о том еще за четыреста лет предрекал Аврааму Господь, тщетно ожидавший обращения и покаяния идолослужителей, хотя пример Валаама, посреди них, ясно показывал, что познание истинного Бога могло не быть чуждым для сих вольных отступников.

Тогда колена Рувима и Гада, богатые стадами, видя обилие пастбищ Галаадских, просили Моисея, Елеазара и сони князей Израилевых, не переводить их чрез Иордан, но дать им землю сию в наследие. «Братья ваши пойдут на брань и вы ли останетесь здесь? Сказал им Моисей, не отвращайте сердца сынов Израилевых от земли обетованной, подобно отцам вашим в пустыне Каддийской, на которых пал гнев Божий.» Но дети Рувима и Гада обещали вождю, оставить только стада свои в Галааде, идти, вооруженной силой, пред прочими коленами, и не возвращаться, доколе не введут их в землю обетованную, в которой уже сами отказывались от наследия, ради участка за Иорданом. Услышав такое обещание, согласился Моисей, и велел Елеазару и Иисусу Навину, с князьями народа, дать им Галаад, когда исполнят воинственный долг вместе с братьями; если же нет, то вести их, с женами и имуществом, в Ханаан.

Моисей заповедал сынам Израилевым, уже готовым идти на Ханаанеев, истребить все языческие народы в земле им предназначенной, чтобы не смешалось с ними избранное племя и не утратило завета, данного ему для спасения всего мира; велел сокрушить все требища и кумиры, и разделить между собой землю; если же сохранять жителей её, то они останутся, как иглы в очах их и как стрелы в ребрах, и

недовершенная казнь падет на неверных её исполнителей. – Он обозначил и пределы земли обетованной: пустыня к югу, от Эдома и до моря великого, и тоже море с запада, к северу горы Эмафа, свыше Галилейского моря до Иордана, и Иордан с востока до Мертвого моря; таким образом участок детей Рувима и Гада, почитался уже вне пределов обетованных. Моисей назвал и старейшин двенадцати колен, которые должны были разделить землю между ними, вместе с Иисусом Навином и Елеазаром, и во главе всех поставил бывшего соглядатаем Халева; он определил сорок восемь городов, для обитания Левитов, которым не назначалось участка земли, и в числе сих городов избрал шесть, для убежища неумышленных убийц, соединяя строгость с милосердием.

XXV. Повторение закона и кончина Моисея

Настало время отшествия Моисеева, но старец, исполненный дней и деяний, еще бодрствует; забывая сам себя, он еще носит в лоне своем, как мать младенца, неблагодарный народ, ропотом преградивший ему путь к земле обетованной, и собрав все силы духа, в последней книге, второзакония, излагает опять заповеди Божьи пред сонмом и грядущие судьбы его, все благодеяния Господа и чудеса, которых был орудием, и все частые отпадения, каких был свидетелем. Пред лицом стольких не мог отступить от истины умирающий вождь Израиля, и его прошедшее столь же верно как и будущее; действуя страхом и надеждой, мольбой и угрозой, призывая во свидетельство землю и небо, род мимошедший, настоящий и грядущий, он видел пред собой, во всей вселенной, только Бога и народ свой. Нужно было такое повторение закона, пророчеств и самих событий, людям, которых отцы пали от неверия в пустыне, и которые сами, после сорокалетнего странствования, в совершенном уже возрасте, достигая земли праотцов, лишались в тоже время великого законодателя.

В первый день одиннадцатого месяца, сорокового года странствования, собрал Моисей весь сонм сынов Израилевых, на равнине Иорданской, и начал сказание свое, от того времени, как Господь воздвигнул их от Хорива в землю обетованную, от которой отреклись отцы их по малодушию, и как наконец привел их опять, уже чрез сорок лет, путем победы, к наследию отцов, которое повелевал без страха отнять у врагов. Здесь не усомнился Моисей исповедать народу, каким образом умолил он Господа позволить ему, вместе с людьми своими, перейти Иордан, и как Господь, раздраженный против него за грехи их, ответственвал : «довольно, не проси более, но взойди на вершину горы; оттоль окинь взорами землю обетованную, и укрепи Иисуса предводить народ.» – Смирение изумительное в устах отходящего вождя.

«И ныне Израиль, продолжал он, послушай оправдания и судьбы, которыми научил тебя, чтобы тебе остаться живым и наследовать землю отцов, ничего не прилагая к заповедям и ничего не отнимая от них, ибо очи твои видели, как поступил Господь с идолослужителями. Есть ли народ, сколько бы ни велик он, к которому столь близок Бог, как близок к тебе Бог призываемый тобой? И есть ли у кого закон и богослужение подобные твоим? – И так соблюди их и научи им потомков, из рода в род; воспамяни дни древние, от начала мира: было ли когда нечто подобное сему, чтобы какой либо народ слышал глас Бога живого, глаголющего ему

из среды огня? – ты же слышал и остался жив! Избрал ли Бог иной народ, из среды народов, чтобы руководить его чудесами великими и рукой крепкой? – тебя же избрал, по любви к отцам твоим и показал чудные явления, на небе и на земле, дабы познал ты, что Он Бог крепкий и нет Бога, кроме Его!» Моисей повторил опять десять заповедей, данные в бурях Синайских, внушал любить Бога, всей душой, всем сердцем, всей силой своей, и не искушать его хождением вслед богов чуждых, ибо ревнив Господь Бог Израилев; в земле же Ханаанской еще раз повелевал истребить всякое идолослужение и семь народов враждебных, которые, не смотря на крепость свою, все должны были пасть пред оружием народа, верного Богу, если только не усомнится в помощи его, и не превознесется собственной силой. Для сего напомнил частые его отпадения, и дважды данные ему скрижали, и назначение Левитов для исключительного служения, предлагая ему избрать между благословением и клятвой. Он повторил вкратце закон, о начатках, десятинах и чистоте, о Пасхе, праздниках и субботах, о милосердии к странникам, нищим и рабам, о казни идолослужителей, лжесвидетелей и лжепророков, велел просить совета священников, предвидел избрание грядущего Царя, внушая ему заблаговременно изучать днем и ночью закон Божий, и привел опять на память все обрядовые и гражданские постановления.

Но, утверждая ветхий завет Бога с человеками, Моисей видел в нем начало нового завета, который долженствовал исполнить все его образы и гадания, и потому ясно предварил народ о появлении Мессии. «Господь возставит вам Пророка, из среды братьев ваших, как и меня, сказал он, и даст слово свое в уста Его и возвестит Он заповеди Божьи; всякий человек, который не послушает слов Его, сказанных во имя Господне, погибнет.» Моисей дал и знамение, как распознать истинное призвание Пророка, если кто усомнится в сердце своем: от Господа ли пришло слово? – «когда сказанное Пророком, во имя Божье, не сбудется, то нечестиво слово его, и не должно ему повиноваться.» – Но хотя небо и земля прейдут, прежде нежели не исполнятся слова пришедшего Мессии, и хотя Апостолы указывали на него ослепленным Евреям, как бы перстом самого Моисея, они предпочли бедствия, предсказанные им за ослушание.

Страшны угрозы сии, заключающие книгу второзакония, подобно книге Левит. Они противопоставляются обильным благословениям Божиим, которые обещаны исполнителям закона, и некоторые черты божественной угрозы поразительны, точностью её исполнения, над отверженным племенем, за несоблюдение завета. Господь обещал навести на сынов Израиля народ издалика, гордый, немилосердный, как устремление орла,

который сокрушит его во всех городах, и истребит плоды полей, так что, в тесноте и скорби, съедят плоть собственной утробы; они рассеются между всеми народами, от края земли и до края; пленников отвезут на кораблях в Египет и от избытка их не будет покупающих. – Не все ли сие исполнилось, когда орлы Римские налетели на Иерусалим? – но вот и еще признаки продолжающегося бедствия: Моисей предвидел, что и между языками не упокоит их Господь, и не даст места стояния ноге их, как и доньше нигде не имеют они участка земли, и даст им сердце печальное, и болезненные очи, и истаявающую душу; жизнь их будет висеть пред их очами; днем и ночью обнимет их трепет; утром скажут: каков будет вечер? И вечером: как будет утро? – Не таков ли ныне малодушный народ, некогда шедший завоевать землю Ханаанскую, и последний из всех народов, покорившийся игу Римскому?

Он должен был, по словам Моисея, сделаться притчей и игралищем всех народов, идти в полдень ощупью, как слепец во мраке, испытать все бремя поруганий, не имея никого заступником, видя все близкое сердцу похищаемым из рук его, по бессилию, каким поразила его Господь, посреди иноплеменных. И смятая земля, обетованная отцам, точившая мед и млеко, подвергнется той же клятве, уподобившись Содому и Гоморре, в свидетельство грядущим родам, которые спросят о причине её запустения. Но Моисей обещал и возвращение древнего благословения народу, если покается и обратится к Богу отцов своих. «Не свыше тебя, и недалеко от тебя, заповеди Божьи, говорил законодатель, нет, они близ тебя, в сердце твоём и в устах, дабы ты мог их исполнить; вот предлагаю жизнь и смерть, благословение и клятву, – и так избери жизнь, чтобы вступить тебе в наследие отцов.»

Следуя мыслью за своим народом, чрез Иордан, для него самого недоступный, он повелел, когда прейдут заветные воды, воздвигнуть, на горе Гевал, алтарь из камней, по числу колен Израилевых, и начертать на камнях слова закона, принести жертвы спасения и всесожжения Господу; потом разделиться двенадцати коленам на две половины: Симеону, Левию, Иуде, Исахару, Иосифу и Вениамину, стать на вершине горы Гаризима, для благословений; прочим же шести коленам стать на вершине Гевала, для проклятий, и там произнести страшную клятву нарушителям закона, которые не исполняют все его заповеди; народ долженствовал громогласно подтвердить клятву, единодушным: аминь.

«Мне уже сто двадцать лет, сказал Моисей народу, и я уже не могу более руководить вас, ибо Господь воспрещает мне перейти Иордан; но Иисус будет вождем вашим.» Вручая книгу закона священникам, он велел

читать её, всякие семь лет, на праздник кущей, и хранить при кивоте завета; «ибо я знаю упорство и ожесточение народа, говорил он, при жизни моей непрестанно роптали вы против Господа, что же будет после моей смерти?» Тогда Господь, явившись ему и Иисусу Навину, при дверях скинии, в столпе облачном, велел сложить вдохновенную песнь, которая изображала бы величие судеб Божьих, и переходила из уст в уста и из рода в род, для обличения непостоянного народа. Моисей, собрав старейшин, в присутствии двенадцати колен, произнес сию дивную песнь; небо и землю призвал он во свидетели прощальной речи.

«Вонми небо и возглаголю, да услышит земля глаголы уст моих; они возшумят, как ливень, снидут как обильная роса, как дождевые капли на зелень полей, ибо я призвал имя Господне! Воздайте величие Богу нашему; Бог истинен и все пути Его – суд; Бог верен и нет в Нем неправды. Согрешили недостойные быть Его чадами; род строптивый и развращенный! – так ли воздаете Богу, люди безумные! Не сам ли Он, как отец, приобрел вас и создал? Помяните дни вечные, разумеете лета поколений! Вопросы отца твоего и возвестит тебе, старцев твоих и научат тебя. Когда Вышний разделял народы, при рассеянии сынов Адамовых, Он поставил пределы народов по числу Ангелов Божьих; но Иаков был частью Господа, Израиль Его наследием. Он обрел его в пустыне, жаждущего в безводной, руководил и осенил, и сохранил как зеницу ока; как орел, любящий птенцов, покрывал гнездо свое, так простер над ними крыла, и восприял их и поднял на рамена; Господь один был вождем их и не было с ним бога чуждого! Он взял их в землю высокую, насытил благами полей, мёд и елей источил из твердого камня, масло коровье и млеко овчье дал им, с туком агнчим и туком пшеничным и кровью виноградных гроздей. И насытился Иаков и отвергся возлюбленный, расширился, отягчел, и оставил Бога создавшего его, отступил от Бога Спаса своего. Видел Господь и возревновал, раздражился на сынов и дочерей, и сказал: «отвращу лицо Мое от них, покажу им, что будет напоследок, ибо в роде развращенном нет веры! Они раздражили Меня богами, которые не суть боги, и Я раздражу их народом неразумным, который не был Моим народом.» – После страшной картины гнева Божья, предсказал Моисей и милость, когда увидит Господь расслабление рабов своих, и скажет: «где боги, на коих уповали? да воскреснут и помогут! – видите, видите, нет Бога, кроме Меня; Я даю смерть и жизнь, поражу и исцелю, и никто не похитит из руки Моей; ибо Я воздвигаю руку Мою на небо, и клянуся десницею Моею: один Я живу вовеки.»

Прежде своей кончины Моисей, человек Божий, произнес

благословения каждому из двенадцати колен Израилевых, и предрек силу Иудову, священство Левия, и могущество сынов Иосифа, подобно древнему праотцу Иакову. Когда же окончил Моисей свое пророческое благословение, о временных благах народа избранного до его горького отпадения, взошел он, по зову Божию, на вершину горы Фазги, против Иерихона; оттоль показал ему еще однажды, Господь, всю землю Галладскую, и всю землю грядущих царств Иуды и Израиля, даже до моря, и окрестную пустыню. Там скончался Моисей, по слову Господню, и погребен был на вершине горы, но никто не знает доселе места его погребения; в крепости лет своих скончался вождь и тридцать дней плакали по нем дети Израиля, в долинах Моава; Иисус Навин стал предводительствовать народом, но уже не восставало Пророка, подобного Моисею, который бы беседовал с Богом, лицом к лицу, и совершал бы знамения, какие он совершил.

XXVI. Иов

Когда сыны Израилевы руководимы были к истинному Богопознанию, откровением Божиим, для того, чтобы сохранить чистое предание о грядущем Мессии, – в то же время не лишены были света Божественного и некоторые праведные мужи, не принадлежавшие к избранному народу; ибо Господь, по выражению Апостола, хочет, чтобы все человеки спаслись и достигли к познанию истины. (Тим. II. 4.) Свидетельством тому служит, в священном Писании, между многими иными примерами, вся книга Иова, которую приписывают Моисею, во дни его жительства в пустыне Хоривской, у другого праведного мужа, не от племени Авраамова, Иофора, священника Мадиамского.

Был человек в стране Авситидийской, которая есть часть Аравии, именем Иов, непорочный, праведный, благочестивый, удалявшийся от всякого лукавого дела. Он имел семь сыновей и трех дочерей, и великие богатства, множество рабов, стада и верблюдов, и почитался благороднейшим из всех людей на Востоке. Дети его сходились на пиршество друг ко другу и, всякое утро, Иов очищал их молитвой, принося жертвы за каждого из них, ибо говорил сам себе: «быть может не согрешил ли кто из детей моих, в мысли своей, против Бога?»

Праведная жизнь Иова возбудила зависть древнего врага человеческого; дух лукавый дерзнул укорить его пред Господом. Что не напрасно Иов чтит Бога, который оградил извне и внутри дом его; если лишится он сего видимого покрова, не произнесет ли хулы в лице Господу? И Господь, в обличение неправды, попустил дьяволу испытать бедствиями праведника, не касаясь, однако, его лично. – Однажды, когда все дети Иова пиршествовали, по обычаю, в доме старшего брата, прибежал внезапно вестник к отцу их, с вестью, что хищники напали на стада волов и ослиц его и увели их с собой, умертвив всех служителей, кроме его одного. Еще иные два пришли, один за другим, с такой же вестью, что огонь небесный истребил внезапно всех овец Иова с пастырями их, и что набежавшие конники угнали в пустыню всех его верблюдов. Но самая горькая весть была последняя: пустынный ветер мгновенно поколебал с четырех углов храмину, в которой пировали дети Иова, и все они погребены были под её развалинами. Услышав о том, встал Иов, и разодрал свои одежды, посыпал пеплом главу, и простершись на землю, так помолился Господу: «нагим вышел я из чрева матери моей, нагим и возвращусь в землю; Господь мне дал, Господь и отнял, как

угодно было Господу, так и случилось, буди имя Господне благословенно во веки»; и, ни в одном из приключившихся бедствий, не согрешил Иов, роптанием против Бога.

Опять предал искушитель его Господу и, обличенный в своей неправде, отвечал: «кожу за кожу и все, что имеет человек, отдаст за душу свою; но коснись только плоти и костей его, и тогда не произнесет ли хулы в лицо Господу?» – Еще однажды предал Господь праведника, для большей славы, в руки искушителя, запретив однако касаться души его, и дьявол порастил его гноем, от ног даже до головы; – так выражается таинственно Святое Писание, о неисследимом для нас совете Божьем, над мужем, испытуемом в горниле бедствий.

Иов сел на гноище, вне города, и строгал черепком раны свои; по времени стала искушать его жена, спрашивая: «доколе будет терпеть он, и какую еще имеет надежду спасения посреди его зол? – пусть лучше скажет некое мятежное слово на Господа и потом умрет»; но Иов укорил её, как одну из безумных жен: «если мы умели принять благое из рук Божьих, то не ужели не стерпим злое?» сказал он и опять, ни единым словом, не согрешил против Бога. Услышав о бедствиях Иова, три царственных друга пришли посетить его и утешить: Елифаз, властитель Османский, Валдад Савхайский и Софар Минийский; издали не узнали они Иова, – так изменился прежний благолепный вид его, и с громким воплем разорвали свои одежды и посыпали пеплом голову; семь дней и семь ночей сидели они вокруг него, и безмолствовали от избытка зол, его обременивших.

Наконец открыл уста свои Иов и, в горькой речи, излилась душа его: он проклял день своего рождения и ночь, в которую сказали о нем: человек родился! – «ночь сия да будет всегда тьмою, и никогда да не воссияет её свет от Господа! Зачем не погиб я в утробе матери моей, или когда произошел на свет! – теперь бы я покоился с отжившими владыками земли, там, где вместе раб и властитель, малый и великий. Для чего дан свет изнывающим от печали, и душам болезненным дана жизнь? Они желают смерти и не получают, жаждут её, как сокровища, и радуются, получив. Воздыхание приходит мне прежде брашен, и слезы мои текут, ибо страх, которого я ужасался, настиг меня внезапно, и нет мне мира или покоя.»

Друзья Иова хотели его утешить, и только растравили его сердечную рану, безрассудными речами, или горькими для него примечаниями видимых и бывалых зол. «Зачем же и вы немилостиво на меня нападаете? Говорил им страдалец, разве просил я у вас помощи? – о если бы кто взвесил мои болезни, они оказались бы тяжелее песка морского, ибо

стрелы Господни в теле моем. Не ревет дикий осел, или вол, имея пред собой пищу; не может умириться душа моя. – Не искушение ли для человека жизнь его на земле? Как раб, боящийся господина своего, или как наемник, ожидающий mzды своей, так напрасно ожидал я отрады посреди болезненных своих ночей. Когда ложусь спать, думаю – скоро ли утро? Когда встаю – скоро ли вечер, ибо я исполнен болезнями от вечера и до утра. – Жизнь моя утекла легче течения скорохода, подобно кораблю, не оставляющему по себе следа, или парящему в воздухе орлу. Утроба моя сгорела от плача, и тень смертная на веждах моих, но не было неправды в руке моей и молитва моя чиста: на небесах Тот, кто послушает меня, свидетель мой в вышних; да придет мольба моя к Господу, пред которым каплет око мое; иду путем, которым не возвращусь, тлею, волнуясь духом, и тщетно прошу себе гроба; сердце мое расторглось, мне изменился день в ночь, дом мой ад для меня; я назвал смерть отцом моим, а матерью и сестрами червей, меня точащих, ибо нет мне от них избавления и с ними вместе сойду в землю. Не превозносите и не трудите души моей, все ближние мои меня оставили; помилуйте меня, помилуйте друзья мои, ибо рука Господня меня коснулась. Но я знаю, что вечно живет Тот, кто некогда меня искупит и воскресит на земле страждущую плоть мою, ибо все сие мне послано от Господа.»

Вспомнил Иов прежние благие дни свои и сказал: «кто возвратит меня к прежним месяцам и дням, в которые хранил меня Бог, когда светильник Его сиял над моей головой, когда посещал Господь дом мой, Своим благословением, и обливались горы и пути мои млеко и маслом; когда ставили мне престол на стогнах города, и старцы мной вставали, и безмолствовали старейшины, улажая меня. Тогда спасал я убогого от руки сильного, и помогал беспомощному сироте, облекался правдой и судом, как одеждой, был оком слепых, и ногой хромых, и отцом немощных, умиряя всякую распрю. Я говорил тогда сам себе: достигну я возраста маститой пальмы, ибо корень мой при водах, и роса пребудет на жатве моей, и слава моя со мною навсегда. Никто не смел тогда открывать мне наперекор уста свои, но все радовались словам моим и ожидали их, как нива жаждущая дождя, ибо я был как Царь посреди сильных; а ныне и малейшие ругаются мною, которых бы даже не почел я достойными пасти стада мои, и для всех обратился я в притчу и гусли.»

Умолк наконец Иов, умолкли и друзья его, но между ними явился четвертый собеседник, Елиус Вузитянин, который с гневом укорял Иова, за то, что называл себя праведным пред Богом, укорил и трех друзей его за то, что не могли отвечать ему и осудили его, как нечестивого. Когда

перестал говорить Елиус, сильными речами изобразивший величие Божье, сам Господь таинственно вступился в беседу человеческую, предъявляя тем грядущее тесное свое сближение с творением рук своих, и говорил Иову сквозь бурю и облака:

«Кто сей, скрывающий от меня помыслы свои, и думающий утаить их в сердце? Препояшь мужеством чресла твои, ибо я стану вопрошать тебя, ты же ответствуй. – Где был ты, когда основал Я землю? Поведай мне, если имеешь разум, кто дал ей протяжение и миру? На чем утверждены столпы её, и кто положил ей краеугольный камень? – Когда сотворены были звезды, тогда восхвалили меня гласом великим все Ангелы Мои. Я заградил врата изливавшемуся морю, когда исходило оно из чрева матери своей; Я дал ему одеянием облака и повил его мглою, положил ему пределы и сказал: доселе дойдешь и не прейдешь далее, и в тебе сокрушатся волны твои.»

«При тебе ли создал Я свет утренний, денницу, знающую урочное время свое? ты ли, взяв брение от земли, сотворил животное и словесного сего поставил на земле? Отнял ли ты свет у нечестивых, сокрушил ли мышцу гордых? Доходил ли ты до источников моря, исследил ли бездны? Отверзаются ли тебе страхом врата смертные, трепещут ли пред тобой привратники адовы? Испытал ли ты всю широту поднебесной? – поведай Мне её, и скажи: куда укрывается свет дневной и отколь тьма? Откроешь ли Мне пределы и стези их, и тогда познаю, что число лет твоих велико. Видел ли ты сокровища снежные и сокровища градные? Отколь исходит иней? Кто начертал путь молнии и грому, и дал ливню одождить землю и пустыни, на коих даже не обитает человек, чтобы и в непроходимых дебрях прозябли злаки полей? Разумеешь ли ты союз созвездий и разгадаешь ли знамение небесное? Призовешь ли голосом облака и послушают тебя трепетом воды? – пошлешь ли молнии блеснуть?»

В великолепных картинах представил Иову Господь все творческое свое имущество, при создании животных, и каждое из них, как бы вновь исторгалось из лона земли, пред очами Иова, подобно как некогда явилось Адаму, во всей силе и свежести первой минуты своего создания. Каждый из вопросов Божьих разителен, своим необъятным величием, брэнному человечеству, и изнемогающий под сим бременем Иов, восклицает, наконец то, что должен воскликнуть из глубины сердца, а не суетного ума, всякий дерзкий испытатель судеб Божьих: «знаю, Господи, что Ты все можешь и нет Тебе ничего невозможного; может ли кто утаить от Тебя помыслы своего сердца? Тебя вопрошать я буду, и Ты меня научишь, ибо доселе я слышал о Тебе только по слуху, а ныне и око мое видело Тебя, и

душа моя истаяла от страха, ибо я признаю себя землею и пеплом.»

Тогда Господь обличил грех друзей Иова, за то, что не говорили истину, подобно ему, он велел им привести к праведнику семь тельцов и овнов, и просить его, чтобы принес за них жертву, ибо только, ради его ходатайства, обещал пощадить их. Господь же возвратил Иову вдвойне все утраченное им; все присные опять к нему обратились и дивились чудному о нем промыслу Божию; опять родились ему семь сыновей и три дочери, славные красотой, и умножились его стада; он видел внуков своих, даже до четвертого рода, и скончался, исполненный дней.

XXVII. Иисус Навин; завоевание земли обетованной

По смерти Моисея, было слово Господне к служителю Его, Иисусу Навину: «Моисей, раб мой, скончался, встань, перейди Иордан, ты и весь народ с тобой, в землю, которую Я дам; вашим будет каждое место, где только ступит нога ваша, и пределами вам будет пустыня и Антиливан, море и великая река Евфрат. Как был Я с Моисеем, так буду с тобой; мужайся, ты разделишь землю сию народу; но соблюди все заповеди Мои; поучайся днем и ночью в книге закона, – тогда успеешь во всех путях твоих и Бог твой будет с тобой!» Иисус собрал народ и велел ему запастись пищей, чтобы чрез три дня перейти Иордан; он напомнил Рувиму, Гаду и полуплеменю Манассии, обещание, данное ими Моисею, идти сражаться вместе с братьями, и услышал от всех единодушное слово, о повиновении, если только Господь будет с ним, подобно как с Моисеем.

Тогда вождь Израиля послал двух соглядатаев в Иерихон, осмотреть незнакомую землю; достигла весть о том до Царя Иерихонского, и он потребовал их из дома Раавы, у которого остановились; но Раав укрывала пришельцев и уверила посланных, что они уже оставили город, а соглядатаям сказала: «знаю, что Господь предал вам землю сию, ибо страх напал на всех её обитателей, и мы слышали, как иссушил Бог пред лицом вашим море Чермное, и как поразили вы Царя Амморейского за Иорданом. Ужас объял нас, ибо один Господь ваш Бог на небе и на земле! – поклянитесь же Богом вашим, что окажете мне милость, подобно как и я вам её оказала, и пощадите дом мой и всех моих близких.» Соглядатаи поклялись спасти дом её, при разрушении города, и дали её багряную вервь, чтобы привязала на окно, в час приступа; тогда спустила их Раав в корзине, по городской стене, над которой стоял дом её, и велела укрываться три дня в горах, доколе не возвратятся посланные за ними в погоню; – так достигли они невредимо своего стана и возвестили вождю, о ужасе Хананейских племен.

На утро поднялся весь стан и ополчился при Иордане: чрез три дня глашатаи объявили людям, чтобы шли за Левитами, когда поднимут они кивот завтра, но не дерзали бы приближаться к святыне. – Иисус велел очиститься народу, в ожидании чудес Божьих, ибо Господь сказал ему: «ныне начну возвышать тебя пред сынами Израилевыми, дабы познали, что Я с тобой, как некогда был с Моисеем.» Тогда велел жрецам вступить, с кивотом завета, в волны Иордана, наполнявшего берега свои от

полноводия весеннего; но едва омочились ноги жрецов, внезапно стали воды, текущие свыше, огустев как стена, а воды, бывшие ниже, стекли к морю Мертвому, так что осушилось русло; священники остановились посреди реки, с кивотом, доколе народ по суху переходил Иордан.

Когда же все перешли, Господь велел взять двенадцать камней, из среды Иордана, и воздвигнуть. На месте первого стана, памятник, в вечное знамение тому, как иссякла вода Иорданская пред лицом сынов Израилевых. Галгалами прозвалось место сие; Иисус поставил двенадцать других камней и в самом русле Иордана, где стояли сухие ноги жрецов, доколе не перенесен был кивот и не потекли опять по прежнему воды, и с того дня убоялся народ Иисуса, как некогда Моисея, видя чудеса, которые сотворил рукою его Господь.

Ужасом истаяли души Царей Амморейских и Ханаанских, живших за Иорданом, когда слышали о дивном переходе реки. В Галгалах повелел Господь Иисусу обрезать всех сынов Израилевых, сорок лет скитавшихся по пустыне; там совершили они Пасху и вкусили опресноки, прежде нежели идти на брань; манна же, питавшая их во дни странствования, прекратилась с того дня, как вкусили они от прозведений земли обетованной. Дивное явление представилось вождю их, на полях Иерихонских: пред ним стоял муж с обнаженным мечем. «Наш ли ты, воскликнул Иисус, или из врагов наших?» и ему отвечивал дивный муж: «Я Архистратиг силы Господней; сними обувь с ноги твоей, ибо место, на коем стоишь, свято.» Иисус пал ниц пред Архистратигом и обнажил ноги, как некогда Моисей пред неопалимой купиной, когда Господь посылал освободить народ свой.

«Я предаю Иерихон в руки твои, сказал ему Господь, устами Архистратига, шесть дней сряду обходи крепкие стены, и семь жрецов да трубят пред кивотом, в седьмой же день обойдите семь раз; тогда, при трубном звуке и вопле народа, падут сами собой стены, и пусть устремится каждый внутрь города.» Иисус объявил народу волю Божию и свято её исполнил: шесть дней, в глубоком безмолвии, обносили жрецы кивот вокруг стен, на седьмой, по звуку труб, громко воскликнули все люди и обрушились стены. – Вождь Израильский обрек на гибель весь город и всех его жителей, кроме Раавы, которую велел спасти со всем её домом; строго запретил он народу присвоивать себе что либо из добычи, под страхом клятвы; все, кроме золота, серебра, меди и железа, должно было истребить огнем, металлы же принести в дом Господень. Но один, из племени Иудова, Ахар, преступил клятву, зарыв в шатре своем багряницу, золотой сосуд и двести талантов серебра, и прогневался Господь на сынов

Израилевых.

Не зная о том, Иисус, послал три тысячи воинов покорить город Гай, на востоке от Вефиля, но воины бежали от врагов, ибо Господь не был с ними; ужаснулся народ, привыкший к победам. – Огорченный вождь разодрал свои одежды и, посыпав пеплом голову, простерся на землю, со всеми старцами. «Господи, Господи, воскликнул он, зачем раб твой перевел людей сих чрез Иордан, чтобы предать их на истребление Аммореев? – о если бы мы поселились на берегах Иордана! Услышат Хананеи о поражении Израиля, и истребят нас, и что будет слава имени Твоего!» – «Восстань, ответственал ему Господь, Израиль согрешил, нарушив завет и утаив Иерихонскую добычу; оттого и не может противустоять врагам, доколе не очистится от клятвы.»

На другой день собрал Иисус народ, разделив его по племенам, поколениям и домам, чтобы узнать виновного, и выпал жребий сперва на племя Иуды, потом на поколение Зары, на дом Замвры и наконец на самого Ахара; он исповедал грех свой и открыл утаенное им в шатре: по приговору вождя, весь народ побил его камнями вне стана, за бедствие, которое навлек на всех, своим послушанием; имущество его сожгли, чтобы, как убийственную заразу, истребить все, что прикасалось к клятвенным вещам.

Тогда поднялся Иисус, со всем воинством, против Гая, и употребил хитрость; тридцать тысяч войска укрыл он в засаде, а сам притворился бегущим, чтобы вызвать из стен неприятеля и овладеть, в его отсутствие, городом. С ужасом увидели гонящие враги пылающий за собой город, и погибли все, под мечем Израиля; Царь их повешен был на древе и вся добыча была обречена клятве, подобно Иерихонской. Одержав победу, Иисус, по слову Моисееву, соорудил из камней алтарь, на горе Гевале, написал на камнях заповеди Божьи и принес всесожжения. Израиль разделил на двое, по шести колен, у гор Гаризина и Гевала, чтобы произнести благословения и клятвы, и услышал опять повторение всего закона, из уст Иисусовых.

Когда молва, о пришествии Евреев, распространилась в земле Ханаанской, все Цари её, обладатели семи народов, живших по обоим берегам Иордана, и на помории, в горах Ливана и на равнине, сообщались между собой, чтобы сразиться с пришельцами. Но жители соседнего Гаваона, не ожидая успеха от брани, прибегли к хитрости, чтобы отклонить от себя погибель, какой обрекались все враги избранного народа. Облекшись в ветхие одежды, с истертыми мехами и заплесневелым хлебом, они пришли, как бы издалека, в Галгалы, в полк

Израиля, и молили вступить с ними в союз, потому что слышали о великих судьбах Божьих, и старейшины их прислали, будто бы из дальней страны, для заключения союза с избранным народом. Князья Израилевы, не спросив Господа, дали клятвенное обещание пощадить их и впали в обман. Три дня спустя узнали они, что Гаваониты ближайшие их соседи, но уже нельзя было изменить данной клятвы. Народ возроптал на князей своих, и князья, для укрощения ропота, заняли города обольстителей, пощадив однако жизнь их, но обрекли всех на служение алтарю Божию и на работы для стана; таким образом Гаваониты сделались дровосеками и водоносцами скинии.

Порабощение Гаваона смутило Царя Иерусалимского; он созвал четырех Царей, чтобы поразить соседей, предавшихся добровольному рабству, и Гаваониты обратились за помощью к Иисусу. Ополчился вождь, ободренный свыше обещанием победы, и побежали Цари, наступившие на Гаваон, поражаемые каменным градом с неба, еще более, нежели стрелами Израильтян. Солнце склонялось к западу, но еще продолжалась погоня; тогда Иисус воскликнул пред лицом Господа, предавшего в руки его врагов: «да станет солнце против Гаваона, и луна против дебри Элонской!» и стали солнце и луна, доколе не завершилась победа.

Устроивший порядок времен, Сам, как будто его нарушил, но и сие отклонение, от обычного чина природы, могло входить в предначертание Всемогущего распорядителя вселенной, чтобы содействовать к той же таинственной, ему одному известной цели; «ибо кто познал ум Господний, или кто был ему советник?» восклицает Апостол (Рим. XI. 34, 35.). Солнце, померкшее при распятии Господа Иисуса, остановилось временно, по гласу другого Иисуса, который носил Его имя и образ, чтобы наименовать их силою чудес, и приготовить мир к принятию истинного Иисуса, имевшего явиться в смиренном виде человека, но со всемогуществом над стихиями, ему покорными; ради сего подобия повиновались они и одноименному с Ним мужу; племена же языческие, хульно воздававшие славу Божью светилам, могли из сего увидеть суету своей веры.

Пять воевавших Царей скрылись в пещере; Иисус хотел довершить погоню над их полками; когда же возвратились невредимыми сыны Израилевы, он велел вывести Царей из пещеры, и наступив им на выю, в знак порабощения страны, предать их смерти. В пещере завалили грудой камней трупы избитых, и пали, один за другим, все города их, под острием меча; вся земля, горная и дольная, от Каддиса даже до Газы, сделалась достоянием Израиля.

Восстали и другие Цари, по зову Иавина, одного из властителей, с остальными народами земли Ханаанской, в горах и долинах, и всех их предал Господь в руки Иисуса; он сжег их бранные колесницы и крепкие города, истребил всех жителей, исполнивших меру беззаконий, которые в слепоте своей, ратовали с избранным народом. Долго воевал с ними вождь Израильский, сокрушил и сынов Энака, род исполинский, обитавший в горах у Хеврона; более тридцати Царей пали постепенно пред его оружием, доколе наконец успокоилась покоренная земля и вступил Израиль в свое наследие. – Состарился Иисус. Господь велел ему, вместе с Первосвященником Елеазаром, разделить покоренную страну, от пустыни до пределов Финикийских, между девятью коленами и полуплеменем Манассии, подобно тому как Моисей дал участки, за Иорданом, другому племени, Гаду и Рувиму.

Старейшина племени Иудина, Халев, первый испросил себе участок, в горах Хевронских; он напомнил Иисусу: как обещал ему Моисей наследие в земле обетованной, за верность Господу, при отпадении сынов Израилевых в пустыне; хотя уже более сорока лет легло с тех пор на рамена его, восьмидесяти шести летний старец еще надеялся, с помощью Божьей, истребить остаток рода исполинов в горах, и истребил. В том же краю поселилось все сильное колено Иудово, зародыш будущего царства, от пустыни Син и Мертвого моря до моря Западного; колено Вениаминово отделяло Иуду от наследия, дарованного к северу сынам Иосифа, Ефрему и полуплеменю Манассии, которые предназначались в основание крепкому царству Израильскому; Иисус велел им расширяться оружием, истребляя Хананеев в лесах и горах. В их пределах находился тогда и кивот завета, в скинии свидения; пред дверьми её, престарелый вождь Израильский разделил, по жребию, землю и прочим коленам, поселив Симеона на краю сынов Иуды, а прочих пять к северу от Ефрема, равными полосами, в Галилеи и у подошвы Ливана.

По заповеди Моисеевой, не дал он особенного участка Левитам, но уделил им города в каждом колене, числом до сорока восьми, и назначил шесть городов для убежища невинным убийцам, три по одну сторону Иордана и три по другую, где должны были они оставаться до смерти Первосвященника, во дни коего совершилось убийство. – С благословением и богатой добычей, отпустил Иисус сынов Рувима, Гада и Манассии за Иордан, в их наследие; но они едва не вооружили против себя братьев, воздвигнув большой алтарь на берегах Иордана. – Прочие колена послали Финееса, сына Елеазарова, спросить их: «не хотят ли принести на алтаре сем жертвы богам чуждым? И не довольствуются ли святыней

кивота, стоящего в Силоме, для всех двенадцати колен?» Они же укротили гнев единокровных, объяснив им, что алтарь сей будет служить только в память неразрывного единства, между всеми коленами, чтобы с течением времени, три племени Заиорданские не почли себя чуждыми прочим.

Обремененный годами вождь Израиля, чувствуя приближение кончины, собрал еще однажды старейшин народа и сказал им: «я уже стар; вы видели, что сотворил Господь враждебным народам, и как поборствовал вам в их покорении; вся их земля уже принадлежит вам, от Иордана до моря великого; погибнет и их остаток. И так укрепитесь, чтобы хранить все написанное в законе Моисеевом; чуждайтесь язычников и богов их, и прилепитесь единому Богу вашему; если же отпадете от него и смешаетесь с язычниками, они будут вам в сеть и соблазн, гвоздями в пятах ваших и стрелами в очах, доколе не погибнете сами. Я отхожу в путь всея земли, и вы увидите, что подобно как доселе исполнялось над вами каждое слово Бога вашего, так равно исполнится и все благое и злое, предреченное вам, за соблюдение или отвержение завета его.»

Иисус напомнил народу, в кратких словах, всю повесть прежних лет, призвание Авраама и Иакова, рабство Египетское и освобождение Моисеем, странствие в пустыне и завоевание земли обетованной; напомнил еще, как страшно оставлять Бога отцов своих для богов чуждых, ибо Он свят и крепок и любит до ревности. – Весь народ поклялся верно служить Богу, и во свидетельство сей клятвы, Иисус поставил великий камень, под дубом у скинии завета, и написал все слова свои в книге закона. Тогда отпустил народ, сам же приложился к отцам своим, будучи ста десяти лет, и вслед за ним скончался Первосвященник Елеазар. – Оба погребены были в горе Ефремовой, где положили и кости Иосифа, принесенные из Египта.

XXVIII. Судии, 356 лет. Девора, Гедеон, Еффай

После кончины Иисусовой, сыны Израилевы спросили Господа: «кто из них начнет ратовать против Хананеев?» и Господь назначил колено Иудово. – Тогда Иуда ополчился, вместе с Симеоном, и поразил Царя Адонивезека, который отсек края рук и ног семидесяти пленным Царям, и подобно псам питал их под своей трапезой: его подвергли той же участи. Потом взяли они приступом и предали огню Иерусалим, Хеврон, Газу, Аскалон, и другие города до помория и страну горную. Ратовали также Вениамин и племя Иосифа, и прочие колена, в своих участках, но они не исполнили заповеди Моисеевой, позволив обитать у себя язычникам, и народы Хананейские укрепились против непослушных. – Ангел Господень пришел укорить их в Галгалы; он предрёк, что боги пощажённых врагов будут в погибель Израилю, и место сие прозвалось плачем, от плача народного.

Когда Иисус Навин и все современное ему поколение, видевшее славу Божию в пустыне, отошли к отцам, и возстало новое, то народ забыл Бога, изведшего его из Египта, стал поклоняться Ваалу и Астарте, и Бог предал его в руки врагов; повсюду была рука Божия над виновными. Он восставлял судей, чтобы избавить от пленения народ свой; но судей не слушались жестоковыйные; едва только умиловлялся их воздыханиями Господь и проходило искушение, едва умирал судья, Им воздвигнутый, как опять согрешали они, еще более отцов своих, и жертвовали богам чуждым. Посему Господь не истребил совершенно народы языческие, с которыми смешались сыны Израиля союзами брачными, вопреки строгих запрещений закона.

Сперва предал их Господь в руки Царя Месопотамского; после восьмилетнего рабства, воззвали они к Богу отцов своих, и спасение пришло рукой Гофониила, племянника соглядатая Халева. Новые измены навлекли восемнадцатилетнее иго Эглома, Царя Моавского; Аод освободил братьев своих, втайне поразив Царя, и одержал с войском Израилевым победу над Моавитянами; после него, Самгар, сокрушивший Филистимлян, был третьим судьей. Опять согрешили сыны Израилевы, и опять предал их Господь, на двадцать лет, в руки Иавина, Царя Ханаанского.

Пророчица Девора судила в те дни народ, и к ней приходили на горы Ефремовы, под сень пальмы, где совершала суд. Услышав вопль собратий,

она призвала Варака, от колена Неффалимова, и велела ему собрать, у подошвы Фавора, десять тысяч воинов, из своего племени и Завулонова, чтобы поразить Сисару, воеводу неприятельского, на потоке Киссовом. Повиновался Варак, но малодушествуя, требовал присутствия Пророчицы в битве, и Девора предрекла ему, что рукой женщины будет похищена у него слава подвига. Ополчился Сисара, с девятьюстами колесниц, против Варака; но в день, назначенный к бою, сокрушил Господь все колесницы его, истребил весь полк до последнего человека и пеший бежал Сисара. Он устремился на пути в шатер Хавера, потомка тестя Моисеева, Иофора, уединенно стоявший под дубом. Иаиль, жена Хавера, вышла на встречу бежавшему и утолила жажду вождя, покрыла его одеждой в шатре, но сама взяла гвоздь и молот, и сквозь висок пронзила голову спящего; от сна ко смерти перешел Сисара. Тогда воспела победную песнь Пророчица Девора, как некогда Марьям, при переходе Чермного моря: «Сыны Израиля, благословите Господа; внемлите Цари, услышьте князья, пою Господу, пою Богу Израилеву.» Живыми красками изобразила она равнодушные десяти колен и ополчение двух, изшедших пожертвовать жизнью за братьев своих, и светлую победу, дарованную им Господом, по гласу жены и рукой жены: – «так, да погибнут все враги Твои, Господи, и любящие Тебя да воссияют, как солнце на востоке!»

Отдыхала земля Израилева, после победы, доколе новое преступление не повергло её, на семь лет, под крепкую руку Маданитов. Тщетно укрывался народ в пещерах и горах, – иноплеменники расхищали жатвы и стада. Обнищал Израиль и воззвал к Богу, Господь же послал Пророка, в обличение согрешивших. Ангел Его явился в Ефрафе Гедеону, сыну Иоаса, молотившему пшеницу на гумне отца своего, с намерением бежать от Маданитов.

«Господь с тобой, сильный крепостью!» приветствовал его Ангел, и смиренно отвечал Гедеон: «если бы Господь был с нами, не постигли бы нас бедствия! Где ныне все чудеса Его, о коих сказывали нам отцы, как извел и Бог Египта? Ныне Он отверг нас и предал в руки Маданитов.» Тогда воззрел на него Ангел и сказал: «иди в крепости твоей и спасешь Израиля, ибо Я посылаю тебя.» – «Я ли спасу его? Спросил Гедеон; род мой последний в колене Манассии, и я меньший в доме отца моего.» Но Господь отвечал, устами Ангела: «поелику Я с тобой, поразишь Маданама, как единого человека.» Гедеон молил Ангела дать ему знамение и подождать, пока принесет пред ним жертву; сам же поспешил заклать молодого козла и испечь хлебы, для угощения пришельца. Как некогда Авраам, он поставил пред ним яствы, под сенью дуба, и Ангел коснувшись

жезлом своим камня, мгновенно извел огонь, который воспалил жертву. Ужас объял юношу: «уввы мне! Господи, воскликнул он, ибо я видел Ангела твоего лицом к лицу»; но Ангел успокоил юношу, говоря: «мир тебе, не бойся, не умрешь!»

В ночном видении повелел ему Господь: разорить жертвенник Ваалов, созданный отцом его, срубить дубраву, посвященную идолам, и соорудив алтарь истинному Богу, принести в жертву два тельца, на дровах посеченной дубравы. В ту же ночь исполнил Гедеон волю Божью, ибо днем боялся возбудить гнев отца своего и сограждан. На утро взволновались они, увидя разоренный алтарь и посеченную дубраву, и требовали от Иоаса, чтобы выдал им сына своего на казнь; но старец сказал: «пусть отмстит за себя сам Ваал, если он действительно бог.»

Вскоре поднялись Мадиам и Амалик, с племенами восточными, и перейдя Иордан, стали в долине Израильской; но Дух Божий укрепил Гедеона, и звуком трубы созвал ое колена Манассии, Асира, Неффалима и Завулону. «Хочешь ли спасти Израиля рукой моей? Воскликнул он к Богу, вот я положу руно свое на гумне, и если будет роса только на руне, а по всей земле суша, уразумею, что Ты меня избрал»; Господь исполнил его моление; на рассвете потекла роса из руна, и опять помолился Гедеон: «если обрел я благодать пред Тобой, еще однажды испытаю Тебя: пусть будет сухо одно руно, а роса по всей земле», – и было так.

На утро ополчился Гедеон: «много людей с тобой, сказал ему Господь, посему не предам Мадианитов в руки твои, чтобы не похвалился потом Израиль, будто собственной силой истребил врагов; повели всем боязливым возвратиться домой», и возвратились двадцать две тысячи, десять же тысяч осталось при вожде. «Еще слишком много у тебя людей, сказал опять Господь, сведи их к источнику, там Я испытаю их; одни избранные пойдут с тобой; отдели тех, которые горстью станут черпать воду из потока, от тех, которые преклонят колена, чтобы напиться.» – Первых оказалось триста и Господь объявил, что трех сот довольно для спасения от Мадиама.

Ночью велел ему Бог идти, без всякого страха, с одним верным рабом, в стан вражий, многолюдный как туча саранчи, как песок на краю моря, чтобы там ободриться речами малодушествующих. В тишине ночи вождь Израилев услышал, как один воин рассказывал другому сон: что хлеб ячменный, раскатившись, опрокинул его шатер. – «Это меч Гедеона, отвечал другой, вождя Израилева, которому Бог предал Мадиама.»

Ободренный Гедеон с радостью возвратился в стан; он разделил воинов на три сотни, каждому дал в руки рог и пустой водонос, со свечей

внутри, и велел, по клику его, вострубить окрест полка вражия, с громким воплем: «меч Божий и Гедеона!» Посреди безмолвия ночи, с трех сторон обошли воины стан Мадиямский, и внезапно обнажив светильники, с трубным треском и громким воплем, устремились на спящих врагов. Внезапный страх напал на Мадиянитов, они бежали, поражая друг друга во мраке и смятении; вслед за ними погнались четыре колена Израилева, а племя Ефрема преградило им путь у Иордана; два князя Мадиямские погибли от руки гонящих; еще двух пошел преследовать сам Гедеон, с тремя стами своих воинов. Но на пути возстало на него колено Ефремово, с укором: «зачем не хотел разделить с ними подвига?» Кроткой речью смягчил их победитель: «что мог я совершить подобного вам? Сказал он, не лучше ли одна гроздь Ефрема всех виноградников Авиезера?» На берегах Иорданских просил он хлеба утомленным воинам, у жителей Сокхофа, нос горькой насмешкой они отказали ему в пище, равно как и жители Фануила; Гедеон обещал наказать их, если возвратится с победой, и взяв в плен князей Мадиямских, казнил, на обратном пути, старейшин обоих городов.

«Каковы были мужи, которых избили вы при Фаворе?» спросил Гедеон плененных князей. «Они подобны были тебе, как бы от рода царского.» отвечали пленники и Гедеон сказал им: «это были братья мои; жив Господь! Я бы пощадил вас, если бы вы их пощадили.» Тогда велел он сыну своему, отроку, поразить пленников, и не поднялась рука отроческая. – «Порази нас сам в силе твоей!» мужественно воскликнули князья, и пали под мечем вождя.

«Ты избавил нас от руки Мадиянитов, сказали Гедеону Израильтяне, владей нами, ты и сыны сынов твоих, после тебя;» но Гедеон, исполненный духа смирения, отвечал народу: «не я и не сын мой, но Господь будет владеть вами.» Он просил себе в награду только золотые украшения пленников и их верблюдов, с багряницей князей Мадиямских; вождь Израилев устроил из бранной корысти эфод, который долго хранился на его родине, Ефрафе, и послужил потом в соблазн всему Израилю. Сорок лет пребывала мирной земля во дни Гедеонова, и он достиг глубокой старости, окруженный семидесятью сыновьями своими; но после него опять совратился народ, и впал в идолослужение.

С дома Гедеонова начался суд Божий. Сын его Авимелех, рожденный от жены Сихемской, убедил сограждан своих избрать его единственным властителем, из многолюдного семейства родительского, и с ватагой разбойников умертвил семьдесят своих братьев; спасся один младший Иоафам. С вершины горы Гиризина, укорил он притчей жителей Сихема:

«однажды собрались древа, чтобы помазать себе Царя, и сказали маслине, будь нам Царем; но маслина отвечала: я ли оставлю тучность моего елея, прославляющего Бога и человек, чтобы владеть древами? Не захотела и смоковница оставить для царства сладостный плод свой, и виноградная лоза отречься от вина, веселящего человек; один только терн, избранный в Цари, призвал, под колючую тень свою, все древа, угрожая огнем, поядающим кедры Ливанские, если от него отступят. Так и неблагодарные Сихемляне, воздав Гедеону за все благодеяния, убийством семьи его, предали сыну рабыни, от которого изыдет огонь на Сихем, за его неправду!»

Три года властвовал Авимелех, и возникла вражда между ним и жителями Сихема; они возненавидели убийцу братьев и стали явно проклинать его; вооружился Гаал, сын Оведов, на властителя, но князь Сихемский, раздраженный надменными речами Гаала, еще держал сторону Авимелеха, и известив его благовременно, дал средства истребить врагов. Пострадал и сихем от мщенья Авимелеха; он обступил его войском; часть жителей, исходившая из городских ворот, погибла под мечом осаждавших, другая же задохнулась от дыма в укрепленной башне, которую обложил огнем. Опустошитель пошел воевать в город Фивис, но там слабая женщина прекратила его ратный подвиг: пораженный жерновным камнем в голову, Авимелех устыдился принять смерть от руки женской, и просил оруженосца пронзить его мечем: так совершилась над ним клятва брата, за убийство братьев.

После Авимелеха, Фола, из колена Иссахарова, правил двадцать три года Израилем, в горах Ефремовых. За ним следовал Иаир, родом из Галаада, одним только годом меньше бывший судьей. Сыны Израилевы впали опять в идолослужение, и разгневанный Господь предал их на восемнадцать в руки Филистимлян и Аммонитов, богам коих поклонялись. Иуда, Вениамин, весь дом Ефремов и весь Израиль, страдали от иноплеменников, которые переходя Иордан, опустошали селения их, и возопил народ к Богу о спасении. Но Господь укорил неблагодарных людей, за частые измены: «идите просить помощи у богов, поклоняемых вами,» сказал Он, и тем внушил раскаяние людям, которые исповедали грех свой и истребили кумиров; тогда сжалился над плачущими и дал им избавителя.

Израильтяне, ополчившиеся в Галааде, против Аммонитов, сказали друг другу: «тот, кто первый начнет воевать с врагами, будет нам вождем.» Был в Галааде муж воинственный, именем Иеффай, которого изгнали из дома отеческого законные дети, и с тех пор скитался он в горах, с

скопищем праздных людей. К нему обратились старейшины Галаада, и молили избавить их от руки врагов, обещая с клятвой сделать его князем своим, в случае победы. Избранный вождь послал сперва спросить Царя Аммонитов, зачем нападает он на людей, его не оскорбивших? Но Царь требовал себе земли, завоеванной Израилем, на пути из Египта. – «Не твоей землей владеет Израиль, отвечали послы Иеффая, а достоянием Царей Аморейских, Сиона и Ога, которых предал Господь в руки своего народа, когда шел он из Египта; владения Эдома и Моава, не хотевших дать свободного пути, он обошел пустыней, Ныне ли, чрез триста лет, хочешь присвоить себе чужое наследие, покоренное оружием? Или ты лучше Валака, Царя Моавского, воевавшего с Израилем? Владей своим и не вступай в деяние Бога Израилева; Господь рассудит между нами.»

Не послушал Царь посланников; но Дух Божий был с Иеффаем; он вторгся в пределы Аммонитские; там произнес страшный обет, принести в жертву Богу, если дарует победу, первое, что выйдет в сретение ему, во вратах его дома. Победа увенчала Иеффая; Аммониты бежали и двадцать городов их были преданы опустошению. Радостно возвращался он в Масифу, дом свой, и вот дочь его единородная, возлюбленная, вышла к нему на встречу, с ликами и тимпанами. Не было другой дочери, или другого сына, у Иеффая; увидя её, смущенный отец разодрал одежды свои и воскликнул: «о дочь моя, ты возмутила мне сердце, и ныне была претыканием очам моим, ибо я дал обет Богу и не могу возратить сказанного!» Кротко отвечала ему нежная дочь: «отец мой, если ты уже произнес обет Господу, исполни надо мной то, что исторглось из уст твоих, ибо тебе даровал Господь победу над врагами нашими; соверши обет свой, родитель, но только оставь мне еще два месяца жизни, чтобы я могла идти в горы, с подругами моими, оплакать мое девство.» – «Иди в горы,» сказал отец, и отпустил её; она пошла в горы и там, вместе с подругами, девами Израиля, оплакивала безвременную свою кончину, ибо не оставляла по себе потомства, которое было столь вожделенно в Израиле, по ожидании Мессии. После же истечения краткого срока, возвратилась в дом родительский, и отец исполнил над ней горький обет свой. С тех пор, дочери Израиля, из рода в род, ежегодно восходили в горы, на четыре дня, плакать по своей подруге, безбрачной дочери Иеффая Галаадского.

Колено Ефремово восстало на Иеффая, как некогда на Гедеона, за то, что без его содействия сокрушил аммонитов, и намеревалось сжечь дом его; тщетно оправдывался вождь, что мстил только за обиду своего колена, и что сыны Ефрема сами не хотели идти на зов его; вражда племен

Манассии и Ефрема, к жителям Галаада, принудила наконец Иеффая ополчиться и поразить виновников брани. Он засел с дружиной, на переправе Иорданской, чтобы перехватить бегущих с битвы, и отряд Галаадский заставлял каждого произносить слово: шибболет, т. е. колос, которое не могли так чисто выговаривать сыны Ефрема, как племена заиорданские: произношение обличало недругов, и таким образом, в день битвы и бегства, погибло сорок две тысячи мужей Ефремовых. Шесть лет судил Иеффай в Израиле, и после него семь лет управлял Есевон, рожденный в Вифлееме; Элон, от колена Завулонова, и Авдон, от Ефрема, один за другим, были также судьями десять и восемь лет; сыны Израилевы опять возмутились против Господа и он предал их, на сорок лет, в руки Филистимлян.

XXIX. Подвиги Сампсона; бедствие колена Вениаминова

Был человек от племени Данова, именем Маной, которого жена оставалась неплодной. Однажды явился ей Ангел Господень и обещал рождение сына, но запретил ей вкушать вино, или иной напиток, потому что имевший от нее родиться будет Назореем, т. е. посвященным Богу, и спасет братьев своих от ига Филистимлян. Со страхом рассказала жена, о явлении Ангела, и помолился Маной, чтобы ему было также видение. Услышал Господь благочестивую молитву; опять явился Ангел, и Маной спросил небесного пришельца, о судьбе обещанного младенца. – Ангел и на него распространил заповедь, данную жене, не вкушать вина и сикера, или чего нечистого, и запретил, чтобы железо касалось волос будущего Назорея. Обрадованный отец молил неведомого гостя остаться на вечерю; но Ангел отказался от вкушения хлеба; он согласился только помедлить, доколе принесут всесожжение Господу, и на вопрос о его имени, отвечал: «что спрашиваешь о моем имени? – оно чудно.»

Исполненный благоговения, Маной, принес жертву Богу, творящему чудеса, и когда пламень всесожжения поднялся от алтаря к небу, в столпе огненном и в дыме жертвы, вознесся Ангел; с ужасом простерлись на землю супруги. «Мы умрем, воскликнул Маной, ибо видели Бога!» но жена отвечала: «нет, если бы Господь хотел умертвить нас, не принял бы всесожжения от рук наших и не явил бы чудес, которые совершились над нами!» Она родила сына, назвала его Сампсоном, и с ним был Дух Господень, когда возмужавший ходил в ополчениях Дановых.

В Сампсоне готовилась казнь Филистимлянам, за долгое притеснение народа Израильского. Юноша пленился дочерью иноплеменных и, вопреки увещаниям родителей, принудил их испросить ему в замужество деву Филистимскую; но связь сия была пагубна её племени, и брачное пиршество обагрилось кровью. Идущий к невесте, Сампсон встретил в винограднике молодого льва и, одаренный свыше необыкновенной силой, растерзал зверя, как малого ягненка; спустя несколько дней, возвращаясь тем же путем, он увидел рой пчел в пасти львиной и предложил загадку тридцати юношам, которых приставили к нему Филистимляне, как стражей на пиршестве брачном: Сампсон обещал им тридцать одежд, если разрешат сию загадку: «от ядущего произошло ядовое и сладкое от крепкого,» и требовал столько же, если не отгадают. После безуспешных гаданий, юноши грозили жене Сампсоновой, сжечь дом отца её, если не

выведает тайны её мужа, и, движимая страхом, выдала им тайну: «что слаще меда и крепче льва?» лукаво сказали они в ответ пришельцу. – Сампсон, проникнув коварство, убил тридцать Филистимлян в Аскалоне, и удовлетворив их одеждами юношей, оставил неверную жену.

Чрез несколько времени чувство любви взяло верх над негодованием. Сампсон хотел опять возвратиться к жене, но отец уже сочетал её с другим и предложил младшую сестру, вместо старшей. Оскорбленный поклялся мстью Филистимлянам; собрав триста лисиц, он связал их попарно, с зажженными свечками на хвостах, и пустил в поля неприятелей; вспыхнули жатвы от разбежавшихся лисиц; гнев Филистимлян обратился на жену его и тестя; их сожгли, но сами убийцы поражены были рукой мстителя. Толпа иноплеменников рассеялась искать его в пределах Иудовых, где поселился в пещере, и сами жители пришли взять Сампсона, чтобы избавиться от грабежей. Сильнейший из мужей Израиля, спокойно дал себя связать, но при виде Филистимлян низшел на него Дух Божий и расторглись узы; он схватил челюсть ослиную, брошенную на пути, и ею избил до тысячи врагов. Жажда томила его после битвы; Сампсон воззвал к Богу, даровавшему победу, и из той же челюсти истекла вода, для утоления его жажды.

С тех пор, двадцать лет судил он Израиля, избавляя его от Филистимлян. Однажды пришел в Газу и жители города затворили ворота, чтобы схватить его на рассвете; но в полночь, Сампсон поднял ворота с веревками и отнес их на соседнюю гору. Еще раз прилепился он к жене иноплеменной, и от нечистой страсти утратил дары Божьи; князя Филистимские посулили много золота Далиде, дабы только выведала тайну его необычайной силы, и три раза обманывал её Сампсон, уверяя, что если свяжут его кожаными ремнями, или свежими канатами, или пригвоздят к стене за плетеницы волос, то утратится его сила. – Три раза приходили Филистимляне в дом Далады, надеясь схватить связанного; но как слабые нити расторгались на нем крепчайшие узы. Наконец хитрость женская превозмогла; ласками и упреками коварная умолила Сампсона, и он открыл, что вся его сила заключалась в волосах, до которых никигда не касалось железо; ночью остригла спящего Далида. – На клик врагов проснулся Сампсон, еще мечтая о силе, которую уже утратил, ибо отступил от него Господь, и, как один из слабых, впал в руки иноплеменников; жестоко обошлись они с давним недругом, и выколол ему глаза, в железах, заставили его вращать жернов.

Так протекли многие дни; волосы Сампсона начали отрастать. – Однажды собрались князя Филистимские, на празднество бога своего

Дагона, и хотели поругаться над узником; они вывели его из темницы, для игралища народу, и поставили между двух столпов храма. Горький слепец умолил вожатого отрока, дать ему осязать руками оба столпа, на которые опиралась храмина, полная мужей, жен и детей; когда же осязал столпы, он воззвал к Богу отцов своих: «Господи сил, вспомни обо мне ныне и укрепи еще однажды, дабы я воздал одну месть, за два моих ока, Филистимлянам, и пусть погибну вместе с ними!» – Сказал и, с прежней силой, опершись руками в оба столпа, сдвинул их с места; поколебалась храмина, и обрушилась крыша, со всеми бывшими на ней и под ней. Так истребил Сампсон, в час смерти, более врагов, нежели сколько погубил во всю свою жизнь; с честью погребли его братья во гробе предков.

Не было в то время вождя в Израиле, но всякий действовал по произволению сердца. – Некто Миха, от колена Ефремова, устроил у себя в доме эфод, слил идолов из серебра, похищенного им у своей матери, и нанял себе Левита, чтобы совершал служение в доме его, как бы истинный жрец Господний. Сей начаток идолослужения в частном доме, распространился вскоре на целое колено Даново, которое еще несовершенно основалось в земле обетованной. Соглядатаи, посланные им для отыскания себе участка, около помория Сидонского, пленились кумиром в доме Михи, и потом, пришедши в силу, унесли с собой, убедив Левита быть жрецом их; таким образом племя Даново отделилось от истинного богослужения, совершавшегося в скинии свидения, в Силоме.

По безначалию народа, случилось преступление, какого дотоле не слыхано было в Израиле, и которое омылось потоками крови. Некто Левит, взявший за себя жену из Вифлеема, после краткого несогласия и разлуки, пришел опять примириться с нею в дом родительский, и встреченный мирно, возвращался с супругой, на место своего жительства, в горы Ефремовы. Ночь застала их близ Иерусалима, населенного тогда язычниками, Иевусеями, и благочестивый Левит, не хотевший искать пристанища у иноплеменных, продолжал путь до Гаваона Вениаминова; но там никто из жителей не согласился дать гостеприимства страннику; один только старец, возвращавшийся в поля, принял его наконец в дом свой. Тогда ужасы Содомские повторились в Гаваоне; Левит нашел утром жену свою мертвой у порога; он рассек труп её на двенадцать частей и разослал каждому из колен Израилевых, в свидетельство беззакония, совершенного в Вениамине.

Весь Израиль поднялся, как один человек, от Дана до Вирсавии, и стал пред лицом Божиим, у скинии в Силоме; там рассказал им Левит свое бедствие, и все колена решились отмстить жителям Гаваона; но сыны

Вениамина не захотели выдать братьев своих праведной казни и навлекли на себя общее мщение. В числе двадцати шести тысяч засели они в стенах города; ополченный Израиль подступил к Гаваону, под предводительством Иуды, с четырьмястами тысяч ратных. Крепко бились сыны Вениамина, на жизнь и смерть, и дважды выходя из ограды, поражали осаждавших; дважды стан Израилев с плачем взывал к Господу, доколе наконец не совершил поста и не принес всесожжений, которыми бы должен был начать священную брань; тогда лишь услышал слово Господне о победе.

Воины Вениаминовы, надмеваясь прежними успехами, отважились вдаль от городской стены, и не заметили как поднялась за ними засада; пламя Гаваона её обличило; весь город и почти все колено погибло; спаслось только четыреста мужей в пустыню. Им предстояло быть остатками своего племени, потому что дети Израиля, идучи на брань, поклялись не давать дочерей своих в супружество колену Вениаминову, и умертвить всех, которые не подымут оружия, в день общей битвы. Когда же совершилось мщение, восплакали дети Израиля, о истреблении одного из двенадцати колен, и пожелали спасти его остаток, не нарушая однако клятвы, данной пред кивотом.

Сперва извели они, кто из сынов Израиля не вышел на брань, и, наказав смертью всех жителей Галаада, виновных в нарушении сего долга, послали четыреста дев, спасенных от гибели их семейств, к остаткам Вениамина в пустыню; потом позволили им похитить еще несколько дев из Силома, на празднике, ежегодно там совершавшемся, и так, мало помалу, восстановилось двенадцатое колено.

XXX. Руфь

В те дни, когда Судьи управляли Израилем, случился голод. И некто Елимелех, от колена Иудина, вышел из Вифлеема, с женой своей Ноемминью и двумя сыновьями, чтобы обитать в селениях Моавитских. Там, на дочерях иноплеменных, Орфе и Руфи, женились оба сына его, и чрез десять лет умерли они вслед за отцом. Ноемминь осталась одна, с двумя невестками, и стала собираться на родину, в землю Иудову; она сказала невесткам: «возвратитесь в дома родительские, и да воздаст вам Господь за ту любовь, какую вы оказали мне и умершим.» Все три подняли жалобный плач и со слезами целовали друг друга: «пойдем с тобой к народу твоему» восклицали обе невестки, но благоразумная мать отвечала им: «нет, возвратитесь; еще ли есть другие сыны в утробе моей, чтобы дать их вам в супруги? Вот я стара и без надежды иметь детей, а если бы и родила, вам ли ожидать их позднего возраста? Нет, дочери мои, нет, на мне отягчилась рука Господня, не разделяйте моей участи!» – Снова поднялся плач разлуки и Орфа простилась с свекровью, но Руфь следовала за ней; еще однажды убеждала её Ноемминь возвратиться к людям своим и богам; с твердостью отвечала Руфь: «да не случится со мной такое горе, чтобы я когда либо оставила тебя, или возвратилась в дом свой; но куда ты пойдешь, пойду и я, и где ты водворишься, водворюсь с тобой; народ твой будет моим народом, и Бог твой Богом моим, и где ты умрешь, там умру и погребена буду; так да сотворит мне Господь, чтобы одна только смерть нас разлучила!» Умолкла Ноемминь, увидя твердость невестки; обе пошли в путь, когда же достигли Вифлеема, заговорил весь город: «это ли Ноемминь?» но она отвечала давним знакомцам: «не зовите меня Ноемминь (прекрасной), ах! Назовите меня Марой (горькой), потому что многими горестями исполнил меня Вседержитель.» Так, в начале жатвы, поселились обе странницы в Вифлееме.

Был человек сильный, в родстве мужа Ноеммии, именем Вооз, имевший богатые нивы, и Руфь, с согласия свекрови, пошла собирать остатки колосьев на поле его, издали следуя за жнецами; пришел и Вооз на поле свое, из Вифлиема. «Господь с вами», приветствовал он жнецов, и они отвечали: «да благословит тебя Господь»; увидев юную жену, осведомился о ней Вооз и узнал от жнецов, что Моавитянка сия, пришедшая с Ноемминью, от утра до вечера, без отдыха, собирала колосья для матери; тронулось его кроткое сердце. «Дочь моя, сказал он Руфи, не ходи собирать на иную ниву; но останься здесь и присоединись к моим

домашним; ходи вслед за жнецами; никто не оскорбит тебя, а если возжаждешь, иди к сосудам и почерпай из них, вместе с моими отроками.» – Изумленная такой милостью, Руфь, пала к ногам Вооза, который ободрил странницу: «я слышал все, что ты сделала для свекрови, по кончине мужа, и как оставила отца и мать и родину, чтобы поселиться с людьми тебе чуждыми, которых никогда не знала; да воздаст тебе за сие Господь и да получишь полную мзду от Бога Израилева, ибо ты на него возложила свое упование.»

«Благодарю тебя за милость, отвечала смиренная Руфь, ибо ты утешил меня и слова твои прошли мне прямо в сердце; я же не более, как одна из рабынь твоих.» Когда пришло время обеда, Вооз благосклонно подал ей хлеба и она села, вместе с жнецами, вкусить пищу; потом пошла опять собирать колосья до позднего вечера, ибо гостеприимный хозяин велел оставлять для нее часть от снопов. Целую меру ячменя принесла Руфь свекрови и разделила с ней остаток пищи, полученной на поле; Ноеминь подивилась успешному сбору хлеба, и услышав имя Вооза, благословила Бога, не оставляющего милостью своей живых, ради памяти усопших; она открыла невестке, что Вооз был родственник её мужу, и позволила ей собирать, во все время жатвы, колосья, вместе с его рабынями.

Прошла жатва: «дочь моя, сказала Ноеминь, не найду ли я тебе упокоения, для твоего блага? И не родственник ли нам Вооз, у которого нашла ты гостеприимство? В ночь сию веет он хлеб свой на гумне; ты же, облекшись в светлые одежды, укройся до начала ночи, а потом ложись у ног его и последуй во всем его совету.» Исполнила Руфь волю матери, и ужаснулся Вооз, увидя ночью женщину у ног своих. «Кто ты?» Спросил изумленный; она же смиренно отвечала: «я Руфь, раба твоя, прости и на меня покров твой, ибо ты мне родственник.» Радостью исполнилось сердце Вооза: «благословенна ты от Господа, дочь моя, сказал он, потому что ты не искала себе мужей богатых или убогих, между юношами; не бойся, все знают добродетель твою, и я исполню твое желание; однако есть у тебя родственник ближе меня, и если не захочет по обязанности взять тебя в супруги, я буду твоим мужем.» Прежде рассвета отпустил старец невесту свою к матери, обеспечив их пищей до брака.

Вооз сел, в вратах города, и пригласил мимоидущего родственника Руфи, сесть подле себя, в собрании десяти старейшин; он изложил пред ними одиночество Руфи Моавитянки, и спросил: «хочет ли ближайший родственник взять её за себя, вместе с участком земли, ей принадлежавшей, чтобы восстановить потомство её умершего мужа?» Пред лицом всех старейшин отказался ближайший родственник исполнить

священный долг сей, и по древнему обычаю, во свидетельство отречения, снял обувь свою и передал её Воозу, который объявил старцам, что отныне приемлет Руфь Моавитянку в дом свой, дабы не погибло имя умершего. Старейшины, призванные в свидетели, пожелали ему, чтобы юная супруга принесла в дом его благословение Лии и Рахили, на коих основался дом Израилев, и когда родила она сына, Овида, жены Иудейские говорили радостной Ноеммини, носившей на лоне своем младенца: «благословен Господь, не оставивший тебя без искушения и укрепивший имя твое в Израиле; будет утешение в старости твоей, ибо тебе родила сына невестка, тебя возлюбившая, которая лучше для тебя семи сынов!» Сей Овид был отцом Иессея и дедом Царя Давида, утвердившего царство Иуды, сыном коего называл себя сам Господь И. Христос.

XXXI. Пророк Самуил

Был человек, от колена Ефремова, именем Елкана, который имел две жены: одна рождала, другая же, Анна, оставалась неплодной; всякий год ходил он в Силом, поклоняться кивоту завета и приносить жертвы Господу; он разделял остаток жертвы между детьми многочадной; неплодной же давал с горечью одну только часть, хотя любил её более. «Зачем чуждаешься пищи и бьешь себя в сердце, говорил он, не я ли лучше для тебя десяти детей?»

Однажды в Силоме, когда Илий первосвященник сидел пред дверьми скинии, Анна предстала Господу и, с горькими слезами, излила душу в умиленной молитве: «Господи Сил, если призришь смирение рабы Твоей и дашь мне плод мужеский, Тебе посвящу его на всю жизнь; не вкусит он вина, или иного напитка, и железо не коснется волос посвященного.» Так глубока была молитва Анны, которую произносила из внутренности сердца, что голос её не был слышен, и Первосвященник, по непрестанному движению уст, почел её исполненной вином. «Нет, Владыка, отвечала смиренная, на горький укор, я только бедствующая жена в жесткой доле, и не исполнена вином, но изливаю душу мою Богу; не смешивай рабы твоей с дочерьюми погибели, ибо от множества сетования истаяла ныне душа моя.» Первосвященник отпустил её с миром, помолясь Господу, чтобы исполнил её прошение, и с миром в сердце возвратилась она в дом свой, где вскоре родила сына, которого назвала Самуилом. Она уже более не сопутствовала мужу, в Силом, доколе не воздоила млеком своего младенца; тогда привела его в дом Господень, с принесением жертвы, и напомнив Первосвященнику о молитве его над ней, предала отрока в руки Илии, для служения Господу на всю жизнь.

Радостью исполнилось сердце матери, при совершении обета; она воспела песнь Богу: «утвердилось сердце мое в Господе, разрешились уста мои на врагов моих, и возвеселились о спасении. Один Господь свят, Он один праведен, и кто свят подобно Ему? Господь живет и мертвит, низводит в ад и возводит, Господь убожит и богатит, смиряет и высит, дает молитву молящемуся, благословляет лета праведного. – Да не хвалится премудрый премудростью своей, сильный силой, и богатый богатством, но пусть хвалятся тем, что знают Господа и творят суд Его и правду на земле.» Первосвященник благословил её в путь, а Господь, разрешивший её неплодие, утешил её еще тремя сыновьями и двумя дочерьюми; оставленный же в скинии, отрок Самуил, возвеличился пред лицом

Божьим, и всякое лето мать приносила ему льняную одежду, для служения в святилище, подобно Левитам.

Два сына Первосвященника Илия не знали Господа, ни обязанностей жреческих; жадностью и развратом оскорбляли они Бога и людей, нагло требуя себе участка жертв, прежде их приношения, и оскорбляя жен, приходивших к дверям скинии. Услышав о столь тяжком грехе, тщетно увещевал их престарелый Илий: «если кто согрешит в отношении людей, говорил он, еще можно о нем помолиться Богу; если же кто согрешит против Бога, кто помолится?» Но они не слушались голоса родительского, стремясь к гибели; тогда человек Божий пришел к Илию и, от имени Господа, предрек ему гибель его дома, за преступление детей, которых предпочел славе Божьей, допустив их осквернять святыню. Он предсказал смерть обоим, Офни и Финееса, отвержение его рода, и избрание иного верного священника, который будет по сердцу Господу и станет ходить всегда пред лицом Его.

Отрок Самуил продолжал служить Богу в присутствии Илия; редко было тогда слово Господне и не было видений. Однажды Илий, очи коего уже отягчились от старости, спал на одре своем, прежде угашения светильника, и Самуил спал в скинии. Господь воззвал его: «Самуил, Самуил!»; «я здесь», отвечал отрок, и поспешил к Илию, думая, что зовет Первосвященник, но Илий не звал его и отпустил опять отрока ко сну; трижды повторялся голос и трижды вставал Самуил, обращаясь к Первосвященнику, ибо еще не испытал откровений Божьих. Наконец Илий уразумел, что от Господа был голос, и сказал отроку: «возвратись и спи, чадо; если же кто опять призовет тебя, ответствуй: говори, Господи, слышит раб твой.»

Опять позвал Бог Самуила; отозвался отрок и услышал страшное слово: «вот, Я сделаю во Израиле такие дела, от которых зазвенит в ушах слышавших; воздвигну на Илия все сказанное о доме его, начну и окончу; отмщу за неправды сыновей его, которых богохульства не наказал он, и никогда не очистится, жертвами и фимиамом, неправда дома Илиева!» До утра спал Самуил и, встав рано, отворил двери храма Господня, но боялся сказать слышанное Первосвященнику. Сам Илий спросил его, заклиная не утаить ни единого слова, и отрок повторил ему все слова Божьи. «Господь да сотворит угодное ему,» смиренно отвечал старец. С тех пор, Самуил возвеличен был пред лицом Божьим; ни одно слово его не падало праздным на землю, и весь Израиль, от Дана до Вирсавии, от конца и до конца земли, уразумел, что в сонме его восстал Пророк, верный Господу, который является ему в видениях.

В те дни напали Филистимляне на Израиля, и ополчился против них народ Божий, но победа преклонилась на сторону иноплеменников; тогда старейшины подняли кивот завета и опустили его в стан ратный, с двумя недостойными сыновьями Илия. Шумная радость исполнила стан; смутились иноплеменники, внимая радостным воплям: «горе нам! Восклицали они, кто избавит нас от руки богов крепких, поразивших Египет?» Но возбужденные страхом, они выступили в бой и поразили до тридцати тысяч Евреев, потому что Бог не благоволил к ним, по их грехам; пали оба жреца, Офни и Финеес, и сам кивот достался в руки врагов. В разодранной одежде, с пеплом на голове, прибежал в Силом вестник горького поражения. – Столетний Илий сидел пред дверьми скинии, устремив померкшие взоры на путь воинства Израилева, ибо сердце его трепетало за святыню кивота; внезапно услышал он голос вопля целого народа и спросил о причине вопля; бежавший предстал пред лицу Первосвященника. «Сын мой, какие вести?» в ужасе спросил его старец, и вестник отвечал: «полки Израилевы бежали, от лица иноплеменников, и поражение было страшное: оба твои сына погибли и взят кивот Божий!» Едва помянул он о кивоте, как ветхий Илий навзничь опрокинулся с своего седалища и испустил дух; сорок лет судил он народ и скончался горькой смертью, за слабость к детям и за их неправды.

Не утешительно было и Филистимлянам пленение кивота. С торжеством принесли они святыню сию, доступную одним жрецам, в город свой Азот, и поставили в храме Дагона, близ медного кумира; на утро же нашли кумир повергнутый ниц пред кивотом. Смятенные воздвигли опять своего бога, и на другой день уже совсем сокрушился падший накануне; одно только туловище Дагона лежало в капище, а голова, руки и ноги, брошены были у порога. Рука Господня отягчилась над Азотом: смрадная болезнь поразила жителей и тьма мышей появилась в полях. «Да не останется кивот Бога Израилева с нами! Воскликнули жители, ибо тяжела рука Его на нас и на Дагоне, боге нашем!» Собравшиеся старейшины решили перенести кивот в иной город, Геф, но и там открылась язва; Аскалон, Газа и Аккарон, постепенно были посещаемы святыней Израильской и теми же бедствиями, доколе наконец иноплеменники призвали на совет волхвов своих.

«Зачем отягчаете сердца ваши, как некогда Фараон и Египтяне?» сказали благоразумные волхвы, ибо и в язычниках открывал Господь проблеск истины, для руководства сидящих во тьме; «впрягите двух доящих юниц, незнавших дотоле ярма, в новую колесницу, отделив от сосцов их телят; поставьте на колесницу кивот, с золотыми изваяниями

постигших нас бед, и тогда смотрите, каким путем пойдет колесница? Если к земле Израилевой, то казнь сия была от Бога.» Исполнили Филистимляне совет волхвов и, к общему изумлению, юницы, как бы забывшие о своих телятах, сами собой обратились к пределам Израилевым; за ними следовали многие старейшины до рубежа земли своей. Собирали жатву на полях Вефсамиса, первого селения Иудейского, когда внезапно появилась колесница с кивотом, и радостно устремились на встречу ей жители. На поле Осиевом остановился кивот; случившиеся там Левиты поставили его на большом камне, а колесницу изрубили на дрова, и принесли обеих юниц во всеожжение Господу. Но и Вефсамитяне не утешились пришествием кивота, ибо радость их не была исполнена должным благоговением, и слишком дерзко приближались они к недоступной святыне. – Семьдесят старейшин и тысячи народа сделались жертвой жестокой язвы; оставшиеся, с ужасом, послали просить соседних жителей Кариафиарима, взять от них кивот завета, и кивот поставлен был на холме, близ дома Аминадава, где оставался двадцать лет.

В течении сего времени мир был в Израиле, и народ стал обращаться к Богу отцов своих; Самуил воспользовался таким расположением, чтобы утвердить ослабевших в вере: «если отвергнете богов чуждых, говорил он им, и прилепитесь всем сердцем к единому Богу, то избавит вас от руки иноплеменных,» и собрав народ, очистил его пред Господом, от грехов долгого идолослужения. Иноплеменники, услышавшие о необычном собрании, вооружились; но Израильтяне молили Самуила, испросить им защиту свыше, и когда Пророк принес за них агнца во всеожжение, началось сражение, при страшных раскатах грома, и побежали смятенные иноплеменники. На месте победы воздвигнут был памятник, названный камнем помощи; Филистимляне не дерзали более восставать на Израиля, во дни Самуила, который судил народ, переходя по разным местам, но в Армафеме был дом его, и там соорудил он алтарь Богу.

Когда же состарился, Самуил поручил суд сыновьям своим, которые однако не пошли по стези отца, и судили криво, обольщаемые дарами; старейшины, раздраженные их неправдой, собрались к Самуилу и потребовали себе Царя, по примеру прочих народов. Жестоко показалось слово их старцу, он спросил Господа. «Исполни волю людей сих, отвечал Господь, ибо не тебя унижили они, но Меня; которого не хотят более иметь Царем над собой; со дня, как Я извел их из Египта и доньше, не переставали они служить богам чуждым; но исполняя их волю, засвидетельствуй прежде пред ними, о правах будущего Царя.»

Дотоле единый Бог был поистине Царем Израиля, видимо действуя в

нем, правом законодательства и верховного суда, правом мира и войны, так что никакое иное правительство не могло сходствовать с ним Богоправлением, и только, под непосредственными велениями Божьими, могли руководить народ Первосвященники и Судьи; посему и сказано было обличительное слово сие народу. Самуил подробно изложил права царские над детьми и имуществом просящих; они же продолжали требовать Царя, который бы мог руководить их, по примеру прочих народов, против неприятеля, и Самуил отпустил старейшин, обещая исполнить их волю.

XXXII. Избрание и отвержение царя Саула

Был человек сильный, в колене Вениаминовом, именем Кис, который имел сына Саула, прекрасного лицом, превышавшего ростом всех юношей Израилевых. Его послал однажды отец отыскивать заблудившихся ослиц своих, и тщетен был поиск; Саул уже хотел возвратиться, чтобы не озаботить о себе родителя; но бывший с ним служитель сказал, что недалеко живет человек Божий, который может открыть им, где утраченные ослицы. В предместьи города, девы, шедшие с почерпалами на источник, сказали пришельцам, как найти Пророка, и Самуил вышел сам на встречу Саулу, ибо в предыдущую ночь извещен был Господом, о пришествии юноши, которого должен был помазать Царем.

Духом Божьим узнал его Самуил и, пригласив к жертве и жертвенному пиршеству, не велел более заботиться об ослицах, «ибо кому будет принадлежать отныне все лучшее в Израиле, говорил Пророк, если не тебе и не дому отца твоего?» Изумился Саул, вспоминая свое убожество и малочисленность колена Вениаминова пред другими; но Самуил привел его, с почестью, на место пиршества, и посадил между старейшинами. Утром вывел он юношу из города, чтобы в уединении возвестить ему избрание Божье, возлил елей на главу его и, поцеловав, сказал: «Господь помазал тебя Царем людей своих в Израиле, и ты спасешь их от руки врагов; вот тебе знамения твоего избрания: при гробе Рахили встретишь ты двух гонцов, скачущих к тебе с вестью, что нашлись ослицы и о тебе сетует родитель; далее, при дубраве Фаворской, встретишь трех мужей, идущих принести жертву Богу в Вефиль, с козлицами, хлебом и вином, и они с миром дадут тебе начатки хлеба. Когда же взойдешь на холм Божий, где есть стража иноплеменников, встретишь лишь Пророков, нисходящих с тимпанами, гуслиями и свирелями; тогда Дух Божий нападет на тебя; ты превратишься в мужа иного и сам будешь пророчествовать с ними. Оттоле Господь будет с тобой; ты же, предупредив меня в Галгалах, подожди семь дней, чтобы принести вместе мирные жертвы, и я скажу, что тебе делать.»

Едва отступил юноша от Самуила, как изменилось в нем сердце и пришли, одно за другим, предреченные знамения, и когда встретился он с Пророками, стал прорицать с ними, ибо Дух Божий низшел на него. Удивились все видевшие его прежде и говорили друг другу: «что сделалось с сыном Кисовым? – неужели и Саул между Пророками?» так что слова их обратились в пословицу. Пророки, после Патриархов, сохраняли в народе чистое предание истинной веры, и непрестанно помышляя о законе

Божьем, молились днем и ночью, о грехах народа, которому подавали пример благой жизни. Они посвящали своих последователей, называвшихся сынами пророческими, в тайны божественного писания, и раскрывали им, под чувственными образами, грядущего Мессию.

Между тем, Самуил, собрал весь народ и, напомнив ему благодеяния Божьи и неблагодарность, какой платил за них, велел стать, по хоругвям, племенам и тысячам, для избрания Царя; жребий пал сперва на колено Вениаминово, потом на семейство Маттариино, и наконец на Саула, сына Кисова. Юноша укрывался от почестей царских, и найденный между сосудами, которые сложили с себя пришедшие, приведен был к народу; он превышал величественным станом все собрание. «Вот Царь ваш! Избранный Господом, сказал народу Самуил; кто подобен ему между людьми?» и народ воскликнул «да здравствует Царь!» Тогда древний Судья Израилев, написав в книге права царские, распустил собрание, и Саул, сопровождаемый людьми благомыслящими, пошел в Гаваон, свое жилище; многие однако с презрением на него смотрели и не принесли ему даров, но вскоре оправдалось делом его избрание.

Царь Аммонитский ополчился против жителей Галаада; когда же они с покорностью хотели принять его иго, положил условием мира: выколоть у каждого правое око, чтобы обесчестить Израиль, и дал только семь дней срока. Устрашенные послали просить помощи у братьев своих; вестники их нашли Царя Саула в сельских трудах. Дух Божий исполнил его при горькой вести; он рассек на части пару волов своих и разослал по всем пределам Израилевым, с угрозой, что так поступят со стадами всякого, кто не пойдет на бой, вслед Саула и Самуила. Собралось более трех сот тысяч воинов, в числе коих до двадцати тысяч из одного колена Иудова. На три отряда разделил войско Саул, с рассветом вторгся в стан Аммонитян и не переставал поражать их, доколе не разгорелся день и не разбежались все. Тогда воскликнули спасенные Израильтяне: «умертвим дерзавших говорить, что Саул не будет Царем нашим!» но Саул не хотел, чтобы кто либо погиб в день спасения, ниспосланного Израилю. Самуил собрал опять народ в Галгалы; там обновил царство, помазав еще раз Саула, уже не втайне, и принес мирные жертвы, посреди общего веселья.

Но древний вождь хотел оправдать себя, пред лицом народа, который просил себе Царя. «Вот я исполнил моление ваше, сказал он, и Царь предводительствует вами; я же состарился и ослабел; вспомните однако, как ходил я посреди вас, от юности моей и до сего дня. Здесь предстою; объявите пред лицом Господа и его помазанника: отнял ли я у кого тельца, или осла насилием? Утеснил ли кого, принял ли несправедную мзду? –

обличите меня и все возвращу!» – «Ты никого не обидел!» единодушно ответил народ. «Свидетельствуете ли Богом и его помазанником?» спросил еще старец, и опять возгласил народ: «свидетельствуем!»

«И так предстаньте все, продолжал Самуил, и я буду судиться с вами, пред Господом, который сотворил Моисея и Аарона, и которого призываю в свидетели; – сколько раз вы забывали его благодеяния!» Самуил исчислил частые отпадения Израиля: «ныне вот Царь, которого вы себе просили и избрали, продолжал он, если послушаете гласа Божия, Господь будет с вами, если же нет, рука его на вас и на Царе вашем.» Это было во время жатвы, в которое в земле Израилевой дождя не бывает: не смотря на то, во свидетельство слов своих Самуил воззвал к Богу, и Господь послал гром и дождь, так, что исполнились страхом люди. «Помолись о нас Господу, воскликнули они, да не умрем, ибо мы согрешили!» Пророк ободрил их, подтвердив им, чтобы следовали заповедям Божиим и не уклонялись, вслед ничтожных богов, от Господа, избравшего их себе в народ: «и да не будет со мною такого греха, сказал еще старец, чтобы мне когда либо перестать молиться о вас; помолюсь и покажу вам путь благой и правый; только бойтесь Бога и работайте ему всем сердцем, ибо видите великие знамения, которые сотворил пред вами.!

Н а другой год царствования Саулова, Филистимляне вооружились, со множеством конников и колесниц, чтобы предупредить общее восстание Израиля; ибо Царь отнял у них укрепленное место на рубеже земли. С тремя тысячами ратных, семь дней ожидал он в Галгалах пришествия Самуилова, ко времени условленному между ними; видя однако, что народ укрывается от страха в ущельях горных, и сами воины его оставляют, он решился принести жертвы без Пророка. Но едва совершил всесожжение, как предстал Самуил и укорил его в малодушии, ибо Саул поспешил неблаговременной жертвой, не ожидая осенения силы Божьей, могущей укрепить его против врагов. «Если бы ты безрассудно не нарушил заповеди, сказал Пророк, Господь сохранил бы царство в роде твоём, а теперь оно не укрепится за тобой, ибо Господь найдет себе человека по сердцу своему и повелит ему властвовать над людьми своими.»

Тогда удалился Пророк, Саул же остался с шестью стами ратных, против целого полка иноплеменных, имея, один только с сыном Ионафаном, по железному копьё, ибо Филистимляне довели до такой крайности Израильтян, что не было у них даже человека, могущего ковать оружие. Но посреди общего уныния, Господь возбудил дух народный, рукой юноши Ионафана. Втайне от отца, решился он, с одним оруженосцем, проникнуть в стан вражий, испытав прежде волю Божью. –

«Не так же ли легко Господу спасти малым числом, как и многим? С верой говорил Ионафан, приблизимся к врагам, и если они велят нам остановиться, не пойдем далее; если же станут звать к себе, это будет знамением, что Господь предал их в руки наши.» – Сказал и, устремившись на зов неприятелей, поразил двадцать человек, стоявших в передовой страже: внезапный ужас пал на иноплеменников. Изумился Саул, не зная причины смятения, ибо одного только Ионафана не было в стане; он призвал Первосвященника, велел ему облечься в эфод, чтобы спросить Господа при кивоте, и едва сложил руки Архиерей, как возник шум и мятеж в полках иноплеменных, один поражал другого, брат брата, и в бегство обратились полки. Сыны Израилевы вышли из расселин горных и устремились вслед за бегущими.

Но в день победы опять безрассудно поступил Саул: страшной клятвой связал он воинов, ничего не вкушать до вечера, доколе не отмстят врагам. Ионафан, томимый голодом, проходя мимо дупла, в котором были дикие пчелы, коснулся жезлом своим сота и вкусил немного меда; тогда только услышал о клятве отца; воины же, измученные погоней, закалали взятые в добычу стада и ели мясо с кровью, вопреки закону Моисееву. Смутился Царь, увидя грех народа; он спросил Господа: идти ли ему вслед врагов? И не получил ответа Архиерей, за нарушение клятвы. Саул хотел испытать, кто виновный? И связал себя еще большей клятвой, что даже не пощадит собственного сына, если он согрешил. Отдельно от сонма стал он вместе с Ионафаном, чтобы видеть на кого падет жребий Господень, и Господь указал на него и на сына; опять спросил царь, устами Архиерея: кто из них двух виновен? Обещая подвергнуть себя и сына общей казни, и жребий пал на Ионафана. «Скажи мне, что ты сделал?» спросил огорченный отец, и горько отвечал юноша: «я только вкусил немного меда, и вот я умираю.» – «Клянусь Господом, что ныне умрешь,» сказал Царь, но весь народ воспротивился жестокому приговору и произнес другую клятву, что не позволит коснуться спасителя Израилева, в день его победы; так спасен был Ионафан.

Еще однажды предстал Самуил, с словом Господним, Саулу; он велел ему идти на брань против Амалика, некогда преградившего путь Израилю из Египта, и сокрушить все племя и достояние людей, которых дотоле щадило долготерпение Божие, хотя уже исполнили они меру своих беззаконий, и давно висела над ними заслуженная казнь. Ополчился Саул и с ним двести тысяч пеших; на пути предупредил он племя Кинеев, которое благоприятствовало, во дни странствования, народу Божью, чтобы уклонилось из среды Амаликитов и не подверглось общей гибели. Но

поразив врагов, Саул пощадил Царя их Агага и все лучшее имущество, из видов корысти, хотя под благовидным предлогом, посвятить Господу лучшее.

С торжеством возвратился Саул в Галгалы; там, посреди всесожжений, предстал опять Пророк, помазавший его на царство, и спросил Царя, который хвалился пред ним исполнением воли Божьей: «отчего же слышно блеяние агнцев и тельцов? – не малым ли был ты пред лицом Господним, и не поставил ли тебя властелином в Израиле? Зачем же не послушал гласа Божия и не искоренил Амалика, со всем его достоянием, лукавствуя ради корысти? Неужели Господу приятны всесожжение и жертвы более, нежели исполнение его воли? – Послушание выше благой жертвы! Идолопоклонство грех, но такой же грех и непокорность; как уничижил ты слово Божье, уничижит и тебя Господь, так, чтобы тебе не быть Царем в Израиле.»

Раскаялся Саул и отвечал: «согрешил я, нарушил слово Господне, по малодушию внял голосу моего народа; но прости грех мой и возвратись со мной, мы поклонимся вместе Господу Богу твоему.» – Самуил отвратил лицо свое; огорченный Царь схватил Пророка за край одежды, чтобы удержать, и нечаянно разодрал её. «Так раздерет Господь царство Израилево, в руках твоих, сказал Самуил, и отдаст оное ближнему твоему, который лучше тебя.» Однако Саул умолил Пророка воздать ему честь, пред старейшинами народа, и возвратился в нем Самуил, принести всесожжение. Он велел принести тучного трепещущего Агага, Царя Амаликова, и заклать его, говоря: «как обезчадил ты жен, оружием твоим, так и твоя обезчадится мать;» потом возвратился в дом свой и уже с тех пор не видел лица Саулова, до дня своей смерти, хотя не переставал о нем плакать.

XXXIII. помазание Давида; бой с Голиафом, гонение от Саула

«Что плачешь о Сауле? Сказал Господь своему Пророку, не царствовать ему более; но наполни рог твой елеем и иди в Вифлеем, там Я вижу себе Царя в одном из сыновей Иессея.» Изумились старейшины Вифлеема, увидя древнего судью в стенах своих: «мирен ли приход твой?! Спросили они и услышали в ответ: «мирен.» – Самуил призвал, для принесения жертвы, Иессея, со всем его домом, и при виде старшего сына Елиава, втайне спросил Господа: «не сей ли помазанник?» но Господь отвечал Пророку: «не смотри на лицо, ни на величественный возраст, ибо не так взирает Бог, как человек: человек смотрит на лицо, Бог же на сердце.» Семь сыновей своих, одного за другим, приводил Иессей пред Самуила, и ни одного из них не избрал Бог. «Разве нет у тебя более детей?» спросил Пророк. «Есть еще один младший, который пасет стада,» отвечал Иессей, и Самуил велел призвать его. Предстал отрок, светлый взором, прекрасный лицом, и Господь сказал Пророку: «помажь Давида, ибо он Мне угоден;» Самуил, взяв рог с елеем, помазал отрока посреди братьев его; с того дня Дух Божий почил на Давиде и отступил от Саула; дух лукавый напал на него. Тогда ближние Царя предложили ему найти кого либо искусного в пении, чтобы звуками гуслей рассеять его черную немощь; и Давид, сладкой песнею, взят был из дома отеческого к Царю, который полюбил отрока. Едва дух лукавый напал на Саула, как юный Давид брался за гусли, и при звуке струн его отступал дух лукавый от Царя.

Опять восстали Филистимляне на Израиля, и ополчился против них Саул. Оба стана расположились на двух противоположных горах, между коими пролегла юдоль Теревинфская; сорок дней стояли они друг против друга, без боя, потому что, со стороны иноплеменников, каждый день выходил на середину долины исполин, именем Голиаф, шести с половиной локтей вышины, с медным шлемом и щитом; железная кольчуга его весила пять тысяч сиклей, а наконечник длинного копья шестьсот. Пред ним шел оруженосец и громко кликал бойцов, из ополчения Израилева, помериться силой с исполином, чтобы поединок решил победу, и, к стыду Израиля, трепетал Саул с избранными своими.

Три старшие сына Иессеевы находились с войском, а отрок Давид оставался при стадах. Однажды послал его отец отнести хлебы братьям и осведомиться о их здоровье; отрок поспешил исполнить волю отца: он

пришел к месту, где сильные выходили на брань, и положив ношу свою у первой стражи, сам устремился в средину ополчения к братьям. Еще говорил с ними Давид, когда выступил исполин Филистимский, с той же позорной речью, и бежали от лица его сыны Израилевы; исполнилось негодованием сердце отрока: «что дадут тому, кто отымет поношение от Израиля и сокрушит врага, дерзающего ругаться над полком Бога живого?» спросил он; воины рассказали ему, как обещал Царь многие льготы и даже руку своей дочери победителю; но старший брат с гневом укорил отрока, за надменный вопрос; однако, слышавшие речь Давида, возвестили о нем Царю.

Предстал отрок Саулу и, в простоте своей веры, сказал недоверяющему: «да не ужаснется сердце владыки моего; раб твой пойдет и поборется с иноплеменником; случилось, когда я пас стада отца моего, что лев или медведь похищали овцу; но я устремлялся вслед за ними и исторгал из их пасти добычу; иногда я боролся с зверями, и ухватив за гортань, умерщвлял их. Если же раб твой поражал льва и медведя, то крепче ли их сей необрезанный? Пойду и поражу и отыму поношение от Израиля, ибо он ругается над полком Бога живого. Господь же, изъывший меня из пасти зверей, спасет и от руки иноплеменника.» Тронулся Царь отроческой речью: «иди, да будет с тобой Господь.» сказал он, и облек было броней Давида, возложил шлем на юную голову и опоясал собственным мечем; но отрок, не привыкший к доспехам, обременился их тяжестью и сложил с себя, необычную для него, броню воинскую. Он взял только палицу, выбрал пять гладких камней из потока, которые вложил в пастушескую сумку свою, и с пращей в руках вышел на бой.

Изумился исполин, увидя пред собой прекрасного отрока и воскликнул, с чувством презрения: «разве я пес, что ты выходишь на меня с палицей и камнями?» – «Ты хуже пса,» смело отвечал Давид, и проклял его иноплеменник богами своими: «приблизься, взывал он, я дам плоть твою птицам небесным и зверям!» но Давид смиренно возразил кичливому врагу: «Ты идешь на меня с мечем, копьем и щитом, а я иду на тебя, во имя Господа Бога сил, Бога полка Израилева, которого ты унижил. Он предаст тебя ныне в руки мои; убью тебя и отсеку тебе голову, и дам труп твой, вместе с трупами иноплеменных, птицам небесным и зверям; вся земля уразумеет, что есть Господь Бог в Израиле, и что не мечем или копьем спасает Бог; ибо Господня брань, и Он предал вас в руки наши.»

Подвигся исполин на встречу отроку и против него устремился Давид; он быстро схватил из сумы камень, вложил в пращу и пустил в Голиафа: под навесом тяжелого шлема камень проник в широкое чело, и пал

иноплеменник на лицо свое; безоружный победитель уже стоял над поверженным врагом и, огромным мечем его, отсек исполинскую голову. Дрогнули Филистимляне и бежали, видя падение сильного, люди же Израиля и Иуды, с воплями погнались вслед за ними, до врат Аскалонских, и потоптали все полки. С торжеством возвратился Давид; он внес голову исполина в Иерусалим, а доспехи его в дом свой.

Саул уже не хотел более отпустить от себя Давида, и сын Царя нежно полюбил отрока, так что с душой Давида сопряглась душа Ионафанова; он заключил с ним союз вечной дружбы и, в залог её, отдал ему свои одежды и меч и лук. Давид приятен был и всем служителям царским; когда же возвращался он после победы, девы, выходившие в сретение Саулу, из всех городов Израилевых, с ликами и тимпанами, воспевали: «тысячу победил Саул, Давид же десять тысяч.» Оскорбилось песней дев подозрительное сердце Царя: «мне ли дают только тысячу, а тьмы Давиду? Сказал он сам в себе, чего не достает еще отроку, кроме царства?» и с того дня начал за ним наблюдать. Опять дух лукавый, посланный ему в наказание, напал на Саула; и Давид играл по обычаю на гуслях, для развлечения мрачного владыки; копьё было в руке Саула, он бросил его в певца, чтобы пригвоздить к стене, но с юношей был Господь и дважды уклонился он от копья. Устрашился Саул столь видимого покрова Божья, и удалив от себя Давида, сделал его начальником над тысячью воинов; он обещал ему старшую дочь свою в супруги, если только успешно будет ратовать с Филистимлянами; но тайной мыслью Царя было подвергнуть Давида смерти, от рук иноплеменников. – «Кто я, и что дом отца моего в Израиле, чтобы мне быть зятем царским?» смиренно отвечал Давид; но Саул не сдержал данного слова, и выдал старшую дочь свою за иного мужа. Услышав, что младшая, Мелхола, полюбила Давида, он искал случая погубить ненавистного ему человека, который был любим всем Израилем и Иудой, и велел втайне внушить Давиду, что получит руку дочери царской, если принесет ему, вместо вена, верное доказательство, что поразил сто Филистимлян. Ополчился Давид, убил двести, и вопреки желанию Царя, получил в супружество Мелхолу; но Саул непрестанно возбуждал служителей и сына умертвить страшного ему зятя.

Огорчилось такой ненавистью нежное сердце любящего Ионафана; он предупредил друга о угрожавшей опасности, и напомнил отцу все заслуги Давида, умоляя не брать на свою душу невинной крови. На сей раз послушал Саул голоса сыновнего и дал клятву не искать смерти его друга; но когда опять напал на него дух лукавый, опять направил он копьё в игравшего на гуслях; копьё, пролетевшее мимо, вонзилось в стену; бежал

Давид и спасся ночью. Мелхола спустила супруга из окна, мимо стражи, поставленной у дверей дома, а на постели положила одежды его, известив отца, что болен муж. Разгневанный Царь велел принести к себе даже и болящего, и узнав обман, еще более ожесточился, видя, что все его семейство на стороне врага.

Давид бежал в горную страну к Самуилу и рассказал ему все гонения Саула; и оттоль хотел его исторгнуть Царь; но посланные, увидя Давида, в сонме сынов пророческих, и древнего Самуила вождем их, сами исполнились Духа Божия и стали пророчествовать. Других и третьих воинов послал Царь и тоже совершилось с ними. Разгневанный пошел сам в горную, спрашивая у всех, где Самуил и Давид? И вот напал на идущего Дух Божий; он шел и прорицал, доколе не достиг горней; там совлекиши одежды, в течении целого дня и целой ночи, пролежал пред сонмом Пророков, так, что опять обновилась пословица, возникшая при его воцарении: «неужели и Саул между Пророками?»

Тогда Давид бежал из горной к другу и говорил ему: «в чем согрешил я пред отцом твоим, что он ищет души моей?» Ионафан искал его успокоить, уверяя, что минует опасность, ибо никакой помысл царственного родителя не утаен от него. «Но разве не знает Царь любви твоей ко мне? Возразил Давид, конечно не захочет он открыть тебе то, что на меня умыслил; именем Бога живого и душой твоей, заклинаю стать между мной и отцом. – Завтра новомесячье; я не сяду, по обычаю, за трапезу царскую и скроюсь в поле до третьего дня: если Царь заметит мое отсутствие, скажи, что отпросился я на родину в Вифлеем, принести жертву с племенем моим, и по ответу, мирному или жестокому, проникни тайный помысл Царя. Будь милостив к рабу твоему, по завету, заключенному между нами; если же есть какая во мне неправда, лучше умертви меня сам, нежели выдавать отцу.»

Ионафан обещал исполнить желание друга и вместе с ним вышел в поле, с клятвой обещая быть ему верным. «Господь да наведет казнь на Ионафана, говорил он, если не отпущу тебя с миром; Господь будет с тобой, как некогда был с отцом моим; если я останусь в живых, будь ко мне милостив; если же умру, не лиши милости мое семейство, и когда искоренит Господь врагов Давидовых, имя Ионафаново да обретется в доме Давида. Промедли в поле три дня и скройся при этом камне; я выйду сюда, как бы для стреляния из лука, с одним только отроком, и если услышишь, что скажу ему: принеси стрелу, она упала ближе тебя, ты прими слова мои за мирную весть; если же скажу: стрела упала дальше тебя, то поспеши удалиться. Бог свидетель между нами.»

Друзья расстались; наступило новолуние; мрачен сидел Царь за пиршеством и не обратил внимания на праздное место Давида; на другой только день спросил о нем сына, и укорил его позорной речью, за приязнь с врагом: «или не знаешь, что доколе жив будет сын Иессеев, не устроится царство твое? Предупреди юношу, да будет он сыном смерти!» Едва только Ионафан хотел произнести слово в защиту друга, как гневный Царь пустил в него копьем; оскорбленный сын встал из-за пиршества, и поспешил в поле, известить Давида, условленным знаком, о угрожающей опасности. Он отпустил в город отрока своего, не разумевающего, что означали пущенные им стрелы; тогда Давид вышел из-за уединенного камня и бросился в объятия друга; горько плакали они, один на вые другого, прощаясь на долгую разлуку, и расстались с взаимной клятвой, о вечном мире между ними и их потомством.

Давид бежал в Номву к Первосвященнику Авимелеху; изумился Иерей, видя его одиноким, но он сказал, будто послан по тайному делу Царя, и просил хлеба в утоление голода, себе и дружине. «У меня нет простых хлебов, отвечал Архиерей, кроме освященных, но если ты и отроки твои три дня сохраняли чистоту, то можете вкусить их.» По совету Давида, он дал ему хлебы предложения, хранившиеся на трапезе Господней; но один из служителей царских, Доик, бывший в то время в скинии, видел поступок Авимелеха. «Нет ли у тебя копья или меча, спросил еще Давид, ибо повеление царское застигло меня внезапно без оружия;» и Авимелех отвечал: «здесь хранится только меч Голиафа, которого убил ты в долине Теревинфской.» – «Нет лучше меча сего,» воскликнул обрадованный Давид, и взяв оружие, удалился в Анхусу, Царю Гефскому; там, видя, что узнали его отроки царские, которые стали говорить между собой: «не сей ли Давид, Царь земли, которому пели девы Израиля: «Саул победил тысячи, а Давид тьмы?» он притворился безумным, падая на лицо свое у ворот города и ударяя в них руками, как бы в тимпан, так что Царь Анхус запретил ему входить в дом свой.

Оттоле укрылся Давид в пещеру Одолламскую, по соседству Вифлеема; братья пришли навестить его, и около вождя собрались до четырех сот человек, обремененных нуждами или долгами. С ними удалился он в пределы Царя Моавского; но ему предстал Пророк Божий, именем Гад, и велел отойти опять в пределы Иудовы. Между тем Саул, мучимый подозрением, созвал приближенных своих, из всего колена Вениаминова, и спрашивал их: «хотят ли и они его оставить, чтобы искать милости у сына Иессеева, подобно как и собственный сын, Ионафан, изменил ему по приязни с Давидом?» Тогда служитель, видевший Давида

в скинии, рассказал Царю, как благословил бежавшего Первосвященник, хлебами предложения и мечем Голиафа. Раздраженный Царь послал в город Номву за Авимелехом, и он был приведен со всем его семейством; но Архиерей, не зная гнева царского, изумился его жестоким укорам и напомнил ему, сколько раз сам вопрошал Господа, о его зяте, славном в Израиле. Еще более разгорелась ярость Царя; он велел служителям своим умертвить Авимелеха и всех иереев, с ним бывших, но никто не дерзнул поднять руки на помазанника Божья, кроме самого предателя, и под мечем его погибли триста пять носивших священническую одежду. Спасся один сын Архиерея, Авиафар, бежавший к Давиду, который и принял его под свою защиту, как присного, чувствуя, что за него была пролита кровь всего семейства.

Давид не оставался праздным в изгнании, и с дружиной своей поразил иноплеменников, осадивших город, в котором укрывался. Саул, услышав, что ненавистный ему зять в Кеиле, выступил против него с войском; но Давид, имевший при себе жреца Авиафара, с священным эфодом, спросил Господа: «оставаться ли ему в городе или бежать от измены жителей?» и получив предварение об опасности, удалился. Долго преследовал его Царь, по горам и теснинам и на рубеже пустынь; однажды, гора только разделяла гонящего с гонимым, которого хотели выдать окрестные жители, и Саул на время должен был оставить тщетную погоню, получив весть о нашествии неприятелей. Тогда Ионафан пришел опять на тайное свидание к другу и обновил с ним прежний союз.

Давид удалился в теснины Энгадийские, но и там преследовал его Саул, после брани Филистимской. С тремя тысячами воинов пришел он к вертепу, в котором укрылся Давид с своей дружиной, и не подозревая его присутствия, вошел одинокий в вертеп. «Вот день Ю в который обещал Господь предать в руки твои закоснелого врага, сказали присные Давиду;» но будущий Царь Израиля, исполненный благоговения к настоящему Царю, с трепетом сердца отрезал только край его одежды, в свидетельство правоты своей, и раскаялся даже в столь невинной дерзости. «Да не допустит меня Господь, поднять руку на Его помазанника!» сказал он, и вышед из вертепа, вслед за Саулом, повергся пред ним на землю: «зачем слушаешь ты людей, тебе клеветующих, будто Давид ищет души твоей; ныне видят очи твои, что я не захотел поднять руку на помазанника Божия, когда Господь предал тебя в мои руки. Вот край твоей одежды, отрезанный мной; смотри и убедись, что нет злобы в сердце моем, хотя ты ищешь души моей! Господь да судит между нами и защитит меня; рука же моя не подыметя на тебя; – кого преследуешь ты, Царь Израилев?» – Так

говорил Давид, и тронулось сердце Саула; он прослезился и воскликнул: «твой ли это голос, сын мой Давид? Ты праведнее меня, ибо воздал мне добром за зло. Господь да наградит тебя. Знаю, что в руки твои перейдет царство Израилево; и так, поклянись мне, что не искоренишь рода моего, после меня, и не погубишь имени моего?» Поклялся Давид и мирно расстался с Саулом.

XXXIV. Смерть Самуила и Саула, воцарение Давида

В те дни умер древний судья Самуил и плакал по нем весь Израиль, собравшийся к его погребению. Давид, с дружиной своей, перешел в пустыню Маонскую, где паслись близ Кармила стада богатого Навала, безрассудного умом, дикого нравом. Давид послал к нему отроков своих, с дружеской мольбой, уделить ему что-либо для пищи. «Кто Давид и кто сын Иессеев? Отвечал безумный отрокам будущего Царя, много ныне скитающихся в Израиле!» Гневом воскипела душа Давида; с четырьмястами вооруженными пошел он отмстить Навалу; но Авигея, мудрая жена его, услышав о грозном шествии, сама устремилась на встречу с корзинами хлеба, вина и плодов; увидя издали Давида, она пала пред ним на землю и кроткой речью умоляла простить вину безумного супруга. Тронутся Царь словами мудрой жены, и возблагодарил Бога Израилева, который спас его от пролития невинной крови; приняв дары с миром отпустил он Авигею, и когда на другой день изтрезвившийся Навал услышал, от какой опасности избавила его супруга, внезапный ужас овладел его сердцем и смерть его постигла. Тогда Давид предложил Авигеи заступить место его супруги Мелхолы, дочери царской, которую отдал Саул на иного.

Еще однажды Давид доказал верность свою Царю, когда опять хотели выдать его жители пустыни Зиф. С тремя тысячами воинов ополчился Саул, на распутьи при холме, и сон, посланный от Господа, сошел на него; в колеснице спал Царь Израилев, подле него воевода Авенир и около вся дружина. Давид, с одним из соглядатаев, отважился проникнуть в стан вражий, до самой колесницы царской, у которой водружено было высокое копьё Саула. «Ныне предал Господь в руки твои врага, сказал ему спутник; позволь, я поражу его копьем и не повторю удара;» но Давид удержал дерзкого: «кто подымет руку на помазанника Божия и останется невинным? – разве поразит его сам Господь, или придет день его; ты же возьми только копьё от возглавия и сосуд для воды.»

Они взяли копьё и сосуд и пройдя ущелье, стали на высоком холме, в виду спящего стана; громко воззвал оттоль Давид к вождю Авениру: «так ли охраняете покой Царя вашего? Посмотри, где копьё и сосуд, бывшие при его изголовьи?» – Воспрянул Саул и ужаснулся, распознав знакомый голос. «Твой ли это голос, сын мой Давид?» спросил он, и Давид ответил: «я раб твой, зачем гонишь меня, или какая нашлась во мне

неправда? Внемли мне, Царь: если Бог возбуждает тебя против меня, да будет благословенна жертва твоя; если же люди, да будут прокляты изгнавшие меня из удела Божия в земли богов чуждых, и да не прольется кровь моя пред лицом Царя Израилева, который ищет, как лев, души моей, и гонит меня, как вран ночной по горам.»

Опять тронулось ожесточенное сердце Саула. «Сын мой, воскликнул он, я согрешил пред тобой; возвратись, не сделаю тебе зла, потому что ты дорожишь моей душой.» Давид отвечал: «пусть придет ко мне отрок взять копьё царское, и да воздаст Господь каждому по вере и правде его; как пощадил я душу твою ныне, так да пощадит и мою душу Господь и спасет меня от всякой печали!» и с благословением мира отпустил его Саул.

Но уже Давид не доверял более Царю и решил оставить пределы Израилевы, чтобы не искушать его своим присутствием. Он удалился опять в Геф, к Анхусу, Царю Филистимскому, который, уважив его доблести, дал ему город на пропитание. Оттоле ходил с дружиной Давид поражать соседних иноплеменников Гессера и Амалика, все истребляя в их селениях, чтобы никто не бежал с вестью к Царю Филистимскому, ибо он уверял его, будто выходит ратовать против Израиля, и враг народа Божия радовался мнимому медоусобию.

Сам Анхус собрался на брань против Саула и взял с собой Давида; страхом исполнилось сердце Саулово; избивший всех гадателей и волхвов в своих пределах, захотел спросить Господа о брани, и не отвечал ему Господь, ни во сне, ни в явлениях, ни в пророчествах. Тогда Саул обратился к жене волшебнице, которую нашли отроки его в Аендоре, и облекшись в чужие одежды, с двумя служителями, пришел к ней ночью. «Поволхлуй мне и вызови, кого назову тебе,» сказал Царь, но жена отвечала: «разве ты не знаешь, как истребил всех гадателей Саул? Зачем же ищешь души моей?» Саул принужден был дать ей клятву, что не выдаст тайны. «Кого же вызову тебе?» спросила волшебница; «вызови Самуила,» отвечал мрачный Царь, и внезапно явился Самуил. Ужаснулась жена и в ту минуту сама узнала в пришельце Саула; но он успокоил её: «не бойся, скажи, кого видишь?» и услышал в ответ: «вижу древнего мужа, восходящего из земли, облаченного одеянием долгим!» Познал Самуила Саул и в ужасе простерся пред ним на землю. «Зачем понудил ты меня явиться?» провещал усопший судья Израилев, и горько отвечал помазанный им некогда на царство: «много мне скорби: иноплеменники против меня воюют; Бог отступил от меня, и нет мне ответа, ни в пророчествах, ни в снах, ни в явлениях; вот и призвал тебя, скажи мне, что предпринять?» – «Зачем вопрошаешь меня, сказал опять древний Самуил,

когда отступил от тебя Господь и благоволит ближнему твоему? Исполнит над тобой Господь то, что я предсказал тебе, отнимет царство твое и передаст Давиду, за то, что ты не послушал гласа Божия и не исполнил гнева его над Амаликом. Господь предаст тебя вместе с Израилем, в руки иноплеменников, завтра ты погибнешь и сыновья твои падут с тобой.»

Объятый ужасом Саул, пал на землю, как мертвый и силы его оскудели, ибо в целый день и во всю ночь не вкушал он хлеба. – Смятенная жена вошла в храмину, где лежал простертый Царь Израилев, и сказала: «вот раба твоя послушала голоса царского и предала душу свою в руки твои; послушай и ты голоса рабыни и укрепись пищей, прежде нежели идти в путь.» Восстал Саул и сел на одре: с трудом могли убедить его вкусить хлеба, и в ту же ночь он удалился.

Между тем Князья Филистимские, подозревая Давида, просили Царя своего удалить иноплеменника, чтобы не напал на них во время битвы с Израилем, и ласково отпустил его Анхус в Секелаг, место обычного жительства; – это было внушение Божье, ибо в крайних обстоятельствах находился Давид, принужденный сражаться с единоплеменниками, а между тем, во время его отсутствия, Амаликиты разграбили город и увели в плен семейства и стада всех граждан, в том числе и семейство вождя Израилева. Горько восплакал Давид с дружиной своей, и слезы их текли, доколе не было более силы плакать, а жители Секелага угрожали побить их камнями.

Тогда Давид велел жрецу Авиафару облечься в эфод, чтобы спросить Господа, и внял радостное слово о победе, если погонится вслед за хищниками. С шестьюстами воинов устремился он в погоню; двести из них, утомленные путем, остановились на потоке Восорском. С остальными настиг он Амаликитов, шумно праздновавших свою победу, и всех поразил, кроме спасшихся на верблюдах. Давид нашел опять свое семейство, похищенных отроков и дев и все стада, и с торжеством возвратился в Секелаг. Воины его не хотели делиться добычей с двумястами, которые остались при потоке; но великодушный вождь убедил их не лишать доли и ослабевших на пути; он послал от себя также дары старейшинам Иуды, как благословение от избытков богатств, дарованных ему Господом.

В то время, когда Давид сокрушал своих врагов, Царь Саул, столь долго его преследовавший, бился последней битвой, с Филистимлянами и падали пред лицом его Израильтяне. Уже Ионафан, верный друг Давидов, и иные два царские сына погибли; вся тяжесть битвы лежала на одном Царе, но и тот уязвлен был стрелой; смерть носилась пред его глазами; он

не хотел однако принять её от руки иноплеменных, и воскликнул к верному своему оруженосцу: «обнажи меч и пронзи меня, чтобы не поругались надо мной не обрезанные!» но рука оруженосца не поднялась на Царя своего. Видя неминуемую гибель, Саул бросился сам на меч свой и примеру его последовал оруженосец; так погиб Царь, с тремя сыновьями и войском своим, на горе Гелвуа. Видел смерть его Израиль и побежал, слышали о ней живущие за Иорданом и оставили города свои. Иноплеменники, нашедши на горе тело павшего Царя, отсекали ему голову, и послали носить её, в знамение победы, по всем городам своим; они посвятили оружие царское в капище Астарты, а труп его и трупы сыновей повесили на стене Вефсамской. Но мужи сильные в Галааде, услышав о поругании царственных останков, похитили ночью тело Саула и тело Ионафаново и, после семидневного поста, с честью погребли из в дубраве, близ Иависа.

Давид возвращался с победы над Амаликом, когда прибежал к нему воин из полка Саулова, в разодранной одежде, посыпанный пеплом, и поклонился пред ним до земли. «Отколь пришел ты и что скажешь?» спросил бежавшего Давид; «я из полка Израилева, отвечал он; полки обратились в бегство, сильные пали, и между ними Саул, с сыном его Ионафаном.» – «Почему знаешь о смерти Царя и царского сына?» спросил опять Давид, смущенный горестной вестью: «мне случилось взойти на гору Гелвуа, отвечал вестник, когда падал на копье свое Саул, и на него устремлялись всадники и колесницы; увидев меня, умирающий Царь просил прекратить жизнь его; уже лютая тьма его объяла, но еще держалась в нем душа. Я стал над падшим и довершил его, ибо видел, что уже не может он оставаться живым, после падения на копье, и, взяв венец царский с главы и нарамник с плеч его, принес их к тебе, моему владыке.»

Горько заплакал Давид и разодрал на себе одежды; ему подражали все бывшие с ним; до вечера рыдали они о Сауле и Ионафане, о людях Иудовых и доме Израилеве, погибших на брани. «Кто ты?» спросил еще однажды пришельца настоящий Царь Израилев, и услышав, что он из рода Амаликова, воскликнул: «как не убоялся ты поднять руку твою на помазанника Божия? – кровь твоя на тебе, ибо ты сам принес весть, что умертвил помазанника Господня!» Давид велел отрокам своим умертвить цареубийцу, и сложил плачевную песнь о Сауле и сыне его, дабы сохранилась память их в народе: «как пали сильные твои, Израиль? – воздвигни столп над умершими на горах высоких! Не разглашайте о том в Гефе, ни во вратах Аскалонских, чтобы не возрадовались дочери иноплеменных. Горы Гелвуйские, да не снидет роса, ни дождь на вас;

нивы ваши да будут без начатков, ибо там повержен был щит сильных! Щит Саулов не был помазан елеем. Никогда не возвращались тощими лук Ионафанов и меч Саулов, без крови сильных. Саул и Ионафан, возлюбленные, прекрасные во дни жизни, вы не разлучились и в час смерти, легкие, как орлы и крепкие подобно львам! Плачьте по Саулу, дочери Израилевы; он украшал вас багряницами и золотом одежды ваши! Болезную о тебе, Ионафан, прекрасный брат мой, которого любовь ко мне была нежнее любви женской! – как пали сильные и погибли оружия брани!»

Тогда Давид спросил Господа: «идти ли ему в один из городов Иудовых?» и Господь отвечал ему: «иди в Хеврон.» Он поселился, с семьей и всеми людьми, в Хевроне; старейшины Иудейские помазали его опять на царство над всем домом Иудиным. Когда же сказали ему, что жители Галаала погребли с честью Саула, Давид послал к ним ласковое слово за то, что оказали любовь свою к помазаннику Божию и другу его Ионафану. Он звал их, по смерти Царя, под свою законную державу; но Авенир, воевода Саулов, вывел к народу сына его Иевосфея и воцарил в Галааде, над десятью коленами Израиля: два года царствовал слабый князь, а между тем, с дружинами Авенира, бился военачальник Давидов, Иоав. Однажды, меньший брат его неотступно преследовал в битве вождя; Авенир, который долго щадил юношу, чтобы не навлечь на себя мести единокровных, принужден был наконец поразить его копьем. На стороне Иуды осталась победа, и воевода его затаил в сердце своем кровавую месть, за падение брата. – Дом Давидов возвышался, а дом Саулов изнемогал.

Вскоре возникла вражда между его слабым сыном и воеводой; оскорбленный Авенир послал верных людей к Давиду, с тайным словом, что предаст в руки его все царство Израилево; но Давид, вступая с ним в союз, потребовал прежде всего, чтобы возвратилась к нему первая супруга Мелхола, дочь Саулова, выданная им за иного мужа. Тогда допустил к себе Авенира, и заключив с ним союз, отпустил с миром; но дышущий мстью Иоав, втайне от Царя, послал возвратить воеводу и умертвить его во вратах Хевронских.

«Чист я пред Господом, и чисто царство мое, от крови Авенировой, сказал огорченный Давид, когда услышал о гибели вождя, да сойдет она на Иоава и на весь дом его, и да не оскудеют в нем прокаженные и недужные, падающие от оружия и скудные хлебами!» Разодрав одежды свои, с плачем следовал Давид, за погребальным одром воеводы, и с честью предал его земле, сохранил пост до вечера, так что весь народ Израилев

убедился в невинности Царя.

Ослабели руки Иевосфея, после падения Авенира; два изменника, из колена Вениаминова, проникли в его ложницу и отсеки голову Царю своему; они принесли её с торжеством к Давиду, думая порадовать его гибелью соперника, но великодушный сказал им: «жив Господь, избавивший душу мою от всякой скорби! Если предал я казни вестника смерти Сауловой, которому бы должен был дать награду, то вас ли пощажу, умертвивших Царя своего?» Он велел отсечь руки и ноги изменникам и повесить тела их над источником Хевронским, а голову сына Саулова погреб с честью, во гробе Авенира.

Тогда все племена Израилевы приступили к Давиду, говоря: «мы кости твои и плоть твоя; еще во дни Саула ты предводительствовал нами и тебя избрал Господь вождем в Израиле.» Собрались старейшины их в Хеврон и, в третий раз, провозгласили Давида Царем над всем Израилем, после семилетнего правления домом Иуды; тридцати лет воцарился Давид и властвовал сорок. Первым его подвигом было завоевание Иерусалима, отколе изгнал надменных Иевусеев, посмеявшихся его бессилию. На краю города соорудил он дом свой, с твердыней вокруг, и возвеличилось царство его, ибо с ним был Вседержитель. Иноплеменники, услышав о силе Давида, соединились против него в долине исполинов; но Давид, спросив Господа о победе, поразил их и сжег идолов, ими оставленных в бегстве. Еще однажды собрались они, в той же долине, и Господь велел ему напасть на них, со стороны дубравы плача, когда услышит шум от сей дубравы, ибо тогда сам Господь выйдет с ним на брань; – послушал Давид гласа Божия и опять поразил иноплеменников.

XXXV. Перенесение кивота; пророчества о Мессии

Первой мыслью благочестивого, когда утвердился на царстве, было – перенести в новую столицу кивот завета, которому не воздавалось довольно почести во дни Саула. По зову Царя собрался весь Израиль, с старейшинами, священниками и Левитами, чтобы поднять из Кариафиарима кивот Господа сил, сидящего на Херувимах; но не по уставу Моисея, хотя и с великим торжеством, совершилось первое перенесение; вместо того, чтобы возложить святыню на рамена Левитов, сыны Аминадава, в доме коего стоял кивот, Оза с братией, поставили его на колесницу, по примеру данному Филистимлянами, когда от них возвращался; Давид, со всем народом, изъявлял радость свою в песнях, играя на гуслях и на псалтыри, звуча трубами, тимпанами и кимвалами.

Но гнев Божий постиг, внезапной смертью, Озу, когда дерзнул коснуться неосвященной рукой кивота, чтобы поддержать его, при колебании колесницы, и уstraшенный Царь не отважился внести святыни в Иерусалим; он поставил её в доме Аведдара Гефского, где оставалась три месяца, и привлекла благословение Божье на дом сей. Услышав о том благочестивый Царь, решился продолжать перенесение кивота; он велел одним Левитам прикасаться к нему, ибо их избрал Господь для своего служения. Прежде, нежели приступить к святыне, очистились Левиты и Первосвященники, Садок и Авиафар; тогда только, в присутствии Давида и всех князей Израилевых, при пении ликов и игрании на мусикийских орудиях, с благоговением подняли они кивот на рамена свои и, после первых семи шагов, принесли семь тельцов и семь овнов, в жертву благодарения. Сам Давид, облеченный в льняную одежду, вмешался в лики певцов, сопровождая кивот, с восклицаниями и гласом трубным, с бряцанием гуслей, кимвалов и кифар. Так вступил он в Иерусалим, где дочь Саулова, Мелхола, увидя Царя, скачущего и играющего пред кивотом, уничтожила его в сердце своем.

Посреди скинии, устроенной Давидом, на горе Сионской, поставили святыню; там совершил он всесожжение и благословив народ, именем Господним, угостил каждого человека. Пред лицом кивота поставил Царь, на всегдашнюю стражу Левитов, чтобы служить Богу Израилеву и возглашать в песнях дела Его; начальником ликов избрал он Асафа и сам воспел первую песнь: «исповедайся Господу и призывайте имя Его; возвещайте людям все начинания Его; воспойте и пойте Ему, поведайте

все чудеса, какие сотворил Господь; хвалите имя святое Его; да возвеселится сердце, ищущее благословений Его, възштите Господа и утешитесь: – исповедайтесь Господу, ибо благ и во век милость Его!»

С радостью в сердце возвратился Давид в дом свой; там встретила его супруга горькой укоризной: «прославился ныне Царь Израилев, пред взорами рабынь и рабов своих, обнажив себя как один из пляшущих!» сказала Мелхола, но смиренный ответствовал ей: «пред Господом плясать буду, который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, и поставил над Израилем; ради него готов я казаться обесславленным, пред тобой и рабынями, о коих говоришь.» Господь же наказал неплодием Мелхолу.

Не удовольствовалося благочестивое сердце Царя, почестью, возданной кивоту. «Вот я живу в доме кедровом, кивот же Божий под кожами,» сказал он Пророку Нафану, Пророк ответствовал: «делай все, что у тебя на сердце, ибо Господь с тобой;» но в ту же ночь было слово Господне к Пророку: «скажи рабу моему Давиду: не ты созиждешь мне дом; со дня исхода сынов Израилевых из Египта, ходил я во всем Израиле в скинии, и ни одному из колен не заповедал доселе создать мне дом кедровый. Тебя взял я, от пажити овец, для владычества над моим народом, возвеличил имя твое и сокрушил всех врагов твоих, чтобы сынам Израилевым не терпеть более обиды от иноплеменников. Когда же исполнятся дни твои и уснешь с отцами, возставлю семя твое по тебе и устрою царство его. Он созиждет Мне дом и его престол укреплю во веки. Я буду ему в отца и он будет Мне в сына, и не отниму от него милости Моей, подобно как от бывших прежде тебя; верен будет дом его и царство его, и утвержду престол его во веки.»

Так не хотел избрать Господь мужа брани, хотя и верного ему, для созидания дома своего, предоставив славу сию Царю мира, предзнаменовавшему грядущего Примирителя неба и земли, которого царство есть царство всех веков и владычество во всяком роде. Пророк возвестил слово Господне Царю и умилением исполнилось его сердце; он взошел в скинию и воззвал к Богу отцов своих: «Господи, Господи, кто я и дом мой, что Ты до такой степени возлюбил меня и предсказал о рабе Твоем до времен отдаленных?» Но и Давиду, подобно как Аврааму, ясно было открыто, каков будет сей дивный его потомок, и он непрестанно пророчествовал о Нем, в вдохновенных псалмах своих, изображая Его, не просто человеком, но и Богом: «Господь сказал Господу моему, седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Из чрева прежде денницы родил Тебя, клялся Господь и не раскается; Ты священник во век, по чину Мелхиседекову.» (Псал. СІХ.)

Таким образом, Давид уразумел Духом, каков был сей таинственный Священник Бога Вышняго, благословивший некогда праотца его Авраама, хлебом и вином; уразумел также, кого знаменовали жертвы и Первосвященники Иудейские, преемники Аароновы, когда, от лица грядущего Христа, восклицал в тех же псалмах: «жертвы и даров Ты не восхотел, но тело уготовал Мне, и потому Я сказал: се иду, как в свитке книжном писано о Мне, исполнить волю Твою, Боже!» Свиток же книжный, о коем упоминал, был закон Моисеев, Его предобразовавший. (Псал. XXXIX. 7. 8.).

Давид предвидел и то, с каким ожесточением отвергнут сего грядущего Искупителя, когда восклицал: «почто мнутя народы и племена замышляют тщетное? – восстают Цари земли и князи собираются вкупе на Господа и на Христа Его! Живущий на небесах Господь посмеется им; возведу определение Господа: Он сказал Мне: Ты сын Мой, Я днесь родил Тебя! Проси у Меня, и Я дам народы в наследие Тебе, и пределы земли во владение Тебе. И так, Цари вразумитесь, научитесь, судьи земли; служите Господу со страхом и радуйтесь пред Ним с трепетом; почитите Сына, чтобы не прогневался на вас, и вы не погибли бы в пути вашем: – блаженны все уповающие на Него.» (Псал. II.).

Сердце благочестивого Царя горело такой любовью к сему божественному Сыну, который должен был родиться некогда от его колена, что пламенное чувство веры сокращало пред ним долгое расстояние веков и являло ему грядущего Христа, в самых близких для него образах: то в лице возлюбленного сына Соломона, исполненного однако такой славой, что никакая земная слава не могла с ней сравниться, если бы кто покусился отнести слова Давидовы к Соломону, – то в собственном лице своем. Предчувствуя все тяжкие страдания Искупителя, мысленно он как бы страдал за Него сам, из уст его исторгались даже слова распятого на кресте; он слышал и хулы ругавшихся над ним Иудеев, и как будто испытал гвозди и раны Господа своего, подобно Апостолу Павлу, который говорил: «что сораспялся Христу и носит на теле язвы Его, и уже более не живет сам, но в нем живет Христос.»

Как бы стоявший у креста, взывал Давид: «я червь, а не человек, поношение человеков и унижение людей; все видящие ругаются мне, расширяют уста, кивают головой, и говорят: он положился на Господа; пусть избавит его, пусть спасет его, если благоволит о нем. Пронзили руки мои и ноги мои; я мог бы перечесть все кости мои. Они смотрят и делают из меня зрелище. Делят ризы мои себе, и об одежде моей мечут жребий. – Посрамление сокрушило сердце мое, я изнемог; жду сострадания, но нет

его; утешителей, но не нахожу. В пищу мне дают желчь, и в жажде моей поят меня уксусом. (Псал. XXI. 7, 8, 9, 17, 18, 19. LXVIII. 21, 22.) Теперь раскроем Евангелие: «и пришедши на место, нарицаемое Голгофа, дали ему пить уксус, с желчью смешанный, и вкусив не хотел пить. Распявшие Его, разделили ризы Его, бросив жребий; мимоходящие же хулили Его, покивая главами своими и говоря: он уповал на Бога, пусть избавит Его ныне, если угоден Ему, ибо говорил о Себе, что Он Сын Божий.» Какой страшный отголосок на расстоянии столетий! (Матф. XVII, 33, 34, 35, 39, 43.)

Но Давид предвидел также, что Господь не оставит души Его во аде, ниже даст праведнику своему видеть истление, и что Он откроет имя Божие братии своей, и в церкви великой исповедает Его, и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Ним все отечества языков.» (Псал. XV. 10. , XXI. 26, 28.) Ибо Давид познавал в грядущем Христе, не только странника, который по изречению псалма «от потока на пути пьет,» но и славу, последующую Его смирению, присовокупляя к тому: «сего ради вознесет главу.» (Псал. CIX. 7.) Он старался изобразить славу сию: «красен добротой, паче сынов человеческих, излилась благодать в устах Твоих, сего ради благословит Тебя Господь во веки.» и, в духе пророчества, возносил сего Сына человеческого до равенства с Богом: «Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, сего ради помазал Тебя, Боже, Бог Твой, елеем радости, паче причастников Твоих;» (Псал. XLIV. 2. 8.) Слова сии напоминают опять знаменательный псалом: «Господь сказал Господу моему, седи одесную Меня,» на который указывал сам Христос.

XXXVI. Победы Давида, его искушение и покаяние

Славные победы над иноплеменниками, ознаменовали видимый покров Божий над благочестивым Царем. Он возвратил оружием все древнее достояние Израиля, наложил дань на Моава, поразил на Евфрате Царя Сувского, вышедшего в бой с тысячью колесниц, и поставил стражу свою в Дамаске; золотые гривны отроков царских и обилие меди принес с собой победитель в Иерусалим, и дары Царя Эмафского, и добычу Идумеев, которых до восемнадцати тысяч поразил на обратном пути. Узнав о смерти союзного Царя Аммонитов, Давид отправил к сыну его вестников мира, с словом утешения; но безрассудный юноша почел их за соглядатаев и с бесчестием выгнал, остригши им бороды и обрезав полы одежд, а сам стал опять возбуждать на брань Сириян и Амалика. Разгневанный Царь велел вождю своему Иоаву выступить, со всей силой, и бежали враги. Еще однажды отважился на брань побежденный Царь Сувский, Адраазар с Сириянами, и дошел до Елама; сам Давид встретил его, с полками Израилевыми, по ту сторону Иордана, и сокрушил семь сот колесниц и сорок тысяч конников: – ужаснулись соседние Цари и поработились Израилю.

Посреди побед своих, вспомнил Давид о друге своем Ионафане, и спросил Сиву, одного из служителей Сауловых: «остался ли еще кто из дома Саулова, чтобы оказать ему милость?» – «Есть еще один хромой сын Ионафана, именем Мемфивосфей, отвечал Сива. Царь велел призвать его, утешил ласковым словом, отдал ему все имущество деда его Саула, и дозволил питаться всегда от царской трапезы, как бы одному из собственных детей своих; так помнил Давид любовь к нему Ионафана и взаимную клятву приязни.

Тяжкое искушение постигло Царя посреди благих дел его, дабы еще более обнаружилось, сколь велика немощь человеческая, без укрепляющей благодати Божьей. Горько было падение Давида, за которое заплатил он семейными бедствиями, в продолжении целой жизни, но глубоко было и смирение, при сознании греха, так что его красноречивое покаяние и доньне переходит из уст в уста, стихами псаломными. Много ли падающих восстают подобно Давиду?

Год спустя после победы над Аммонитами, послал он воеводу Иова осаждать Равваф, их столицу, сам же остался в Иерусалиме; однажды вечером, вышедши для прохлады на кровлю своих палат, увидел он сверху

прекрасную жену, моющуюся в купальне соседнего дома, и сердце его возгорелось нечистой страстью, которую не искал победить. Это была Вирсавия, жена Урии Хеттеянина, сражавшегося в полках царских, и как одно преступление обыкновенно влечет за собой другое, страшный помысл запал в душу Царя. Он велел воеводе прислать к нему Урию и, угостив его царской трапезой, отпустил ласково домой: но Урия, как доблестный воин, не хотел вкушать покоя под кровлей дома, доколе кивот Божий, Иуда с Израилем, пребывали в шатрах, и провел ночь пред воротами палат царских. – На третий день отослал его Давид обратно в стан, с тайной грамотой к воеводе, чтобы подверг его неизбежной смерти в опасной битве. Исполнил Иоав жестокое повеление, и на приступе города пал Урия, жертвой своего мужества, со многими из дружины; воевода послал весть сию к Царю, испуганный сам числом погибших. – Разгневался Давид, услышав о падении ратных: «зачем было приступать к городу? Воскликнул он, или не знали, что осажденные обрушат на вас камни со стен, как некогда слабая жена поразила сына Гедеонова?» Вестник, не постигая сам силы своих речей, передал и последнее слово воеводы Царю: «что в числе ратных погиб Урия,» и мгновенно укротился гнев его, ибо почувствовал тайный укор в своем сердце. Милостиво отпустил он вестника, и когда миновали дни плача вдовы Урии, взял её себе в жену и родила ему сына; но нетерпимыми явились тайные деяния Царя пред лицом Господним.

Пророк Нафан предстал ему с обличением: «произнеси слово судное, о Царь, сказал он, два человека жили в одном городе, один богатый, а другой убогий; много стад и буйволов было у богатого, а у бедного одна только овца, которую воздоил вместе с детьми своими; она питалась хлебом его и пила из чаши его, и как родная дочь, покоилась на лоне его. Пришел некто к человеку богатому и пожалел он заклать, для трапезы путнику, что-либо из обильных стад своих; но он отнял овцу у бедного и угостил ею пришельца.» – «Жив Господь! Воскликнул Давид, человек сей достоин смерти, за то, что не пощадил ближнего; седмерицей заплатит он за овцу!» «Ты человек сей, отвечал Пророк, вот что говорит тебе Бог Израилев: не Я ли помазал тебя на царство? Не Я ли избавил от руки Сауловой и дал тебе дом Господина твоего, и весь дом Израиля и Иуды? И если мало сего, еще приложу. – Как же призрел ты слово Господне и сотворил пред ним лукавое? – мечем Аммонитов убил ты Урию, а жену его взял себе в жену; отныне не отступит меч от дома твоего. Господь воздвигнет злое на дом твой, и пред твоими очами отдаст ближнему жен твоих, и то, что сотворил ты втайне, он совершит явно, пред лицом всего

Израиля!»

Раскаяние проникло в сердце Давида; одним смиренным словом отклонил он висевший над ним приговор: «согрешил я пред Господом!» сказал Царь, из глубины сокрушенного сердца, и Пророк отвечал покаявшемуся: «Господь отпустит прегрешение твое, и не умрешь; но поелику ты возбудил хулу врагов Божьих, умрет сын твоего преступления.» Удалился Пророк и разболелся младенец; но не скоро разрешается человек от обуявшей его страсти; плакал Давид о детище своем, и простершись на землю, постом и молитвой, хотел спасти обреченного на смерть. В седьмой день скончался младенец и старейшины боялись возвестить о том Давиду, потому что видели его отчаяние во время болезни; но он, уразумев из шепота их, о горестной утрате, к общему изумлению, поднялся из праха, умыл лицо и облекшись в светлые одежды, взошел в дом Божий, потом в своем доме, ел за трапезу: «доколе жив был младенец, говорил он, я плакал и постился, думая сам в себе: кто знает, может быть помилует меня Господь и сын мой останется жив? Ныне же что плакать? Не могу возратить усопшего; мне следует идти к нему, а не ему ко мне возвратиться.» – Он утешил и плачущую супругу, и другой сын, уже не греха, но покаяния, ему родился, Соломон, возлюбленный Господу; однако память тяжкого своего падения навеки сохранил Давид, в умиленных стихах псалма, которыми излил пред Богом душу свою:

«Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей и по множеству щедрот твоих, очисти беззаконие мое, ибо беззаконие мое я знаю, и грех мой всегда предо мною! – В беззакониях зачат я, во грехах родила меня мать моя; но ты возлюбил истину, и открыл мне неизвестное и тайное премудрости твоей. – Отврати лицо твое от грехов моих и все беззакония мои очисти; сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух правый обнови в утробе моей; не отвергни меня от лица твоего и Духа твоего Святого не отними от меня. – Научу беззаконных путям твоим и нечестивые к тебе обратятся. Избави меня от крови, Боже, Боже спасения моего; возрадуется язык мой о правде твоей. – Если бы восхотел ты жертвы от меня, дал бы их; но ты не благоволишь всесожжений, – жертва Богу дух сокрушенный; сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит!»

Славная победа над Аммонитами скоро явила Царю, что еще не отступила от него рука Божия. Сам он выступил против Раввафа, близкого уже к падению, и сокрушив город возложил на себя золотой венец Царя Аммонитов.

XXXVII. Семейные бедствия Давида, мятеж Авессалома

Отсель начинаются семейные бедствия Давида, которые обременили последние годы его жизни; ибо хотя и получил он отпущение греха своего, однако понес тяжкое за него испытание на земле, как золото, очищаемое в горниле. С первородного сына начался суд, над многочисленным домом его, состоявшим из тридцати сыновей. – Старший, более всех любимый, Амнон пленился красотой сестры своей, от другой матери, Фамари, единоутробной Авессалома, и терзаемый сердечной тоской, притворно умножил болезнь свою, чтобы возбудить участие отца и нежные о себе заботы сестры. Невинная Фамарь, с согласия родительского, принесла болящему любимые им яства; не подозревая злого умысла, приблизилась она к уединенному одру, и сделалась жертвой безумной страсти, которую мгновенно заменила столь же безумная ненависть. – С бесчестьем изгнал Амнон сестру свою, и брат её Авессалом, услышав вопли отчаянной, велел Фамари до времени таить свое поругание в доме его. Гневом исполнился Давид, при горькой вести, но любящая душа его пощадила первенца; Авессалом же два года готовил месть в жестоком сердце.

Однажды пригласил он отца и всех братьев на пиршество в долине Ефремовой, по случаю стрижения стад своих; но Давид уклонился и, как бы по тайному предчувствию, долго не хотел отпустить Амнона. Посреди пира, когда отягчилось вином сердце Царевича, отроки Авессалома поразили его мечем и в ужасе бежали все братья. Страшная весть предупредила их в Иерусалиме, будто все сыновья царские погибли, и горестный Давид, с плачем разодрал свои одежды; но вот вдали поднялось облако пыли, от пути Ефремова, и прискакали дети царские утешить собой родителя; но с ними не было Амнона, первенца, более всех любимого! Авессалом бежал к Царю Гедсурскому, и не преследовал его кроткий Давид.

Когда же воевода Иоав увидел, что сердце родительское начало сожалеть о бежавшем сыне, который всех превосходил красотой в Израиле, он подслал мудрую жену к Царю, в одежде плачевной, как бы сетующую о собственных детях и просящую у него суда. Она рассказала ему, как бились будто бы между собой два её сына, и один поразил другого, а граждане хотят совершенно её обесчадить, требуя смерти убийцы. Тронутый мольбами матери, поклялся Давид, что ни один волос не спадет с головы сына её, она же, продолжая беседовать в притчах, о

суете временного и о милосердии Божьем к согрешающим, навела Царя на ту мысль, что воевода послал её ходатайствовать о сыне Авессаломе; милостиво позволил Царь возвратиться изгнаннику, но еще два года не допускал его к себе. Не смирилось однако суровое сердце юноши; неблагодарностью заплатил он своему ходатаю, и сжег его поле за то, что Иоав не хотел еще однажды предстательствовать, о совершенном его прощении; когда же наконец был прощен, вооружился и против самого родителя.

Он собрал себе конников и колесницы, и каждый день выходил пред врата дома своего, ласково приветствуя мимоходящих и сожалея, что нет суда в Израиле: «кто поставит меня судьей? Говорил он, тогда бы оказал всякому правду;» такими льстивыми речами привлек к себе сердце народа. Четыре года спустя, Авессалом коварно испросил у Царя дозволения идти в Хеврон, принести там жертвы, обещанные им еще во дни своего изгнания; с миром отпустил его отец; множество людей последовало за сыном царским, не подозревая измены, и вместе с ними бывший советник Давида, Ахитофель, а между тем, соглядатаи распустили молву, во всех коленах Израиля, что воцарился Авессалом. – Гонец прибежал к Давиду из Хеврона с вестью, о возмущении сына, и горестный отец поспешил оставить Иерусалим, со всеми присными, чтобы не навлечь гибели на них и на город. «Удалимся, говорил он, ибо нет нам спасения от Авессалома!» и пеший вышел из дома своего, оставив только десять жен для его охранения; пешие следовали за Царем, все его домашние и шесть сот ратных иноплеменников, родом из Гефа. «Зачем и ты идешь с нами? Сказал бегущий Царь вождю их Еффею, давно ли переселился ты из родины твоей? Возвратись, пришелец, и живи с новым Царем. – Мне ли влечь тебя за собой, когда еще не знаю сам, куда иду? Возврати с собой и братьев, Господь же да помилует вас!» «Жив Господь, и жив владыка мой Царь! Отвечал Еффей, в жизни и смерти буду с тобой» и последовал за бегущим.

Все люди переходили с плачем поток Кедрский, и Царь их вместе с ними; путь их обращен был к пустыне. И вот Первосвященники, Садок и Авиафар, вышли также, со всеми Левитами, и вынесли с собой кивот завета Божия, ожидая исхода всех людей; но благочестивый Царь сказал Садоку: «возврати кивот Божий, и да станет на месте своем; если обрету благодать пред очами Господа, Он возвратит меня, покажет мне опять красоту своего кивота; если же не благоволит ко мне, вот я пред лицом Его; да совершит со мной свою благую волю. Возвратись с миром, ты и Авиафар с сыновьями вашими, а я остановлюсь в пустынном месте, доколе

не придет мне от вас какая либо весть,» и возвратились Первосвященники в кивотом.

Давид стал подыматься на гору Элеонскую и плакал, покрыв одеждой грустное лицо; за ним восходили все люди на Элеон, и плакали также, оставляя за собой Иерусалим. Удар за ударом постигал Давида; он отражал их кротостью и смирением: ему пришли сказать, что бывший его советник в числе мятежников; он отвечал только: «Господь да разрушит совет Ахитофела!» На встречу Царя вышел первый друг его Хусий, в разодранной одежде, с пеплом на голове, и Давид сказал ему: «если пойдешь со мной, будешь мне только в тягость, но иди, предайся сыну, и разрушь совет Ахитофела, вместе с двумя Иереями, от которых буду ожидать вести.» – Повиновался Хусий, и в одно время с Авессаломом вошел в Иерусалим.

Далее, за горой Элеонской, Сива, данный Давидом в услужение сыно Саулову, Мемфивосфею, встретил бегущего, с корзинами хлеба, фиников, гроздий, и с мехом вина для ослабевших в пустыне. «Где сын господина твоего?» спросил Царь, «в Иерусалиме, отвечал Сива, ожидает, что дом Израилев возвратит ему царство отца!» Тяжкой показалась Давиду такая неблагодарность; он отдал Сиве все достояние изменника. Но его ожидало в бегстве испытание, более горькое, от неприязненного дома Саулова. – Семей, один из рода бывшего Царя, вышел на дорогу в Вафуриме, и с проклятиями стал метать камни в Давида, хотя сильные мужи шли по сторонам владыки: «изыди, изыди, муж крови, муж беззакония, взывал безумный Семей, Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, ибо ты воцарился вместо него; Господь отдал царство в руки сына твоего Авессалома, а ты в озлоблении муж крови!»

Исполнилось яростью сердце Авессы, брата воеводы Иоава: «как смеет мертвый пес сей проклинать моего Царя? Воскликнул он, пойду и отсеку ему голову;» но кроткий Давид остановил Авессу: «что мне и вам сыны Саруины? Сказал он, оставьте его, пусть проклинает, как внушил ему Господь проклинать Давида; кто скажет Господу, зачем допустил сие?» потом, обратясь к отрокам своим, говорил им: «вот сын мой, изшедший из моей утробы, ищет души моей! – кольми паче может искать её сын Вениаминов! Оставьте его проклинать меня, как внушил ему Бог; быть может призрит Господь на смирение мое и воздаст мне благое, вместо нынешней клятвы.» – Так говоря, продолжал путь с людьми своими, и шел дорогой, а стороной шел Семей по верху горы, не переставая проклинать и метать в него камни и прах, доколе утружденный Давид не достиг к ночи места упокоения.

Между тем, Авессалом вступил, с дружиной своей, в Иерусалим, и ему предстал Хусий; изменивший отцу, удивился, как мог изменить царю вернейший друг его, но поверил лстивой речи, будто пришел служить избранному Богом и всем Израилем. Юноша просил себе совета у Ахитофела, как укрепиться на царстве? И исполнил страшное его слово: «посрамить родителя в лице его жен, пред всеми людьми, чтобы видели невозможность примирения.»

Еще один совет дал Ахитофел Царевичу: немедленно послать с ним двенадцать тысяч ратных людей, настичь утомленного Царя в пустыне и там умертвить его; но Хусий, призванный также на совещание, отклонил сей умысел, губительный для Давида. – «Сильные мужи около отца твоего, сказал он Авессалому, ныне исполнены они яростью, как медведица, лишенная чад своих, или вепрь, свирепый в поле; отец твой, муж воинственный, не даст дремать людям своим; он укрылся где либо в пещере, но знает народ его львиное сердце, и если случится какое либо поражение при начале царствования твоего, угаснет мужество сильных. Прежде собери к себе весь Израиль, от Дана до Вирсавии, и сам ополчись посреди них, всей силой твоей, на Давида; тогда нападём на него, как роса на землю, и ни единого воина при нем не оставим; если же заключится в каком либо городе, мы разрушим стены его без остатка.»

Послушался Авессалом хитрой речи, и с отчаяния наложил на себя руки Ахитофель, предвидя гибель. Хусий поспешил известить Первосвященников, о данном совете; они же послали к Давиду сыновей своих, ждавших вести, вне ограды Иерусалимской, чтобы Царь не оставался ночью в пустыне, но спешил бы за Иордан. Алый отрок, увидевший быстрое их отшествие, возвестил о том Авессалому и устремилась за ними погоня; но они укрылись в Вауриме, на дне безводного колодезя; стоявшая подле женщина разостлала покров на устье его, как бы для сушения семян, и сказала гонящим, что дети жрецов бежали далее чрез поток. На утро перешел Давид воды Иорданские, со всей дружиной; мирно встретили его за рекой жители Галаада, и предложили утомленным мед и пшеницу, овощи, масло и овец. Вслед за Царем, перешел Иордан и сын его, с мятежными полками Израиля.

Приготовляясь к битве с сыном, Давид разделил на три части свои дружины, поставив вождями Иоава, брата его Авессу, и верного Эффея: «пойду вместе с вами,» сказал он воинам, но все воспротивились решению царскому, говоря: «бегство наше и гибель ничто для врагов; ты один не можешь сравниться с десятью тысячами ратных, останься в стенах города.» Остановился Царь во вратах, воины исходили пред ним, стами и

тысячами; об одном только умолял он вождей своих, пред лицом всего воинства, пощадить для него сына Авессалома. В дубраве Ефремовой возгорелась битва, и пал Израиль пред Иудой; в сей день больше людей погибло в чаще леса, нежели сколько поразил меч на поле брани.

Преследуемый Авессаломом, скакал на лошаке и впутался в густоту широкого дуба; обвились на ветвях долгие волосы Царевича и выскочил лошак из под всадника, он повис между небом и землей; не смели коснуться его отроки царские, но один из них побежал с вестью к воеводе. «Зачем не пронзил ты висящего? Сказал воевода, я бы дал тебе пояс и серебра.» – «Если бы и тысячу сиклей серебра вложил ты мне в руку, отвечал верный отрок, не поднялась бы рука моя на сына царского; не все ли мы слышали, как умолял Царь сохранить ему сына? Мог ли бы утаиться мой поступок? И не ты ли первый обличил меня?» – «Я это сделаю пред твоими глазами,» возразил воевода, и взяв три стрелы, пронзил ими сердце Авессалома; еще дышащего, обступили десять оруженосцев и довершили начатое вождем. Тогда вострубил Иоав, громкою трубою, чтобы перестала погоня, ибо он щадил Израиля, увлеченного виной юноши, Авессалома же бросил в пропасть, посреди дубравы, и насыпал над телом его груды камней; так погребли надменного, который еще при жизни воздвигнул себе столп надгробный, близ Иерусалима, в юдоли царской, и дал ему свое имя, для вечной памяти.

Тогда сын Первосвященника Садока, Ахимаас, предложил воеводе послать его, с вестью о победе, к Царю; но Иоав удержал юношу, ибо не радостную весть должен был принести отцу, о смерти сына. Хусию, давнему другу Цареву, поручил он идти к нему, с горьким словом; но сын Садока неотступно молил вождя, позволить и ему быть вестником победы, и устремился вслед Хусия.

У ворот города сидел Давид, ожидая вести; над ним, на высокой стене, стоял страж и глядел в поле. Вот он видит вдали одного бегущего и предупредил о нем Царя; но Царь отвечал: «если бежит один, то с доброй вестью;» и другого увидел издали страж, и опять возвестил Царю – «и тот с доброй вестью,» сказал опять Давид. «Вижу скорый бег первого, кликнул стоявший на стене, и узнаю в нем Ахимааса, сына Садокова.» – «Он добрый вестник и добрые принесет вести,» еще однажды отвечал Давид, и пред ним простерся на землю Ахимаас, с словом победы: «благословен Господь Бог твой, сокрушивший тех, которые воздвигли руки на Царя моего!» Но кроткий отец, не радуясь победе, прежде всего спросил: «жив ли юноша Авессалом?» – не дал ему прямого ответа вестник, говоря, что только видел веселие ратных, когда отпускал его воевода. Тогда

приблизился престарелый друг Хусий и сказал: «добрая весть владыке моему Царю, ибо Господь рассудил тебя ныне с врагами твоими!» – «Жив ли юноша Авессалом?» спросил опять огорченный отец, и Хусий отвечал: «подобны ему да будут все восстающие на Царя моего!» Смутился духом Давид, и взошед в горницу, над воротами, горько заплакал о сыне, рыдая же восклицал: «сын мой Авессалом! Кто даст мне смерть вместо тебя, сын мой! Сын мой! Сын мой Авессалом!»

«Вот Царь плачет о Авессаломе,» пришли сказать воеводе, и общая радость обратилась в рыдание, когда услышали все, что печален Давид, о смерти сына. Народ стал расходиться, мало по малу, как бы посрамленный на брани, ибо Царь, закрыв лицо свое, не переставал звать: «сын мой Авессалом! Авессалом сын мой!» – Тогда Иоав вошел к нему в горницу и сказал: «сегодня посрамил ты рабов твоих, которые спасли тебя со всем семейством. Ничто для тебя все князья и служители твои; ты любишь ненавидящих тебя, а любящих ненавидишь; лучше бы для тебя было, если бы мы все погибли ныне, Авессалом же один остался жив! Встань, укрепи сердце рабов твоих; ибо если не выйдешь к ним теперь, клянусь, что в сию ночь не останется ни один с тобой, и последнее зло будет горше всех, которые приключались тебе от дней юности!»

Послушался Царь и сел при воротах; народу возвестили, о явлении царском. И все устремились видеть лицо его; а люди Израилевы, бывшие с Авессаломом, бежали в селения свои, и распря возникла между ними, ради Давида: «не Давид ли избавил нас от всех врагов наших? Говорили они, а мы помазали вместо него Авессалома; ныне он убит, возвратимся к Царю!» – Слово сие пришло к Давиду; он послал Первосвященников, Садока и Авиафара, сказать старейшинам Иудиным: «зачем медлят они возвратить Царя своего в дом его? Они, братья, кости и плоть Давидовы, для чего остаются последними?» и то же ласковое слово велел сказать Амессаю, бывшему воеводе мятежных, с обещанием возвеличить его, подобно Иоаву. Подействовали речи Архиереев: обратились к Царю сердца всех людей Иудиных, как бы одного человека, и все колена Израиля вышли в сретение Царю на Иордан.

Тогда и Семей, некогда проклинавший Давида, поспешил к берегам Иордана, с тысячью мужей из колена Вениаминова и с верным Сивой, служителем Саула. Малодушный Семей пал на землю пред победителем и сказал: «да не вменит мне беззакония, владыка мой Царь, и да не помянет неправды раба своего, в день бегства из Иерусалима; чувствую согрешение мое; вот я предупредил весь дом Иосифа и весь Израиль в сретении Царя моего.» Опять исполнился гневом Авесса, брат воеводы, хотевший уже

однажды умертвить Семя: «неужели пощадишь того, кто проклял помазанника Божия?» воскликнул он; но кроткий Царь отвечал: «что мне и вам сыны Саруины? Зачем вводите меня в искушение? Ныне не будет умерщвлен никакой Израильтянин; ибо я уверен, что царствую над всем Израилем!» и обратясь к Семя, поклялся ему, что останется жив. – Сын Ионафанов вышел к нему во вратах Иерусалима, в печальных одеждах и с распущенными волосами; Царь укорил его только вопросом: «зачем не последовал за ним во дни бегства?» и удовлетворился ответом, что слугитель его, Сива, не хотел привести осла храмлющему и оклеветал его пред Царем, который облагодетельствовал весь дом Саулов. «Зачем вспоминать минувшее? Прервал его Давид, раздели, с верным мне Сивой, села родительские.»

Престарелый Верзеллий, Галаадитянин, гостеприимно принявший Царя за Иорданом, провожал торжествующего до берегов заветной реки, и приглашаемый идти далее, отвечал: «много ли еще дней жизни моей, чтобы мне следовать за Царем в Иерусалим? – вот уже мне восемьдесят лет и я не могу различать горького от сладкого: чувства мои притупились; мне ли вкушать яства от трапезы твоей и слышать голос ликующих и поющих? Зачем буду я в тягость владыке? – Но позволь рабу твоему пройти с тобой немного за Иордан и потом возвратиться в дом свой, чтобы умереть на родине, близ гроба отца моего и матери, а сын мой пойдет с тобой.» Согласился Царь и перейдя Иордан, с миром и благословением отпустил старца.

Не вдруг однако же утихла буря, возбужденная Авессаломом. – Весь Иуда и пол Израиля провожали Давида, и распря возникла между ними: зачем мужи Иудины одни похищают себе Царя? Первые хвалились родством своим с Давидом, другие же числом десяти колен и старейшинством некоторых пред Иудой. Некто Савей, от рода Вениаминова, воспользовался несогласием, чтобы опять возмутить Израиль; но Иуда остался верен и с торжеством ввел Царя в Иерусалим; не изменил ему и бывший воевода Авессаломов, Амессай, и возбудил зависть Иоава. Видя, что Царь посылает Амессая против мятежников, Иоав приблизился к вождю, как бы для дружеского лобзания, и в ту минуту пронзил его мечем, как поразил некогда Авенира, вождя Саулова. Сам он ополчился против Савея и, преследуя чрез все колена Израилевы, осадил его в городе Авеле, в пределах Дановых. Уже готовился кровавый приступ, но одна женщина кликнула со стен воеводу и молила пощадить невинный город, обещая выдать врага; мудрыми речами склонила она к миру граждан, и голова мятежника скатилась со стен к ногам Иоава. Так

истребились последние враги Царя.

XXXVIII. Последние годы и кончина Давида

После мятежа возник голод и продолжался три года. Давид спросил Господа, о причине голода, и получил ответ: «что возник ради неправды Саула, который умертвил Гаваонитов.» Призвал Давид жителей Гаваона и спросил: «чего хотят они себе в удовлетворение, чтобы благословилось опять достояние Израилево?» Отринув золото и серебро, они потребовали себе семь человек, из рода Саулова, чтобы повесить их на высотах Гаваонских, и Давид принужден был исполнить их жестокое требование, потому, что прежде обещал им удовлетворение; над домом же Сауловым исполнялись тайные судьбы Божьи: но Давид пощадил сына Ионафанова, для памяти друга своего. Два незаконные сына Сауловы и пятеро, рожденных дочерью его Мелхолой, вне брака с Давидом, избраны были жертвами. Давид собрал кости Царя Саула, сына Ионафана, и семи юношей, убитых Гаваонитами, и похоронил их с честью в пределах Вениаминовых, близ гроба Киса, их деда, отца Саулова.

Остатки рода исполинов, который так ужасал сынов Израиля, при входе их в землю обетованную, были истреблены рукой Давида, хотя однажды едва не сразил престарелого Царя исполин Филистимский, тяжеловесным копьем. Брат воеводы отклонил удар, Авесса, который некогда не убоился пройти, сквозь полчища врагов, чтобы утолить только жажду Царя, из Вифлеемского источника; но Царь не хотел вкусить прохладной струи, едва не купленной кровью храброго, и возлил её в честь Господу. Воеводы Давидовы, видя как часто он подвергался опасности, не позволили ему более выходить на брань, чтобы не угас светильник в Израиле.

Еще одно искушение постигло Давида, и оно было последним: престарелому Царю пришло на мысль счесть Израиля и Иуду, как будто силой человеческой, а не Божьей, крепко было его царство. Тщетно отсоветовал перепись сию Иоав; превозмогло слово царское, и, в течении десяти месяцев, обходил воевода с старейшинами, всю землю, от Дана до Вирсавии, за Иорданом и вдоль помория, и счел восемь сот тысяч ратных в Израиле и пять сот тысяч в одном колене Иудове. – Когда же окончилось исчисление, почувствовал Давид вину свою и покаялся пред Господом в надменности сердца; но уже гнев Божий воспылал. Господь послал к нему Пророка своего Гада, с обличительным словом: «иди и скажи Давиду, пусть изберет одно из трех: или придут на землю три голодных лета, или три месяца будет он бежать от лица врагов своих, или трехдневная язва

будет опустошать область его.»

«Ужасны все три бедствия, смиренно отвечал Царь, но лучше для меня спастись в руки Божьи, нежели в руки человеческие, ибо нет пределов милости Господней.» он избрал трехдневную язву, и язва опустошала Израиль от утра и до полудня. Семьдесят тысяч мужей погибли, от Дана до Вирсавии, и уже Ангел смерти простер руку на Иерусалим, когда Господь остановил истребляющую десницу.

Пред гумном Орны, Иевусеянина, увидел Давид страшного Ангела и воскликнул к Господу из глубины сердца: «я согрешил, а не овцы мои, не я ли, пастырь их, один виновен? Да будет рука Твоя на мне и на доме отца моего!» Тогда опять предстал Пророк Гад Царю и велел ему соорудить алтарь на гумне Орны; повиновался Давид, купил место сие, где в последствии воздвигнут был храм Соломонов, принес на алтаре жертву умилоствления и прекратилась язва в Израиле.

Видя, что ослабеваает дряхлеющий Царь, третий сын его Адония возмечтал, подобно Авессалому, предвосхитить царство, устроил вокруг себя конников и колесницы, и вступил в союз с воеводой Иоавом и Первосвященником Авиафаром; но ему не последовали другой Первосвященник Садок и воевода Ванеа, с Пророком Нафаном и прочими старейшинами Давида. Однажды Адония принес торжественную жертву при источнике Рогиле, вне Иерусалима, и пригласил на пиршество всех братьев своих, царевичей, кроме Соломона и его приверженцев. Тогда Пророк Нафан сказал матери Соломона, Вирсавии: «разве не слышала ты, что воцарился Адония? Государь наш о том не знает; иди к нему, поспеши спасти от гибели душу свою и душу сына; напомни Царю, что обещал тебе посадить сына твоего на престоле своем; а ныне уже воцарился Адония; я подкреплю слова твои.»

Поспешила Вирсавия исполнить совет Пророка; вслед за ней взошел Нафан в ложницу дряхлого Царя, и спросил: «по его ли слову царствует Адония, приносящий торжественные жертвы?» Огорчился Давид и повторил опять клятву свою Вирсавии, о воцарении Соломона; немедленно велел он Первосвященнику Садоку, вместе с Нафаном, вести отрока Соломона на источник Геонский, под прикрытием своей дружины, и там помазать его на царство. Исполнилась воля Давида; глас трубный возвестил о помазании Соломона, и он воссел на престоле отца своего; радостно шумел ликующий народ. Совершители помазания пришли благословить древнего Царя, желая сыну его еще большего величия, нежели каким прославилось собственное его царство, и утешенный Давид возблагодарил Господа, давшего ему увидеть, при жизни, род свой на

престоле Израилевом. Ужаснулся Адония, услышав глас трубный и ликование народа; гости его рассеялись; страшась мщения Соломонова, бежал он в скинию и там, держась за роги алтаря, требовал клятвы от брата, что не будет искать смерти его. Соломон обещал ему жизнь, если сохранит верность, и смерть, если изменит, и Адония пришел, вместе с другими братьями, поклониться новому Царю.

Но, воцарив юного Соломона, заботливый отец предварил его о тех опасностях, какие его ожидали, от людей неблагонамеренных: «вот я отхожу в путь всей земли, говорил он, ты же крепись и будь мужем совершенным; сохрани завет Господа Бога твоего, писанный в законе Моисеевом, дабы и Господь утвердил слово свое, сказанное мне, что если сын мой будет ходить пред ним в правде, не искоренится род мой на престоле Израилевом.» Мудрости Соломоновой предоставил он охранить себя от Иоава, мужа сильного, облитого кровью невинных, на совести коего еще оставалась смерть двух воевод Израилевых, Авенира и Амессая, убиенных им во дни мира; и от Семеня, который некогда проклинал Царя и был пощажен им после победы; ибо Давид предвидел, что юноша, едва вставший на престоле, уже не мог так безопасно щадить их, как крепкий властитель, многими годами утвердившийся в Израиле. Но он поручил любви сыновей детей старца Верзеллия, Галаадитянина, который радушно принял за Иорданом Царя, бежавшего от Авессалома.

Тогда собрал всех старейшин Израилевых и весь дом свой, и восстав посреди сонма сказал: «внемлите мне, братья мои и народ мой; было у меня на сердце создать место упокоения кивоту завета Божия, и подножие ног Господу богу нашему, и я приготовил все нужное для созидания; Бог же возвестил мне, что не созижду дом имени Его, ибо я был воин и много пролил крови. – Дом отца моего избрал Бог от всего колена Иудова, и меня одного из дома родительского, чтобы властвовать в Израиле, а из сыновей моих одного Соломона. О нем открыл мне Господь, что Соломон созиждет Ему храм, ибо Он избрал его Себе в сына и будет ему в отца, и укрепит царство его во веки. – И так, пред лицом Бога вашего сохраните все заповеди его, чтобы наследовать вам землю благую и передать её в наследие детям; и ты Соломон, знай Бога отцов твоих и служи ему, сердцем совершенным и душевной волей, ибо всякое сердце и всякий разум испытует Господь. Если възыщешь его, обрящется тебе, если же оставишь, и Он тебя оставит, и поелику тебя избрал Бог, для совершения дома своего, крепись и соверши.»

Давид дал будущему Царю начертание святилища и храмин его, внутренних и внешних, и подобие всего здания, всех притворов и

жертвенника, определил даже меру и вес сосудов, чреды служения иереев и Левитов, гласы песней и чин певцов, под руководством искусного Асафа. – «Соломон, сын мой, еще молод, а дело велико, говорил благочестивый Царь, ибо не человеку, а Богу готовится здание. Всей силой моей приуготовлял я, в течении долгого царствования, золото, серебро, медь, железо, кедры, мрамор и драгоценные камни; и вот я оставляю по себе три тысячи талантов золота и семь тысяч серебра, на дело Господне; если же есть еще кто из благоволящих, – да откроет руку свою и принесет дар Богу.» Поревновали старейшины Царю своему, как некогда во дни Моисея, и принесли пять тысяч талантов золота и десять тысяч серебра, кроме меди, железа и драгоценных камней. Возвеселился народ, о усердном их приношении, и утешилось сердце Царя. «Благословен Господь Бог Израилев, Отец наш, от века и до века, воскликнул он. Тебе, Господи, величество и сила и слава, исповедание и крепость; ибо Ты владычествуешь над всеми, на небесах и на земле, и Тебя трепещет всякий Царь и всякий народ, и ныне, Господи, исповедаемся Тебе все, и хвалим имя Твое. Кто я, и кто люди мои, что возмogli мы принести Тебе сии даяния? Ибо все Твое и от Твоих мы Тебе воздали. Мы все пришельцы пред Тобой и странники, подобно как и отцы наши; дни наши как тень на земле и нет в них постоянства. – Знаю, Господи, что Ты испытуешь сердца и любишь правду, и потому, в простоте сердца моего, с радостью приношу Тебе дары сии. Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцов наших, направь к Тебе сердца людей сих и дай сердце благое сыну моему Соломону, дабы сохранил заповеди Твои и совершил дом Твой.» – «Благословите Господа Бога нашего,» сказал еще Царь народу, и все собрание, преклонив колена, благословило Господа отцов своих. Давид принес тысячу тельцов и овнов, во всеожжение Богу, от лица всего Израиля, и тогда вторично помазали на царство Соломона, а Садока Первосвященником вместо Авиафара. – Таково было торжественное прощание отходящего Давида, как некогда Моисея, когда довел он до Иордана народ свой и не мог прейти заветную реку.

XXXIX. Царствование Соломона

Юным остался Соломон; но едва умер родитель, как старший сын его Адония пришел к Вирсавии, матери Соломоновой, просить её ходатайства пред юным Царем, чтобы в замен утраченного царства, он отдал бы ему в супруги деву Суманитскую, Ависагу, которая покоила старость Давидову и служила ему в последние дни, хотя и не разделяла царского ложа. Благосклонно приняла Вирсавия прошение Адонии и поспешила к царственному сыну; но Соломон огорчился её ходатайством: «зачем не просишь ты еще и царства брату моему? Сказал он, ибо Адония старше меня, и друзьями его Авиафар Первосвященник и воевода Иоав; но клянусь Господом, посадившим меня на престол отца моего, что Адония сказал слово сие на свою гибель, и ныне умрет.»

Тогда послал он воеводу Ванею умертвить Адонию, ибо не ожидал покоя от того, кто хотел взять за себя особу, столь близкую скончавшемуся родителю, и не забывал об утраченном престоле. Первосвященника Авиафара пощадил Царь, ради того, что носил он кивот завета Божия пред Давидом, и разделял все его бедствия, но велел бежать ему из Иерусалима; так исполнилась клятва Господня над последним жрецом из дома Илия. – Дошел слух до бывшего воеводы Иоава, о грозном решении нового Царя; он вспомнил свои неправды и, укрывшись в скинии, взялся за роги алтаря. Соломон послал Ванею умертвить его; но воевода убоился святыни и возвратился к Царю с вестью, что не выходит Иоав из скинии. «Сними с души моей кровь, которую несправедно пролил Иоав, в доме отца моего, сказал юный царь, ибо от руки его погибли два безоружные воеводы, и нет мира дому Давидову, доколе жив Иоав.» – Тогда исполнил Ванея строгое повеление, и сам заступил место Иоава, как и Садок утверждён был на месте изгнанного Первосвященника Авиафара.

Еще один опасный враг оставался Соломону, Семей, некогда проклявший Давида, и он понес заслуженную казнь: юный Царь призвал к себе Семей и позволил ему построить дом в Иерусалиме, под строгим запрещением не выходить из стен города. «Ты умрешь, если только перейдешь поток Кедрский, и кровь твоя будет на главе твоей,» сказал ему с клятвой Соломон, и Семей, приняв на себя клятву сию, поселился с миром в Иерусалиме; но через три года бежали два раба его к Анхусу, Царю Гефскому, и вслед за ними устремился Семей; когда же возвратился с погони, призвал его Соломон, и напомнив данную клятву и всю злобу его против Давида, велел воеводе своему Ванеи предать его заслуженной

казни; так, истреблением внутренних врагов, укрепилось царство.

Господь исполнил разумом царственного юношу и дал ему премудрость и широту сердца; ибо он возлюбил Господа и ходил во всех заповедях Давида, отца своего. Еще не было тогда храма, и народ приносил жертвы на высоких местах. Соломон принес великое всежожжение на высотах Гаваонских; ибо там хранилась скиния, осенявшая кивот завета в пустыне, и медный алтарь всежожжений, оставленные Давидом, когда он устроил новую скинию на Сионе; там явился ему Господь, во сне ночью, и сказал: «проси себе, чего хочешь?» – «Ты сотворил великую милость, отцу моему Давиду, молитвенно отвечал Соломон, за то, что он ходил праведно пред Тобой, и сохранил даже в роде его престол. Ныне, Господи Боже мой, дал Ты меня, раба своего, избранному народу, вместо Давида, а я малый отрок, и еще ничего не разумею; и так, дай рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить людей Твоих в правде и различать, что добро и что зло.» – Угодно было пред Господом слово Соломоново, и Он сказал ему: «поелику не просил ты от меня дней многих, ни богатства, ни смерти врагов твоих, но просил себе разума и суда, исполню Я по слову твоему: вот Я дал тебе сердце разумное; подобного тебе в мудрости не восставало прежде тебя и не восстанет после; но Я дам тебе и то, чего не просил ты: богатства и славу, так что равного тебе Царя не будет во дни твои, и если пойдешь путем Моим и сохранишь заповеди Мои, подобно отцу твоему Давиду, умножу дни твои.» Проснулся Соломон от сновидения, и возвратившись в Иерусалим, принес всежожжения пред кивотом Божьим.

Две женщины предстали на суд юному Царю; одна говорила: «Владыка мой, внемли: мы жили вместе, в одном доме, с сей женщиной; она родила три дня после меня, и во сне нечаянно задушила свое дитя; но в глубокую ночь встала, похитила моего младенца и положила ко мне своего. Утром, когда я хотела кормить сына моего, нашла я мертвого подле себя, и только на рассвете рассмотрела обман.» Другая восклицала: «нет, сын мой жив, а твой умер!» и обе спорили пред Царем. «Принесите меч,» сказал Соломон, рассеките на двое оставшегося младенца и разделите его поровну обеим.» Возмутилась утроба истинной, при столь грозном приговоре: «лучше отдай ей живого младенца, нежели умертвить сына моего!» воскликнула она, а другая женщина равнодушно требовала исполнения суда. Тогда мудрый Царь произнес суд: «отдайте живое дитя просившей сохранить его, ибо она истинная мать.» Пронесся приговор сей по всему Израилю и все исполнились благоговения к Царю, ибо увидели, что с ним Господь.

Возмужал Соломон и взял себе в супруги дочь Фараона Египетского; он ввел её в укрепленный дом отца своего, доколе не устроил себе кедровые великолепные палаты; но ближайшей заботой Соломона было устройство дома Господня. Глубокой тишиной наслаждалось его обширное царство, усмиренное победами великого отца, и безпечально жили Иуда и Израиль, от Дана до Вирсавии, каждый под виноградом своим и под смоковницей своей, в веселии сердца и обилии благ земных. – Тогда послал Соломон к Хираму, Царю Тирскому, с словом приязни: «ты знаешь, что не мог отец мой, Давид, создать дом имени Господа Бога, по множеству врагов своих; ныне умирил их Господь окрест меня, и я хочу создать дом, о котором Он заповедал еще отцу моему. Позволь же подданным моим, вместе с твоими, за должную мзду, рубить древа Ливанские для храма; ибо ты знаешь, что нет у нас людей опытных в древоделии, подобно Сидонянам.»

Обрадовался Хирам речи Соломоновой, и благословил Бога, давшего Давиду сына столь разумного; он отвечал юному Царю: «что Сидоняне нарубят кедров Ливанских и привезут их на место, какое указано им будет на помории;» себе же просил хлеба, в воздаяние за кедры и сосны, и Соломон стал отпускать ему, на каждый год, по двадцати тысяч мер пшеницы и чистого елея. Он собрал тридцать тысяч человек со всего Израиля, разделив их по чредам, и послал рубить лес на горах Ливанских, вместе с Сидонянами; месяц трудились они и два отдыхали в домах своих; сверх того семьдесят тысяч человек, из иноплеменников, носили бремена, для великолепного здания, и восемьдесят тысяч иссекали для него камни и для укрепления горы Мории, на которой хотел основать Соломон дом Божий, там, где некогда принес изобразительную жертву праотец его Авраам.

XL. Построение храма

Четыреста сорок лет спустя после исхода из земли Египетской, начал созидаться храм Господень, и при сооружении его, из отесанных заранее каманей, не было слышно ни стука молота. Ни звука пилы, или какого-либо железного орудия. При самом начале строения обещание Божие подкрепило Соломона, что Господь вселится в созидаемом храме, посреди людей Израилевых, если сохранит Соломон все заповеди его, и с сей надеждой, в течении семи лет, совершил он великолепное здание.

Храм со всеми принадлежностями, занимал всю гору Мория, обделанную камнем от самой подошвы, на высоте коей образовалось пространство в две тысячи локтей. Двор внешний или великий, среди которого находилось медное царское место, предоставлен был народу; а внутренний, отделенный оградой, и возвышенный несколькими ступенями, на которых стояли певцы и отколе священники благословляли народ, принадлежал только служащим при священнодействиях. Медный жертвенник, находившийся на сем дворе, имел двадцать локтей в длину и широту, а в высоту десять; место между жертвенником и храмом, особенно присвоено было священникам. Для омовения их служило медное море, имевшее вид шестилиственной лилии, которое поддерживали двенадцать волов, из того же металла; десять медных омывальниц, на медных подставах и колесах, поставлены были по сторонам. Для омовения жертв. Пред самым притвором храма стояли два литые из меди столпа, из коих каждый имел в окружности двенадцать локтей и восемнадцать высоты, кроме украшений, состоявших из разнообразных изваяний, цветов и плодов. Притвор, длиной в десять и во сто двадцать локтей высотой, примыкал к восточной стороне храма: прочие три ограждены были трехъярусными зданиями, которые делали его неприкосновенным. Сам храм имел шестьдесят локтей в длину, двадцать в ширину и тридцать в высоту. Вся внутренность его одета была кедром и золотом, с изваяниями и драгоценными камнями по стенам. В святилище вели двойные кедровые врата, украшенные золотыми изваяниями внутри; по обеим сторонам расположены были десять светильников и десять трапез; алтарь кадилный стоял один, как в скинии. Деревянная, покрытая золотом стена, с завесой во вратах, отделяла Святое Святых, названное иначе Давиром, то есть, прорицалищем, которое в каждом из трех измерений имело двадцать локтей. Кивот завета, с очистилищем, поставлен был на мраморном подножии, высотой в три перста, и приосенен двумя великими

Херувимами, вырезанными из дерева и одетыми золотом, которых крылья простирались через всю широту здания.

Все сосуды и утварь храма устроил Соломон из чистого золота и серебра, собранного отцом его, и когда совершенно окончил строение, созвал в Сион всех старейшин Израилевых, для перенесения кивота Божия; это было в праздник кущей. Священники подняли кивот, с хранившимися в нем скрижалями, бывший в скинии свидения, и при заклинании бесчисленных жертв, внесли святыню сию в новый храм; там поставили кивот во Святое Святых, под крылья Херувимов, и когда вышли из святилища, облако исполнило храм и слава Господня его осенила так, что не могли служить священники в облаке. Тогда воскликнул Царь: «Господь сказал: «мгла Ему обитель!» я же создал дом святой имени Его и престол, дабы обитал в нем во веки.» Соломон обратился ко всему сонму стоявшего окрест Израиля и благословил пред ними Бога отцов своих, избравшего Давида владыкой своего народа, Иерусалим местом освящения, и его Соломона совершителем обещанного храма. Он воздел руки к небу, пред лицом всех, и так помолился Господу:

«Господи Боже Израилев, нет подобного Тебе, на небеси горе и на земли низу; Ты сохраняешь завет с рабом Твоим, ходящим пред Тобой в правоте сердца, как сохранил завет свой и с отцом его Давидом, и ныне, Господи, исполни сказанное Давиду, что не оскудеет Царь от рода его на престоле, доколе чада его сохраняют заповеди Твои. Не уже ли воистину вселится Бог с человеками на земле? – если небо и небеса небес не довлеют Тебе, то кольми паче храм сей, который создал я имени Твоему? Но да призришь ныне на молитву раба своего. – Очи Твои да будут днем и ночью отверсты на храм сей, и от горнего своего жилища, внемли всегда здесь молениям Израилевым. – Если кто согрешит пред искренним своим, и обиженный произнесет на него клятву, и клятва сия приидет пред алтарь Твой, внемли ему и соверши суд: оправдай праведного и осуди незаконного. Если люди твои падут, по грехам своим, пред лицом врагов, и к Тебе обратятся с молитвой: милостив будь к согрешениям их и возврати их опять в землю отцов. Если заключится небо и не будет дождя, если возникнут голод, или пожары, или язва, или саранча, или какая пагуба, и люди Твои придут в храм сей, исповедаться пред Тобой в грехах своих, внемли милостиво всякой скорби, всякой молитве, и укажи каждому путь его, ибо Ты один видишь сердца всех сынов человеческих: – страх Твой да будет на них во все дни жительства их на земле, данной предкам. Если и кто чуждый, услышав о крепкой руке Твоей, придет издалече, ради имени Твоего, помолиться на месте сем, исполни и

молитву чуждого пришельца, дабы со страхом уразумели все народы, подобно Израилю, имя Твое. – Нет человека, который бы не согрешил пред Тобой! – так, если согрешат Тебе люди Твои и предашь их в плен врагам, в дальнюю землю, – они же обратятся к Тебе, из земли пленения, всем сердцем и всей душой, и устремив взоры к земле отечественной, и ко граду, избранному Тобой, и ко храму святому Твоему, воскликнут: мы согрешили, беззаконновали, неправдовали пред Тобой! – внемли молитве их, с высоты небесного Твоего жилища, и милостив будь к их неправдам, и обрати к ним сердца врагов, их пленивших, ибо Ты избрал народ свой, себе в наследие, и извел его из печи железной Египетской.»

Соломон произнес молитву сию на коленях, пред алтарем, воздев руки к небу; он встал, и обращенный лицом к народу, благословил весь собор Израилев: «благословен Господь Бог, давший ныне мир своему народу и не изменивший ни единого слова из того, что некогда обещал чрез раба своего Моисея! Да будет с нами Господь наш, как с отцами нашими, да преклонит наши сердца к нему, чтобы нам ходить во всех путях его и хранить все его заповеди, и да приблизится днесь молитва моя к Богу, чтобы и мне совершить суд его в Израиле, днем и ночью, да разумеют все народы земные, что нет иного Бога, кроме Бога нашего!»

Тогда принес Царь, со всеми сынами Израиля, мирные жертвы Господу, двадцать две тысячи волов и сто двадцать тысяч овец, на пространстве двора, ибо алтарь медный мал был для всесожжения стольких жертв. В тот день учредил он великое торжество всему народу, собравшемуся от реки Египетской до пределов Ливанских, на освящение храма Господня. Семь дней продолжалось торжество и на восьмой Царь распустил народ; каждый с благословением возвращался в дом свой, радуясь о всех благах, какие сотворил бог рабу своему Давиду и сыну его и всем людям.

По совершении храма, опять явился Господь Соломону, в ночном видении, как некогда на высотах Гаваонских, и сказал: «Я внял гласу моления твоего и сотворил тебе, по всей молитве твоей; освятил созданный тобой храм, чтобы там на веки пребывало имя Мое, и очи Мои и сердце Мое были там во все дни. – Если ты пойдешь предо Мною, как ходил Давид отец твой, в преподобии и истине, и соблюдешь все заповеди Мои, на веки утвержду престол царства твоего в Израиле, по обещанию, данному Мной Давиду. Если же чада ваши отвратятся от Меня и отвергнут заповеди, данные вам чрез Моисея, и поработают богам чуждым, – извергну Израиля из земли ему данной в наследие, и храм сей, освященный имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет гибнущий

Израиль в притчу всем народам. Пусть будет высокий дом сей, проходящий сквозь него ужаснется и возвыщется над ним; он спросит: «за что Господь сотворил так земли сей и храму сему?» и ему скажут: «за то, что люди оставили Господа Бога своего, изведшего отцов их от работы Египетской, и поклонились богам чуждым, Господь навел на них зло сие.»

Так совершилось строение дивного храма, который был образом духовного здания Церкви, создаваемой Господом из живых камней, т. е. верующих во имя его. Грехи наши и несовершенства виной тому, что каждый камень должен быть сперва обсечен, небесным зодчим, прежде нежели взойти в состав горнего здания, и потому все мы, доколе на земле, обсекаемся болезнями, для очищения от страстей; на небе же не слышно ни плача, ни воздыхания, подобно как и при строении храма Соломонова, не слышно было ни удара молота, ни звука пилы, над приготовленными заранее камнями. Святое Святых знаменовало в храме само небо, где кивотом завета Божия с человеками, Господь наш И. Христос, и потому завеса лежала до Его пришествия на неприступном святилище. – Сам Господь сказал, во дни своего воплощения, о видимом храме: «разружьте его и в три дня созижду,» разумея о храме тела своего; и так храм, устроенный Соломоном, для истинного богослужения, до времени явления Мессии, был вместе и образом его тела, воспрятого и пожертвованного за грехи наши, для нашего освящения. Столь велик и знаменателен был подвиг мудрого Царя.

XLI. Слава Соломона, его грехопадение и кончина

Он соорудил также и стену окрест Иерусалима, и пышные себе чертоги, с помощью Царя Тирского, который прислал ему, кроме зодчих и кедров Ливанских, еще сто двадцать талантов золота. Соломон укрепил и пограничные города свои, создал новые в пустыне и на Ливане, даже до отдаленной Пальмиры, и ему платили дань все народы внутри Палестины, которые столь долго противились сынам Израилевым. Трижды в год приносил он жертвы мирные, всесожжения и фимиам, в храме Господнем, и благословлял Господь его молитву, распространяя могущество Царя. Корабли его, с кораблями Тирскими, ходили по морям и привозили ему, из дальнего Офира и Фарсиса, золото, слоновую кость, драгоценные камни и благовонные древа, которые употреблял на некоторые украшения в храме и на мусикийские орудия; из золота же вылил фиалы и все сосуды и триста щитов, которые повесил в кедровых своих палатах. – Он соорудил себе и великолепный престол из слоновой кости, обитый золотом, на шести ступенях, с двумя большими львами по сторонам и детищами львов на каждой ступени. Таково было великолепие двора царского, ибо каждый год собирал Соломон около семи сот талантов золота в свою сокровищницу, не считая податей и даров, от купцов иноземных и князей покоренной Аравии, которые посылали ему сосуды, оружие, фимиам, лошаков и коней, для его двенадцати тысяч конников и тысячи четырех сот колесниц, расставленных по крепким городам. Дорогие металлы сделались при нем обычными в Иерусалиме, как простые камни, и кедры как смоковницы, от избытка древ Ливанских. – Но все сие великолепие едва удостоил сравнить Спаситель, с красотой цветов сельных: «посмотрите на лилии полей, как растут они, не трудятся и не прядут; но Я говорю вам, что и Соломон, во всей своей славе, не облакался как одна из них.» (Матф. VI. 28, 29.).

Но свыше всякого богатства благословил Бог Соломона премудростью, которая превосходила разум всех человеков, так что нигде не обреталось ему подобного, и прославилось имя его во всех окрестных странах. Он написал три тысячи нравственных притчей, из которых сохранились нам только избраннейшие; говорил о каждом древе, начиная от кедра, растущего на Ливане, до иссона, исходящего из расселины стены, и о всех скотах земных и птицах небесных и рыбах морских. Из уст его истекли также пять тысяч песней, но одна сохранена Провидением в

составе Священных книг, так называемая песнь песней, по высоте своей. Его описание жениха брата и невесты сестры, Царя, пасущего стада, и Царицы, стерегущей виноград, есть образ таинственного союза Мессии с Церковью, неоднократно представленного в Св. Писании под таким символом.

Многие приходили слушать премудрость Соломонову; окрестные и дальние Цари искали видеть лицо его и внять разуму, какой вложил Господь в его сердце; они приносили ему обильные дары, потому что молва о нем ходила по всем странам. Подвиглась и Царица Савская, из счастливой Аравии, где вместе и именем истинного Бога, услышала и Соломоново имя; она пришла из дальних краев своих, искутить притчами мудрого Царя Израилева, и с великими богатствами достигла Иерусалима; на многих верблюдах везли её сокровища, сто двадцать талантов золота, драгоценные камни и ароматы. С изумлением увидела она великолепие чертогов царских, чин двора, роскошь одеяний, обилие трапезы, и наипаче благолепие жертв и всесожжений. Вне себя от восторга, она открыла Соломону все, что было на сердце её, и Царь отвечал ей на каждое её слово, на каждый помысл, так что невольное исповедание, вместе с молитвой, исторглось из уст Царицы: «истинно все, что слышала я в земле моей, о твоей премудрости, но я не верила, доколе не пришла сюда, чтобы убедиться, в слышанном мной, собственными очами! Ныне вижу, что слышанное не составляет и половины того, что я вижу. Блаженны жены твои и служители, всегда тебе предстоящие и внемлющие разуму твоему; да будет благословен Господь Бог твой, восхотевший дать тебе престол своего народа, ибо возлюбил Господь Израиля.»

Так велика была слава Соломонова; но яркое её сияние затмилось на вечере дней, когда утехи житейские обуяли мудрейшего из Царей, и рачитель премудрости сделался, увы! Рачителем жен, увлекших его в свое идолослужение. Горестный пример сей допущен, быть может, Провидением, в назидательный урок человечеству, дабы видело, как близок к падению величайший разум, если позволит чувственности преобладать над духовным началом, и как самая чистая вера может затмиться от грубых страстей. – В старости своей, Царь Соломон взял за себя, кроме дочери Фараоновой, многих жен, из иноверных, иноплеменных народов, с которыми строго запретил Господь брачные союзы, предвидя искушение веры, и жены сии совратили Царя во след богов чуждых. Не было право сердце его пред Богом, как сердце Давида; он соорудил капища Астарте Сидонской, и Хамосу, идолу Моава и сынов Аммоновых, на высотах Элеонских, в виду Иерусалима, и приносил им

преступные жертвы, удовлетворяя тем суеверию языческих жен своих.

Прогневался Господь на Соломона, которого некогда укреплял небесным явлением для хранения заповедей своих, и в страшном видении возвестил ему: «что поелику не соблюл Его повелений, раздерет Он царство в его руках, и отдаст рабу его; но, ради верного Давида, не совершит сего во дни Соломоновы, а возьмет царство из рук его сына, только не все, ибо оставит скипетр в доме Давида, ради праведного Царя и Иерусалима, избранного своего жилища!» – Тогда, один за другим, начали восставать враги против Соломона: Адер Идумеянин, от племени царского, бежавший в Египет, во дни побед Давидовых, и потом возвратившийся на родину, стал возмущать последние годы Соломона; восстал и Разон, некогда беглец Царя Сувского, пораженного также Давидом, и воцарился в Дамаске, к бедствию Израиля; но всех опаснее был собственный раб Соломонов, Иеровоам, родом из Ефрема, поставленный им над каменчиками сего колена, когда воздвигал стены Иерусалимские.

Пророк Ахия, Силонитянин, встретил в поле юношу и, разодрав пред ним новую одежду свою, на двенадцать частей, сказал: «возьми себе десять частей, ибо так говорит Господь Бог Израилев: вот я исторгаю царство из рук Соломоновых, и даю тебе десять хоругвий, а две оставляю дому его, ради Давида, раба Моего и Иерусалима, избранного Мною жилища, потому что оставил Меня Царь и поклонился Астарте Сидонской, Хамосу и кумирам Моавским, и не ходил правым путем отца своего Давида. – Ты будешь Царем в Израиле; и если сохранишь заповеди Мои, подобно Давиду, утвержду дом твой, как его дом, и дам тебе весь Израиль; но не навсегда огорчу род Давида, ради грехов Соломоновых.» Тщетно искал Соломон убить Иеровоама; он бежал к Сусакиму, Царю Египетскому, и оставался там до кончины Царя Израилева. Сорок лет царствовал Соломон, и погребен был подле родителя в его укрепленном городе.

К сожалению, покаяние Соломона не столь достоверно, как его заблуждение, хотя некоторые святые Отцы думают, что, после страшного явления Божия, он предварил смерть покаянием. Плода сего надлежало ожидать от наказаний, которые уже претерпел в событиях и предсказаниях; надлежало сего надеяться и от Бога, который еще до его рождения обещал не предавать его конечному отвержению. Книга Екклесиаст, по видимому, есть памятник сего покаяния; многократные восклицания против суеты, описания пышности, роскоши, вольномыслия, резкие укоры против женского пола, живое изображение старости, заключительное воззвание к страху Божию, как единственному предмету

человека, – все в ней приличествует последним дням человека, наскучившегося миром и стремящегося к Богу.

«Глаголы Екклесиаста, сына Давидова, Царя Израилева, в Иерусалиме: «суета сует, говорит Екклесиаст, суета сует и всяческая суета! Какая польза человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? – Род переходит и род приходит, а земля стоит вечно; восходит солнце и заходит солнце и увлекается в место свое, отколе восстало; идет к югу и обходит к северу ветер и возвращается на прежнее круговращение; все потоки текут в море и не насыщается ими море, они же восходят к своему истоку. Все предметы трудны, не может человек всего изъяснить словами; не может око насытиться зрением, ни ухо слышанием; бывшее есть то же, что будет; и что делалось, то опять делаться будет. Нет ничего нового под солнцем! Кто может сказать: вот новая вещь? Ибо все сие было в веках, бывших прежде нас. Воспоминание минувшего и того, что еще будет, не сохранится в памяти тех, которые явятся напоследок. – Я Екклесиаст, был Царем над Израилем в Иерусалиме, и вдал сердце мое изысканию мудрости, во всем, что только случается под небесами. Ибо тяжкую сию заботу дал Бог сынам человеческим; видел я все сотворенное под солнцем, и вот все суета и смущение духа! – искривленное не может быть прямо и лишение не увеличит числа. Я рассуждал в сердце моем: вот я возвеличился и умножил мудрость свою, паче всех бывших прежде меня в Иерусалиме; многое видела душа моя и я прилежал сердцем к познанию мудрости, разума, гаданий, и постиг, что все сие также смущение духа: ибо во множестве мудрости много затруднения, умножающий знание умножит и скорбь.»

XLII. Разделение царства, Ровоам и Иеровоам

По смерти Соломона, сын его Ровоам пришел воцариться в Сихем, пред лицом собравшегося Израиля. Возвратился из Египта и бежавший некогда от Соломона, Иеровоам, и предстал юному Царю, вместе с старейшинами Израиля: «отец твой, говорили они, отягчил иго наше; ты же облегчи нас от жестокой работы и послужим тебе.» Ровоам обещал дать им ответ через три дня, и призвал на совещание сперва старцев своих, которые благоразумно представляли ему: «если ты ныне послужишь сему народу, он будет служить тебе всегда;» спросил потом юношей с ним воспитанных, и они отвечали: «скажи ропщущему народу: мезинец мой толще чресл отца моего: тяжело было иго его, а я еще более отягчу; отец мой наказывал вас бичами, а я накажу скорпионами.» Смутился Израиль, услышав жестокое слово Царя и говорил: «какое нам участие в Давиде? Нет нам наследия с сыном Иессеевым; Израиль беги в шатры свои, а ты Давид паси дом свой.» Разошелся Израиль, и когда Ровоам послал собирать с него дань, посланный был убит камнями. Так отложились десять колен от дома Давидова, и избрали себе в Цари Иеровоама. Ровоаму же остались только два колена, Иуды и Вениамина; он же хотел поднять оружие на Израиля, – но человек Божий Самей остановил его, именем Господним.

Иеровоам основался в Сихеме, и опасаясь, что бы народ, ходя из его пределов в Иерусалим, ко храму истинного Бога, не возвратился в подданство к Царю Иудейскому, умыслил отклонить, идолослужением, сердце народа своего от храма, воздвигнутого домом Давида. Он вылил двух золотых тельцов, по подобию виденных им в Египте, и поставил одного в Дане, а другого в Вефиле, сказал сынам Израилевым: «вот боги, изведшие вас из Египта;» устроил капища на высоких местах, избрал неосвященных жрецов из народа и учредил жертвоприношения, в самые дни празднеств Иерусалимских.

Иеровоам стоял у алтаря идольского в Вефиле, и хотел заклать жертву, когда внезапно предстал ему человек Божий от Иуды и воскликнул: «алтарь! Алтарь! Так говорит Господь: вот родится сын в доме Давидовом, который заколет на тебе жрецов, приносящих жертвы, и сожжет кости их на тебе; ныне же, в знамение слов Господних, распадется алтарь сей и прольется с него тук жертвенный» Разгневанный Царь простер руку на человека Божия и внезапно иссохла рука его, алтарь же

расселся и пролился с него тук. Тогда просил Иеровоам, чтобы помолился о нем человек Божий, и его молитвой исцелилась иссохшая рука. Тщетно приглашал он пришельца вкусить пищу в доме его и предлагал ему дары. Пророк отказался от всякого дара, ибо строго запретил ему Господь, не вкушать в Вефиле ни хлеба, ни воды, и даже не возвращаться тем же путем.

Жил в Вефиле старый Пророк, которому дети рассказали все сделанное человеком Божьим у алтаря. Оседлав осла, он поспешил в след за ним, догнал Пророка, отдохавшего под дубом, и молил его, вопреки заповеди, возвратиться, чтобы вкусить у него хлеба: «не такой же ли я Пророк, как и ты? Говорил старец отрекавшемуся пришельцу, и ко мне было слово Господне, привести тебя в дом мой, для подкрепления пищей.» Послушался его оболыщенный, но едва сел за трапезу, как истинное вдохновение посетило солгавшему ему старца, и сам он пророчил своему гостю, что за его неповиновение, не успокоится прах его во гробе отеческом. Поднялся из-за трапезы смятенный гость и хотел продолжать дорогу, на данном ему осле, но встретившийся дорогой лев умертвил ослушника, хотя и не коснулся потом трупа его, ни даже осла.

Люди, шедшие мимо, увидев поверженный труп и стоящих над ним льва и осла, в ужасе принесли весть сию в Вефиль, и древний Пророк поспешил на распутье; пред глазами дикого зверя возложил он, на уцелевшего осла, неприкосновенное тело, и с плачем погреб его в своем городе, чувствуя вину свою пред человеком Божьим. Он завещал детям, погребсти кости свои подле костей Пророка, ибо предвидел, что сбудутся все его прорицания над идольскими капищами. – Так дивно совершились судьбы Божии над обоими Пророками, по видимому недостойными высокого своего звания, которые однако избраны были орудиями небесной истины, дабы явилось миру «что сила Божия в немощи совершается.» (II . Коринф. XII. 9.)

Но Иеровоам не оставил незаконных путей своих и продолжал жертвовать идолам, накликав гибель на весь Израиль. Скоро разболелся младенец Авия, сын его, и опечаленный Царь послал жену свою в Силом, спросить Пророка Ахию, некогда ему предсказавшему о царстве. Изменив свою одежду, с корзинами хлеба, гроздий и меда, достигла она дома человека Божья, которого зрение уже притупилось от старости, но бодрствовало еще духовное око его. Услышав шум шагов Царицы, сказал он, входящей в двери дома: «взойди жена Иеровоамова, зачем облеклась ты в чуждые одежды? Я жестокий для тебя посланник Божий; возвратись, скажи Иеровоаму слово Господне: из толпы народа вознес его Бог

Израилев, над своими людьми, и разделил для него царство Давида; но он не ходил подобно Давиду вслед Господа, не соблюл его заповедей, и отвергнув истинного Бога, сотворил себе богов чуждых. По сему наведет Господь злое на дом Иеровоама, и истребит в нем всех до последнего: умерших Иеровоамлих в городе съедят псы, а умерших в поле съедят птицы небесные. Ты же или в дом свой и когда будешь входить в город, умрет твой младенец; весь Израиль о нем восплачется, и его одного погребут во гробе отца его Иеровоама. Господь восставит себе иного Царя над Израилем, который поразит дом Иеровоамов и сокрушит Израиля, как тростник, колеблемый на воде. Он светит его с благой земли, данной отцам его, и завевает по ту сторону реки Иорданской, потому что сотворил себе мерзости идольские и последовал греху Иеровоама.» Испуганная Царица возвратилась от Пророка, и едва вступила в преддверие дома своего, умер её младенец; с плачем погреб его весь Израиль, по словам Ахии прозорливца.

И Ровоам, Царь Иуды, сотворил лукавое пред Господом, по примеру Царя Израилева, приложив ко грехам отца собственные грехи; соорудились в области его капища идольские, на всяком холме высоком и под каждым широколиственным деревом, и смешение всех мерзостей языческих совокупились в земле Иудиной. Тогда упало и благоденствие царства, которое укрепилось в первые три года его правления, ради благочестия, какое оказал в начале, следуя по стопам деда своего Давида; ибо в Иуде, как и в Израиле, во все время существования обоих царств, мерилом благоденствия было благочестие. Крепкие города, которые обнес стенами Ровоам, во всех своих пределах, оказались слабыми против нашествия иноплеменников, воздвигнутым Господом; в пятое лето его царствования, Сусахим, Царь Египетский, подступил к Иерусалиму, с тысячью двумястами колесниц и шестьюдесятью тысяч конников; ополчился Ровоам пред стенами столицы, но Самей Пророк предстал старейшинам Иудиным и сказал им, от лица Господня: «вы оставили Меня и Я оставлю вас, и предам в руки Сусахима.» Смирились Царь и старейшины, и воскликнули из глубины сердца: «праведен Господь!» Тогда опять было слово Господне Самею: «смирились, и так не погублю их и явлю им спасение; не прольется ярость Моя на Иерусалим, однако на время будут в рабстве, дабы впредь они познали различие между Моим игом и Царей земных.» Царь Египетский не разорил Иерусалима, но взял сокровища храма Господня и палат царских, и золотые щиты, устроенные Соломоном; Ровоам заменил их медными. Так пощадил Господь град Давидов, ради покаяния его властителя и поелику обретались еще благие

дела в Иуде. – Семнадцать лет царствовал Ровоам, и приложился к отцам своим.

XLIII. Авия, Аса, Иосафат в Иуде; Власа, Амврий, Ахаав в Израиле

Авия, сын его и дочери Авессаломовой, превознесенный им над всеми братьями, воцарился после Ровоама, и властвовал только три года. Крепкая брань произошла между ним и Иеровоамом, на горах Ефремовых. – Готовясь к битве, Авия напомнил Иуде и Израилю, каким образом избрал Господь дом Давидов, чтобы царствовать над всем Израилем, и как оглохнул Иеровоам, пользуясь слабостью отца его. «Ныне ли хотите противостоять Давиду, воскликнул он, вы, уповающие на тельцов золотых и отринувшие священников Божьих, когда напротив мы не оставили Бога нашего, и еще донныне у нас сыны Аароновы и Левиты приносят всесожжения, утром и вечером, Господу и курится Ему фимиам и хлебы предложения лежат на его трапезе и горят светильники! С нами Господь! Он сам вождем нашим, и его священники, трубящие против вас трубами святилища. Сыны Израилевы, не ратуйте против Господа Бога отцов ваших, ибо не будет вам успеха.» – Еще говорил Царь, когда стал обходить Израиль стан его, но по данному знаку вострубили трубами жрецы и бежали испуганные сыны Израиля, страшно было поражение на поле битвы, и уже не дерзал более восставать Иеровоам против Иуды.

Он скончался после двадцати двух летнего правления, оставив престол сыну своему Навату, который властвовал только два года, ибо сотворил лукавое пред Господом и ходил во всех путях отца своего, увлекаая за собой весь Израиль. Вааса, сын Ахией, из колена Иссахарова, восстал против него и умертвил Царя, со всем его домом, так что не осталось и младенца от рода Иеровоамова, как предсказал ему Пророк Ахия; но и Вааса, царствовавший в Израиле двадцать четыре года, подражал грехам своих предместников и поднимал оружие на Иуду.

Последние дни Авии, Царя Иудейского, ознаменовались также заблуждениями отца его, ибо сердце его не было совершенно пред Господом, как сердце Давидово; но Давида ради сохранил ему племя Господь, чтобы никогда не угасал светильник его в Иерусалиме, ибо во всю свою жизнь не уклонялся Давид от заповедей Божьих, кроме одного только греха против Урии. – Аса наследовал Авии, и в течении сорокалетнего правления угодил Господу, ибо сокрушил алтари чуждые, разбил идолов, посекал дубравы и обратил сердце народа к истинному Богу отцов своих. Он стал укреплять города Иудины, пользуясь долгим миром, которым посетил Господь его страну; когда ополчился против него Зарай

Ефиоплянин, с тысячами тысяч воинов и тремя стами колесниц, Аса выступил с тремя стами тысяч ратных, и воззвал к Богу пред началом битвы: «Господи, не во множестве у Тебя спасение, ибо многие и малое ничто пред Тобой; укрепи уповающих на тебя, во имя Твое исшедших на сии бесчисленные полчища. Ты Бог единый, да не превозможет против Тебя человек!» Так помолился Богу, и поразил Господь Ефиоплян пред лицом его; погнавшись вслед за ними, Аса истребил все их множество, селения и шатры, и с богатой добычей, пленниками и стадами, возвратился в Иерусалим.

Пророк Азария вышел к нему на встречу, исполненный Духа Божия и сказал: «внемли мне, Аса и весь Иуда, и весь Вениамин! Господь с вами, ибо вы с Ним; если взыщете Его, обрящется вам, если же оставите, оставит вас. Много дней будет в Израиле, без Бога истинного, без священников и без закона, и не будет тогда мира ни входящему, ни исходящему, ибо ужас Господень будет на всех обитающих на земле: ополчится язык на язык и град против града; вы же укрепитесь, да не ослабеет рука ваша, ибо благим делам будет награда.»

Услышав пророчество Азарии, еще более утвердился Аса в подвигах благочестия; он истребил идолов, которые еще находились в пределах Иудиных, и даже на горах Ефремовых; много пришельцев собралось к нему и из других колен Израилевых, когда увидели, что с ним Господь. В пятнадцатое лето своего царствования, принес он великое всесожжение Богу: семь сот волов и семь тысяч овец, и вместе со всем народом, при звуке трубном, произнес торжественную клятву: «что всякий, кто отвергнет Бога Израилева, юноша или старец, муж или жена, смертью умрет, как нарушитель завета;» весь Иуда возрадовался сей клятве. Аса отлучил даже собственную мать за то, что жертвовала Астарте; он сжег идола её на потоке Кедском, и внес многие сокровища Давидовы в храм Господень, ибо сердце его лежало к святыне, хотя еще оставались некоторые требища, которых не мог совершенно истребить.

После тридцати летнего мира, Вааса, Царь Израилев, вторгся в пределы Иудовы и стал укреплять город Раму, чтобы заградить всякий исход Царю Иудейскому в землю свою. Аса впал в искушение боязни: собрав золото и серебро из дома Господня, послал он дары в Дамаск, к Венададу, Царю Сирийскому, и просил помощи, ради союза, искони бывшего между их отцами. Исполнил просьбу его Венадад, и наступив на пределы Израилевы, принудил Ваасу отойти от стен Рамы; Аса же, пользуясь его отшествием, разметал стены Рамы, и употребил их камни на строение двух городов. Тогда предстал ему, с укором, Пророк Анания:

«поедику уповал ты на Царя Сирийского более, нежели на Господа Бога своего, сказал он, избежала руки твоей сила Сириян: вспомни, куда исчезло все множество колесниц и конников Ефионских и Ливийских, когда ты воззвал к Господу? – очи Господни озирают всю землю, чтобы укрепить сердца, к нему обращенные. Ты сотворил безумное и потому возникнет на тебя брань.» Гневом исполнился Аса, за смелое обличение Пророка, и ввергнул его в темницу; но тяжкая болезнь поразила ноги его, не смягчив однако ожесточившегося сердца; он искал врача, а не Бога, и скончался в болезни; с великой пышностью, с обилием мира и ароматов, положили его во граде Давидове, в гробе, им самим устроенном.

Благочестивый Иосафат наследовал престол отца своего; он укрепился против Израиля, расположив войско свое во всех крепких городах Ефремовых. Господь был с Иосафатом, ибо он ходил путем предка своего Давида, истребил на высотах и в дубравах места языческого богослужения, и в третье лето своего правления, разослал избранных мужей, вместе с Левитами, учить народ закону Божию по всем городам и селам; посему укрепил Бог царство его и вся Иудея приносила ему дань; иноплеменники посылали дары сильному Царю, ибо на все окрестные города напал страх Бога Израилева, который поборал благочестивому.

Напротив того все исполнено было смятения в Израиле, за нечестие его владык. Вааса, сокрушитель рода Иеровоамова, сам подвергся той же участи; Пророк Иуй, сын Ананьев, сказал ему, от лица Божия: «Я вознес тебя из земли и поставил властителем над Моим народом, а ты пошел путем Иеровоама и ввел в грех людей Моих, суетными жертвами; посему отвергну дом Ваасы и сотворю его, как дом Иеровоамов: умершего в городе съедят псы, а умершего в поле съедят птицы небесные.»

Умер Вааса, и наследовал Ила, сын его; но чрез два года исполнилось над ним страшное предсказание; Замврий воевода умертвил Царя, упившегося вином за трапезой, и истребил весь дом Ваасы и всех родных его. Но и Замврий, избранный только для совершения казни Божьей над виновными, сам не более семи дней пользовался верховной властью. Возмутился Израиль, услышав в Гаваоне о убиении Царя своего, поставил над собой воеводу Амврия, и осадил город Ферсу, где заключился похититель престола; он погиб в пламени палат царских, которые сам зажег. Тогда разделился народ Израилев между Фамнием и Амвреем; но сила последнего превозмогла и он царствовал двенадцать лет, не переставая однако ходить путем Иеровоама, во всех грехах его, которыми преогорчил Господа. Амврий погребен был в Самарии, новой столице, основанной им на горе Семироне, и с тех пор она сделалась

местопребыванием всех Царей Израиля. Ахаав воцарился после нечестивого отца, и согрешил более всех своих предместников, ибо еще недовольно казалось ему ходить во грехах Иеровоама; он взял за себя Иезавель, дочь Царя Сидонского, и стал служить божеству её Ваалу, соорудил требища идольские в Самарии и насадил дубраву, раздражая Господа, тяжестью своих преступлений, свыше меры Царей Израилевых.

XLIV. Пророк Илия

Тогда воздвигнул Господь ревностного Пророка, Илию Фесвитянина, и прославил его чудесами, каких не видели еще Иуда и Израиль, чтобы явить силу свою и отвлечь народ от мерзостей идольских. – Илия предстал Царю, как некогда Моисей Фараону, и сказал ему: «жив Господь Бог сил, которому предстою! Не будет во дни сии ни росы, ни дождя, разве только по слову уст моих.» Сам Илия, по слову Божию, удалился к Иордану; там во все дни засухи, пил воду от потока Хорафского и питался чудесной пищей, которую приносили вороны, посылаемые Господом своему Пророку; когда же иссяк и сам источник, он пошел, по глаголу Божию, в Сарепту Сидонскую, к вдовице, которой велел Господь пропитать его во дни голода. Илия встретил её, когда собирала дрова, у городских ворот, и просил у нее немного воды и хлеба: «жив Господь, отвечала вдовица, нет у меня ничего, кроме горсти муки в водоносе и немного елей; вот я хочу взять два поленца, чтобы испечь хлеб себе и детям, вкусить пищи в последний раз и потом умереть.» – «Дерзай, сказал ей человек Божий, изготовь пищу себе и детям, но прежде испеки мне малый опреснок, ибо не оскудеет мука в водоносе твоём и не умалится елей, доколе не даст Господь дождя на землю» Послушалась вдовица Пророка, поделила с ним убогую пищу свою, и с тех пор не оскудели у неё мука и елей, по словам пророческим.

Вскоре разболелся сын её отрок и умер; отчаянная мать сказала Илии: «что мне от тебя человек Божий? Ты пришел вспомнить все мои неправды и уморить сына моего», но Илия отвечал только: «дай мне сына твоего,» и взяв умершего, внес в горницу и положил на собственный одр. «Увы мне, Господи, свидетель вдовицы! воскликнул он, для чего Ты огорчил её смертью сына?» Дунул на отрока трижды, призвал Пророк имя Господне: «Господи Боже мой, да возвратится душа отрока в него!» – и возвратилась. Тогда отдал воскресшего матери, говоря: «посмотри, вот отрок твой жив;» она же воскликнула: «ныне уразумела я, что ты человек Божий и что слово Господне истинно в устах твоих!»

Чрез три года было опять слово Божье к Илии: «иди, явись Ахааву и дам дождь на лице земли.» Силен был между тем голод в Самарии; Царь призвал домостроителя своего Авдия, мужа богобоязливого, который скрыл и питал, в двух пещерах, сто Пророков, когда хотела избить их Иезавель. «Пройдем по земле, сказал ему Ахаав, не найдем ли где, при источниках водных, травы для прокормления коней и стад наших;» они

пошли, разными путями, и внезапно предстал Авдию Пророк. «Ты ли это сам, владыка мой Илия?» воскликнул обрадованный, простершись пред ним на землю, и Пророк отвечал: «я! Иди и скажи Царю своему, вот Илия!» – «За какое согрешение хочешь ты предать раба своего на верную смерть? Спросил его верный Авдий, клянусь Богом твоим, что нет народа или царства, в которое бы не посылал Царь искать тебя, заклиная всех выдать тебя, и с клятвой все отвечали ему: нет Илии; а ныне ты сам велишь мне идти возвестить Царю: вот Илия! Когда же я оставлю тебя, чтобы идти с вестью к Ахааву, Дух Божий внезапно возьмет тебя, в иную неведомую землю, и Царь умертвит меня; а раб твой, от юности своей, боялся Бога; или не дошла до тебя весть, как я скрыл от гнева Иезавели и пропитал в вертепах сто Пророков Божьих?»

«Жив Господь сил, которому предстою, возразил Пророк, ныне явлю лицо мое Ахааву.» Поспешил Авдий с вестью к Царю, и Царь устремился на встречу Пророку; «ты ли это, развращающий Израиля?» гневно воскликнул он и отвечал Илия: «не я развращаю, а ты и дом отца твоего, оставив Господа Бога своего, чтобы идти вслед Ваала! Ныне собери ко мне весь Израиль, на гору Кармильскую, и четыреста пятьдесят постыдных пророков Ваала и четыреста других пророков дубравных, ядущих от трапезы Иезавелиной.» – Собрал Ахаав пророков и весь Израиль на Кармиле, и обличил их Илия: «доколе храмлете вы на оба колена? Если есть Господь Бог, идите вслед Его, если же Ваал – идите за ним»; безмолствовал народ. «Из Пророков Божьих остался один я, продолжал Илия, пророков же Вааловых четыреста пятьдесят и четыре ста дубравных; пусть дадут мне и им по одному волю для жертвы; мы возложим её на дрова, но не будем возгнетать огня. Вы призовите имя богов ваших, а я призову имя Господа Бога моего, и тот будет Богом, кто послушает нас огнем.» – Все люди воскликнули: «хорошо слово Илиино, да будет так!» Тогда обратясь к пророкам Вааловым, сказал им: «изберите себе вола и совершите прежде жертву, ибо вас много, но не возгнетайте огня.»

Они приготовили жертву, и от утра до полудня призывали имя Ваалово: «послушай нас Ваал, послушай нас!» но не было отзова, и посмеялся им Илия Фесвитянин, говоря: «зовите громче, ибо он бог, быть может ему недосужно, или спит, и восстанет.» Еще громче зывали жрецы и скакали около жертвенника, поражая себя ножами и бичами, до пролития крови; настал вечер: «отступите, сказал Илия, постыженным пророкам, теперь я принесу жертву!» отступили они и умолкли. Илия велел приблизиться народу и взяв двенадцать камней, по числу колен Израилевых, соорудил алтарь, окопал ровом, возложил дрова и

всесожжение, но не возжег огня. – «Принесите мне четыре водоноса воды, сказал он, и возлейте на жертву и на дрова,» и возлили воду; «повторите еще,» сказал он, и повторили, «утройте» и утроили; вода текла окрест алтаря и наполнился ров; тогда воззвал Илия: «Господи Боже Авраамов, Исааков и Иаковлев, послушай меня, Господи, послушай ныне огнем, да разумеют все сии люди, что Ты один Бог Израилев, и что раб Твой, ради Тебя, совершил дело сие.» Еще молился Пророк, когда низшел внезапно огонь с неба и пожрал жертву, и дрова и воду и камни, и саму персть окрест алтаря; в ужасе простерся ниц народ и воскликнул: «воистину один Господь есть Бог!» – «Возьмите же пророков Вааловых и да не скроется ни один из них, сказал Илия, ведите всех на поток Киссов и заколите их там.» Ахааву же велел ожидать дождя, ибо провидел его приближение; сам он взошел на гору Кармильскую и став на колена, приник головой к земле. «Посмотри вдаль к стороне моря,» сказал он отроку своему, но ничего не видел отрок, и шесть раз посылаемый, шесть раз возвращался к нему с тем же словом; наконец, в седьмой раз, взглянув с вершины горы на море, увидел на небосклоне малое облако, как бы след стопы человеческой, выходящей из волн, и Пророк послал его сказать Царю, чтобы поспешил на колеснице своей в город, ибо дождь достигнет его на пути. Взошел на колесницу Ахаав и устремился в Израиль; и вот помрачилось небо, дождевыми тучами, с сильным ветром, и восшумел ливень; рука же Божья укрепила Илию, и бег его не уступал быстроте колесницы.

Ахаав рассказал жене своей, как истребил Илия её пророков, и раздраженная послала сказать ему: «ты Илия, а я Иезавель! Да погубят меня боги мои, если завтра же, в сей самый час, не погублю души твоей, подобно как ты погубил души пророков!» – Устрашился Илия её угрозы и бежал в Вирсавию, землю Иудину; оставив там даже отрока своего, он удалился в пустыню, на расстоянии одного дня пути, и утомленный, сел под уединенной смоковницей: «довольно! Говорил он, возьми от меня душу мою, Господи, ибо я не лучше отцов моих!» -Так помолился Пророк и заснул под деревом, и вот прикоснулся ему Ангел, говоря: «встань, ешь и пей, ибо долгий путь пред тобой.» Встал Илия, и в крепости той пища, шел сорок дней и сорок ночей, до горы Божьей Хорив; там водворился в пещере, и было к нему слово Господне: «что ты здесь, Илия?» – «Я ревную по Господе Боге Вседержителе, отвечал Пророк, ибо оставили Тебя сыны Израилевы, алтари Твои раскопали, Пророков Твоих избивали оружием; остался я один и ищут души моей.»

«Выйди утром из пещеры и стань пред Господом, ответственал ему голос; мимо тебя пройдет Господь, и вихрь бурный и крепкий пред Ним,

разрушающий горы и сокрушающий скалы, но не в вихре Господь; и после вихря землетрясение, но не в землетрясении Господь; и после него огонь, но не в огне Господь; и после огня дыхание тонкой прохлады, и там Господь.» – Услышав слова сии, Илия, покрыл лицо свое и стал в горе пред вертепом, и вот опять был к нему голос: «что ты здесь, Илия?» и опять отвечал он: «я ревную по Господе Боге Вседержителе, ибо оставили завет Твой сыны Израилевы, раскопали алтари Твои, Пророков Твоих избии оружием; остался я один и ищут души моей!» Господь сказал ему: «иди, возвратись путем пустыни Дамасской, и помажешь Азаила на царство Сирийское, а на царство Израильское Ииуя, сына Намессиина, и Елиссея сына Сафатова Пророком вместо себя; – спасенного от оружия Азаилова убьет Ииуй, а спасенного от его оружия убьет Елиссея; вот Я сохранил в Израиле семь тысяч мужей, не преклонивших колена пред Ваалом.» Подвигся Илия исполнить волю Господню, и нашедши в поле Елиссея, орущаго на двенадцати парах волов, бросил на него свою мантию; Елиссея просил себе только немного времени, чтобы проститься с отцом и матерью, и заколов пару волов своих, для прощальной вечери, пошел вслед за Пророком.

XLV. Беззаконие и смерть Ахаава

Венадад Царь Сирийский, и с ним тридцать два князя обступили Самарию, с бесчисленными конниками и колесницами; но над ними явилась сила Божия, сокрушающая надменных. – Царь послал сказать Ахааву: «золото твое и серебро, жены и дети все мое,» и смиренно отвечал Ахаав: «я сам и все мое, по слову твоему, тебе принадлежим;» но не удовольствовался такой покорностью Царь Сирийский, он послал требовать, чтобы Ахаав допустил обыскать дома его и вельмож и взять все, что понравится. Царь Израилев созвал своих старейшин, и они единодушно решились защищаться; разгневанный Венадад грозил: «что воины его разнесут горстями рук своих прах разоренной Самарии, и что даже не достанет праха сего, чтобы наполнить их руки.»

Тогда предстал Пророк Ахааву и сказал от имени Господа: «видишь ли многочисленный народ сей? – вот Я предаю его ныне в руки твои, да уразумеешь, что Я Господь.» – «Кем побегду?» спросил изумленный Царь, «служителями князей градских,» отвечал Пророк. Ахаав счел отроков княжеских; их было только двести тридцать два, счел и всю силу свою, и оказалось только семь тысяч; с ними выступил он из города и возвестили о том Царю Сирийскому, во время его обеда. Упоенный вином, запретил сражаться и велел привести к себе связанными малочисленных неприятелей; но каждый из воинов Израиля поразил множество Сириян и бежали иноплеменники, едва успел ускакать одинокий Царь их; вся его добыча досталась в руки Ахааву, которому явился тот же Пророк, с вестью, чтобы готовился и на следующий год опять отразить врагов.

Миновал год; вельможи Царя Сирийского стали опять возбуждать его к войне. «Бог Израилев, бог гор, а не равнин, говорили они; посему и укрепился народ его в горах; но сразимся с ним в равнине и победим.» – Ополчилась вся Сирия с Царем своим, и поля покрылись войском; Израиль вышел, напротив врагов, как два малые стада коз; но тот же Пророк предстал Ахааву и сказал именем Божиим: «за то, что они похвалились, будто Бог Израилев бог гор, а не равнин, Я дам тебе силу великую, да уразумеют, что Я Господь.» Шесть дней стояли полки друг против друга, и на седьмой Израиль поразил сто двадцать тысяч Сириян; бежал Венадад, и, по совету вельмож своих, послал людей в рубищах, с петлями на шеях, молить Царя Израилева о пощаде. «Если еще жив Царь ваш, сказал Ахаав, то будет мне братом;» он велел звать его к себе, посадил на свою колесницу и заключил с ним союз, взяв обратно города, отнятые у отца его

Сириянами. Но один из сынов пророческих явился к Царю, с покрывалом на лице, и сказал ему притчу: «раб твой вышел на брань и некто привел к нему пленника, говоря: стереги его, душа твоя вместо его души, или заплатишь за него талант серебра; пленник же бежал.» – «Ты сам произнес над собой приговор,» отвечал ему Царь; тогда сбросил с себя покрывало незнакомец и узнал в нем Ахаав одного из сынов пророческих: «так говорит Господь, грозно сказал ему Пророк: поелику отпустил ты из рук своих человека пагубного, – будет душа твоя вместо его души и народ твой вместо его народа.»

Был виноградник у Навуфея Иезраелитянина, подле двора Ахаава, который просил уступить ему сей участок земли, для вертограда, и предлагал в замене лучший виноградник или серебро; но Навуфей не согласился отдавать наследие отцов своих. Оскорбленный отказом Царь, в смущении духа, возвратился в дом свой и не вкушал пищи; видя печаль супруга, нечестивая Иезавель изведала о её причине и обещала добыть ему желаемый виноградник. Немедленно написала она грамоту, за печатью царской, к старейшинам города, где обитал Навуфей, велела им учредить пост и посадить между старейшинами Навуфея, если же станет прекословить, то обвинить его в неуважении к Богу и Царю, при двух лжесвидетелях, и по закону побить его камнями: вероломные исполнили её волю. С торжеством вошла Иезавель в горницу Ахаава, говоря: «иди осмотреть виноградник того, кто не хотел взять рлаты твоей, ибо ныне уже нет его в живых.» Огорчился сперва Ахаав, услышав о убиении Навуфея, и разодрав одежды свои, облекся во ветрище, потом же пошел наследовать его виноградник.

Тогда Господь сказал Илии Фесвитянину: «иди в сретение Ахааву, идущему в чужое наследие, и скажи ему: поелику убил ты Навуфея и взял его виноградник, псы полижут кровь твою на месте, где полизали его кровь, и блудницы будут мыться в ней.» – Смutilся Ахаав явлением Илии: «ты наконец уловил меня, враг мой,» воскликнул Царь, и Пророк ответствовал: «за то, что предал ты душу свою злодеянию, и не перестаешь прогневливать Бога, Господь наведет на тебя злое, истребит весь род Ахаава и с ним весь остаток Израиля, ради грехов твоих и тех, в которые ты вовлек за собой народ; Господь погубит дом твой, как дом Иеровоама, сына Наватова, и дом Вассы сына Ахиина; псы съедят Иезавель в предградии Иезраеля; умершего от рода Ахаава во граде съедят псы, а умершего в поле съедят птицы небесные: ибо в суете ты, Ахаав, и предал себя лести, чтобы творить лукавое пред Богом, по стезям Иезавели, и поклонился мерзости Амморейских идолов, которых истребил Господь от

лица сынов Израилевых!» Услышав грозную речь, умилился Ахаав и возвратился с плачем; он разодрал свои одежды, облекся во вретище и наложил на себя пост. Призрел Господь на его раскаяние и сказал опять Илии: «видел ли, как умилился Ахаав пред лицом Моим? – посему не наведу злое на дом его, во дни его жизни, но во дни сына его наведу.»

Три года не было брани между Израилем и Сирией. Царь Иуды Иосафат пришел навестить Царя Израилева, и Ахаав, приняв его с великими почестями, предложил идти, общими силами, отнять город Рамафу Галаадскую, из рук Царя Сирийского; согласился благочестивый Иосафат, но прежде хотел спросить Господа; и собрал для него Ахаав четыреста пророков. «Идти ли мне на брань в Галаад, или нет?» вопрошал каждого из них Царь и все отвечали: «иди, Господь предаст Галаад в руки цареvy.» Усомнился Иосафат, не доверяя множеству прозорливцев Израилевых: «нет ли здесь Пророка Господня, спросил он Ахаава, и мы бы спросили его?» – «Один только остался неспрошенным, отвечал Ахаав, но я возненавидел его, потому что всегда предвещает мне злое: это Михей.» Иосафат просил позвать его, и один из служителей Ахаава поспешил привести Михея, примером других пророков убеждая его возвестить доброе Царю; но Михей обещал открыть только то, что внушит ему Бог.

Оба Царя, вооруженные, сидели на престолах своих во вратах Самарии, и пред лицом их прорицали пророки; один, именем Седекия, сделал себе рога железные и сказал: «так глаголет Господь: сими рогами избодешь Сирию, доколе не скончается,» и все пророки повторяли за ним: «иди, иди на брань в Галаад.» Предстал Михей и, на первый вопрос Ахаава, отвечал благоприятно; когда же дважды заклинал его Царь, именем Господа, открыть истину, воскликнул: «я видел весь Израиль, рассеянный по горам, как стадо без пастыря; Господь же сказал, не Я ли Бог их? Пусть каждый возвратится с миром в дом свой!» – Разгневанный Ахаав обратился к Иосафату: «не говорил ли я тебе, что человек сей никогда не прорицает мне благое?» но Михей отвечал: «не я, а Господь говорит тебе, внемли: я видел Бога Израилева, сидящего на престоле своем, и все воинство небесное стояло окрест Него, одесную и ошуюю. Господь сказал, кто прельстит Ахаава, Царя Израилева, чтобы он пошел в Галаад и пал? И стал дух один пред Господом: «я иду, я буду духом лживым в устах всех его пророков!» сказал и вселился в них, ибо Господь определил тебе злое.» Так, чувственным образом, возвестил человек Божий горную волю чувственным людям, искавшим лести. Раздраженный прозорливец, Седекия, поразил в лицо Михея, воскликнув:

«когда же это дух перешел от меня к тебе?» но Михей кротко выразил: «познаешь истину в тот день, когда сам будешь укрываться в ложнице своей,» предрекая ему образ его насильственной смерти. Еще большим гневом исполненный Ахаав, велел стражам своим отвести Пророка Михея к начальнику города и питать его в темнице, хлебом печальным и водой печальной, доколе сам не возвратится с брани; но Михей громко воскликнул во услышание всех: «внемлите все, если с миром возвратится Царь, не говорил чрез меня Господь!»

Оба Царя пошли на брань в Галаад; Ахаав просил Иосафата облечься в его одежды; между тем и Царь Сирийский велел воеводам своим обратить все усилия только на Царя Израилева. Они обступили колесницу Иосафата, но голос его обличил и удалились воеводы, однако не избежал участи своей Ахаав: простой воин нечаянно поразил стрелой Царя Израилева. Ахаав сказал коннику своему: «я ранен, обрати колесницу и выведи меня из битвы;» но битва длилась от утра до вечера, лилась кровь Ахаава в колесницу, которая вся обагрилась ею, ибо Царь принужден был оставаться на ней до вечера; когда же закатилось солнце, он изошел кровью, и пронеслось в полках горькое слово: «возвратитесь в дома, Царь ваш умер.» Возвратились воины и погребли Царя своего в Самарии; на источнике Самарийском омыли колесницу его, упоенную кровью, и псы полизали кровь сию, а в водах источника измылись блудницы, по слову некогда сказанному Царю Пророком.

XLVI. Вознесение Илии, чудеса Елиссея Пророка

Сын Ахаава, Охозия, царствовал два года и продолжал ходить по всем путям отца своего и нечестивой матери Иезавели, подобно им поклоняясь Ваалу; достойная казнь постигла его за нечестие; он упал из окна Самарийских палат своих, и разболевшись послал спросить Ваала: останется ли жив? Но Ангел Господень внушил Илии Фесвитянину идти на встречу посланным. «Разве нет Бога в Израиле, что идете вопрошить Ваала, скверного бога Аккаронского? Сказал им Пророк, возвратитесь и скажите пославшему вас: так говорит Господь Бог: за то, что ты не обратился к нему, не сойдешь более с одра, на который положила тебя болезнь, ибо на нем и умрешь.» – Они возвратились и сказали речь Пророка: «каков был видом человек, вышедший к вам на встречу?» спросил Царь, «косматый, отвечали они, препоясанный кожаным ремнем,» и Охозия воскликнул: «это Иия Фесвитянин!»

Царь немедленно послал за ним пятидесятника с воинами, на гору Кармильскую; и военачальник сказал Илии: «человек Божий, Царь зовет тебя.» – «Если я человек Божий, отвечал Илия, то да сойдет на тебя и на воинов твоих огонь с небес!» и по слову Пророка, низшедший огонь опалил всех. Та же участь постигла и другого пятидесятника, с его воинами, ибо нечестивый замысел гнезился в их сердце; казнь сия сделала осторожнее третью дружину: начальник её, преклонив колена, умолял Пророка пощадить душу его и души посланных с ним. Тогда, по внушению Ангела, безбоязненно последовал за ними Илия, и представ Царю, повторил ему угрозу смерти, от лица Божия, за то, что вопрошил скверного Ваала, как будто бы не было Бога в Израиле. Умер Охозия, и брат его Иорам воцарился вместо него.

Когда же наступило время преставления Илии, он шел, вместе с учеником своим Елиссеем, от Галгал на Иордан. «Останься здесь, сказал ему Илия, ибо Господь послал меня в Вефиль;» но Елиссею поклялся не оставлять его и оба пришли в Вефиль. Там сыны пророческие говорили Елиссею: «знаешь ли, что ныне Господь возьмет гт тебя твоего владыку?» – «знаю, отвечал Елиссею, молчите.» Опять Илия сказал ученику своему: «останься здесь, ибо Господь посылает меня в Иерихон,» и опять поклялся Елиссею: «жив Господь и жива душа твоя, не оставлю тебя!» Они пришли в Иерихон, где другие сыны пророческие еще раз предупредили Елиссея, о скором преставлении Пророка. В третий раз хотел оставить ученика своего

Илия, собираясь идти на Иордан, ибо чувствовал уже свое разрешение от мира, и искал совершенного уединения; но и на берег Иордана последовал за ним неотступный Елисей. Пятьдесят сынов пророческих издали смотрели на их шествие: Илия снял верхнюю одежду, и свив её, ударил по водам, – расступилась вода, и по суху прошли оба. Проходя чрез Иордан, Илия сказал ученику своему: «проси у меня чего либо прежде, нежели буду взят от тебя,» и просил Елисей, чтобы дух, обитавший в Илии, удвоился в нем самом. – «Тяжко прошение твое, отвечал Пророк, но исполнится, если увидишь меня, когда взят буду; если же не увидишь, не исполнится.»

Еще они шли и беседовали между собой, как внезапно огненная колесница и огненные кони их разделили, и вихрем взят был Илия на небо; видел Елисей и воскликнул вслед него: «отче, отче, колесница Израилева и кони его!» и скрылся Илия от взоров его; он разодрал свою одежду и подняв упавшую на него мантию Илии, возвратился на берег Иордана; ей ударил он по воде и не расступилась вода, ударил еще раз воскликнув: «где Господь Бог Илиин?» и расступилась вода. Посуху прошел Елисей и сыны пророческие, видевшие издали чудо сие, говорили между собой: «истинно почил дух Илиин на Елисее!» Они вышли к нему на встречу и поклонились до земли, просили позволить им искать Илию, полагая, что Дух Божий, взявший Пророка, поверг его где либо на Иордане, или на одной из гор. Не соглашался сперва Елисей, но уступил усиленной их просьбе, и после трех дней возвратились к нему в Иерихон искавшие, с вестью, что нигде не могли найти Илию. «Не говорил ли я вам, чтобы не искали его?» возразил Елисей, знавший один таинственное вознесение Пророка.

Тогда жители Иерихона приступили к нему, говоря: «вот, местоположение города нашего хорошо, но вода в нем вредна и земля неплодна.» – Пророк велел им принести соль, всыпал её в источник и исцелил воду, именем Господним. Оттоле пошел он в горы к Вефилю; дети жителей города, зараженного идолослужением, стали над ним ругаться, но две медведицы, вышедшие из дубравы, растерзали отроков, навлекших на себя клятву Пророка, за свое нечестие. Вдова одного из сынов пророческих пришла просить Елисея, о помощи, для удовлетворения заимодавцев мужа, которые хотели отнять у нее детей. «Имеешь ли что в доме твоём?» спросил Пророк, «только не много елея,» отвечала вдовица; он велел ей испросить у соседей праздные сосуды и разлить в них малый остаток елея, чудно наполнились им многочисленные сосуды, по слову пророческому, так что вдовица могла заплатить весь долг

свой.

Искупив убогую, Елиссей облагодетельствовал и богатую жену в городе Сомане, у которой часто находил себе гостеприимство. Жена сия, с согласия супруга, изготовила для человека Божия особенную горницу в доме своем, чтобы утомленный мог находить там успокоение, после своих странствований. Желая возблагодарить жену за её попечения, Пророк послал служителя своего Гиезия, спросить от его имени, что может для нее сделать, и не имеет ли она какого слова к Царю или вельможам? Но никакой награды, ни защиты, не просила жена; однако Гиезий угадал её мысль и возвестил Елиссею, что она скорбит о своем бесчадии, не имея сына при старости супруга. Пророк велел призвать смиренную жену и объявил ей, что исполнится её желание; едва могла она поверить радостной вести. Сбылось пророческое слово; родился у нее младенец и вырос; но однажды, вышедши в поле к отцу, разболелся и в тот же день умер, на коленях у матери; она положила его в горнице, изготовленной для человека Божия, сама же поспешила к нему на гору Кармильскую.

Издали увидел её Елиссей и послал Гиезия на встречу спросить: «все ли благополучно в доме?» – «все,» отвечала она, ибо так велика была её вера, и приблизившись, бросилась к ногам Пророка. Гиезий хотел отклонить её, но Пророк удержал, говоря: «оставь её, ибо болезненна её душа, Господь же утаил от меня то, что с ней случилось.» – «Просила ли я сына у господина моего? Воскликнула Соманитянка, и не умоляла ли я тебя не обольщать меня пустой надеждой?» Проник Елиссей её горькую тайну и велел Гиезию, взяв жезл свой, немедленно идти сней, никого не приветствуя на пути, доколе не возложит жезла на лицо умершего отрока, но не осталась довольна мать; она умолила Пророка идти с собой, и не напрасно, ибо Гиезий встретил их вестью, что не воскрес отрок от прикосновения жезла. Пришел в горницу умершего Елиссей, и затворил за собой двери, помолился; отрок лежал на одре, возлег и Елиссей; он приложил очи свои к его очам, и уста к уста, и руки на руки умершего, дунул и согрелась плоть его; семь раз повторил он то же действие, доколе не открыл очи усопший отрок; тогда, призвав мать, отдал ей воскресшего сына.

Непрестанные чудеса ознаменовали высокое звание человека Божия. В Галгалах, на берегу Иордана, питал он во время голода сынов пророческих, и когда один из них, по неведению, вложил в кипящий котел дикие ядовитые яблоки, Елиссей, всыпав немного муки, уничтожил отраву. В другой раз насытил он множество людей двадцатью хлебами и малым количеством смокв, даже с избытком, к общему изумлению

недоверявших. Однажды сыны пророческие просили Елиссея, позволить им устроить себе новое жилище, на берегах Иордана; когда же они рубили деревья, сорвалось железо с одного топорница и упало в воду, а орудие было заемное. Человек Божий спросил только: в какое место погрузилось железо? Бросил туда кусок дерева и оно всплыло.

Молва о чудесах Елиссеевых распространилась по окрестным странам: Нееман, сильный вельможа Сирийский, страдал проказой; он услышал от пленницы Израильской, что есть в Самарии человек Божий, могущий очистить его от болезни, и испросив у своего Государя письмо к Царю Израильскому, пошел в Самарию с богатыми дарами. Прочитав письмо сие, разодрал свои одежды Царь Израилев, воскликнув: «разве я Бог, имеющий власть оживлять и умерщвлять, что требуют от меня очищения мужа сего? Постигаю замысел Царя, он только ищет предлога к войне.» – Когда весть сия достигла Елиссея, он послал сказать Царю: «зачем разодрал ты свои одежды? Пусть придет ко мне Нееман и уразумеет, что есть Пророк в Израиле.»

На конях и колесницах приблизился Нееман к дому Елиссееву, но Пророк даже не вышел к нему на встречу, а только послал сказать, чтобы омылся семь раз в водах Иордана и получит исцеление. Раздражился вельможа, пренебрежением Пророка, ибо ожидал, что встретит его с честью, и призвав над ним имя Господне, исцелит возложением рук. «Арвана и Фарвар, реки Дамасские, не лучше ли Иордана и всех вод Израилевых? Говорил он, не также ли могу в них омыться для очищения?» и с гневом пошел в обратный путь; но благоразумные служители сказали ему: «если бы Пророк заповедал тебе нечто трудное, не исполнил ли бы ты слова его? Оттого ли пренебрежешь их, что велел тебе только омыться для очищения?» Послушался Нееман мудрого совета: семь раз погрузился в Иордан и плоть его сделалась на нем нежной, как плоть младенца; обрадованный возвратился к Елиссею и воскликнул: «ныне познал я, что нет Бога во всей земле, кроме как в Израиле!» Он умолял Пророка принять дары его, но с клятвой отрекся от них человек Божий. Нееман взял с собой немного земли Израильской, чтобы в отечестве своем приносить на ней жертвы, уже не богам чуждым, а единому Богу; он только просил Пророка, помолиться, чтобы Господь очистил его, если иногда обязан будет, вместе с Царем своим, входить в капища идольские; с миром отпустил Елиссея благочестивого. Но сребролюбивый помысел запал в душу служителя Гиезия; он позавидовал отринутым богатствам, и устремившись в след за Нееманом, просил к нему, именем Елиссея, талант серебра и две одежды, как будто для пришедших к нему сынов пророческих, и получил два

таланта и две одежды. Возвратясь поздно вечером, он солгал Пророку, будто никуда не отлучался. «Не ходило ли мое сердце с тобою? Сказал Пророк, и не видел ли я, как обратился к тебе Нееман с своей колесницы, и ты взял серебро и одежды, чтобы купить себе виноградник, стада и рабов? Но вот и проказа Нееманова прилепится к тебе и племени твоему навсегда;» в то же мгновение Гиезий стал белым, как снег, от проказы.

Несколько времени спустя, Венадад, Царь Сирийский, ополчился против Израиля, и дважды спасал Царя своего Елиссея, открывая ему место, где укрывалась засада врагов. Смущился Царь Сирийский, подозревая измену в собственном стане; но ему сказали приближенные, что Елиссея предаст его, открывая своему Царю все тайные его речи, произносимые даже в уединении ложницы. Венадад послал множество конников и колесниц, обступив ночью город Дофаим, чтобы захватить жившего в нем Пророка. До света встал служитель Елиссея и увидел силу ратную вокруг города, с ужасом возвестил о том своему владыке; но Елиссея успокоил его, говоря: «не бойся, ибо более с нами, нежели с ними,» Пророк молил Господа открыть духовные очи уstraшенному, и он увидел всю гору, покрытую конями, и огненные колесницы окрест Елиссея. Приблизились враги, но по молитве Пророка Господь поразил их невидением; сам Елиссея вышел к ним и сказал: « вы идете не тем путем и не в тот город; идите за мною, я отведу вас к человеку, которого ищете.» Он отвел их в Самарию, и там, посреди города, открылись глаза их; когда же Царь Израилев хотел умертвить пленников, не допустил Пророк пролития крови, но велел угостить их и отпустить с миром, ибо не оружием он пленил их.

Чрез несколько времени опять ополчился Царь Сирийский Венадад, на Самарию, и жестокий голод открылся в ней от долгой осады, так что голова ослиная продавалась за пятьдесят сиклей серебра, и четвертая часть меры голубинового корма за пять. Однажды, когда Царь Израилев ходил по стенам, воскликнула к нему женщина из народа: «спаси меня, Государь!» – «Если не спасет тебя Господь, я ли спасу? Сказал Иорам, чего ты хочешь?» она отвечала: «вот женщина сия условилась со мной, говоря: дай сына твоего и мы съедим его, а потом съедим моего; так мы и сделали, и вместе съели сына моего; когда же, на другой день, стала я требовать её сына, она утаила его.» Ужаснулся Царь, разодрал свои одежды, и все видели его покрытого вретисцем; но вместо должного смирения, он обратил гнев свой на Пророка, или за то, что не получал от него помощи, как прежде, или за то, что благоприятные предсказания его не сбывались; Иорам поклялся, что в тот же день не останется на плечах голова Елиссея.

Человек Божий слышал угрозу царскую, во внутренности своей храмины, и прежде, нежели пришел посланный от Царя, сказал уже сидевшим около него старцам: «знаете ли, что сын убийцы послал отсечь мою голову? И так закройте крепко двери, чтобы не впускать посланного, потому что я слышу за ним шаги господина его.» Еще говорил Пророк, когда предстал человек от имени Царя, и спросил: «чего еще ожидать ему от Господа посреди настоящих зол?» – «Так говорит Господь, отвечал Пророк, завтра в этот же час дня, мера муки пшеничной и две меры ячменя продаваться будут, во вратах Самарии, за один сикль.» Усомнился воевода царский, услышав такую речь; «если Господь откроет и хляби небесные, то и тогда не сбудется слово сие,» сказал он; но Елиссеи возразил ему: «ты узришь только очами, но вкушать не будешь.»

Четверо прокаженных сидели, во вратах Самарии, и говорили между собой: «что мы сидим здесь, ожидая смерти? Пойдем лучше в стан Сирийский; там, если оставят нас живыми, будем жить; если же не пощадят – погибнем.» Еще в сумраке пошли они в стан, но ни одного человека не было в стане; ибо Господь поразил ужасом Сириян: в безмолвии ночи послышались им трубные гласы, топот коней и колесниц, и разнеслась молва, будто Цари, Хеттейский и Египетский, пришли на помощь Израилю; в сумраке бежали враги, оставив шатры свои, коней и все достояние. Изумились прокаженные; они взошли в пустой шатер, насытились пищей и взяли себе золота, также и в другом и в третьем шатре; потом стали опять совещаться между собой, говоря: «не так поступаем мы; это день радостный! Если же умолчим до рассвета, будем виновны; возвратимся скорее и возвестим Царю.» Они сказали радостную весть привратникам города, которые донесли её Царю, и не поверил Иорам, подозревая военную хитрость Сириян. Только пять коней, еще не погибших от голода, оставалось в Самарии; на двух послал он всадников, удостовериться в истине, но тщетно искали они врагов до самого Иордана; по всей дороге лежали только брошенное ими оружие. Освобожденные от осады устремились в стан Сирийский, и внезапное обилие пшеницы оправдало слова Пророка; но воевода. Который ему не поверил, будучи поставлен Царем во вратах города, для соблюдения порядка, задавлен был толпами народа.

Елиссеи пришел в Дамаск, где разболелся Венадад, Царь Сирийский. Услышав о пришествии человека Божия, он послал к нему вельможу своего Азаила, с богатыми дарами, на сорока верблюдах, спросить его, исцелится ли он от болезни? – «Ты пойдешь и скажешь Царю, отвечал Пророк, что он останется жив, но Господь открыл мне, что он умрет.»

Тогда, закрыв лицо свое руками, горько стал плакать пред ним человек Божий, и Азаил спросил его о причине слез. «Предвижу, сколько зла причинишь ты сынам Израилевым, отвечал Пророк: огнем сожжешь ты пределы их, и мечем поразишь ратных, умертвишь младенцев и раскроешь утробы беременных!» – «Кто я, сказал Азаил, чтобы со мной случилось что либо подобное?» но Елиссея отвечал, что Господь показал ему Азаила царствующим: так исполнилось слово Господне, о его помазании, сказанное еще Илии на горе Хориве. Возвратился Азаил к Царю своему и обещал ему исцеление; но утром задушил расслабленного и сам заступил его место.

XLVII. Благочестие Иосафата, Иорам, Охозия, Цари Иудовы

Иосафат, благочестивый Царь Иуды, испытал также силу чудес Пророка Елиссея, когда вступил в союз с Иорамом, в первые годы его правления; ибо хотя Иорам и творил лукавое пред Господом, не так однако же, как отец его Ахаав и мать Иезавель; он разрушил капище Ваалово, ими сооруженное, не смотря на то, что потворствовал сам нечестию идольскому, которое укоренилось, со времен Иеровоама. Царь Моавский, данник Израиля, богатый стадами, отложился от него, и потому просил Иорам помощи у Иосафата, как некогда Ахаав. К ним присоединился и Царь Эдомский; они пошли по безводной пустыне, где жаждой томилась люди и скот. Возроптал Царь Израилев: «на то ли созвал Господь трех Царей, чтобы предать их в руки Моава?» говорил он; но благочестивый Иосафат пожелал спросить Господа, чрез его Пророка, и некто из отроков царских возвестил, что недалеко Елиссея, бывший служитель Илии. Когда же предстали три Царя Елиссею: «что мне и тебе? Сказал он Израильскому, иди к пророкам отца твоего и матери; жив Господь сил, которому предстою! Если бы не Иосафат, Царь Иуды, я бы и не посмотрел на тебя; теперь приведи мне певца.» Во время пения Дух Божий исполнил Елиссея и он прорицал: «ископайте русло потока, и оно, без ветра и дождя, исполнится воды для утоления вашего; легко сие пред очами Господа, который предаст Моава в руки ваши.» Утром, после принесения жертвы, исполнились водой рвы, ископанные им в пустыне Едомской. Вооружились Моавитяне, услышав о пришествии трех Царей, но при отражении лучей солнечных, кровавыми показались им чудные воды, потекшие на рубеже их; они подумали, что союзные Цари бились между собой и что кровь их исполнила рвы, и устремились на Израильтян, так что им остается только собирать добычу, но там ожидало их поражение. Победители истребили жатвы их и древа плодовые, завалили камнями источники, разрушили стены городов и обступили столицу. С семьями ратных искал пробиться царь Моавский и не успел; тогда отчаянный вывел на стены города, сына своего первенца, который должен был воцариться после него, и принес его во всеожжение богам своим; – с ужасом и негодованием отступил Израиль в свои пределы.

Мирно возвратился в дом свой Иосафат, но на встречу ему вышел пророк Ииуй, сын Анании, с укором: «зачем подавал помощь нечестивым и дружил с ненавидящим Бога? Одни только благие дела твои спасли

тебя от гнева Божия, сказал Пророк, потому что ты направил к Господу сердце свое и истребил все кумиры в земле Иудиной.» Еще более возгорелась ревность Царя; он обошел всю свою землю, от Вирсавии до гор Ефремовых, чтобы обратить народ к Богу отцов, и, поставив судей во всех городах, напомнил им, что не человеческий суд они творят, а Божий, и что сами дадут ответ за суды свои, ибо нет у Господа неправды или лицепрятия. В Иерусалиме поставил он священников и Левитов, судить людей, и внушал им, чтобы пребывали в страхе Господнем, умиряя всякую распрю братьев своих, и не навлекли бы на себя гнев Божий.

Племя Моавитян и Аммонитов вооружилось против Иосафата; великое множество их устрасило Царя Иудейского; он обратился молитвенно к Богу и заповедал пост по всей земле. – Собрался весь Иуда, пред лице Господне, и стал благочестивый Царь, в сонме своего народа, в преддверии храма. «Господи, Боже отец наших, молил он, не Ты ли Бог, живущий на небесах горе и обладающий всеми царствами? В твоей руке крепость, кто противостанет Тебе? – не Ты ли искоренил живших на сей земле, пред лицом людей Твоих Израиля, и дал её семени Авраама, возлюбленного Тебе, во веки? Оно же вселилось на ней и соорудило святилище имени Твоему, с такой молитвой: если постигнет нас меч, голод, гибель, и мы ставши пред домом сим, призовем имя Твое, в скорбях наших, Ты услышишь и спасешь нас. И вот ныне сыны Моава и Аммона и вся гора Сеир, чрез которую не допустил Ты пройти Израилю, исходящему из Египта, напали на нас, и хотят изгнать из наследия, данного нам Тобой. Господи, Боже наш, не рассудишь ли нас с ними? Ибо нет в нас самих столько крепости, чтобы воспротивиться толикому множеству, и не знаем, что предпринять, но только очи наши обращены к Тебе.»

Так молился Царь, со всем народом, с женами и детьми, и внезапно Дух Божий исполнил Иозиила, сына Захарии, из рода Левитов, и он прорек: «внемлите, весь Иуда и живущие в Иерусалиме, и ты Царь Иосафат; не бойтесь, говорит вам Господь, не ужасайтесь множества врагов, ибо не ваша брань, но Божия; завтра выступите; вы найдете врагов на берегу реки в пустыне; в сию чреду не вам сражаться; помните сие, и увидите спасени, ибо с вами Господь.» Пал Иосафат на лицо свое и с ним весь Иуда и Иерусалим; Левиты восхвалили Бога Израилева. Рано утром выступили войска в пустыню Фекоа; Царь возбуждал воинов веровать в Бога и в слова его Пророка. Он велел псалмопевцам идти впереди дружин и воспевать хвалы Господу сил: «исповедайся Господеви, яко благ, яко во век милость его.» Между тем, как воспеваемы были хвалебные гимны, возникло смятение в полках вражеских; они восстали друг на друга; Моав

и Аммон сперва поразили пришедших от Сеира, а потом истребили себя взаимно. Иуда пришел только увидеть их поражение и трупы поверженных по лицу пустыни. Все корысти врагов, пленники и стада, достались Иосафату; три дня собирал он добычу, с людьми своими, в долине благословения, так названной, в память дарованного им успеха; радостно возвратились ополчения Иудовы в Иерусалим, с псалтирями, гуслиями и трубами, ко двору Господню. Страх объял окрестные народы, когда слышали, как поразили Бог врагов Иосафатовых, и умирилось царство его; но когда опять сообщился он с сыном Ахаава, и послал вместе с ним корабли свои в Фарсис, сокрушились корабли, посреди плавания морского, по слову Пророка Елизера, за приязнь с беззаконным.

После двадцати пяти летнего царствования, с миром отошел он к отцам своим и погребен был с ними, во граде Давидовом; но первенец его Иорам, которому он оставил царство, избил всех братьев, и в течении восьмилетнего своего правления, ходил по всем путям Ахаава; ибо жена его Гофолия была дочерью сего нечестивого Царя; однако Господь не хотел искоренить дом Давидов, ради данного ему завета. В сие время и Эдом отложился от Иуды, избрав себе Царя; тщетно ходил Иорам против мятежных, и даже однажды поразили их; Идумеи уже не покорялись более Царям Иудейским, ибо Иорам ввел в грех народ свой и допустил требища языческие на высоких местах.

Тогда пришло к нему обличительное писание от Пророка Илии, уже по смерти сего человека Божия, который предвидел нечестие Царя Иудова: «так говорит Господь Бог Давида отца твоего, писал Илия; поелику не ходил ты путем Иосафата, отца своего, и Асы, Царя Иуды, но ходил путем Царей Израильских, и ввел в грех живущих в Иуде и Иерусалиме, подобно как совратил людей своих Ахаав, и поелику избил ты братьев твоих, лучших тебя: поразили тебя Господь, язвой великой, с людьми твоими, женами и детьми, и всем твоим достоянием, и будешь ты в жестокой болезни, доколе не выйдет из тебя вся твоя внутренность.»

По слову Господню, восстали на Иорама иноплеменники, Аравы и соседние Ефиопы, и пленили все сокровища царских палат и все его семейство. Один только сын, Охозия, ему остался от всех детей; потом поразили Господь нечестивого Царя неизлечимой болезнью, и вся его внутренность исходила из него, доколе не умер он в совершенном расслаблении и тяжких муках; народ не хотел совершить над ним обычного погребения и не положил его в гробах царских. Охозия заступил место отца, но и тот, следуя советам матери Гофолии, ходил по стезям дома Ахаавова, и не продлил Бог его царства более года. – Вместе и

Иорамом, Царем Израилевым, ополчился он против Азаила Сирийского и, не без тайной судьбы Божьей, пришел в Иезраель, куда удалился союзник его, для исцеления от ран, полученных в битве.

XLVIII. Истребление всего рода Ахаавова, Ииуй, Гофолия, спасение Иоаса

Между тем должно было исполниться другое слово Господне, сказанное Пророку Илии, на Хориве, о помазании на царство грядущего истребителя всего рода Ахаава. Преемник Илии, Елиссей, призвал одного из сынов пророческих и велел ему идти, с сосудом елея, в город Галаадский Рамаф, чтобы там в тайне помазать Ииуя, сына Иосафатова, и потом быстро бежать оттоле. Воеводы сидели в Рамафе, около Ииуя, когда к нему обратился взошедший Пророк: «имею до тебя слово, о князь», сказал он; изумленный таким приветом Ииуй, последовал за пришельцем, во внутреннюю храмину; там возлил Пророк на главу его елей и возвестил ему слово Господне: «Бог Израилев помазал тебя Царем над своим народом, да истребишь дом Ахаава, и взыщешь с него всю кровь Пророков, служителей Божьих, излитую рукой Иезавели; ибо Господь предаст весь дом Ахаава, как некогда дом Иеровоама и дом Ваасы, Иезавель же съедят псы, и не будет ей погребателей.» – Скахав сие, быстро отворил двери и бежал Пророк. – «чего хотел от тебя сей безумный?» спросили воеводы возвратившегося к ним Ииуя; когда же он открыл им о своем помазании, все они, по внезапному внушению, постлали под него свои одежды и, при звуке трубном, провозгласили Царем. Ииуй сел на коня и поспешил в Израиль, чтобы предупредить молву.

Там, в опасении от нашествия Азаилова, пребывали оба Царя, Иуды и Израиля. Страж, стоявший на городской башне, увидел издали облака пыли, и послал Иорам двух конников, одного за другим, спросить у мнимого гонца, какие вести? Оба остались при знакомом им вожде; со стены узнал его страж и возвестил о нем Царю. Иорам и Охозия устремились, в колесницах, на встречу и сошлись с ним в поле Навуфея, убитого Ахаавом. «Мир ли?» спросил бывшего воеводу Иорам; «какой мир, отвечал новый помазанник, для беззаконной матери твоей Иезавели!» – «Измена, Охозия!» воскликнул Иорам и обратился в бегство; но Ииуй, напрягши лук свой, вслед за ним, поразил бегущего в спину, так что сквозь сердце его прошла стрела и пал на колени, в колеснице, умирающий Царь Израилев. «Возьми его и брось на поле Навуфея Иезраелитянина, сказал спутнику своему совершитель суда Божия, ибо я помню, как однажды мы следовали в колеснице, за отцом его Ахаавом, и Господь изрек пророчество устами Илии, что за пролитую кровь Навуфея, прольется, на самом поле его, кровь Ахаава; исполни ныне повеленное Господом.»

Видя падение Иорама, бежал Охозия, но и над ним, сыном дочери Ахаава, должен был совершиться суд Божий; Ииуй издала поразил его также стрелой в колеснице; смертельно раненый, успел только достигнуть Магеддона, и там испустил дух; служители отвезли тело его в Иерусалим и погребли в царском гробе. – Между тем победитель взошел в город Иезраель; там, мать убитого Иорама, нечестивая Иезавель, нарумянила лицо свое, украсила голову и подошедши к окну, сказала проходившему мимо: «мир ли Замврию, убийце господина своего?» – услышана была речь её; Ииуй велел выбросить её из высокого окна; кровью её окропились стены, кони потоптали её разбитые члены. После пиршества, в палатах царских, велел однако Ииуй погребсти проклятую, потому что и она была дочь царская; но на стогнах нашли только череп её и остатки рук и ног; все прочее растерзали голодные псы, по слову пророческому: «в Иезраели съедят псы плоть Иезавелину, и никто не узнает по трупу, что это была Иезавель.»

Семьдесят сыновей оставалось после Ахаава, на пропитании вельмож его в Самарии; Ииуй написал послание к сим старейшинам, чтобы они избрали достойнейшего из сынов своего Государя и воцарили его, если имеют на то довольно силы; но вельможи устрашились того, кто одним разом одолел двух Царей, и покорились ему. Тогда опять написал к ним сокрушитель Ахаава: «если вы мои, то принесите мне завтра головы питомцев ваших,» и на утро два холма царственных юных голов, которые принесли в корзинах старейшины, поставлены были у ворот Самарии, пред всем народом, в обличение, что не один Ииуй был совершителем суда Божия, и во свидетельство, что все, сказанное Пророком Илией, исполнилось над домом Ахаава. – Оставив Иезраель, где истребил он весь остаток нечестивого рода и присных его, жрецов и вельмож, новый Царь пошел в Самарию и встретил на пути сорок двух князей племени Иудина, братьев убиенного Царя Охозии; они шли навестить родственников своих, о гибели коих не знали; всех их умертвил Ииуй, у пустынного колодезя, близ пастушеской хижины.

В Самарии собрал он народ и провозгласил торжество Ваалу, чтобы из всех пределов Израиля собрать всех жрецов его и умертвить их вместе. «Мало работал Ахаава Ваалу, говорил он, я же поработаю много,» и поверили льстивой речи пророки Вааловы. Все они собрались, в назначенный день, в капище, облеченные в новые одежды, данные им Царем, и когда удостоверился он, что никого не было в капище, из служителей Божьих, кроме нечестивых жрецов, велел воинам своим умертвить всех, с угрозой, что будут отвечать собственной жизнью, за

всякого из них, кто спасется: так совершилась казнь над развратителями Израиля. Кумир Ваалов и капище его были сожжены, само место определено на поругание; но истребив Ваала Сирийского, не сокрушил Ииуй золотых тельцов Египетских, поставленных Иеровоамом, на соблазн всему народу, в Дане и Вефиле, и сам не отступил от служения им. Однако, за строгое совершение казни, над домом Ахаава и жрецами Ваала, обещал Господь Ииюю, что род его до четвертого колена будет сидеть на престоле Израильском. Но уже Господь начинал совершать суд над беззакониями Израиля и допустил Азаила Сирийского разорять его пределы по ту сторону Иордана. После двадцати восьмилетнего правления, умер Ииуй и погребен был в Самарии. Иоахаз, сын его, воцарился и семнадцать лет сидел на престоле Израильском.

Остаток племени Охозии истребил в Иерусалиме: его собственная мать, достойная дочь Ахаава, и погиб бы весь род Давидов, если бы сестра Охозии, Иосавефа, жена Первосвященника Иодая, не укрыла в храме одного младенца царского, Иоаса, которого спасла вместе с кормилицей его, из общего кровопролития: так сохранил Господь светильник дому Давидову, по словам Пророков. Шесть лет царствовала Гофолия, жертвуя Ваалу; но на седьмой год Первосвященник Иодай вступил в союз с начальником воинства, собрал всех Левитов и старейшин из окрестных городов, в храм Господень, и показав им царственного отрока, сказал: «вот Царь наш из дома Давидова.» Он разделил священников, Левитов и привратников, которые сменялись еженедельно в храме, на три части, не отпуская домой окончивших чреду свою, поставил их на страже с трех сторон, у входов святилища, и запретил впускать кого либо в ряды стражей. Сотникам раздал Иодай копья и щиты Давидовы, добычу Филистимлян, отданную им в дом Божий, и наполнив вооруженными весь храм, от края и до края, окрест алтаря, извел на середину юного Иоаса, возложил на него диадему, дал в руки книгу закона и, помазав его пред всем народом, провозгласил Царем.

Услышала Гофолия радостные вопли народа, наполнявшего притворы, и устремилась в святилище; когда же увидела юного Царя, на царском месте, и старейшин на ступенях его, и лики певцов, воспевающих хвалу Господу, с трубами и органами, народ же весь исполненный веселья, – Гофолия разодрала одежды свои, с громким воплем: «измена! Измена!» Первосвященник велел извергнуть её из дома Божия и предать смерти, вне ограды, дабы не осквернился её кровью храм, и сотники извели нечестивую. Во вратах царских палат, мечем совершилась над нею казнь, и народ, обращенный опять к Богу отцов своих, Первосвященником, по

внушению его, сокрушил капища и кумир Ваалов, и умертвил жреца идольского Матфана. Иодай, с торжеством, вывел из храма законного наследника и посадил его на престоле отеческом; внутри же святилища восстановили древний порядок служения Левитов и чин всесожжений, по уставу Моисея, к общей радости народа.

Доколе жив был Первосвященник, Иоас творил угодное Богу; он послал Левитов собирать добровольные даяния для обновления храма; ибо нечестивая Гофолия расхитила его сокровища на украшение своих капищ. Видя нерадение Левитов, при общественном сборе, Царь поставил у ворот храма ковчег, чтобы всякий приносил дар Господу, смотря по усердию сердца своего, как некогда учредил сие Моисей в пустыне, при сооружении скинии. Таким образом укрепился и обновился опять храм, приходивший в ветхость; остаток же денег, употребленных на камни и дерево, медь и железо, обращен был на золотые сосуды и кадила, для благолепия святилища. Во все дни Иодая не прекращался благолепный чин всесожжений и жертв; ста тридцати лет скончался великий Первосвященник, и ради царственных заслуг своих, погребен был с Царями, во граде Давидове.

Но по смерти его, старейшины Иудины, обольстили Царя и увлекли его к служению Астарте; гнев Божий воспылал над Иерусалимом, и тщетен был голос его Пророков. Священник Захария, сын Иодая, исполненный Духа Божия, обличил народ в храме, за нарушение заповедей, и грозил оставившим Бога отцов своих, что и сами они оставлены будут. Ожесточенный Иоас, забыв все благодеяния, оказанные ему отцом Захарии, и священный сан его, велел побить камнями Архиерея Божия, во дворе Господнем; он услышал страшное слово умирающего: «да видит и рассудит Господь!» В том же году поднялась на него сила Сирийская, и хотя не в большом множестве подступили враги, но упал пред ними дух народа за беззакония Царя. – Они умертвили старейшин, унесли богатую добычу в Дамаск, самого же Царя, осыпая поруганиями, оставили в тяжких скорбях. Собственные служители умертвили его в ложнице, взыскав на нем кровь архиерейскую; сын его Амасия воцарился вместо отца, которого не погребли даже во гробах предков.

XLIX. Амасия, Озия, Иоафам, Ахаз, Цари Иудины; последние годы царства Израилева

Во время сорокалетнего правления Царя Иудина, Иоаса, умер сокрушитель рода Ахаавова, Ииуй, и сын его Иоахаз, наследовал его престол и грехи, ибо он ходил путем Иеровоама, и на него, подобно как на отца его, воздвиг Господь воинства Сирийские. Семнадцать лет царствовал Иоахаз, и во все дни его не преставала брань, так что от всего воинства Израильского осталось Царю только пятьдесят всадников, десять колесниц и десять тысяч пеших. Когда же обратился он к Богу отцов своих, услышал его Господь, призревший скорбь Израилеву, и на время избавил от руки Сириян. Сын его, Иоас, отмстил им за поражения родителя; но и он не отступил совершенно от идолослужения, которым заражен был Израиль. В первые годы его правления, разболелся, в глубокой старости, Пророк Елиссея, и плакал над ним Царь, видя приближение его кончины: «отец мой, говорил он, в тебе вся сила Израилева, колесницы и кони его!» Тронувшись Елиссея любовью царской, велел ему натянуть лук, положил руки свои на его руки, и заставил стрелять в открытое окно к востоку: «это стрела спасения от Господа против Сирии, которую истребишь, сказал Пророк, возьми еще лук и ударяй о землю.» Трижды ударил Царь и перестал; огорчился человек Божий: «если бы ты ударил пять или шесть раз, сказал он, ты до конца истребил бы Сирию, но теперь только победишь её три раза.» Умер Пророк, но сила чудодейственная не оставляла его и по смерти, во свидетельство той благодати, которую сообщает Господь телесам праведников. Спустя немного времени, после кончины Пророка, жители той земли несли на погребение мертвеца, и увидев издали воинов Моавских, от страха и поспешности, бросили его в гроб Елисеев; но мертвец ожил как только прикоснулся костям человека Божия. Пророчество Елиссея сбылось над Царем Израилевым, который трижды победил Адера, сына Азаилова, и отнял у него все города, завоеванные в дни Иоахаза; но не было мира между ним и Царем Иуды.

Амасия, сын Иоаса, утвердившись на царстве, предал заслуженной казни убийц родителя своего, но пощадил детей их, по закону Моисееву. Он собрал триста тысяч воинов в Иудее и нанял сто тысяч в Израиле, чтобы идти против Идумеи; но человек Божий запретил Царю брать помощь от Израильтян, ибо Господь не был с ними; он обещал ему от Господа победу и с малыми силами. Раздраженные отказом войска Израилевы, удаляясь, разорили пределы Иудовы. Амасия же поразил

врагов и без их содействия, но после победы, он принес с собой в Иерусалим богов Идумейских и стал поклоняться им. – Разгневанный Господь послал к нему Пророка, для обличения, но Царь грозил наказать человека Божия, за дерзкое слово. Превознесенный успехом, он объявил войну Иоасу, Царю Израилеву, и тот отвечал ему притчей: «терн Ливанский сказал кедру: отдай дочь твою в супруги сыну моему, и пришли звери дубравные и потоптали терн: так и ты, поразив Идумеев, превознесся надменным сердцем; оставайся в мире у себя и не навлекай гибели на Иуду.» Однако полки Иуды сошлись с полками Израилевыми; Иоас победил их, пленил Амасию и, овладев Иерусалимом, разрушил стены его, на пространство четырехсот локтей, и взял все золото, серебро и сосуды храма Господня.

Пятнадцать лет еще царствовал Амасия, после своего поражения, и, подобно отцу, был умервщлен рукой своих; народ поставил на царство юного сына его Озию. Господь благословил первые годы его правления, ибо, руководимый богобоязненным Пророком Захарией, он прилепился к Богу отцов своих; города Филистимлян не устояли против его оружия, Арабы, жившие в пустыне, приносили ему дары. Озия укрепил башнями врата Иерусалимские, ископал колодези в пустыне, для бесчисленных стад своих, и возделывал виноград на горе Кармильской; более трехсот тысяч войска выступало с ним на брань, под руководством опытных вождей, ибо он искал помощи от Господа. Когда же укрепился, вознеслось надменными помыслами сердце его, и он оскорбил Господа на гибель себе; дерзновенно вошел Озия в храм, чтобы покадить фимиамом пред алтарем. Вслед за ним вошел Первосвященник Азария, с жрецами, и воспротивился нечестию Царя: «не тебе подобает, сказал он, кадить фимиамом пред Господом, но только освященным сынам Аарона; выйди из святилища, ибо ты отступил от Господа, и тебе это не вменится в похвалу.» Разгневался Озия, державший уже в руках кадельницу, но внезапно, пред самым алтарем и пред всеми жрецами, показалась проказа на челе его; Архиерей изгнал прокаженного из святилища. Он оставался таким, до дня своей смерти, и жил в отдаленном доме, отлученный от всех, хотя и продолжал именоваться Царем Иуды; все его царствование продолжалось пятьдесят лет, но сын его Иоафам управлял вместо него, и по смерти отца царствовал еще шестнадцать лет со славой. Он победил иноплеменных Царей, строил города и украсил храм Господень, ибо его сердце лежало к Богу отцов своих, и Бог укрепил его.

Между тем, в царстве Израилевом, Иеровоам, сын Иоаса, вскоре после победы отца своего над полками Иуды, заступил его место и властвовал

сорок один год. Это было последнее время славы Самарии, ибо Господь, сжалившись над бедствиями народа Израильского, теснимого своими врагами, еще однажды укрепил его и расширил в древних пределах до Эмафа и Дамаска, рукой сильного Иеровоама; но и он не отступил от идолослужения своих предместников; в сыне его, Захарии, пресекался род Ииуя, которому обещал Господь царство только до четвертого рода. – Чрез полгода восстал на него Селлум и умертвил Царя; но месяц спустя, той же участи подвергся Селлум, от руки Манаима, который властвовал десять лет и навлек на себя гнев Божий, своей жестокостью. Во дни его правления, послал Господь Фула, Царя Ассирийского, на пределы Израильские; тяжелой данью откупился от него Манаим. Царство Израилево представляло тогда гибельное зрелище внутренних беспорядков и кровопролитий. Сын Манаима, Факей, подобный нечестием отцу, умерщвлен был другим Факеем, сыном воеводы Ромелии, который и управлял потом двадцать лет, к бедствию своего народа: ибо в его время, Феглатфалласар, Царь Ассирийский, опустошил весь Галаад и всю Галилею, и жителей их переселил в Ассирию.

Факей, вместе с Раасоном, Царем Сирийским, ополчились против сына Иоафамова, Ахаза, самого нечестивого из Царей Иудиных, который не только восстановил все требища идольские, на высоких местах и в дубравах, но проводил сквозь огонь и собственных детей своих, в честь Молоха, по обряду языческому, в долине Геенской. Посему и воздвигал против него Господь сильных врагов: Идумеи и Филистимляне опустошали южные пределы Иуды; Царь Сирийский отвел многих пленников в Дамаск; Факей поразил, в один день, сто двадцать тысяч крепких мужей, из колена Иудова, и самого сына царского; а воеводы его увели в Самарию до трех сот тысяч пленных всякого возраста и пола. Но Пророк Одид вышел к ним на встречу и запретил, именем Божьим, удерживать у себя пленных братьев, чтобы не навлечь гнева небесного; Послушались Пророка старейшины колена Ефремова, и возвратили пленников в Иерихон, человеколюбиво снабдив их пищей и одеждой.

Поражаемый отовсюду Ахаз, прибегнул к защите Царя Ассирийского Феглатфаллассара, которую купил всеми сокровищами и теми, какие еще оставались в храме Господнем. Новый союзник, овладев Дамаском, убил Раассона, переселил жителей в Мидию, и предал огню и мечу Галилею и Галаад. Ахаз вышел на встречу своему избавителю до Дамаска и совершенно ему покорился. Оттоле послал он к Первосвященнику Урии начертание языческого жертвенника, по подобию коего велел устроить алтарь в Иерусалиме, на место медного алтаря, стоявшего во дворе храма

для всесожжений. Он снял море медное, из которого умывались жрецы, с двенадцати волов, его поддерживающих, и положил оное на камень, сокрушил также священные сосуды храма и заключил врата его, чтобы служить богам языческим, вместо Бога истинного: ибо говорил он, боги Сирийские карали его и он хотел умолить их. – Шестнадцать лет царствовал нечестивый, и не был удостоен погребения, в гробах своих предков.

Осия, сын Илы, умертвил Факея и заступил его место: это был последний Царь Израилев; при нем совершенно окончилось царство Самарийское, за неправды его властителей и народа. Сперва наложил на него дань Салманасар, Царь Ассирийский; когда же узнал, что Осия искал себе помощи в Египте, подступил к Самарии и, после трехлетней осады, взял город, свергнул с престола Царя и посадил в темницу Вавилонскую, а жителей увел в Ассирию и поселил их в пределах Мидии, на реках Гозанских; жителей же Вавилона и Эмафа переселил в города Самарийские. Они не ведали Господа и Господь послал на них, в первые годы переселения, губительных львов. Возвестили Царю Ассирийскому о бедствиях, какие постигли переселенцев, по незнанию ими Бога Израилева, и Царь послал к ним одного из жрецов, взятых в Самарии, который, поселясь в Вефиле, научил народ познанию истинного Бога; но пришельцы, привыкшие к языческим богам, смешали идолослужение с поклонением Господу и остались в слепоте своей. Так наказал Господь сынов Израилевых той казнью, какую предрек им Моисей, о переселении и рабстве их среди народов чуждых, за то что оставили Бога отцов своих, для богов чуждых, и совершая требища идольские нарушили древний завет Господа с их отцами.

Л. Пророки: Иона, Амос, Осия, Иоиль, Авдий, Михей, Наум

Свет пророческий, о грядущем Мессии, столь ярко излившийся в книгах Моисеевых, временно как бы ослабел, в темную эпоху судей Израилевых, исполненную непрестанных отпадений народа от Бога отцов своих, и с чрезвычайным обилием воссиял вновь в псалмах Давида. С тех пор, во все продолжение царств Иуды и Израиля, во время пленения Вавилонского, и вскоре по возвращении, не переставали восставать, Пророк за Пророком, в народе Божьем, приготавливая его к принятию Мессии. И необходимо нужно было, для возбуждения веры в Искупителя, чтобы Ему предшествовали пророчества и сохранялись людьми верными, известными всему миру, на которых не могло бы пасть ни малейшего подозрения в искажении истины. Посему пророчества большей частью заключали в себе таинственный смысл, под оболочкой чувственного, но с такой глубокой мудростью, что там, где встречались оба смысла в одном предсказании, и духовное и плотское око могли быть удовлетворены ими; там же, где проявлялся только один смысл, он прямо указывал на Христа, и так ясно, что одно только ослепление плотское могло отуманить непокорный разум.

Кроме двух чудодейственных Пророков, Илии и Елисея, прославившихся знамениями в Израиле, и других, которые принимали деятельное участие в судьбах народа Иудейского, Св. Писание сохранило нам еще дела и слова двенадцати, так называемых малых Пророков, из коих девять жили до пленения Вавилонского. Старший из них, начал пророчествовать в царствование Озии, Царя Иудина, уже пред самым падением царства Израилева; однако он предрек еще славную победу над Сириянами второму Иеровоаму, с которым окончилось благосостояние десяти колен. Иона, сын Амафиин, происходил от колена Завулонова, как полагают некоторые Св. Отцы, и, по свидетельству самого Спасителя, служил предзнаменовательным образом его трехдневного погребения. «Род сей лукавый ищет знамения, говорил Он, но знамения не дастся им, кроме знамения Ионы Пророка; ибо как Иона был во чреве китовом три дня и три ночи, так и Сын человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи.» (Луки XI. 29. Матф. XII. 40.)

К нему было слово Господне, чтобы он шел проповедывать покаяние великому граду Ниневии, утопавшему в беззакониях; но Иона, испуганный таким повелением, бежал от лица Господня, и сев на корабль, в Иоппии,

хотел отплыть в дальний Фарсис. Буря, воздвигнутая сильным ветром от Господа, настигла его в море, и бедствовал корабль; смутились корабельщики, каждый взывал к богу своему; они стали бросать в пучину все тяжести для облегчения судна; а на дне его беспечно спал Иона, ради которого кипела буря. Кормчий разбудил его, говоря: «что ты спишь? Моли Бога твоего, чтобы спас нас от гибели.» Между тем корабельщики согласились бросить жребий, чтобы изведать, ради кого из них приключилась беда сия со всеми? И когда жребий пал на Иону, спросили его: «откуда он и куда плывет, и каким преступлением навлек на них такое бедствие?» – «Я раб Господень, отвечал Иона, чту Господа Бога небесного, сотворившего море и сушу, и ныне бегу от лица Господня.» Ужаснулись корабельщики, и спросили опять: «что с ним сделать, чтобы успокоилось море?» ибо море более и более вздымало волны. Почувствовал вину свою Иона и обличенный яростью пучины, отвечал: «возьмите меня, свергните в море и оно утолится, ибо я познал, что ради меня восстало на вас страшное сие волнение.» Тщетно корабельщики, милуя его, старались управлять к берегу судно, оно не повиновалось их усилиям и море противилось, доколе не исполнили судеб Божьих; тогда, воскликнув к Господу, чтобы не взыскал на них крови праведного и не погубил их ради сего человека, бросили в море Иону; – престало волнение, и с трепетом принесли они жертву истинному Богу. Таким образом, бежавший от проповеди Пророк, и самым послушанием своим, невольно проповедал имя Божие людям, Его неведавшим.

Он должен был однако исполнить свое призвание: по воле Господа, огромный кит проглотил брошенного в пучину и спас его от потопления; три дня и три ночи чудно сохранился Иона во чреве китовом и был извержен невредимо на сушу, к тем берегам, отколе бежал. Но еще, во влажной своей гробнице, покался Иона, и вознес пламенную молитву к Богу, двигателю созданных им стихий и тварей: «я возопил, в скорби моей, к Господу Богу моему, и Он услышал вопль мой, из чрева адова.»

Опять было слово Господне к Ионе, идти и проповедать покаяние в Ниневию, и повиновался Пророк; он явился на стогнах и возвестил, что через три дня погибнет город. – Уверовали в Бога люди Ниневийские, от мала до велика, все наложили на себя пост, и сам Царь восстал с престола, облекся во вретиче и сел на пепле; он велел провозгласить, чрез вельмож своих, чтобы все строго соблюдали пост, и даже лишали пищи домашний скот. Весь народ единодушно возопил к Богу, и каждый человек возвратился с неправого пути своего, говоря сам в себе: «кто знает, быть может, сжалится над нами и умолен будет Господь, отложит гнев свой, и

мы не погибнем!» – увидел Господь общее раскаяние и помиловал Ниневию.

Опечалился Иона, и в смущении духа возроптал: «о Господи, не говорил ли я все сие, будучи еще в стране моей? Для того и хотел я бежать в Фарсис, потому что знал, сколько Ты щедр, долготерпелив и милостив, и каешься о злобах человеческих! И ныне, владыко мой Господи, прими душу мою, потому что для меня лучше умереть, нежели жить!» Иона вышел из города, и устроив себе кущу, сел против Ниневи, чтобы видеть, чем кончится её судьба. Господь велел тыкке внезапно возрасти над головой Пророка, чтобы укрыть его от зноя, и обрадовался прохладе Иона; но наутро послал Бог червя, подточить тыкву, и она иссохла также скоро, как и расцвела, а между тем поднялся знойный ветер и лучи солнечные опалили лишённого тени. Малодушествовал Иона и опять, в смятении духа, воскликнул: «лучше мне умереть, нежели жить!» – Тогда Господь спросил своего Пророка: «не слишком ли опечалился он о растении?» и услышав ответ его: «опечалился даже до смерти,» обличил малодушие, кроткой речью, в которой обнаружился промысел всеблагото Творца о своей твари: «вот ты огорчился за растение, над которым не трудился, ибо в одну ночь оно возникло и в одну ночь погибло; как же мне не пощадить Ниневию, город великий, в котором более ста двадцати тысяч живущих, не различающих своей правой руки от левой?»

Во дни того же Иеровоама, Царя Израильского, и Озии Иудейского, призвал Пророка Господь, из числа пасущих стада, как сам о себе свидетельствует Амос: «я не был Пророк, ни сын пророческий, но был пастырь и собирал ягоды. Господь взял меня от овец и сказал: иди и прореки на людей моих Израиля.» Таково звание Божие, избирающее орудия, которые кажутся презренными в мире, но совершают дивное. Хотя местом рождения Амоса был город Иудейский Фекуа, однако местом проповеди его было царство Израильское, и преимущественно город Вефиль, где поставлен был, в соблазн всему городу и царству, золотой телец, первым Иеровоамом; там терпел горькие обиды Пророк, от жреца идольского Амасии, который доложил о нем Царю, что не может земля понести слово его. Явно порицал он идолослужение, гнусное кровосмещение, наглые обманы и несправедливость в судах, бесчеловечное утеснение бедных, и непомерную роскошь.

Проповедь свою обыкновенно начинал Амос сими словами: «так говорит Господь, за три нечестия и за четыре не отвращуся», выражая вместе с тем милосердие Божие, которое не всегда карает первые преступления, и правосудие, которое не отвращает наказания от

преступлений умноженных. Карая словом, оба царства, Иуды и Израиля, Пророк предсказывал также гибель окрестным народам Сирии, Финикии и другим; в особенности сильно восставал на богачей Самарии, столицы Израильской. Бедствия, грядущие на Израиля изобразил он в видениях: плен, уравнивающий высоких с низкими, под символом отвеса, которым равняет здание свое плотник, а скорый конец царства Израилева, под видом корзины с спелыми плодами. Но самая страшная казнь Израилю состояла в отнятии у него и оскудении слова Божия: «вот наступят дни, в которые Я пошлю на землю, не голод хлеба и не жажду воды, но голод слышания слова Божия; обтекут от моря и до моря, и от севера до востока, чтобы найти слово Господне и не найдут.» (VIII). Однако, на конце своих пророчеств, говорит Амос, о лучших временах для Израиля, и о Мессии, когда восстановится падшая скиния Давидова и все оставшиеся люди възьщут Бога, и призовется имя Его во всех народах.

Во дни того же Иеровоама Израильского и царей Иудовых: Озии, Иоафама, Ахаза и Езекии, более шестидесяти лет, совершал свое пророческое служение Озия, из племени Иссахарова, который предсказал падение царства Израилева и видел оно. Достойно замечания, что для обличения духовного заблуждения Израильтян, Бог повелел ему взять в супружество обесславленную женщину, которую Пророк обратил к непорочной жизни; первого сына от нее назвал он Иезраель, в знамение того, что упразднит Господь царство Израилево, и первую дочь непомилованною, потому что не будет более милости; а второму сыну дал имя: не мой народ, ибо уже не хотел Господь быть его Богом. Пророк обещал однако, что в последний дни соберется вкупе Иуда и Израиль и вместо имени: не свой народ, назовутся сынами Бога живого. Но прежде нежели Господь призовет к себе опять непомилованную, и обручит её себе верой на веки, грозил, что обратит её в пустыню и възьщет на ней все мерзости Вааловы, и долгое время останутся сыны Израилевы, без Царя и без князя, без жертв и жертвенника, без жрецов и явлений; тогда только възьщут Бога своего, и Давида Царя своего, под коим Пророк разумел Мессию, потому что явно указывал на его воскресение: «идем и обратимся к Богу нашему, скажут тогда скорбящие, ибо Он уязвил и уврачуует, исцелит нас после двух дней и в третий день воскреснем, и живы будем пред ним; устремимся познать Господа, и обрящем Его, как воссиявшее утро.»(VII)

Для оправдания судеб Божьих, в различных казнях, ниспосланных отвергшемуся его народу, Осия, резкими чертами, живописал все его отпадения и тяжкие грехи, ибо люди сии сеяли ветер и пожнут бури, и как

непотребный сосуд поглощены будут в народах; тщетно станут они тогда приносить жертвы истинному Богу, в рассеянии между языков: «обратись, Израиль, к Богу твоему, ибо ты изнемог в твоих неправдах: кто премудрый, уразумеет сие, ибо правы пути Господни и праведные пойдут по ним.» (XIV).

Современный Амосу и Осии, Пророк Иоиль, происходил от колена Рувимова и был собственно Пророком Иудейским, не касаясь царства Израильского. Некоторые полагают его древнейшим из двенадцати Пророков, по красоте чистого языка его, и что он жил во времена Царя Иоаса. Краткое слово его исполнено живых изображений: он описывает великое опустошение земли Иудейской, произведенное саранчей и засухой, потом призывает народ к посту и покаянию, предсказывает обильный дождь, плодородие земли, и особенно обильное излияние даров духовных; наконец изображает суд Божий, над врагами Иудейского народа, и покровительство Иерусалиму:

«Терзайте сердце ваше, а не одежды, взывает Пророк к огорченному народу, обратитесь к Богу вашему, ибо он человеколюбив и милосерд, долготерпелив и богат благостью. – Кто знает, не сжалится ли он снова и не пошлет ли благословение? Вострубите трубой в Сионе, освятите пост, проповедуйте исцеление, соберите народ, созовите сонм, пригласите старцев, соберите отроков и грудных детей; пусть жених и невеста выйдут из чертога своего. Между притвором и жертвенником, пусть восплачут священники, служители Господни, и скажут: пощади, Господи, народ твой, и не предай удела Твоего на поругание иноплеменникам, чтобы не сказали другие народы: где же Бог их? – После сего налью Духа моего на всякую плоть, и прорекут сыны ваши и дочери ваши, и старцы ваши сны узрят, и юноши ваши видения увидят; ибо на рабов и на рабынь Моих изолью в те дни Духа Моего, и дам чудеса на небесах и на земле; и всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо в горе Сионе и в Иерусалиме будет спасаемый, как сказал Господь, и благовестуемые, которых призвал Господь.» (II).

Одно только видение имел Пророк Авдий, который, как предполагают, пророчествовал во дни Царя Иудейского Ахаза, на Идумею, и грозил ей наказанием от Господа, за восстание против Иакова брата своего; ибо близок день Господень на весь народ, говорил Пророк, но на святой горе Сионской обретется спасение и царство принадлежать будет Господу.

Во времена Царей Иудовых, Иоафама, Ахаза и Езекии, Михей Морасфитский, предсказывал близкое падение обоих царств Иуды и

Израиля, из коих последнее совершилось пред его глазами, и восстановление царства благодати, чрез Мессию, имевшего родиться в Вифлееме. Подобно Исаии, Михей начинает свое пророчество, требуя внимания всех народов и всей земли, и призывая во свидетели Бога: ибо сам Господь исходит от места своего и снидет и наступит на высоты земные. Обличая нечестие своего народа, угрожая гибелью обоим царствам, Пророк сокрушается сам, что послан возвещать бедствия, и оправдывает судьбы Божьи, страшным изображением грехов Израилевых, но он утешает также радостной вестью: «что в последние дни явлена будет гора Господня и вознесется превыше всех гор; к ней устремятся все люди и многие народы скажут друг другу: приидите, взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковля, и нам покажут пути Его; мы пойдем по стезям его, ибо от Сиона изыдет закон и Слово Господне от Иерусалима; оно рассудит среди многих народов, изблечит язычников и дойдет даже до пределов земли. – И ты Вифлеем, дом Ефрафов, неужели ты мал, чтобы тебе быть в тысячах Иудиных? Из тебя изыдет Мне Старейшина, который будет князем в Израиле; исход же Его от начала, от дней века; станет и узрит и упасет паству свою, крепостью Господь, и в славе имени Господа Бога своего она пребудет, ибо ныне возвеличится Он до концов земли.» (IV. V.)

Потом возвещает Пророк суд Божий с людьми своими; как человек состязается Господь с Израилем и вопрошает его, предчувствуя, что потерпит Сам от неблагодарных: «люди Мои, что Я вам сделал, или чем оскорбил вас, или чем обременил? Вспомните Мои благодеяния; вы еще узрите чудные дела, как во дни исхода вашего из Египта; узрят и язычники и посрамятся, во всей крепости своей, и заградят уста свои, ужаснутся и убоятся Бога.» (VI. VII).

Из селения Галилейского происходил Наум, живший во дни Царя Езекии, и предметом его пророчеств была страшная казнь греховной Ниневии, которая изображала собой царство тьмы языческой; но уже он предвидел на горах Израилевых стопы Благовествующего мир, и внушал Иудеи праздновать знамение победы.

II. Благочестивое царствование Езекии

Когда Израиль сделался жертвой своих беззаконий, в Иуде восстал Царь, подобный Давиду, по следам коего ходил пред Господом, во все дни своей жизни, так что ни прежде сего, ни после, не восставало Царя в Иерусалиме, равного ему благочестием: – это был сын преступного Ахаза, Езекия, двадцать девять лет царствовавший в святом граде. В первый месяц своего правления открыл он двери храма, заключенные отцом его, и созвав священников и Левитов, сказал им: «послушайте меня, Левиты, очиститесь и очистите дом Бога отцов наших, извергните всю нечистоту из святилища; ибо отцы наши отступили от Бога нашего и отвратили лицо от Его скинии, заключили врата, угасили светильники, не курили более фимиама на алтаре Его и не приносили Ему всесожжений. Посему разгневался Бог Израилев на Иуду и Иерусалим, и предал их врагам на поругание и погибель, и вот отцы наши были поражены мечем, а дети наши и жены отведены в плен, где и теперь находятся. И так, вы имейте в сердце своем желание исполнить завет с Господом, чтобы Он отвратил от нас гнев свой, ибо вас избрал Бог для своего служения.»

Священники и Левиты исполнили волю Цареву, прежде очистились сами, потом очистили двор храма от всех мерзостей языческих, и внутренность его, алтари и сосуды, в течении восьми дней. Тогда Езекия велел им принести в жертву, по семи тельцов, овнов, агнцев и козлов, за грехи народа и за царство, за Иерусалим и за весь Израиль. Священники возложили руки на козлов, обреченных за грехи людей, и пролили кровь их пред алтарем, молясь о всем Израиле, ибо за грехи всего народа приносил всесожжение благочестивый Царь. По заповеди Давида и Пророков, Гада и Нафана, опять вострубили трубами священники; и Левиты заиграли на орудиях мусикийских, воспевая хвалебные гимны, и, как недоставало жрецов для принесения многочисленных жертв, Левиты помогали им. По окончании всесожжения, преклонился Царь, со всем народом, пред Богом отцов своих, и возвеселился духовной радостью, о исполнении священного долга.

Потом написал послание ко всему Израилю и Иуде, и даже в пределы Манассии и Ефрема, чтобы все собрались в Иерусалим праздновать общую Пасху. Гонцы его прошли всю землю Израилеву, от Дана до Вирсавии, убеждая остаток сынов Израилевых, спасшихся от пленения, обратиться к Богу Авраама, Исаака и Иакова, и не быть подобными отцам своим, которых предал Господь, за грехи их, дабы и они могли получить некую

отраду в тяжком пленении, молитвами оставшихся. Гонцы царские подверглись посмеянию в Израиле; не многие пришли в Иерусалим из пределов Ассира, Завулона и Манассии; но весь Иуда единодушно собрался на праздник и заклал Пасху, по заповеди Моисеевой. Священники принуждены были принимать жертвы даже от не приготовившихся к тому, законным очищением, ибо многие, из числа десяти колен, не успели освятиться к празднику; благочестивый Езекия помолился о них, чтобы Господь не вменил им в грех невольное нарушение закона. После Пасхи, весь народ праздновал еще семь дней опресноки, и даже удвоено было число дней торжественных ради великого стечения и усердия народа, которому роздал Царь и его старейшины тысячу тельцов и десять тысяч овец для жертвоприношений. – Такого светлого праздника не видел Иерусалим, со времен Давида и Соломона.

После окончания торжеств, Езекия велел сокрушить. Во всех пределах Иуды, требища идольские, дубравы и кумиры, и не только в Иуде, но и в горах Ефремовых, не пощадил даже медного змея, сооруженного Моисеем в пустыне, потому что и ему поклонялись сыны Израилевы. Он учредил опять оставленный порядок священнослужения жрецов и Левитов, уделил от себя жертвы на всесожжения утренние и вечерние, в субботы и праздники, и велел народу давать священникам десятины, следующие по закону Моисееву, которые стали собирать под верным надзором, в житницы храма; так во всех путях, угождал благочестивый Царь Господу, и благословил Бог его царствование.

В четырнадцатое лето его правления, Царь Ассирийский, Сеннахирим, завоевал крепкие города Иудовы; Езекия, чтобы отклонить нашествие иноплеменников, послал ему в дар все серебро, находившееся в храме и сокровищах царских, и даже золотое украшение дверей святилища, Но Царь Ассирийский не удовольствовался его данью; он направил трех воевод своих, от стен осажденного им Лахиса, с сильным войском, к Иерусалиму. Вельможам Езекии, вызванным из города, говорил надменный воевода Рапсак, именем своего Государя: «на кого надеется Езекия? Не на Фараона ли Египетского, сию надломленную трость, которая вонзится в руку того, кто на нее обопрется? Не на Господа ли Бога? Но не Его ли жертвенники повсюду сокрушил Езекия, принудив народ молиться в одном Иерусалиме? И мы, не уже ли без Бога, пришли сюда опустошить землю вашу?»

Смущенные вельможи Езекии просили Рапсака говорить с ними по Сирийски, чтобы не мог разуместь их беседы народ, стоявший на стенах; но воевода, возвысив голос, сказал по Еврейски, вслух всего народа:

«внемлите речь великого Царя, да не обольщает вас Езекия, ибо не может спасти вас из рук моих; предайтесь лучше добровольно и переселитесь в мои пределы, где каждый будет спокойно наслаждаться миром, под маслиной своей и в виноградниках своих, в земле, столь же обильной, как и земля ваша; – не верьте Езекии, который обнадеживает, будто Господь спасет вас; но могли ли избавить боги иных народов земли их от руки Царя Ассирийского? – где бог Эмафа и Арфада, и иные боги? Спаслась ли от меня Самария? – и как спасет Господь Иерусалим?»

Народ безмолствовал, внимая хулам Рапсака, потому что Езекия запретил отвечать на речи врагов, говоря: «мужайтесь и не бойтесь Царя Ассирийского, ибо с нами более, нежели с ним: с ним сила плотская, с нами же Господь бог наш!» Посланные возвратились у Царю; в духе смирения разодрал он свои одежды, облекся во вретище и помолился в храме Господнем; потом послал тех же вельмож, во вретищах, к единокровному ему Пророку Исаии, сыну Амосову, от рода Давидова, спросить: «обратит ли Господь внимание на хулу воеводы Ассирийского, и помилует ли остаток Израилев, которого постигла болезнь, как болезнь рождающей?» – «Скажите Царю, отвечал Пророк, именем Божьим, чтобы не страшился угрозы, принесенной с хулой на Господа, ибо Господь пошлет страшную весть Царю Ассирийскому и он возвратится в землю свою, где будет поражен мечем.»

Весть, о неприязненных действиях Царя Эфиопского, заставила Рапсака отступить от Иерусалима, но не смирила его Государя; он опять отправил послов своих к Езекии, с надменным словом, о своих победах над богами языческими, и о неизбежном падении Иерусалима, и опять помолился Езекия Богу отцов своих: «Господи Боже Израилев, сидящий на Херувимах, Ты один Бог во всех царствах земных, Ты сотворил небо и землю; внемли хулам Сеннахирима, дерзнувшего поносить Тебя, Бога живого. Нечестивые Цари Ассирийские опустошили все народы и сокрушили богов их истуканных, дело рук человеческих; Ты же, Господи, спаси нас, чтобы уразумели все царства земные, что Ты Бог единый по всей земле.» Тогда послал сказать ему Пророк Исаия, именем Господа Сил: «что внял его молитву Бог Израилев, ибо не над дщерию Сиона ругался Сеннахирим, но дерзнул вознестись на Святого Израилева; он возомнил, со множеством колесниц своих, взойти на вершину Ливана, опустошить величие кедров его и кипарисов, иссушить под стопами своими, окрестные реки, и водами чуждыми утолить жажду; но Господь, искони сокрушавший силу надменных, слышит кичливые речи Царя Ассирийского, введет в ноздри его кольца, вложит бразды в уста его, и

отведет тем же путем, по какому он пришел. А Езекия, по недолгому времени, с миром будет вкушать плоды полей своих, остаток Иуды укрепится корнями и даст плод, ибо от горы Сионской изыдет спасение. Не коснется Царь Ассирийский Иерусалима, ради Давида, раба Моего, говорит Господь.» В ту же ночь низшел Ангел Божий в стан Ассирийский, стоявший под стенами Ловны, и умертвил сто восемьдесят пять тысяч воинов; на утро увидел Сеннахирим одни трупы ополчения своего и бежал, исполненный ужаса в Ниневию. Там, два сына его, умертвили отца в капище, когда он поклонялся идолу Месераху, и третий сын Асордан воцарился вместо него.

ЛII. Пророчества Исаии

Из всех Пророков, которые постепенно восставали в Иуде и Израиле, всех изумительнее царственный Исаия, для которого грядущее открыто было как настоящее. Праотец Иаков предсказал, в каком состоянии будет царство двенадцати детей его, когда явится Мессия, обещанный Аврааму, и от которого из сыновей его произойдет Он. Моисей возвестил Израильтянам законодателя свыше его, которому велел повиноваться. Давид, особенным избранием Божиим помазанный на царство, созерцал духовно Мессию, рожденного прежде сотворенной им денницы, то сидящим одесную Господа и Первосвященником по чину Мелхиседека, то пригвожденным, упоенным желчью, посреди поруганий. – Исаия же, чрез двести пятьдесят лет после Давида и более семи сот лет до Христа, видит Его происходящим от Давида, яркими чертами дополняет все сказанное о Богочеловеке, и говорит о великих тайнах воплощения, как бы о минувшем.

Особенное звание Божие послало Исаию проповедать имя Искупителя человекам, и он пророчествовал о нем, в дни Озии, Иоафама, Ахаза, Езении и Манассии, Царей Иудейских, с которыми сопряжен был узами крови, как происходящий сам от племени Давидова. Еще в последний год царствования Озии, ему виделась, в преддверии храма Соломонова, слава Божия, наполнявшая святилище, и один из Серафимов, предстоящих Богу, горящим углем с жертвенника, очистил ему уста к исповеданию того, что созерцал дух его. Что же прежде всего велел ему сказать Господь, в обличение грядущего неверия о Христе? «иди и скажи людям сим: слухом услышите и не разумеете, и видя узрите и не увидите, ибо одebelело сердце людей сих, ушами своими тяжело слышать, и очи свои смежили, дабы когда либо не прозрели очами, и не слышали ушами, и не уразумели сердцем, и не обратились бы ко Мне, и Я бы исцелил их!» (Исаи. VI).

Он предсказал таинственное рождение Христово, нечестивому Царю Ахазу, когда сей, уstraшенный нашествием Царей Сирийского и Самарийского, не знал, где искать спасения Иерусалиму. Исаия встретил Царя за стенами города, и открыв ему ничтожность замыслов Дамаска и близкое падение Самарии, велел просить для себя знамения от Господа. Когда же Ахаз сказал, что не станет искушать Господа таким прошением, Пророк отвечал: «внемли мне, дом Давидов, или мало вам докучать людям? Вы хотите еще стужать Господу? Вот сам Господь даст вам знамение: се Дева примет во чреве и родит Сына, и нарекут имя ему

Еммануил.» (Исаи. VII. 14). Имя сие значит: с нами Бог, и еще большей ясности, Пророк присовокупил: «Отроча родился нам, Сын, и дан был нам, начальство Его на раме Его (т. е. дивный крест) , и нарицается имя Ему: Ангел великого совета, чудный, советник, Бог крепкий, властелин, Князь мира, Отец будущего века!» (Исаи. IX.). Исаия указал и на дом Иессея, отца Давидова, из коего должен родиться Мессия, и смиренное Его на земле странствие, и грядущую славу: «изыдет жезл из корня Иессеева и цвет от корня его взыдет, и почиет на Нем Дух Божий, Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия, и исполнит Его Дух страха Божия. Земля вся исполнится ведения Господня, как море исполняется волами, и в тот день корень Иессеев восстане, как знамя, над народами; Его възыщут язычники, и будет покой Его славен.» (Исаи. XI.)

В иных стихах Богодухновенных своих пророчеств, с удивительной ясностью, раскрыл Исаия и другие черты грядущего Мессии. Говоря о суде, какой возвестит Он народам, изобразил кротость Его на земле: «не воспрекословит, нивозопиет Он, и никто не услышит гласа Его на распутьях; трости надломленной не переломить и льна курящегося не угасить, доколе правда Его не одержит победы, и на имя Его народы уповать будут.» и чтобы более удостоверить в истине своего пророчества, Исаия всегда свидетельствовался именем Божиим: «так глаголет Господь Бог, сотворивший небо и утвердивший землю.» (Исаи. XLII).

Утешая народ обещанием будущего исцеления, от всех зол, Пророк говорит: «укрепитесь руки ослабленные и колена расслабленные, утешьтесь, малодушные умом, укрепитесь, не бойтесь: се Бог наш суд воздает; Он придет и спасет нас; тогда отверзнутся очи слепых, и уши глухих услышат, тогда вскочит хромым, как олень, и ясен будет язык косноязычных.» (Исаи. XXXV, 5. 6). После сего, уже от лица Христова, произносит: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня, и послал Меня благовествовать нищим, исцелять сокрушенных сердцем, проповедать пленным отпущение, слепым прозрение, отпустить сокрушенных на свободу, проповедать лето Господне благоприятное.» (Исаи. LXI. 1. 2). «Я был явлен не ищущим Меня, обрелся не вопрошающим обо Мне; Я сказал: се есмь, народу, который не призывал имени Моего; весь день простирал Я руки к людям непокоряющимся и противоглаголяющим Мне, которые не ходили путем истинным, но во след грехов своих.» (Исаи. LXV. 1. 2).

Еще сильнее выражается Исаия, начиная, с изумительной ясностью, описывать уничтожение Богочеловека: «се уразумеет отрок Мой, и вознесется и много прославится: как ужаснутся о тебе многие! – так

обесславится от человеков вид Твой и слава Твоя от сынов человеческих; так удивятся языки многие о Нем и заградят цари уста свои; ибо те, которым не было возведено о Нем, узрят, и которые не слышали о Нем, уразумеют.» Тогда с трепетом приступает Пророк, к изображению самых страданий Господних, и предчувствуя неверие, восклицает из глубины души: «Господи, кто веровал слуху нашему и сила Господня кому открылась? Мы возвестили им Отрока, как корень в земле жаждущей; нет вида Ему, ни славы, и мы зрели Его, и не имел Он вида, ни красоты. Но вид Его умален и бесчестен, паче всех сынов человеческих, человек, в язве сущий и ведущий терпеть болезнь; все отвращают лицо свое от Него, Он поруган и вменен в ничто. Сей грехи наши носит и о нас болезнует, а мы думали, что он наказан от Бога язвой и трудом; Он же мучим был за грехи наши, и за беззакония наши терзаем; наказание нашего мира на Нем, язвою Его мы исцелили. Все мы как овцы заблудились, человек совратился с пути своего, и ради наших грехов предал Его Господь. И Он, посреди оскорблений, не отверзает уст своих; как овца ведется на заклание, безгласен, как агнец пред стригущим; в уничтожении Его совершился суд, – род же Его кто изъяснит?» (Исаи. LII. LIII.)

Пророк, который с ужасом восклицал посреди горького зрелища страданий Богочеловека: «род же Его кто изъяснит?» видел Его также «вмененного с беззаконными», как и действительно был Он распят между двух разбойников, не умолчал и о других поруганиях Христовых: «плечи Мои Я дал на раны, и ланиты Мои на заушения, лица же Моего не отвратил от стыда заплеваний, и Господь, Господь помощник Мне был; сего ради положил лицо Свое, как твердый камень и разумел, что не постыжуся, ибо приближался оправдающий Меня» (Исаи. L. 6. 7.). Читая сии слова, невольно переносишься в преторию Пилата, где воины, бив Иисуса, возложили на Него багряницу и терновый венец, били по главе тростью, и плевали на Него, и наругавшись, повели на распятие (Матф. XXVII. 27–31.)

Но, вместе с уничтожением, Пророк возвещает и грядущую славу Мессии: «се Я дал Тебя в завет рода, во свете языкам, дабы Ты был им во спасение даже до последних земли. Так глаголет Господь, избавивший Тебя, Бог Израилев: освятите уничтожающего душу свою, которым гнушаются рабы князей языческих: Цари узрят Его, и восстанут Князи, и поклонятся Ему, Господа ради, ибо верен святой Израилев, и Я избрал Тебя.» (Исаи. XLIX. 6. 7.)

Страшны видения Исаии, на все окрестные страны и города, возносившиеся некогда над Иудеей, но которые все рассыпались, как бы от

духа уст его, еще при нем или в грядущие века, и свидетельствуют нам донныне истину его пророчеств, своим опустением. Он предрек завоевателя Кира Вавилону, превозносившемуся паче кедров Ливанских, и драконов жителями его развалин, и мрежи рыбарей гордому Тиру, вместо древнего величия его пристаней, и сокрушение идолов опустошенному Египту, и запустение Моаву и Идумеи, вечным врагам народа Божия; но Иерусалиму, испытанному многими скорбями, предсказал грядущее его величие, не мирское, а духовное, ибо от Сиона должен был произойти закон и слава Господня из Иерусалима. Он видел в нем славу и полноту Церкви, собранной из всех языков, которым дастся новое имя, благословенное на земле, и в радостном восторге восклицал:» светится, светится, Иерусалим, ибо пришел твой свет и слава Господня на тебя воссияла! Се тьма покроет землю и мрак на языках; и пойдут Цари светом твоим и языки светлостью твое.,» (Исаи. LX).

Разболелся Езекия, и болезнь его была смертная; Пророк Исаия вошел в ложницу Царя и велел ему, именем Божиим, написать заветание дому своему, ибо уже не останется жив; прослезился благочестивый Царь и с умилением помолился Господу: «Господи, помяни ныне, как ходил я правдой пред Тобой и совершенным сердцем, всегда творя угодное очам Твоим.» Еще не дошел Пророк до половины двора царского, как опять было к нему слово Господне: «возвратись и скажи Езекии, вождю людей моих: так говорит Господь Бог отца твоего Давида: Я услышал молитву твою и видел слезы твои, исцелю тебя, и в третий день взойдешь в дои Мой; к годам твоим приложу еще пятнадцать лет и защищу Иерусалим от Царя Ассирийского, Меня ради и ради Давида раба Моего.» Исаия велел положить смоквы на язву; Царь просил у него знамения, во свидетельство своего исцеления; тогда Пророк предложил ему избрать одно из двух знамений: чтобы тень на солнечных часах уклонилась, вперед или назад, на десять степеней, и по слову пророческому, возвратилась на десять степеней солнечная тень. Благодарный Езекия воспел песнь Богу, его исцелившему:

«Я говорил: в высоте дней моих, сойду во врата адовы, лишаюсь остатка лет моих; я говорил: не увижу спасения Божия на земле живых, не смотреть уже мне на человека, с живущими в мире; кущу мою снимают и переносят от меня, как шатер пастуха. Как ткань, дух мой во мне, когда ткагельница приближается, чтобы отрезать; рыканью льва равнялись стоны мои до утра; так сокрушал Он все кости мои; днем до ночи Ты dokonчишь меня. Как ласточка щebetал я, стенал, как голубь; утомились очи мои, взирая на высоту. Господи! Тяжко мне; избавь меня. Не ад

исповедается Тебе; не смерть восхвалит Тебя; не нисходящие в могилу будут уповать на истину Твою! Живый, живый, – он исповедается Тебе, как я ныне; отец детям возвестит истину Твою. Господь во спасение мне и песнями нашими звучать будем, во все дни жизни нашей, в доме Господнем.»

Услышав чудное исцеление Езекии, Царь Вавилонский, Меродах-Валадан, послал к нему дары с дружелюбной грамотой, и обрадованный Езекия показал послам все сокровища дома своего, превозносясь сердцем о своих богатствах. Тогда предстал ему Пророк Исаия и сказал: «что показал ты в доме своем пришельцам Вавилонским? Внемли словам Господним: наступят дни, в которые все, что собрал ты и отец твой, в доме царском, перейдет в Вавилон, и ничего здесь не останется от всех сих сокровищ, даже сами дети ваши отведутся в плен и будут евнухами царя Вавилонского.» Смирился Езекия и отвечал Пророку: «благо слово Господне, да будет мир хотя во время моей жизни!»

Испонилось моление благочестивого Царя, мир и обилие стад, вина и пшеницы, не оскудевали в земле его, до конца царствования; он умножил сокровища палат своих и укрепил города, успевая во всех делах своих. С миром преставился Езекия и с великой славой погребен был, на почетном месте, между гробами своих предков; так воздали ему жители Иуды и Иерусалима, за его благочестие и славное царствование.

ЛIII. Плен Моначии, Аммон, благочестие Иосии. Пророки Аввакум, Софония

Недостойный сын наследовал благочестивому отцу; едва воцарился двенадцатилетний Манассия, как уже в первые годы отклонился от всех путей Езекии и Давида, жертвуя всем мерзостям языческим, которые так строго запретил Господь. Он обновил опять высокие места и дубравы, разоренные отцом, и соорудил алтарь Ваалу и всей силе небесной, по примеру Ахаава, дерзнул даже воздвигнуть алтарь идольский во дворе храма и поставил там кумир, вопреки страшных заповедей Господа. Преданный волхованиям, проводил он детей своих сквозь огонь языческих требищ, много пролил невинной крови в Иерусалиме, умертвил даже святого Пророка Исаию, и не внимал гласу пророческому, когда предсказывали ему неминуемое наказание от имени Божия: «за все мерзости идольские, какие сотворил Манассия, свыше Аммореев в Иерусалиме, и за грех, в который вовлек с собой народ свой, наведет Господь бедствия на Иуду, так что зазвенит в ушах народа, когда нечаянно грянут беды сии на него: простер Он на Иерусалим меру Самарийскую, взвесит его на весах Ахаава и сотрет с лица земли, и предаст остаток людей в руки врагов.»

Восстал и Пророк Аввакум, жалуясь на возрастающее нечестие; в страшных видениях, угрожал он Иерусалиму владычеством Халдеев, и утешал себя пришествием Мессии. Господь велел ему стать на духовную стражу и смотреть, что откроется ему вдали? Дабы потом вписать в свои скрижали; ибо его видение, обнаружится после известного времени, и Грядущий придет и не замедлит; не благоволит Господь к сомневающимся, праведник же верой жив будет; и вот молитва, которую произнес к Мессии, ожидавший его пришествия Пророк: «Господи, я услышал глас Твой и убоился, разумел дела Твои и ужаснулся; посреди двух времен Ты познан будешь, откроешься, когда наступят годы, и вспомнишь о милости своей во дни гнева. Бог от юга приидет и Святой от горы, осененной чащею; добродетель Его покрыла небеса и славой Его исполнилась земля; сияние Его как свет будет, и Он утвердит державную любовь свою; пред лицом Его предыдет Слово; – Ты изшел для спасения людей своих, спасти помазанных Тобой и сокрушить беззаконных; возрадуюсь о Господе и возвеселюсь о Боге Спасе моем.» (III).

Но Манассия не слушал слов пророческих, доколе не исполнились над ним угрозы; воевода Царя Ассирийского взял в плен нечестивого и в

оковах отвел его в Вавилон. Там, под бременем бедствий, смирился Манассия и обратился к Богу отцов своих: так молился он из глубины своей темницы: «Господи Вседержитель, Боже отцов наших, Авраамов, Исааков, Иаковлев и семени их праведного, сотворивший небо и землю, со всею красотой их, и связавший море, словом повеления своего, заключивший бездну и запечатлевший её страшным и славным именем своим, Ты, которого все боятся и трепещут, ибо никто не в силах устоять пред величием славы Твоей, и нестерпим гнев Твой для грешников, – безмерна также и неисследима милость обетований Твоих: ибо Ты Господи, вышний, благоутробный, долготерпеливый и многомилостивый, кающийся о злобах человеческих, Ты, Господи, по множеству милостей своих, обещал и определил покаяние согрешившим, для их спасения; я же более сотворил грехов пред Тобой, нежели сколько есть песка на краю моря. Умножились беззакония мои, Господи, умножились, и не достоин я воззреть на высоту небесную от множества неправд моих; я связан узами железными, так что не могу поднять главы, и нет мне отрады, ибо я навлек на себя ярость Твою, не сохранив заповедей и умножив мерзости и соблазны, и ныне преклоню колена сердца моего, требуя от Тебя милости. Согрешил я, Господи, согрешил, и знаю беззакония мои; но молю: разреши меня, и не губи с беззакониями моими, и не осуди в преисподнюю бездну; ибо Ты, Боже, Бог кающихся, и на мне яви всю благодать свою, спасая недостойного, дабы я восхвалил Тебя во все дни жизни, как поет Тебя вся сила небесная; слава Твоя во веки веков.»

Услышал Господь молитву раскаявшегося Манассии и, разрешив от плена, водворил его опять на престоле предков; тогда сокрушил он все воздвигнутые им некогда требища идольские, восстановил алтарь Господу и принес всесожжение, и заповедал всей Иудеи служить верно Богу отцов своих. – Манассия, после пятидесяти пяти летнего царствования, погребен был, с отцами своими, во гробе Давидовом. Сын его Аммон по нем царствовал два года; но и он сотворил лукавое пред Господом, по прежнему примеру отца, не подражая однако его раскаянию, и был умерщвлен руками рабов своих, в собственных палатах. Народ, отомстив его убийцам, возвел на престол восьмилетнего сына его Иосию, в котором в последний раз представилось Иерусалиму все благочестие Давида.

Иосия, будучи еще отроком, уже начал искать Бога отца своего Давида и неуклонно ходить во всех путях его, стал очищать Иудею и Иерусалим от всех мерзостей языческих; он велел вынести их храма кумир Астарты и все сосуды, посвященные Ваалу; сокрушил алтари Ахазовы и Манассиины на дворе храма, сжег колесницу и коней, посвященных

солнцу, пред вратами дома Господня, и рассеял пепел их в долине Кедронской. В восемнадцатый год своего правления, благочестивый Царь приступил к обновлению храма, пришедшего в ветхость и запустение, при нечестивых Царях; он послал вельмож своих для совета к Первосвященнику Хелкии. Левиты принесли ему серебро, собранное ими, не только от старейшин и народа пределов Иуды и Вениамина, но и в остатках колен Израилевых, и оно было отдано в руки верных приставников, для приготовления всего нужного, к восстановлению обветшавших частей здания.

В сие время Первосвященником найдена была книга закона, писанная рукой Моисея и переданная от него Левитам, для хранения при кивоте. Хелкия понес её к Царю; когда же благочестивый Царь услышал страшные слова сей книги, он разодрал свои одежды и велел Первосвященнику и вельможам своим, идти в храм, молиться Господу за него и за остаток Израиля и Иуды, ибо велик был гнев Божий против народа своего, за несоблюдение слов закона, начертанных в сей книге. Они пошли, от имени Царя, к Пророчице Олдаме, жившей в Иерусалиме, и Господь отвечал, её устами, что сбудутся все слова книги, прочитанной Царю, над Иудой и Иерусалимом, за то что оставили Бога отцов своих, для богов чуждых, но, ради смирения умилившегося Царя, бедствия сии не придут во дни его. Утешенный сей вестью, Иосия, собрал в храм Господень всех старейшин Иуды, жрецов и весь народ, от малого до великого, и став на возвышенном месте, прочел им вслух всю книгу закона, увещевая восстановить завет свой с Господом и свято соблюдать заповеди его, всем сердцем и всей душой, и народ с клятвой обновил завет отцов своих.

Тогда еще с большей ревностью приступил Иосия, к истреблению всех мерзостей языческих, в Иерусалиме и окрестных пределах Иудеи, и даже в опустевшем Израиле, на горах Ефремовых. Прежде всего сокрушил благочестивый Царь все горние места и дубравы, капище мерзостей Сидонских на горе Соблазна, в виду Иерусалима, и требища Молоха в долине Геенны, где проводили младенцев сквозь огонь, и, чтобы осквернить сами места, он посыпал их костями человеческими. Потом очистил всю область Иудейскую, от Гаваона до Вирсавии, сам раскопал в Вефиле алтарь, воздвигнутый Иеровоамом, рассеял его камни и сжег тельца, столь долго служившего соблазном для народа, и взяв кости из окрестных гробов, осквернил ими место алтаря, по пророчеству человека Божия, некогда возвестившего о том Иеровоаму; но он пощадил гроб сего Пророка и того старца, который погребал его. То же совершил Иосия и в Самарии, над мерзостями Ахаава, и там истребил всех волхвов и

гадателей.

После сего собрал он весь народ Израильский в Иерусалим, для празднования Пасхи, с точным исполнением всех обрядов, написанных в книге Моисеевой, так что от времен Самуила Пророка, ни одного раза не была столь свято празднуема Пасха. Сам Иосия наблюдал, чтобы жрецы и Левиты исполняли священный долг свой и чреду служения, во дни Пасхи и опресноков, и чтобы прежде освящены были все люди, он дал от себя для всесожжений тридцать тысяч овец и три тысячи волов. Старейшины, Первосвященник и жрецы подражали его примеру, обильным даянием жертв, и в течении целого дня до поздней ночи, священники закалали их для народа, с помощью Левитов, при пении псалмов Давидовых: Подобной Пасхи уже не было более в Иерусалиме, как и не восставало подобного благочестием Царя после Иосии, ибо Господь вспомнил все беззакония Царей Иудовых и отринул Иерусалим, избранное свое жилище.

Тридцать лет царствовал уже Иосия, когда Фараон Нахао, Царь Египетский, пошел бранью на Царя Ассирийского; Иосия вооружился против Египтян. «Что мне и тебе Царь Иуды?» послал сказать ему Фараон, «не на тебя пошел я ратью, и со мной Бог, ибо по Его внушению начал я брань; отойди, чтобы я не поразил тебя;» но не послушал его Иосия и был поражен стрелой в битве. – Чувствуя приближение смерти, он велел слугителям своим вынести себя из битвы, и они привезли его на колеснице в Иерусалим, где скончался и погребен был с предками. Весь Иерусалим и вся Иудея горько плакали о нем, и плач сей сохранился на веки, чрез Иеремию Пророка, который написал плачевную песнь.

Народ поставил Царем сына Иосии, Иоахаза, который не последовал стезям благочестивого отца. Фараон лишил его престола и переселил в Египет, избрав вместо него другого сына Иосии, Елиакима, которого назвал Иоакимом, и обложил тяжелой данью все его царство. Но и сей новый Царь не подражал примеру родителя и навлек на себя гнев Божий.

Правнуком Царя Езекии предполагают Пророка Софонию, который возвещал во дни Царя Иосии, о разрушении ветхого Иерусалима. Страшны его обличения и угрозы на город, и на окрестные народы, которым предрекал близость великого дня Господня, когда огнем ревности Его поядена будет вся земля. Но, посреди наступающих зол, он видел и обновление Иерусалима, и Господа, который рано обнаружит посреди него судьбы свои, и велит ожидать дня своего воскресения; тогда, после великого очищения земли, все будут призывать имя Господне и поработают ему под игом единым.

LIV. Пророки Иезекииль и Иеремия в царствование Иоакима и Иехонии

Последние годы храма Соломонова были важной эпохой для народа Иудейского; ибо это было последнее время, данное Богом Иудеям на покаяние. Оно было важно и для пророчества, потому что чем ближе становились погибель царства и рассеяние народа Иудейского, тем нужнее было утвердить высокие обетования Божьи, которым надлежало совершиться в этом народе, для блага всего рода человеческого. – Посему-то, среди грозной проповеди покаяния, умножились обетования, о временах лучших, о благодатном царствии Божьи новозаветном, о божественном Владыке сего царства, Мессии, и в утешение верующих восстали тогда, два великие Пророка: Иеремия в Иерусалиме и Иезекииль в Вавилоне.

Сын священника Хелкии, Иеремия, проповедыва в последние годы Иосии и в царствование трех сыновей его, последних Царей Иудиных, и наконец оплакал развалины опустевшей столицы во дни пленения Вавилонского. Еще отроком воззвал его Господь, и тщетно отрекался он: «не умею говорить, ибо я отрок;» Господь ответствовал: «не говори Мне, что ты отрок, ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, возвестишь. – Вот Я поставлю тебя над царствами и народами, да искоренишь и расточишь, и опять соберешь и созиждешь; не бойся, ибо Я с тобой и сделаю тебя как столп железный и медную стену, для всех князей и священников Иуды, которые будут против тебя и не превозмогут.» (Иер. I. 10. 12.) И всю свою жизнь страдал Иеремия от непокорных, за то, что предсказывал неминуемое разорение Иерусалима, царем Вавилонским, сбывшееся пред очами всех: таким образом близкое исполнение некоторых его пророчеств, внушало веру к отдаленным, о грядущем Мессии, который, по словам его, должен был воцариться над искупленными племенами Иуды и Израиля, и о новом завете Бога с человеками. Так говорил Пророк, именем Божьим: «вот наступают дни, в которые Я поставлю с домом Израилевым новый завет; Я вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их, и буду их Богом, а они будут Моим народом, и не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа, потому что все, от малого до великого, будут знать Меня.» (Иерем. XXXI. 31. 34.).

Его же устами жаловался Господь на Иерусалим, как жалуется любящий супруг на оставившую его супругу, обличая её неверность,

напоминал все свои благодеяния, чтобы почувствовал народ справедливость наступающей казни, если не обратится, и утешал грядущим спасением избранных остатков. Но убеждения Пророка оставались тщетными; не внимал им народ, обольщаемый лжепророками, хотя во дни засухи и голода, теплые молитвы воссылал Иеремия за неблагодарных сограждан; даже единоплеменные ему жители селения Анафофа искали его смерти. Однажды Иеремия разбил сосуд скудельный в знамение того, как сокрушит Господь Иерусалим, и в преддверии храма предсказывал ему близкую гибель. Там, один из священников, ударил Пророка, и посадил в темницу; но Иеремия не умолк и предсказал скорую смерть ударившему его жрецу. Он явился в палатах царских, чтобы обличить беззаконие Иоакима и сказать о пленении сына его Иехонии. Тщетно предварял он Царя, не ратовать против Навуходоносора, которому Господь предал на время Иерусалим: Царь и священники наложили руки на Пророка и приговорили к смерти; одно только заступление князей и народа спасло его; но другой Пророк, именем Урия, предвещавший те же бедствия Иерусалиму, умерщвлен был по воле Царя. – Иеремия передавал устно свои пророчества Варуху, который записывал их, и читал вслух всего народа, ибо Пророк сидел в темнице; когда же Царю читали книгу страшных его предсказаний, он каждый прочитанный лист бросал в огонь, но Иеремия повторил те же слова Варуху, и они исполнились.

В течении одиннадцатилетнего правления, Иоаким непрестанно был тревожим набегами Халдеев и Сириян, Моавитян и Аммонитов, древних врагов Израиля, которых попускал Господь, в отмщение за невинную кровь, пролитую в Иерусалиме, и за все мерзости идолослужения. Три года был Иоаким данником Навуходоносора и отложился от него, не задолго до своей кончины; но за то сын его Иехония не царствовал более трех месяцев. Навуходоносор, покоривший Египет и все окрестные страны, подступил и к Иерусалиму, взял в плен вышедшего к нему Царя, с его семейством и всеми старейшинами, и овладел сокровищами храма Господня. Одни только убогие остались в Иерусалиме, и над ними поставил он Царем дядю Иехонии, Седекию; но и сей прогневал Бога своими беззакониями, в течении одиннадцатилетнего царствования.

Иеремия сравнил пленных Иудеев и оставшихся в Иерусалиме, с двумя корзинами смокв, из коих худшие означали оставшихся в Иудее на новые бедствия; а лучшие – взятых в Вавилон, которые там обретут спасение и возвратятся чрез семьдесят лет. – Подобно как Иеремия поддерживал дух осажденных, обетованием грядущего собрания расточенных узников, восстановлением нового Давида в людях, которые

взыщут и обретут опять своего Бога: так утешительно возбуждал дух пленников Вавилонских Иезекииль, священник и Пророк.

Откровения его начались в Месопотамии, на водах Ховарских, в пятое лето переселения Царя Иехонии, когда еще держался Иерусалим, и продолжались не менее двадцати двух лет. Как некогда Пророк Исаия, так и Иезекииль, воззван был к пророчеству видением славы Божьей, в образе мужа, сидящего на престоле, под которым представлялись: твердь небесная и, на огненных колесах, движимых духом, дивные образы животных шестокрылатых, многоочитых, с четырьмя ликами, орла, тельца, льва и человека, которые даны Церковью символами Евангелистам. Пророк видел их стоящих лицом на все страны и повсюду стройно идущих и возносящихся над землей; видел и таинственную книгу, всю исписанную плачем, которую дал ему вкусить Ангел, и вкусив он нашел её сладкой.

Пророк поставлен был на духовной страже своего народа, с страшным предварением, что если не обличит нечестивых, на нем взыщется кровь их, если же обличит и не послушают, спасется душа его. Первые его предсказания были на Иерусалим, которому, в символических видах, начертал он заочно последнюю его осаду Халдеями, еще прежде её начала, и счел, тремя стами девяносто таинственными днями неправд дома Израилева, годы самого святилища, приближавшегося к разрушению, по грехам народа. Если началом сих неправд Израилевых назначить отступление Иеровоамово и, после разорения Самарии, включить в тоже продолжение времени, сорок лет неправд Иудиных, после обретения книги закона Царем Иосией, то составитя полное число трехсот девяносто лет, – В разительных символах представлял Пророк грядущую судьбу города, храма и народа.

То велит ему Господь, острым как бритва мечем, обрить волосы головы и бороды, и часть их сжечь среди города, чтобы изобразить погибель народа в городе во время осады; часть изрубить мечем, в знамение тех, которые падут в сражениях с неприятелем; часть рассыпать по ветру, то есть бегствующих; остальную же часть связать и бросить в огонь, чтобы означить новые бедствия остатков народа Иудейского: ибо Господь хотел взыскать все беззакония людей своих, сокрушить идолослужителей и опустошить землю их, так что ужас на ужас постигнет град, исполненный кровью невинных. (V). То некий дивный муж, весь горящий пламенем, в духе, переносит Пророка к преддверию храма Иерусалимского и показывает внутри его всякие мерзости идолов и животных изваяний, которыми прогневали сыны Израилевы Бога отцов своих, и грозит им за сие отмщением. Но, посреди обреченных на гибель,

Господь велит другому таинственному мужу, в льняной одежде, пройти по всему Иерусалиму и начертать на челе тех, которые сокрушаются о грехе народа, крестообразную Еврейскую букву таф, которая послужит для них залогом спасения в день суда, долженствующего начаться со святилища. И в ином видении, тот же муж, в льняной одежде, взяв горящие угли, из под колесницы Херувимов, на коих восседала слава Господня, рассыпал их над Иерусалимом, и шум крил Херувимских, раздался как глас самого Бога в храме, исполненном облака и сияния, и повторилось Пророку тоже дивное видение, какое видел он, в начале своего призвания, на водах Ховарских; тогда страшные угрозы и обличения истекли, из уст Иезекииля, на старейшин, на Царя и на лжепророков, совращавших народ обещанием мира, когда напротив предстояли ему всякие язвы и гибель, в наказание за неблагодарность к чрезвычайным благодеяниям Божьим. (VIII. IX. X.)

Пророк изобразил еще неверность и падение Самарии и Иерусалима, под другой притчей двух сестер Ооллы и Оолливы, которые предали себя всякого рода беззакониям, с окрестными народами Ассирии и Египта, и от них же самих получили достойную казнь. По словам его Иерусалим будет как заржавленный котел, исполненный всякого мяса, крови и костей, кипящий на огне и не могущий, даже огнем, очиститься от своего нечестия. (XXIII. XXIV.)

Но, сокрушая, страшным предсказание наступающих зол, Иерусалим, Пророк поражал словом уст своих и окрестные народы, Аммонитян и Филистимлян, Моавитян и Идумею; говорил пышному Тиру, гордившемуся кораблями всемирной торговли, что его опустевшую пристань изберут себе рыбаки, для сушения мрежей, и в плачевной песне сравнил настоящее величие Тира с будущим его запустением. Не лучшей участи обрекал он, не менее горделивый Сидон, и всю надменность Фараона, Египетского змия, возлегшего посреди волн реки своей и возмущавшего собой воды. – Вавилону предавал Господь Египет, и день страшной гибели возвещал ему Иезекиль, плачевной песнью, подобно как Тиру и Сидону. Поставленный на страже дома Израилева, в обличение злым его пастырям, он предвидел также и благого Пастыря, самого Господа, грядущего в свое время, изыскать овец своих, заблудившихся по всем горам и долинам, чтобы опять возвратить их на тучные пажити Израиля и исцелить от всех язв, исполнить их благословениями и быть их Господом. (XXXIII. XXXIV.)

Пророк созерцал и будущее воскресение всех мертвых дома Израилева, в дивном видении оживленных костей: «на мне была рука Господня и духом Господним извела и поставила меня среди поля,

полного костей человеческих, и обвела окрест них, и много их было на лице поля и сухи все. Дух рек ко мне: сын человеческий, оживут ли кости сии? – и я отвечал: Господи ты знаешь! И снова голос: сын человеческий, прореки на кости сии и скажи им: кости сухие, услышьте слово Господне, се глаголет Адонаи Господь костям сим: дух жизни вдохну Я в вас и дам вам жилы, и наведу на вас плоть, и простру по вас кожу, и дам вам Дух Мой, и оживете и узнаете, что Я Господь! И я прорек, как заповедал мне Господь, и, вместе с моим глаголом, был глас и землетрясение, совокуплялись кости, кость к кости, каждая к своему суставу; смотрел я – и явились на них жилы, и плоть росла, и простиралась сверху кожа, но в них не было духа. Ко мне был голос: прореки о духе, прореки, сын человеческий и скажи духу: так глаголет Адонаи Господь: от четырех ветров прииди дух и дохни на мертвых сих, да оживут! И я прорек, как заповедал мне Господь, и взошел в них дух жизни, и ожили все, и стали на ногах своих – собор многочисленный. «Сын человеческий возвестил еще, именем Адонаи Господа, что освятится великое имя Господне, оскверненное между язычниками, и дастся народу избранному дух новый и сердце новое, плотяное вместо каменного, и очистится он от всех грехов своих; совокупятся опять Иуда и Израиль, под единым Пастырем Давидом, с которым утвердится завет вечный, и слава Господня воссияет между всеми народами. (XXXVII.)

LV. Последний Царь Седекия, разорение Иерусалима, плач Иеремии

При начале царствования Седекии, лжепророк Анания хотел польстить ему тщетными надеждами, обещая скорое возвращение Иехонии; но Иеремия обличил его неправду и предсказал самому близкую смерть, которая случилась в том же году, а Царю не переставал внушать, именем Божиим, покорность Навуходоносору. Он написал также убедительное послание к пленникам Вавилонским, чтобы не обольщались ложными пророчествами, но обратились бы к Богу отцов своих, на месте нового жительства, ибо прежде назначенного срока не окончится плен их: тогда только освободится Израиль и обновится храм Господень. С такой уверенностью предсказал о том Иеремия, что в последнюю осаду Иерусалима, когда сам находился в заключении, он купил себе заочно поле в опустошенных окрестностях, в свидетельство того, что не перестанут Иудеи обладать землей предков. Пророк возбуждал Царя и старейшин соблюдать святость года субботнего, отпущением рабов, по заповеди Моисеевой; но они, последовав сперва его совету, раскаялись потом в своем повинении, и Господь опять грозил, устами Иеремии, предать послушников закона в руки врагов, а город запустению.

В девятый год царствования Седекии, Царь Вавилонский осадил Иерусалим, и два года продолжалась осада; когда же весть, о нечаянном вооружении Египтян, на время отвлекла Халдеев от стен города, пробудилась надежда в сердце Седекии. Он послал просить Иеремию, помолиться о нем Господу; но Пророк не велел ему обольщаться тщетной надеждой, ибо удаление Халдеев будет кратковременно, и они необходимо сожгут Иерусалим. Пользуясь отступлением неприятеля, Иеремия хотел посетить родину, но был остановлен во вратах города и посажен опять в темницу старейшинами, которые осыпали его поруганиями, за горькие для них предсказания. Царь освободил его и спросил втайне: не имеет ли к нему какого слова от Господа? – «имею, отвечал он, ты будешь предан в руки Царя Вавилонского. Где лжепророки, уверявшие вас, что не придут Халдеи? За что же бросили меня в темницу? Об одном умоляю, не вели бросать меня в ту, из которой извели.»

Тронулся Царь и велел содержать узника в преддверии темницы, снабжая его пищей; но старейшины убеждали Седекию умертвить Пророка, за то, будто бы, что возмущает дух народа, своими предсказаниями о неминуемой гибели, и советует покориться халдеям.

Малодушный Царь выдал им Иеремию и они опустили его в безводную яму, полную тины; но евнух царский, Ефиоплянин Абдемелек, сжалился над узником, и за то был сам пощажён в день падения Иерусалима. Он умолил Царя извлечь Пророка из смертоносной ямы, и втайне просил его Царь открыть ему истину. «Если я скажу правду, ты умертвишь меня и не последуешь моему совету,» отвечал Иеремия; когда же Царь обещал клятвенно пощадить его, Пророк сказал Седекии, что если он добровольно покорится Царю Вавилонскому, то сохранит себя и город; а в противном случае погубит обоих, и семейство его предано будет в руки врагов. Царь умолял Пророка сохранить втайне сказанное ему слово, потому что сам боялся народа, и велел опять содержать Иеремию в преддверии темницы.

Во второй год осады, изнурился голодом Иерусалим, ибо неприятели окружили его, со всех сторон, окопами и никто не мог выходить за ограду; наконец воеводы Царя Вавилонского ворвались в город, чрез широкий пролом стены, и бежали пред ними ратные люди. Седекия, не видя ни отколы спасения, вышел ночью из города, чрез виноградники царские, с семейством и некоторыми вельможами, вопреки слову пророческому; он хотел укрыться в пустыне, но был схвачен в полях Иерихонских и приведен в Эмаф к Царю Навуходоносору. Победитель укорил пленника, за нарушение верности, и произнес над ним страшный приговор: все его дети и старейшины умерщвлены были пред его глазами, и потом ему самому выкололи глаза, бывшие свидетелями стольких бедствий. Седекия окончил жизнь в темнице Вавилонской; но племянник его, прежний Царь Иехония, после долголетнего заточения, разрешен был от уз и возвеличен над всеми пленными властителями, которые содержались в Вавилоне. Навуходоносор, умертвивший князей Иудовых, не пощадил и Первосвященника Сарая, с старшими жрецами и Левитами; все они преданы были смерти пред его глазами, но Царь велел отпустить с честью Пророка Иеремию и дать ему все, что пожелает.

Тогда воевода Навузардан исполнил над Иерусалимом страшную, давно предсказанную казнь: разрушил стены и бойницы и не пощадил ни дома Царева, ни дома Божия; все было предано огню и запустению; погибло великолепное святилище Соломоново, существовавшее четыреста двадцать три года; Халдеи сокрушили медные столпы его и все драгоценные украшения, и унесли с собой в Вавилон золотые и серебряные сосуды, и прочую утварь. Посреди сего страшного опустошения безмолствует книга царств, о участии кивота Божия, который был залогом грядущего Мессии, и быть может, не без особенной таинственной причины, она осталась для нас глубокой тайной. Есть

однако же предание, в книгах Маккавейских, что Пророк Иеремия, по внушению Божию, взял из храма кивот и алтарь кадильный, и укрыл их в пещере той горы, с вершины коей Моисей обозрел, пред смертью, наследие Израилево. Никто, после него, не мог найти сей потаенной пещеры, ибо, по словам Пророка, святыня кивота должна храниться втайне, до дня, когда Господь осенит её опять облаком славы, как в дни Моисея и Соломона, при сооружении скинии и храма.

Воевода Навуходоносора переселил пленных Иудеев в Вавилон, оставив только виноградарей и земледельцев, в разоренной столице, и поставил над ними начальником Годолию, который поселился в Масифафе. По приказанию Царя предложено было на произвол Иеремии, идти в Вавилон или оставаться в Иудее, но Пророк предпочел убожество родины почестям Вавилонским. Мало по малу стали собираться старейшины и рассеявшийся народ, под кроткое правление Годолии, который позволял им пользоваться плодами полей своих, когда внезапно, по внушению Царя Аммонитского, Измаил, происходивший сам от рода царского, умертвил слишком доверчивого Годолию, убил также и всех бывших с ним Евреев, Халдеев и пришельцев Галилейских; но Иоанан, сын Кореев, вооружился, с другими военачальниками, против Измаила и принудил его бежать к Аммонитам. Тогда остатки народа Иудейского, с своими старейшинами, решились удалиться в Египет, опасаясь мщениа Халдеев за убийство воеводы, и обратились к Пророку Иеремии, чтобы он помолился о них Господу и открыл им путь спасения. Помолился Пророк, и чрез десять дней ответствовал: что если побегут в Египет, там ожидают их голод, язва и меч, которых напрасно страшатся на родине, если только будут доверять Богу отцов своих.

Но старейшины не послушали Пророка, подозревая, что он хочет предать их в руки Царя Вавилонского, по внушению Варуха, который излагал на хартии слова его; они силой повлекли обоих в Египет, вместе с остатками царского племени и уцелевшим народом. Тогда, уже в пределах Египта, Господь велел Пророку объявить непокорным, что меч Вавилонский их настигнет в стране чуждой, и что поражена будет вся земля Египетская, исполненная идолослужением, и сам Фараон погибнет подобно Седекии. Страшно было видение Пророка на Египет, на который накликал он полчища Вавилонские: «возьмите оружие и щит, идите на брань, оседлайте коней, стремитесь всадники в шлемах и напрягайте копыя, не утечет пред вами легкий и не устоит крепкий: как волны речные возмутится Египет, ибо день сей, день отмщениа Господня.» (XLVI.)

Пророк предвидел и разорение Филистимлян, тем же Царем, слышал

издали страшный вопль Моава, проклятого ради нечестия, сокрушенного во всех городах своих; внял и падению Аммонитов, Идумеев, Сириян, Эламитов, к подножию престола Навуходоносорова; но, после всех сих побед, открыта была Пророку и гибель самого Вавилона: «возвестите о том во всех народах, восклицал он, пленен Вавилон, смутился Вил и сокрушились все его изваяния; ибо народ пришедший с севера, обратит его в пустыню, и тогда окончится плен сынов Израиля, и они опять будут искать правый путь к Сиону, обращая к нему взоры свои, как заблудшие овцы, долго скитавшиеся по горам, и уже не нарушится более завет их, обновленный с Господом. Вавилон, как чаша золотая в руке Господней: из нее пили все народы земные, и упоенные возшумели, и внезапно пал Вавилон, ибо не было врачевания его закосневшим болезням.» (LI.)

Пророк заблаговременно написал страшные свои предсказания на Вавилон и вручил их шедшему туда сыну Нирину, еще во дни Седекии. Он велел их прочесть вслух пленников Иудеских, а потом бросить хартию, с камнем, в волны Евфрата, в знамение того, как потоплен будет Вавилон, в бездне зол своих, и уже не воспрянет. Иеремия написал от себя и утешительное послание к пленникам, до разрушения Иерусалима; когда же пала столица, под мечем Навуходоносора и исполнились страшные предсказания, горько плакал он, как человек, над городом, который не мог спасти, как Пророк.

«Как одиноко сидит град многолюдный? Сильный в языках, ныне стал вдовою; владевший странами сам под данью.»

«Плачем плачет он ночью и слезы его на ланитах его; нет утешителей из числа любивших, все дружившиеся с ним его отверглись и стали ему врагами.»

«Пути Сионские рыдают, ибо нет по ним ходящих в праздник; врата его разорены, жрецы вздыхают, уведены девицы и сам он о себе крушится.»

«Все проходящие путем, ах! Обратитесь и посмотрите: есть ли болезнь подобная моей болезни?»

«Как омрачил Господь, во гневе своем, дочь Сиона, и свергнул с небес на землю славу Израилеву, и не помянул подножия ног своих, в день отмщения?»

«Как ратник, он напряг лук свой, утвердил десницу свою, как сопротивник, и все красное для глаз моих избил в селениях дочери Сиона.»

«Господь забыл праздники и субботы, сотворенные им в Сионе, отринул жертвенник, потряс святыню, обратился рассыпать стены дочери Сиона, протянул меру, не отвратил руки от сокрушения;.. изнемогла

ограда, врата её врастают в землю, Царь и князья в иноплеменных, нет более закона и Пророки не видят от Господа видений»

«Сели на землю, умолкли старейшины дочери Сионской, посыпали пеплом главу свою, препоясались вретищем.»

«Очи мои оскудели от слез, смутилось сердце, излилась на землю слава моя, когда погибли младенцы и сосущие на стогнах града, когда мечем изливались их души на лоно матерей.»

«Что о тебе засвидетельствую и что уподоблю тебе, дочь Иерусалимская? Кто спасет тебя и кто утешит?»

«Восплескали о тебе руками все мимоидущие, посвистали и покивали главами о дочери Иерусалимской; они спросили: сей ли град венец славы, веселие всей земли?»

«Да возопиет сердце твоих ко Господу; стены Сионские, как источники водные, да изливают слезы день и ночь. Не предавайся покою и да не умолкнет от слез зеница очей твоих.» (Пл. I. II).

Когда же совершился наконец решительный суд над Иерусалимом, храм Соломонов был сожжен, прекратилось законное богослужение и горечь Иудеев доходила до отчаяния, потому что в прежних наказаниях имели они утешение во святом храме: в сие то безнадежное время, когда уже отвержение казалось окончательным, Господь избирает, между пленниками, Иезекииля, ведет его, в духе, в опустошенный Иерусалим, на развалины и пепелище храма, показывает ему целый храм, его устройство, размеры, законы, присутствие в нем славы Божьей, и повелевает тайновидцу, посредством повествования, показать прочим Иудеям сие величественное, утешительное зрелище, которого не могли они видеть обыкновенными глазами. «Ты же, сын человек, покажи дому Израилеву храм,» т. е. скажи дому Израилеву, что храм Божий не в конец разорен, что можно его увидеть в духе, хотя и нет его для очей телесных, что над развалинами его носится его таинственный образ, что там уже идет дело о его размерах, устройстве, а сие бывает тогда, когда готовятся созидать новый храм, что следственно есть надежда видеть новый храм Господень и есть надежда Иудеям быть опять народом Божьим, потому что Бог не станет созидать безлюдный храм. «Покажи храм,» говорит Господь, но не просто, не для одного любопытства или утешения, но для того, чтобы сие видение произвело в видящих действие сильное и решительное,» и да престанут от грехов своих.» (XL).

И не только один храм показал Господь людям своим, чрез дивное видение Пророка, но и разделил опять землю Израилеву между двенадцатью коленами, назначив участки Левитов и князя, в не менее

таинственном видении, и воссоздал новый Иерусалим, с именами каждого колена над его вратами, и с того дня град сей должен был получить спасительное название: «Господь в нем.» (XLIII).

LVI. ТОВИТ

Ко временам пленения Вавилонского, или несколько им предшествовавшим, относятся, две книги Священного Писания, Товит и Иудифь, которые не находясь в Еврейском тексте, хотя и не имеют определенности исторической, однако назидательны по своему содержанию, представляя пример спасительного благочестия и благочестивого мужества. Товит, из колена Неффалимова, строгий ревнитель закона Моисеева, когда соплеменники его отступили от истинного Бога, был уведен в плен, с братьями своими, Салманасаром, Царем Ниневийским, и принужден, при сыне его Сеннахириме, укрываться от преследований нечестивого Царя, потому что погребал тела избиенных им и чрез то лишился имущества. Только, после смерти царя, возвратился Товит к своему семейству, по ходатайству племянника своего, царедворца Ахиахара, как сам он рассказывал свою трогательную повесть.

В праздник Пятидесятницы, устроил Товит радостное пиршество, по случаю возвращения, и послал сына своего, Товию, пригласить к себе нищую братию; но сын пришел сказать ему, что труп одного из единоплеменников их повержен на торжище. Товит, еще не коснувшись яств, встал из-за пиршества, поспешил до захождения солнца, внести тело в некий дом, и похоронил оное вечером, не смотря на ропот близких своих, которые напоминали ему, что уже однажды пострадал за подобные дела милосердия. В ту же ночь праведник искушен был, подобно Иову, тяжким испытанием, для большего прославления; он лег отдохнуть под стенами дома своего, с открытым лицом, и лишился зрения, от нечистоты, которая, из гнезда воробьиного, упала прямо ему на глаза. Вместе с слепотой пришло к нему опять убожество; сперва питал его племянник царедворец, а потом жена его Анна, трудами рук своих, но Товит боялся милостыни, чтобы не была она приобретена неправым путем.

С теплой молитвой обратился он, из глубины болезненного сердца, к Богу отцов своих, помянувшему все их беззакония, и просил разрешить его от тяжелой жизни. В тот же час, с такой же молитвой, обратилась к Господу, в Мидийском городе Экватанах, другая труженица Сарра, дочь Рагуилова, которая уже семь раз обручена была с юношами своего племени, и всякий раз избивал их лукавый демон, в брачной её ложнице. По молитве Товита и Сарры послан был от Бога, друг человеков, Ангел Рафаил, исцелить болезни и печали обоих.

Товит, готовясь к смерти, вспомнил о деньгах некогда им

данных в займы, одному из жителей Мидии, по имени Гаваилу; он призвал сына, поручил ему мать, заповедал свыше всего памятование о Боге, милостыню и чистоту, заклинал его избрать себе, подобно Исааку, супругу из своего племени, и вручив ему расписку в десяти талантах, для получения их с Гаваила, велел прежде, нежели собратся в путь, найти себе опытного руководителя. Тогда Ангел Рафаил представился юному Товии, в виде спутника, и приведенный им к старцу приобрел его доверенность, назвав себя Азарией, сыном одного давнего его знакомца. С благословением отпустил их Товит, и со слезами Анна, не надеявшаяся более увидеть сына; но старец утешал её, как бы предчувствуя, что Ангел сопутствует сыну.

Вечером достигли путники берегов Тигра, и когда Товия хотел омыться в реке, большая рыба устремилась на него из воды, но, по слову Ангела, он взял её невредимо, извлек на землю, и вынул из нее сердце, печень и желчь, которые в последствии послужили ему, для спасительного употребления. Путники пришли в Экватаны и остановились, у сродника Товии Рагуила; там Ангел предварил юношу, что во исполнение заповеди отеческой, будет просить в супружество для него дочь Рагуилову, Сарру, и успокоил Товию, которого смущала бедственная участь женихов её, что не прикоснется к нему демон, если в брачной ложнице, с верой и молитвой, сожжет на фимиамнике часть сердца и печени, дивно уловленной им рыбы.

С радостью принял Рагуил предложение Ангела, но не хотел утаить от юноши предстоявшей ему опасности, и после вечери, со слезами и надеждой на Бога, отпустил дочь в брачную ложницу. Там исполнил Товия повеленное Ангелом и бежал дух лукавый; молитвенно провели ночь новобрачные, и на утро родители невесты, со страхом, послали рабыню к дверям ложницы, тайно узнать, жив ли жених? чтобы, в случае его смерти, без молвы предать тело земле, ибо и гроб уже был приготовлен, по несчастному примеру первых семи. Велика была радость Рагуила и жены его, когда узнали, что на сей раз помиловал их Господь, и они благословили Бога, обильным изливанием признательного сердца. Две недели праздновали радостное супружество, и Рагуил отдал, еще при жизни своей, пол имения зятю, который зная, как считает престарелый отец его все дни и часы разлуки, не хотел долее медлить; дорожа каждым мгновением, он, даже во время брачного торжества, посылал небесного своего спутника, за десятью талантами, и получил их с должника. С молитвой и благословением отпустил дочь свою и зятя, Рагуил и жена его Эдна, снабдив их богатыми дарами.

Когда приближался к дому родительскому Товия, Ангел велел ему ускорить шествие, прежде его супруги, и помазать желчью очи родителя. Нежная мать сидела во вратах дома, смотря в даль, на дорогу, по которой надлежало возвратиться её сыну, и еще издали его увидев, воскликнула к старцу: «вот сын мой и с ним его спутник!» Она устремилась в объятия сына и оба плакали от радости, на вые друг друга; и слепой старец хотел поспешить на встречу желанного сына, но споткнулся на пороге; Товия поддержал отца. Едва помазал он очи его, как внезапно истребилась болезнь их и Товит увидел сына своего; со слезами бросился он в его объятия и благословил Бога отцов своих, который наказал его и помиловал. Еще более умножилась радость родителей, когда увидели они свою невестку; все присные их приняли участие в семейном пиршестве.

Благодарный Товит хотел достойно вознаградить верного спутника и согласился, вместе с сыном, отдать ему половину приобретенного имущества. Но небесный путеводитель открыл им, что он Рафаил, один из семи Ангелов, приносящих Богу молитвы святых, и что Господь, приняв чрез него молитву и милостыню Товита и Сарры, послал его исцелить их, ибо милостыня избавляет от смерти. Тогда, успокоив смятенных, небесный житель велел им благословлять во веки имя Божье и скрылся от их взоров, а Товит излил душу свою пред Господом, молитвенным исповеданием всех его благодеяний. Он достиг глубокой старости, посреди обилия благ земных, окруженный многочисленным семейством, которому возвестил грядущее, в час своей блаженной кончины.

LVII. Иудифь

Происшествие Иудифи, вдовы из колена Симеонова, которая избавила от изнурительной осады отечество свое, город Ветилую, можно отнести ко времени пленения Манассии, Царя Иудейского, при первом Навуходносоре. Царь Ассирийский, покорив все окрестные страны, послал военачальника своего Олоферна, с многочисленным воинством, довершить еще покорение некоторых народов ему неподвластных, на запад от Ниневии, его столицы. Опустошены были Месопотамия, Сирия и Аравия, ужаснулись Тир и Сидон, и города Филистимские, и послали к нему избранных мужей, с словом подданства. Устрашились и сыны Израилевы, недавно возвратившиеся из плена; Первосвященник со старейшинами наложили пост и вретнице на весь Израиль, и с молитвой обратились к Богу отцов своих; а к жителям Ветилуи, что близ долины Эдрелонской, писали, чтобы они старались укрепить против неприятеля горные проходы.

Разгневался Олоферн, услышав о сопротивлении сынов Израилевых и, превозносясь силой своего оружия, не хотел послушать совета вождя Аммонитского, который предварял его, чтобы не напал на избранный народ Божий, доколе сам Бог не предаст ему народ сей, по какому-либо заслуженному наказанию. Олоферн велел выдать докучливого советника, презренным по его мнению неприятелям, и Ахиор, взятый в плен под стенами города, объявил о замыслах вождя Ассирийского, который между тем подступил, со всеми полчищами своими, к Ветилуи. Он стал на источниках, отколе пользовались водой жители, и томили их жаждой, в продолжении тридцати четырех дневной осады, так что граждане, истощив свои водные запасы, падали от изнеможения на улицах. Уже начинали говорить о сдаче, и собирался для сего народ к старейшине Озии; но он убеждал граждан потерпеть еще мужественно пять дней, в ожидании, не будет ли какой помощи от Господа.

Была в Ветилуи некая вдова, именем Иудифь, мудрая, прекрасная лицом, святая жизнью, которая проводила время вдовства своего в посте и молитве, и пользовалась общим уважением. Услышав о малодушии народа и совещании, бывшем в доме Озии, она призвала к себе старейшин и, укорив их за то что, назначением срока, хотели как бы искушать Господа, напомнила им прежние благодеяния Божьи, избранному своему народу. Старейшины исповедали пред ней вину свою и просили умолить за них Господа, чтобы наполнились иссохшие рвы дождевой водой. Но Иудифь

решилась искать спасения их иным средством, с помощью Божьей, и требовала себе только свободного выхода из городских ворот, без всякого предварительного испытания о её намерении, со стороны старейшин.

Тогда, посыпав пеплом голову, воззвала она к Богу отцов своих, защитнику немощных, спасителю безнадежных, чтобы воззрел на гордость Ассирийскую, и укрепив хитростью слабую жену, сокрушил её рукой, всю их гордыню, во свидетельство грядущим родам, о славе Бога Израилева. Восстав от молитвы, Иудифь сбросила с себя одежду вдовства своего, облеклась в одежду веселия, какую носила при жизни супруга своего Манассии и умножила природную красоту драгоценными украшениями. В сопровождении верной рабыни, которая несла за ней малый запас пищи, подошла она к вратам города, где сидели старейшины, и они едва узнали её: так изменила вид её светлая одежда. С благословением отпустили они мужественную жену из города, и еще долго на нее смотрели вдаль, доколе не скрылась от взоров их в долине.

Дошедши до первой стражи Ассирийской, Иудифь сказала воинам, что имеет слово к их воеводе, которому хочет предать город, и воины, изумленные её красотой и разумными речами, провели её, по всему стану, до шатра Олофернова. Воевода Царский, окруженный всей роскошью Востока, отдыхал в шатре, на драгоценном ложе, и подобно воинам удивился красоте жены Еврейской, которая бросилась к его ногам. Он поднял её, с ласковым словом, обещая милость свою, и спрашивал о причине её прихода. В хитрой, но сладкой речи, рассказала Иудифь, о бедственном состоянии города: как оскудение пищи довело граждан, до нарушения закона о запрещенных яствах, и что сами десятины и начатки, посвященные Господу, не будут пощажены ими, если только получают на то разрешение из Иерусалима; что по сему она, исполненная благочестивого страха, оставила нарушителей закона, неминуемой судьбе их, ибо предвидела наказание, которое за тем последует; так некогда и Ахиор, вождь Аммонитский, говорил Олоферну, что народ Израильский тогда только предается в руки врагов, когда подвергается гневу Божию. «Господь послал меня к тебе, продолжала Иудифь, чтобы совершить с тобой славное на земле; но позволь мне, пребывая в стане твоём, выходить однако, днем и ночью, в соседнюю дёбрь, для поклонения Богу моему, доколе не возведу тебе определенного времени, когда поведу тебя путем победы, прямо в Иерусалим.

Пленился Олоферн сладкой речью чудной женщины еще больше нежели её красотой, и обещал ей, если исполнит то, что сказала, что Бог её будет его Богом, сама же она прославится в доме Навуходоносора и по

всей земле. Он велел ввести её в отдельный шатер, где хранились его сокровища, и там предложил ей обильные яства и вина; но Иудифь отказалась от всякой другой пищи, кроме той, которую принесла с собой, и уверяла, что пищи сей довольно будет до того времени, когда Господь исполнит её рукой то, что Им предопределено. С дозволения воеводы она вышла на заре из стана, на молитву, и так продолжала действовать в течении трех дней. На четвертый день Олоферн сделал пиршество своим приближенным, и послал евнуха пригласить жену Еврейскую; повиновалась Иудифь, но и на пиршестве не вкушала иной пищи, кроме своей, а воевода, упоенный страстью, упился еще и вином до бесчувствия.

Наступила ночь и разошлись участники пира; евнух опустил полы шатра, в котором Иудифь осталась одна с рабыней и спящим Олоферном; она выслала рабыню, велев ей ожидать обычного её выхода на молитву, и в уединении возвала о помощи к Богу отцов своих. Тогда, сняв меч Олоферна, висевший на столпе у его изголовья, взяла одной рукой спящего за волосы, другой же дважды ударила, со всей силой, по вые его, воскликнув: «укрепи меня в день сей, Господи Боже Израилев!» и отсекала голову Олоферна; она вложила её в мешок рабыни своей, в котором обыкновенно носила с собой пищу, без всякого подозрения вышла из стана и, пройдя долину, поднялась на гору ко вратам города. «С нами Бог, отворите врата» сказала Иудифь стерегущим; привратники, не веря собственным глазам, призвали старейшин, и они впустили обеих жен, при свете факелов. Тогда Иудифь велела им благословить Бога Израилева, сокрушившего её рукой врагов, и показала им голову Олоферна; все ужаснулись и, падши на землю, благословили и крепкую жену, которая готова была пожертвовать жизнью за свой народ.

Но смиренная Иудифь, не превозносясь своей победой, помышляла только о её довершении; сперва призвала она пленного Ахиора и, показав ему голову воеводы Навуходоносорова, возбудила в нем веру в Бога Израилева; потом велела повесить голову сию на городской стене, а воинам выйти в поле, как бы на битву, чтобы возбудить и исполнить ужасом стан Ассирийский, когда военачальники, собравшись к шатру Олофернову, найдут его обезглавленный труп. Все исполнилось по мудрому совету Иудифи. Стража Ассирийская дала весть в стан о вылазке осажденных; военачальники потребовали от евнуха, чтобы разбудил вождя их Олоферна и, с воплем отчаяния, нашли один обезглавленный труп его в опустевшем шатре; смятение распространилось по стану, все бежали в горы и долины; жители Ветилуи преследовали бегущих и, поразив множество их, возвратились с добычей; шатер Олоферна и все его

сокровища отданы были Иудифи. Первосвященник со старейшинами пришли благословить её, из Иерусалима, и жены Израильские, украшенные цветами, составили вокруг неё лики; она сама, увенчанная маслиной, шла впереди ликующих и исповедала, в пламенной молитве, славу Бога Израилева. Иудифь посвятила Господу всю дарованную её добычу, и достигла глубокой старости, в отечестве своем, окруженная любовью и уважением спасенных ею сограждан.

LVIII. Отрочество Даниила, сон Навуходоносора. Сусанна

Еще одного великого Пророка восставил Господь, для утешения пленников Вавилонских, в семидесятилетнее продолжение их плена, и Пророк сей был Даниил. В третье лето правления Иоакима, Царя Иудейского, когда впервые подступил к Иерусалиму Царь Вавилонский, Навуходоносор, и увел с собой многих пленников Еврейских, поручил он старейшине евнухов своих, избрать из детей княжеских, прекрасных и разумных отроков, для служения в доме царском и научить их языку Халдейскому. Избраны были, из сынов Иудиных, благообразные отроки Даниил, Анания, Мисаил и Азария, которым и наречены были Халдейские имена: Валтасар, Седрах, Мисрах и Авденаго. Но Даниил, вместе с юными товарищами, положил в сердце своем, не употреблять языческой пищи от трапезы царской. Он приобрел милость старейшины евнухов, и умолил его, не принуждать их вкушать нечистой пищи, заменив для них роскошные яства и питье, хлебными семенами и водой. Когда же старейшина опасался навлечь на себя гнев Царя, если заметит истощение их, Даниил предложил ему испытать прежде себя и троих отроков, избранной ими пищей, в продолжении десяти дней, и лица их явились, после сего поста, более цветущими, нежели у других царских отроков. Тогда исполнил евнух благочестивое их желание, и Господь дал сим отрокам премудрость книжную, Даниил же особенно разумен был в толковании сновидений; Царь, беседуя с ними, нашел их гораздо мудрее всех волхвов и гадателей, какие только находились в его областях.

Во второй год своего правления, видел сон Навуходоносор и ужаснулся, и в смятении духа позабыл сон; он велел созвать всех гадателей и волхвов Халдейских, и требовал от них, чтобы возвестили ему виденный и позабытый им сон. Изумились Халдеи: «расскажи нам сон твой и мы истолкуем его» говорили они; но Царь неотступно требовал от них, чтобы вспомнили ему забытое видение, грозя им смертью, если не исполнят воли его, и обещая многие почести и дары, за её исполнение. «Нет человека на земле, который мог бы удовлетворить желанию царскому, отвечали опять волхвы, ибо это могут одни только боги, чуждые плоти.» – Разгневался Царь и велел исполнить жестокий приговор свой над волхвами; жребий сей должен был постигнуть и отроков Еврейских. Даниил, услышав от исполнителя казни, Архимагира, о угрожавшей им смерти, просил Царя дать ему время, для возвещения сна, и вместе с тремя

друзьями своими, молил Бога небесного открыть ему тайну сию, чтобы не погибнуть с прочими мудрецами Вавилонскими.

В ночном видении открылась тайна Даниилу, и благословил он Господа Бога отцов своих, которому принадлежат разум и сила, который сообщает премудрость мудрым, и открывает тайное и глубокое, переменяет времена и Царей, по своему произволу. Архимагир ввел отрока пред лицо Навуходоносора, и на вопрос царский: «может ли он возвестить ему виденный сон?» отвечал Даниил: «не могут волхвы и гадатели Халдейские открыть Царю желаемые тайны, но есть Бог на небесах, открывающий тайное; Он возвестил тебе то, что надлежит быть в последние дни: ибо ты засыпая помышлял о грядущем, и мне открылась тайна твоя, не человеческой премудростью, но данной мне свыше, для объяснения Царю виденного им. – Таков был сон твой: ты видел великий истукан, воздвигнутый прел лицом твоим; голова его была из чистого золота, руки, перси и мышцы серебряные, чрево и бедра медные, колена железные, ноги же отчасти железные, отчасти глиняные. Ты смотрел, доколе не отторгся, как бы сам собой, камень от горы, и ударив в полужелезные, полускудельные ноги, сокрушил истукан; вместе смешались глина, железо, медь, серебро и золото, и все обратилось в прах, подобный возметаемому на гумне; ветер развеял прах сей, камень же, поразивший истукан, сделался горой великой и наполнил всю землю; таков сон твой, и вот его истолкование:

Ты сам, о Царь Царей, которому дал Бог небесный крепкое царство, ты сам сия золотая глава; после тебя восстанет другое меньшее царство, предзнаменуемое серебром, и третье медное одолеет всю землю; четвертое же, крепкое как железо, истребит все, но в нем, как в ногах истукана, будет часть глиняная, которая сокрушится; смешаны будут в нем племена человеческие, как глина с железом, но не прилепятся они друг к другу. В те дни восставит Бог небесное царство, которое никогда не рассыпется и пребудет во веки, истребив и рассеяв все прочие царства, подобно как ты видел, что без рук отсекшийся от горы камень, стер вместе глину, железо, медь, серебро и золото; истинен сон и верно его истолкование.»

Таким образом, в тесных размерах одного сновидения, представил Даниил всемирные события царств, сменявших и поглощавших друг друга: Вавилонского, Персидского, Греческого и наконец Римского, железного сперва по силе своей и потом полускудельного, по смешению всяких народов, в котором открылось наконец царство благодати; оно началось от таинственного камня, сокрушившего древнее и основавшего новое, камень же был Христос. Тогда Навуходоносор поклонился Даниилу, воскликнув:

«поистине Бог твой есть Бог богов и Царь царей, открывающий тайны!» и возвеличил его и отроков Еврейских над всеми мудрецами Халдейскими.

К отроческим годам Даниила, во дни пленения, относится сказание о Сусанне, которая решилась пожертвовать жизнью, чтобы сохранить непорочность, хотя сказание сие и не находится в тексте Еврейском, а только в Греческом. Был человек богатый в Вавилоне, именем Иоаким; он взял себе в супруги прекрасную Сусанну, воспитанную благочестивыми родителями, во всех заповедях Моисеевых. В дом Иоакима приходили два старца, избранные в тот год судьями своего народа. Они, часто видевшие из окон Сусанну, которая около полудня всегда прохлаждалась в саду своего супруга, пленились её красотой, и принуждены были доверять друг другу свой преступный замысел, для получения желаемого успеха. Однажды, оба они скрылись в саду, и когда Сусанна послала рабынь своих, чтобы принести ей все нужное для купания, обольстители внезапно предстали одинокой женщине с угрозой, что, при малейшем вопле, они сами обвинят её пред народом, будто бы застали с ней юношу в саду. Бесчестие или смерть угрожали Сусанне; она предпочла смерть, чтобы не согрешить пред Богом, и подняла вопль, на который сбежались все домашние; но один из старцев уже успел отворить двери сада, и оба стали обличать её в беззаконии с юношей; никто однако из домашних им не поверил, зная добродетель госпожи своей.

На другой день, когда собрались старейшины к Иоакиму, оба старца, домогаясь умертвить Сусанну, велели призвать её на суд. Она пришла, в сопровождении родителей, детей и всех близких; нечестивые судьи велели снять с нее покрывало; плакали все; она же уповая на Бога, смиренно возвела взоры свои к небу. Став посреди сонма, обвинители положили руки на её голову и оклеветали её, в преступном свидании с юношей, который будто бы успел бежать от них, в открытые двери сада; поверил сонм судьям своим и осудил на смерть обвиненную ими. «Боже вечный! Воскликнула Сусанна, ведущий все сокровенное, Ты знаешь, что на меня свидетельствовали ложное и я умираю невинно.» Услышал Господь голос невинности; уже вели её на казнь, когда внезапно воскликнул из толпы отрок Даниил, движимый Духом Святым: «чист я от крови сей!» и став посреди народа, обратившего на него внимание, сказал: «до того ли обезумели сыны Израилевы, что не испытав прежде истины, осудили одну из дочерей своих? – возвратитесь на судилище; она оклеветана.»

Возвратился народ и старцы посадили отрока между собой, ибо ему дал старейшинство Господь. Даниил велел развести неправедных судей, и приступив к каждому наедине, спросил одного: «скажи мне, убивающий

невинных, вопреки заповеди Божией, под каким деревом видел ты беседующих?» – «под мастиковым» отвечал смятенный неожиданным вопросом. – «Ты солгал на свою голову, возразил отрок, и вот Ангел Божий рассечет тебя надвое,» и к другому старцу обратился, с таким же обличением, богодухновенный отрок: «племя Ханааново, а не Иудино, прельстившийся красотой невинной жены, скажи под каким деревом видел ты её с юношей?» и смущенный отвечал: «под ясеневым.» – Тогда обличил клевету их Даниил, и народ громко благословил Господа, который спасает надеющихся на него; над обоими старцами совершили казнь, какая положена была, по закону Моисееву, лжесвидетелям, и прославился Даниил в народе своем; событие сие случилось, вероятно, прежде нежели возвеличил его Царь Навуходоносор, за истолкование сна.

ЛІХ. Три отрока в печи Халдейской, изступление Навуходоносора

В восемнадцатый год царствования, Навуходоносор, превознесшись своим величием, поставил на поле Деирском, около Вавилона, золотой истукан в шестьдесят локтей высоты, и собрал из всех областей своих, вельмож и военачальников, для торжественного обновления сего кумира. Глашатаи громко возвестили князьям и народу, чтобы, при первом звуке труб и мусикийских орудий, все простерлись ниц пред истуканом; если же кто не поклонится ему, в тот же час брошен будет в горящую печь. По данному знаку, все исполнили повеление царское; но некоторые из Халдеев обвинили пред Царем трех отроков: Ананию, Азарию и Мисаила, в нарушении данного повеления. Раздраженный Царь спросил отроков: истинно ли сказанное на них? И угрожал им смертью, хульно говоря: «кто Бог, могущий спасти вас от руки моей!» – мужественно отвечали отроки Царю: «нет нужды нам давать тебе ответа на такое слово; ибо наш Бог, живущий на небесах, силен спасти от огненной печи и от руки твоей. Если же и не так: однако ведомо тебе да будет, что мы не служим богам твоим и не кланяемся твоему кумиру.»

Изменилось от ярости лицо Навуходоносора; он велел седмерицей разжечь печь и бросить в нее связанными, трех отроков; мучители исполнили над ними жестокий приговор. Они же, как бы не чувствуя пламени, свободно ходили в оковах, посреди огня, и молились: «благословен Господь Бог отцов наших, хвалю и прославлено имя Твое во веки, ибо Ты праведен во всех путях Твоих и все суды Твои истинны. Праведно все, что навел Ты на нас и на град отцов наших, Иерусалим, ибо мы согрешили и беззаконновали, отступив от Тебя и заповедей Твоих, не послушали и не соблюли ничего заповеданного нам; посему предал Ты нас в руки беззаконных; но не предай нас до конца и не разори с нами завета Твоего, и не лиши нас Твоей милости, ради Авраама, возлюбленного Твоего, и за Исаака, раба Твоего, и Израиля святого Твоего, которым обещал Ты умножить их потомство, как звезды небесные и песок на краю моря. Вот мы умалены и унижены пред всеми народами земными, и нет у нас ни князя, ни Пророка, ни всесожжения, ни места, где бы приносить Тебе жертву; но да будет пред Тобой сия наша жертва, которую приносим в духе сокрушенном и смиренном, как всесожжение овнов и тельцов, и не посрами нас, но сотвори с нами по множеству Твоей милости; спаси нас и дай славу имени Твоему, да посрамятся мучители наши и да уразумеют,

что Ты Бог един во всей вселенной.»

Между тем служители царские не переставали разжигать печь, дровами и смолой, так что пламя от нее разливалось вверх и опалило случившихся около Халдеев. Ангел Господень сошел к отрокам в середину огня и преложил пламя в прохладную росу; тогда три отрока, не чувствуя действия огня, едиными устами восхвалили Бога: «благословен Бог отцов наших, препетый и превозносимый во веки, и благословенно имя славы Твоей святой во веки, видящий бездны, сидящий на Херувимах, на престоле славы царствия своего; благословите все дела Господня Господа, пойте и превозносите Его во веки; благословите Его, духи и души праведных; смиренные и преподобные сердцем, исповедуйтесь Господу, яко благ, яко во век милость его.»

Изумился Навуходоносор, слыша отроков, поющих среди пламени, и сказал вельможам своим: «не трех ли связанных ввергли мы в печь, и вот я вижу четырех, невредимо ходящих посреди огня, и лик четвертого подобен сыну Божию?» Царь приблизился сам, к устью огненной печи, и вызвал из нее рабов Бога вышняго. Все воеводы и вельможи Царя видели, что не только не одолел огонь тела отроков, но даже не опалил волос их, и не было запаха дымного от их одежды. Царь поклонился пред ними Богу, и благословил посланного Ангела своего к тем, которые, уповая на имя Его, предали тело свое огню, чтобы не поклониться богу чуждому. «Нет другого Бога, могущего спасти таким образом,» исповедал Царь, и обнародовал, что всякий, кто дерзнет произнести хулу на Бога Анании, Азарии и Мисаила, предан будет смерти; отроков же возвеличил в стране Вавилонской пред всеми Иудеями.

Еще один знаменательный сон видел Навуходоносор, который опять не могли объяснить ему все гадатели земли Халдейской, и только один Даниил истолковал его, по внушению Духа Святого. Царю снилось великое, крепкое дерево, возвысившееся до небес и расширившееся на всю землю, обильное листьями и плодами, от которого питались сельные звери, жившие под тенью его, и птицы небесные, гнездившиеся в ветвях его. И вот сошел с неба некто, бодрый и святой, и громко возгласил: «посеките древо, отрубите ветви его, отрясите листья и рассыпайте плоды, да позыблются звери под тенью его, и на ветвях его птицы; оставьте только отрасль корня его в земле, и пусть водворится в узах, под открытым небом, с дикими зверями полей; изменится человеческое сердце его и дастся ему сердце звериное на семь времен, да узнают все живущие, что Вышний владеет царством человеческим, которое дает, кому хочет, восставляя уничиженное.»

Смутился Даниил на краткое время, когда потребовал от него Царь истолкования страшного видения, и потом отвечал: «о Государь, да сбудется сон сей с ненавидящими тебя! Великое древо, которое ты видел, это ты сам, о Царь, возвеличившийся до небес и распространивший власть свою до пределов земли, и ты услышал над собой изречение Вышняго: – изгонят тебя из среды человеков и ты будешь жить с дикими зверями, подобно им питаться травой, семь лет, доколе познаешь, что Вышний владеет царством человеческим и дает оное, кому хочет; сохранение же остатков корня в земле знаменует то, что опять возвратится к тебе царство, когда познаешь небесную власть. Посему да будет угоден тебе совет мой, о Царь, искупи грехи твои милостынями и неправды щедростью к убогим; быть может, Господь будет долготерпелив к твоим грехам.»

Все сие постигло Навуходоносора, как сам он потом исповедал, в окружном послании к своим народам. – Год спустя, когда ходил он посреди Вавилона и превозносился своим величием, говоря: «не это ли Вавилон, который я возвеличил как столицу моего царства, в крепости моей и славе моей?» внезапно, прежде нежели еще окончилась речь в устах его, раздался голос с неба: «тебе говорю, о Царь Навуходоносор, царство твое прешло от тебя; изгонят тебя из среды человеков и поселишься с зверями дикими, в течении семи лет, доколе не познаешь, что Вышний владеет царством человеческим и дает оное кому хочет.» В тот же час исполнились слова сии над Царем; он был выгнан из общества человеков, и подобно волу, питался травой; тело его орошалось росой небесной и обросло волосами, как львиное, и ногти его были, как у птицы. – По окончании же семи лет, возвел Навуходоносор взоры свои к небу, и ум его к нему возвратился; он благословил Вышняго, живущего во веки и прославил вечную власть Его непреходящего царства. Опять взыскали Навуходоносора вельможи, увидев его в прежнем образе, и еще с большим величием утвердился он на царстве своем, не переставая славить небесного Царя, истинного во всех путях своих, который может смирить всех, превозносящихся гордостью.

LX. Пир Валтасара; видения Даниила, спасение его от львов

После Навуходоносора, который умер на сорок третьем году своего царствования, сын и преемник его Евильмеродах, расположенный вероятно, бедствиями отца своего, к уважению Иудеев, вывел Царя их Иехонию из темницы, дал ему приличное содержание и поставил престол его выше престолов других Царей, ему подвластных. У Евильмеродаха отнял престол, вместе с жизнью, муж его сестры, и оставил оный сыну, которого Даниил называет Валтасаром, юноше роскошному, не пользовавшемуся наставлениями, какие мог извлечь из приключений деда своего, Навуходоносора. Даниил был на время удален от двора царского, в Сусы, и там имел он два видения.

Как некогда Царю Навуходоносору, так уже самому Даниилу представилась, в сонном видении, грядущая участь тех же четырех обширных царств, ознаменованных таинственными образами четырех странных крылатых зверей, имевших подобие львицы, медведицы, рыси; образ же четвертого выходил из пределов творения: более крепкий и ужасный, нежели первые три, он все истреблял железными зубами и попирал ногами; страшное чело, вооружено было десятью рогами, посреди коих восходил малый рог, с глазами и голосом человеческим, и рога сии знаменовали гонителей церкви. После сего видел Даниил, как поставили престолы и Ветхий днями воссел на пламенном престоле, в одежде белой, как снег, с убеленными, как волна, власами; река огненная текла пред Его судилищем, на котором разгнулись книги; тьмы темь служили и предстояли Ему. Тогда погиб странный зверь, ужасавший весь мир, и власть его истребилась с властью прочих зверей; на облаках явился Сын человеческий, идущий к Ветхому днями, и Ему даны были, на все веки и роды, власть и честь и царство, над всеми народами. Вострепетал Даниил и услышал таинственное истолкование сна, что сии четыре царства, наименованные зверями, из коих четвертое будет самое ужасное, уступят царству Святых, которое пребудет навеки. Последний зверь восстанет на Вышняго и помыслит изменить времена и законы, но и он погибнет пред судилищем Того, кто даст царствовать Святым своим. И еще, подобное сему видение, созерцал опять Даниил, о брани между царями Персидским и Эллинским, под образами овна и козла, из коих первый поражен страшным рогом последнего, и рог сей разросся в четыре рога, т. е. царства; напоследок же опять восстанет некто, бесстыдный и крепкий

Царь, на пагубу многих и свою собственную.

Сам развращенный юноша Валтасар, испытал, подобно деду Навуходоносору, силу пророчеств Данииловых, когда накануне дня своего падения, присоединив к невоздержанию богохульство, учредил вечернее пиршество, с вельможами и женами своими, и пил вино из священных сосудов, принесенных некогда Навуходоносором из храма Иерусалимского. Внезапно явились, на противоположной Царю стене, персты руки человеческой, и при свете лампы, писали таинственные слова. Изменилось от ужаса лицо Царя, в смятении духа потряслись все его члены, громко воскликнул он и велел позвать волхвов Халдейских, обещая тому, кто прочтет письма сии, багряницу и гривну золотую, и лучшее место в царстве его. Тщетно искали разгадать писание все мудрецы Халдейские, возмужало смущение Царя и вельмож; тогда вошла Царица в чертог пиршества, и напомнила ему о муже, исполненном Духа Божия, который некогда истолковал видения Навуходоносору.

Призванный Даниил отвечал Царю на все его пышные предложения: «даяния твои с тобой да будут, или отдай их иному, я же прочту и возведу тебе написанное. Бог вышний дал царство и величество отцу твоему Навуходоносору, и пред ним трепетали все народы; когда же превознесся он сердцем, отняты были у него слава и честь, и не только лишился он царства, но и общества человеков, и со зверями питался травой, под открытым небом, доколе не уразумел, что Бог вышний владеет царством человеков и дает оное, кому хочет. А ты, сын его Валтасар, зная все сие, не смирил сердце свое пред Господом, но превознесся, и пил из священных сосудов его храма, с вельможами и женами твоими, похваляя идолов ваших и не воздавая хвалы Богу, в руках коего твое дыхание и все судьбы твои. Посему от лица Его посланы были персты и письма сии: «мани, фекел, фарес.» Вот толкование их: мани, измерил Бог царство твое и окончил; фекел, положил его на весах и оно оказалось легким; фарес, разделилось царство твое и отдано Мидянам и Персам.» Исполнил царское слово свое Валтасар, и велел облечь в багряницу Пророка, дал на выю его гривну золотую и провозгласил его третьим в царстве своем, но уже оно исторглось из рук Валтасара: в ту же ночь убили Царя Халдейского, и Дарий Мидянин принял престол его.

Уже в преклонных летах воцарился Дарий; он поставил, в обширном царстве своем сто двадцать князей, а над ними трех старейшин, для облегчения себе бремени правления; но Даниил, один из трех, по обилию бывшей в нем благодати Божьей, стоял выше всех, и возбудил тем зависть прочих князей. Они искали обвинить его пред Царем и не находя в нем

никакой вины, решились напасть на него, со стороны отеческих его преданий. Под льстивым предлогом, утвердить власть царскую в государстве, предложили они Царю, издать повеление, чтобы никто, в течении тридцати дней не дерзал обращаться с прошением, к какому бы то ни было богу или человеку, под страхом быть вверженным в ров львиный. Издал Царь хульный закон сей, но Даниил взошел, по обычаю, в свою храмину, окна коей обращены были к Иерусалиму, и не оставил преклонить молитвенно колена пред Богом своим; так застали его искавшие на нем вины и донесли о том Царю. Опечалился Дарий и до вечера состязался с вельможами своими, чтобы спасти Даниила, но они превозмогли; призвав Пророка, Царь сказал ему: «Бог, которому ты всегда служил, избавит тебя.» Тогда позволил бросить праведника в ров львиный, и даже запечатал, перстнем свои и перстнями вельмож, камень, который положен был в отверстии сего рва; печален возвратился он в дом свой и не вкушал пищи, сон бежал очей его; но Господь заключил уста львов и они не коснулись Пророка.

До света встал Дарий, поспешил ко рву львиному и громко воскликнул над устьем: «Даниил, раб Бога живого, которому ты всегда служишь, возмог ли Бог твой избавить тебя из уст львиных?» и отвечал ему из глубины рва Даниил: «Царь, во веки живи; Бог мой послал Ангела своего и затворил уста львам, ибо правда моя пред ним явилась, и не согрешил я пред тобой.» Обрадованный Царь велел извлечь, из рва львиного, Даниила, невредимого ради своей веры, и ввергнуть туда клеветников его, с женами их и детьми: еще не успели они достигнуть до дна, как уже львы растерзали падающие их тела. – Тогда Дарий обнародовал новую заповедь по всему царству, чтобы трепетали Бога Даниилова, ибо Он пребывает во веки и творит чудеса на земле.

В первый год правления сего Дария Мидийского, Даниил, видя из пророчества Иеремии, что семьдесят лет определены сроком пленению Вавилонскому, в посте, в ретище и пепле, обратился к Богу отцов своих и исповедал пред Ним, как бы от лица всего народа, беззакония его и праведную казнь, за нарушение завета, данного Моисею; но уповая не на свои дела, а на щедроты Божьи, молил он Господа, призреть на опустение святыни своей и помиловать людей своих. Еще молился Пророк, когда предстал ему, в час вечерней жертвы, Ангел Гавриил, и возвестил ему грядущее спасение, чрез обетованного Мессию, ясно означив само время Его явления: «Семьдесят седмин определены для народа твоего, и для града святыни твоей, до совершится противление, и запечатлеются грехи, и очистится беззаконие, и приведется Правда вечная, и запечатлеется

видение и Пророк, и помажется Святым Святым; и ведай, и разумей: от исхода слова, о восстановлении и о создании Иерусалим, до Христа Старейшины, седмин семь и седмин шестьдесят две. Восстановится и созиждется стогна и ограда, и притом в тесноте времен, и после шестидесяти двух седмин убиен будет Христос, и не за Себя; потом град и святилище разрушит народ старейшины грядущего, и конец его в потоплении, и до конца брани predetermined опустошения. И укрепит завет для многих седмина единая, и посреди седмины прекратится жертва и приношение; и в святилище мерзость запустения будет, и до решительного совершения воскаплет гнев над опустошением.» (IX.)

Такие видения продолжались Даниилу и во дни Кира Царя Персидского, который восприял царство Халдейское после Дария. На берегах великой реки Тигра предстал Пророку, истощившему плоть свою трехнедельным постом, муж молниеносный, наведший на него ужас, который однако укрепил и восстановил падшего пред ним; вслед за сим явлением было другое: подобие сына человеческого прикоснулось изнемогшему Пророку, и снова он укрепился, чтобы слышать и возвестить о грядущей судьбе царства Персидского и четырех царств, происходящих от Эллинского, и наконец, под земными образами, о страшном царстве Антихриста и последних временах мира. Тогда будет скорбь, какой не было от начала создания, и тогда спасутся все люди, которых имена записаны в книге; многие из спящих восстанут в жизнь вечную, другие же в стыд вечный; верующие просветятся и праведники как звезды воссияют. – Даниилу же велено запечатать книгу сию до времени события, доколе не умножится ведение.

Еще одно сказание, о чудных деяниях Даниила, сохранило священное Писание, хотя и не в подлиннике Еврейском, а только в Греческом тексте. Во дни Кира, Царя Персов, Пророк был славен при дворе его и пользовался его дружбой; следуя обрядам Вавилонским, Царь поклонялся кумиру Вила, которому ежедневно приносили, как бы для пищи, двенадцать мер муки, шесть мер вина и сорок овец. Кир спрашивал Даниила: почему не поклоняется он Вилу? И услышав в ответ, что подобает поклоняться живому Богу, сотворившему небо и землю, а не идолам, созданным руками человеческими, привел во свидетельство тому, что и Вил жив, многую пищу им употребляемую. Посмеялся Даниил легковерию Царя, и разгневанный Царь, призвав жрецов, сказал им, что если не откроют они: кто употребляет брашны, приносимые Вилу? то погибнут сами, если же покажут, то умрет Даниил.

Семьдесят было жрецов Вилowych, кроме жен и детей; они отвечали

Царю: «вот мы выйдем, ты же поставь яства и вино и, затворив двери, запечатай перстнем твоим, и если на другой день не найдешь, что употреблена вся пища, пусть мы погибнем; в противном же случае пусть умрет Даниил, нас оклеветавший.» Жрецы говорили так отважно потому, что они надеялись на потаенный ход, бывший под алтарем кумира, которым обыкновенно уносили пищу. Когда же удалились они и Царь поставил яства, Даниил велел отрокам своим посыпать пеплом весь помост храма, в присутствии одного Царя, и потом запечатал двери перстнем царским. Рано утром возвратился Даниил с Царем к капищу; они нашли целой печать на дверях, открыли двери, и Царь, увидев издали алтарь без яств, воскликнул: «велик ты, о Вил, и нет в тебе никакой лжи!» но Даниил, рассмеявшись, удержал Царя на пороге и показал ему, на помосте, следы мужские, женские и детские; обличенные в коварстве жрецы, сами принуждены были обнаружить свой потаенный вход в капище; разгневанный Царь предал их всех смерти, и разрушив капище, разбил и отдал Даниилу кумир.

На том месте находился великий змей, которого почитали Вавилоняне, и Царь говорил Жаниилу: «не можешь назвать медью и этого бога, или сказать, что он не жив; и так поклонись ему;» но Даниил отвечал: «Господу Богу моему поклонюсь, ибо он един Бог живой,» и испросил у Царя власть на змея, обещая умертвить его без меча и жезла. Тогда взяв смолу, тук и волну, сварил их вместе и бросил в уста змея, который, проглотив пищу сию, разселся: «таковы боги ваши!» воскликнул Даниил, и снова возроптали Вавилоняне против Царя, говоря: «Царь наш сделался Иудеянином, разбил Вила, умертвил змея и жрецов.» Они угрожали смертью самому Царю и всему дому его, если не выдаст им Даниила, и принужден был Царь уступить мятежникам; Пророка бросили опять в львиную яму, где находилось семь львов, ежедневно питаемых двумя трупами и двумя овцами; в тот же день не дали им обычной пищи, чтобы они растерзали Даниила.

Был Пророк в Иудеи, именем Аввакум, который сварив пищу, нес её вместе с хлебом в поле для жнецов; но явившийся ему Ангел, велел отнести сию пищу в Вавилон, к Даниилу в львиную яму, и когда отрекался Пророк незнанием места, Ангел внезапно перенес его в Вавилон, к устью ямы. Даниил вкусил пищу и благословил Бога, не оставляющего любящих Его, а Пророк Аввакум опять перенесен был Ангелом на свое поле. В седьмой день Царь, жалевший Даниила, пришел посмотреть в отверстие ямы, и с изумлением увидел невредимого Даниила, воскликнул: «велик Ты Господи, Бог Даниилов, и нет иного, кроме Тебя!» Он велел извлечь

праведника из ямы и ввергнул в нее виновных, которых немедленно растерзали львы.

LXI. Освобождение из плена Вавилонского. Пророки Аггей, Захария и Малахия

В первый год правления Кира, Царя Персов, исполнилось слово Господне, о избавлении Иудеев от плена, сказанное Пророком Иеремией. Сам Господь внушил могущественному Царю, обнародовать во всех обширных областях своих исповедание силы Божьей в смиренных словах: «так говорит Царь Персов: все царства земные дал мне Господь Бог и Он повелел мне создать Ему дом в Иерусалиме. Кто остался еще от Его народа, с тем да будет Господь его; пусть идет в Иерусалим и соизждет дом Богу Израилеву; а все остающиеся на местах своих, где бы кто ни был, пусть помогают идущим в Иерусалим, добровольными приношениями, для создания храма Господня.»

Подвиглись все старейшины Иуды и Вениамина, со священниками и Левитами и со всеми, которых возбудил Господь, для воссоздания дома своего, а прочие помогли им, золотом и сосудами и драгоценными или необходимыми вещами. Царь велел казнохранителю своему, возвратить Иудеям все сосуды храма Господня, златые и серебряные, числом до пяти тысяч четырехсот, которые некогда взял Навуходоносор из Иерусалима и поставил в Вавилонское капище бога своего. С дозволения Кира, под предводительством Князя своего Зоровавеля, внука последнего Царя Иехонии, и при Первосвященнике Иисусе, сыны Израилевы, в числе сорока двух тысяч трехсот шестидесяти, кроме рабов, со священниками и Левитами, оставили землю пленения, на конях, ослах и верблюдах, со многими богатствами, для сооружения дома Божия, и поселились опять в городах отечественных.

Чрез полгода собрались все, как бы один человек, в Иерусалиме, где Первосвященник Иисус, с Зоровавелем, соорудили алтарь Господу, по закону Моисееву, для всесожжений утренних и вечерних, и стали опять праздновать, по чину, субботы, новолетия и прочие священные дни; собрали каменосечцев, для приготовления камней, в основание храма, и послали в Тир и Сидон, за кедром Ливанским. Когда же, на следующий год, приготовлено было все нужное для строения, собрались опять в Иерусалим освобожденные пленники, и приступили единодушно к сооружению храма. Между Левитами разделен был надзор за работниками; священники в облачениях, с трубами, и Левиты с кимвалами восхвалили Господа, по уставу Давидову, и исповедали вечную милость Его к Израилю. Многие еще между священниками и старейшинами видели

некогда древний храм, во всем его великолепии, и восплакали громко, взирая на сооружение нового, в то время, как народ шумно изъяснял свою радость, так что, издали, нельзя было распознать гласа радования от гласа плача.

Неприятные переселенцы Ассирийские, которые утвердились в пределах Самарии, после падения царства Израилева, позавидовали Иудеям, в сооружении храма, и предложили Зоровавелю и Иисусу, участвовать вместе с ними при его строении; но чистое племя Авраамово не согласилось принять в общение свое смешанного поколения Самаритян, и они с тех пор, всеми средствами, старались повредить им при дворе Царей Персидских, Кира и его преемников Ассира и Арфасафана, (иначе называемых Камбисом и Смердисом.) Сему последнему написали жители Самарийские донос против Иудеев, будто они укрепляют Иерусалим, для того, чтобы, по примеру непокорных отцов своих, сделать возмущение и не платить дани; послушал клеветы их Царь и запретил продолжать строение храма.

С воцарением Дария Истаспа, опять возобновились прерванные работы. Иисус и Зоровавель отвечали пограничным правителям Персидским, которые спрашивали их: какой властью начали они созидать храм и стены? – что после разорения Навуходоносорова, которое постигло их за грехи отцов, Кир освободил пленников, и не только позволил им возобновить святилище, но даже возвратил и все сосуды, взятые во время разорения, из первого храма. Правители известили Дария о сем отзыве, и Царь велел отыскать в книгохранилищах своих подлинный указ Кира; тогда разрешил продолжать строение и велел даже, из собственных доходов области Заевфратской, давать Иудеям вспоможение и жертвы за себя и, в заключение, проклинал всякого Царя и народ, который бы поднял руку на разрушение храма Иерусалимского. Таким образом, по прошествии около двадцати лет от его заложения, здание приведено к окончанию. Старейшины, Левиты и весь народ, с великой радостью, праздновали обновление дома Божия; обильные жертвы принесены были, по случаю торжества и за грехи всего Израиля, по числу двенадцати колен его; опять учредился порядок священнослужения жрецов и Левитов, по закону Моисееву. И очистившийся с должными обрядами народ, в первый раз праздновал Пасху и ел опресноки, после освобождения своего из долгого плена.

Когда потомок Царей Иудейских Зоровавель, от которого должен был произойти Мессия, вместе с Первосвященником Иисусом, который предобразовал его именем, в столь замечательную эпоху избавления

Иудеев, подобно как некогда Иисус Навин, при введении их в землю обетованную, воздвигали из развалин храм Соломонов, явились три последние Пророка Израильские, и возвестили славу сего второго храма и близкое пришествие ожидаемого Мессии. Пророк Аггей, во второе лето Царя Дария, возбуждал Иудеев к продолжению прекращенного строения, представляя, что угнетающее их неплодородие и скудость есть наказание Божье за их небрежение. «Кто из вас, говорил Пророк, видел некогда храм сей в славе его, и как видите вы его теперь, как бы не существующим пред очами вашими? Укрепляйся, Зоровавель, укрепляйся Иисус, Иерей великий, укрепляйтесь все люди земли сей, ибо Я с вами говорит Господь Вседержитель. Слово Мое, которое заведать вам, когда вы исходили из земли Египетской, и Дух Мой посреди вас, держайте: еще однажды потрясу небом и землей, морем и сушей и сотрясу все народы земные, и придут собранные из всех народов, и Я исполню славою храм сей, ибо велика будет слава сего последнего храма свыше первой, и на месте сем дам мир, для укрепления всякого зиждущего, чтобы восставить церковь сию.» (гл. II.)

В след за Аггеем вступил в служение пророчества Захария, сын Варахии, и продолжал оное несколько лет. С подробностью предсказал он благосостояние храма и Иерусалима и новое опустошение их, страдания Мессии и потом Его блаженное царство. Пророк видел Ангела, измеряющего широту и долготу нового Иерусалима и слышал глас Господний: «красуйся и веселись, дочь Сионова, ибо Я иду и вселюсь посреди тебя, и в тот день многие народы прибегнут к Господу и будут его народом и уразумеют, что Господь послал Меня; да благоговеет всякая плоть пред Господом, ибо Он восстал из облаков святых своих;» (гл. II. 10, 13.), так, как бы от лица самого грядущего Мессии, говорил Пророк, и Господь показал ему образ сего Мессии, в Иисусе Иерее великом, облеченном сперва в ризы поругания, а потом в ризы священные, с которым препирался дьявол и побежденным от Него отступал.

В другом видении, Господь велел Пророку своему, возложить венцы на главу Иисуса, Иерея великого, и сказал: «вот муж, которому имя Восток, воссияет и созиждет храм Господний, примет добродетель и возобладает на престоле своем. Сильно ревновал Я по Иерусалиму, говорит Господь, обращусь к нему и вселюсь в него, и наречется градом истинным, горой святой Господа Вседержителя.» (VI. 12, 13, VII. 2, 3.) Пророк представил в притче, как продан будет своим народом Пастырь Израилев, который сам вопрошает людей своих: «если Я заслужил что либо пред вами, то определите мне награду или отрекитесь; они же

оценили меня в тридцать сребренников, и Господь велел испытать сребренники сии, в горниле храма, чтобы видеть: также ли были искушены, как Он Сам?» (XI. 12. 13.) Кто не узнает здесь тридцати сребренников, которыми старейшины Иуды оценили Господа славы, Пастыря Израилева?

После страшного посещения Господня, который предаст Иерусалим поправанию всех языков, Пророк обещал опять, что Господь спасет селения Иудовы, и дом Давидов будет как дом Божий; прольется на него дух благодати, воззрят Иудеи на Того, кого прободали они, и восплачутся о Нем, как о возлюбленном и как о первенце. Стоявший у креста, во время распятия, возлюбленный ученик, видел сие прободение и обличил распявших, пророческим словом: после сего Захария предсказал еще пришествие страшного дня Господня, со всеми Святыми Его, когда не будет дня или ночи, но свет исполнит землю, вода живая изыдет из Иерусалима и Господь один воцарится во вселенной.

Малахия, последний из Пророков, восставший не много спустя после Захарии, обличая беззакония своего народа, говорил, что Господь Вседержитель не примет более жертв от руки Иудеев: ибо, от востока солнца и до запада, прославится имя Его в народах и уже на всяком месте будет приноситься ему фимиам и жертва чистая, то есть бескровная жертва Христова. (гл. I. 11.) Заключая собой пророчества ветхого завета, Малахия, указывал на Предтечу нового: «вот Я посылаю Ангела Моего, и уготовит путь Мой пред лицом Моим, и внезапно придет в Церковь свою Господь, которого вы ищете, и Ангел завета, которого вы желаете; вот Он идет, говорит Господь Вседержитель, и кто стерпит день Его пришествия?» (гл. II. 1. 2.) Последние слова Малахии свидетельствуют истину закона Моисеева и представляют лицо Иоанна Предтечи, под видом Пророка Илии: «помяните закон Моисея, раба моего, и вот Я пошлю вам Илию Фесвитянина, прежде пришествия дня Господня великого и просвещенного, и он обратит сердце отца к сыну и сердце человека к ближнему его, дабы пришедши Я не поразил землю.» (III. 4. 5. 6.)

Но сей второй храм, коего духовную славу предсказывали Пророки, хотя и созданный по образцу первого, не равнялся с ним однако огромностью и великолепием, и отличался некоторыми принадлежностями. Ко двору внешнему прибавлен был в последствии двор языков, как бы в предзнаменование полноты язычников, долженствовавших заступить место Иудеев; во святом святых, за внутренней завесой, уже не стоял кивот завета, и к славе второго храма не

доставало священного елея помазания, огня небесного, обитания Божия и слова судного, на персях Первосвященника, хотя и ожидал Неемия Священника, и изъятием и истинной, и вторая книга Маккавейская повествует, будто во дни его найден был опять небесный огонь

LXII. Ездра и Неемия

В седьмое лето Царя Персидского, Артаксеркса Лонгимана, Эдра, ученый священник, по особенной благодати Божьей, которая назначала его к утверждению своего народа и сохранению священных писаний, получил в Вавилоне, от Царя и всех вельмож, богатые дары для храма Господня, и милостивый указ, по коему облакался чрезвычайной властью в своем народе. Он был уполномочен препроводить сограждан, оставшихся в земле Халдейской, в Иерусалиме, со священными сосудами и дарами, требовать от казнохранителей царских, за Евфратом серебра на украшения и разные потребности для священнодействия, наблюдать во всей Иудее за сохранением закона Божия, поставлять судей и наказывать преступников; все же священники и Левиты освобождались от всякой дани. По сему полномочию, Эдра собрал более тысячи семисот спутников, уговорил идти с собой еще несколько священников, Левитов и певцов, и, вышедши с ними в поле, вооружил их постом и молитвой, против опасностей предлежавшего пути. Хотя он должен был нести с собой большие сокровища, однако не просил себе от Царя охранных воинов, чтобы показать свою надежду на Бога, и благополучно достиг Иерусалима, где по принесении благодарственных всесожжений Господу, вступил в свое чрезвычайное служение.

Услышав от старейшин, что многие из народа и даже священники вступили в непозволительное супружество с иноплеменными, которое строго запретил Моисей, Эдра разодрал на себе одежды, терзал волосы и потом, во время вечерней жертвы, с трепетом и слезами падши на колена, исповедывал сие преступление с такой силой, что собравшийся вокруг него народ, тронутый обличениями праведного мужа, которые изливались в его пламенной молитве, к Богу отцов своих, клялся содействовать ему в восстановлении завета с Богом. Эдра взял клятву сию и с князей, священников и Левитов, и между тем, как он постился и плакал в уединении, объявлено было по всей Иудее, что тот потеряет имение и отлучен будет от сонмища, кто чрез три дня не явится в Иерусалим. В назначенное время все Иудее с трепетом собрались ко храму, и приняв обличение от Эдры, обещали совершенное послушание; в следствии сего, действиями старейшин и судей, расторжено было, в три месяца, более ста незаконных супружеств.

Между тем большая часть Иерусалима находилась в развалинах, до двадцатого года царствования Артаксеркса. В сие время был в Сузах, при

дворе царском, виночерпием некто Неемия, происходивший, как полагают, от рода Царей Иудейских. Услышав от своих единоплеменников, о печальном состоянии отечественного града и бедственном положении живших там Иудеев, он провел многие дни, в плаче и посте, и молитвенно взывал к Богу отцов своих, о милости к согрешившим, ради завета, данного им чрез Моисея. Случилось однажды, что Неемия подавал вино Царю, и Царь, заметив грусть на лице его, спросил о причине скорби; смутился виночерпий и отвечал: «о Государь, как не быть мне прискорбным, когда опустел град, в котором были дома, а ныне гробы отцов моих, и врата его сожжены огнем! Если же заслужил я милость пред тобой, пошли меня в город гробов отцов моих предков, и я вновь созижду его.» Милостиво выслушал Царь прошение Неемии, спросив его только о времени, когда возвратится? И отпустил в Иерусалим, с охраной стражей и с повелением к воеводам своим, за Евфратом, чтобы дали ему, сколько потребует дерева, для городских стен и для собственного дома его.

Неемия пришел в Иерусалим и в первые три дня никому не открыл того, что положил ему в сердце Бог, для блага Израиля, но с немногими людьми объехал ночью вокруг развалин. В глубокой тишине выехал он, во врата юдоли Иосафатовы, к устью источника, и подъехал ко вратам гнойным, размышляя о стене Иерусалима, разоренной и о вратах его, сожженных огнем; потом приблизился ко вратам источника и купели царской, и не было, где пройти коню его, между обломков; он поднялся на стену над потоком, и возвратился опять во врата юдоли; но никто из стражей не знал, куда ходил он и что делал, потому что Неемия сохранил глубоко тайну. После сего сказал он священникам и старейшинам: «вы видите, в каком мы бедствии и как опустошен Иерусалим; созиждем вновь стены, да избавимся от позора.» Тогда объявил им милостивый указ Царя; обрадовались старейшины и народ и дружно приступили к делу. Прежде всех Первосвященник Елиасив, с братьями своими священниками, соорудил врата овчье и, освятив их, обновил прилежащие к ним стены; примеру его ревностно последовали другие старейшины и Левиты, и разделили между собой по частям всю ограду, башни и врата.

Позавидовали успеху Иудеев давние враги их, племени Аммона и Моава, Санавалат и Товия и Гисам Аравитянин, и старались всеми средствами остановить строение стен, сперва упреками, что Иудеи хотят возмутиться против Царя, потом же насмешками о непрочности обгорелых стен, которые будто бы могла разорить под собой и взбежавшая на них лисица; но Неемия молил Господа обратить поругание сие на собственные

их головы. Когда же услышали враги, что уже часть стен возникла из развалин, они подошли с оружием к Иерусалиму, и смутились их ополчением Иудей, которые не надеялись иметь довольно сил, чтобы отразить их и продолжать строение. Один Неемия не упал духом и, вознося теплые молитвы к Богу, держал на стенах стражу днем и ночью, чтобы нечаянно не напали враги, а позади стен расположил вооруженных людей, готовых к отражению и возбудил мужественным словом воинов и воевод, чтобы не страшились неприятеля, но помнили бы Господа Бога своего, страшного и великого, и сражались за братьев своих, за сынов, дочерей и жен своих и за дома. Когда услышали враги, что обнаружены их замыслы, они отложили нападение; с тех пор одна половина жителей продолжала работу, а другая, в полном вооружении, с воеводами своими, готовилась к битве; носившие бремена носили вместе и оружие, одна рука клала камни, другая держала меч, и трубные гласы раздавались посреди работающих, потому что от большого пространства создаваемых стен, Неемия велел рассеянными людям собираться по первому зову трубы на то место, где угрожала опасность; таким образом, никто не снимал с себя оружия, ни одежды, посвящая день на работу, а ночь на стражу.

В пятьдесят два дня совершены были все стены; услышав о счастливом их окончании, Санавалат и его сообщники искали коварно умертвить Неемию, и стали вызывать его на совещание в поле как бы для того, чтобы отклонить от него подозрение, будто хочет он сделаться Царем в Израиле. Но не послушал их Неемия, не поверил и двум лжепророкам, Самею и Ноадию, которых подкупали они, чтобы устрашить его и присоветовать ему заключиться в храме, для избежания опасности. «Человеку на месте моем не должно бежать, а если и скроюсь, не найду себе спасения,» отвечал мужественный Неемия, и продолжал действовать, с той же осторожностью, потому что имел много завистников и посреди благодетельствованного им народа. Для лучшего ограждения пространного, но малолюдного города, он запретил отворять ворота его, до восхода солнечного, и сделал перепись, для умножения народонаселения, перевел в него из окрестных селений, по одному человеку с десяти, которые избраны были по жребию. О окончании стен, собрал Неемия священников, Левитов и весь народ, для торжественного их обновления; он возвел на стены старейшин и разделил певцов на два клира, для воспевания хвалы Богу Израилеву. Одна часть священников и Левитов следовали на восток; с ними был Эзра, а другая половина, с Неемией, пошла в противоположную сторону стены; оба хора встретились против храма и вместе восхвалили Господа, громкими гимнами, по чину песней

Давидовых; потом принесены были обильные жертвы и в духовной радости проведен был остаток дня.

В праздник новолетия, весь народ, собравшись в Иерусалиме, просил ученого священника Эздру, прочесть ему вслух книгу закона Моисеева. На площади, пред водными воротами, став на возвышенном амвоне, посреди сонма мужей и жен, Эзра прежде всего благословил Господа Бога великого, и все люди, воздев руки, преклонились на землю при имени Божьем; потом продолжал он читать, от утра до полудня, священные книги, во услышание всем, а подле него стоявшие, священники и Левиты, поясняли людям слова писания; плакал народ, внимая чтению закона, но Эзра, Неемия и Левиты удерживали его от плача, ради священного торжества; они велели всем людям вкусить пищу и разделить её с неимущими, чтобы укрепили себя радостью Господней.

На другой день собрался народ к Эздру, прося его истолковать слова закона, и поелику найдено было в них, о празднике кущей, который надлежало провозглашать трубами повсеместно, Эзра велел идти всем на гору Элеонскую и принести ветви маслин, пальм и кипарисов, для устройства кущей; исполнил повеление народ и устроил себе кущи, при каждом дворе; и во дворе храма Божия стояли кущи, в течении восьми дней, во время коих не переставали по обычаю читать книгу закона. В двадцать четвертый день сего месяца, собрался народ, в посте и в ретище, с пеплом на голове, для единогодушного исповедания грехов своих и беззаконий отеческих; Левиты возбуждали его к достойному хвалению имени Божия, а Эзра произнес пред сонмом вдохновенную молитву к Господу, Творцу неба и земли и всей твари, видимой и невидимой, который избрал Себе народ в Аврааме и дал ему закон чрез Моисея, рукой сильной извел из Египта, в землю обетованную и там, испытав многими бедствиями, предал наконец за нарушение завета плену Вавилонскому. Глубоко чувствуя вину и наказание, Эзра, укрепил завет Израиля с Богом отцов его, новой клятвой, о исполнении всех заповедей, до малейшего обряда, и старейшины засвидетельствовали письменно клятву сию.

Пользуясь данной от Царя властью, Неемия старался также, с помощью Эдры, искоренить различные злоупотребления, и дать силу закону. Услышав жалобы бедных на притеснение от богатых, он клятвой обязал последних возвратить взятый с них рост и завлажденные имения. В тридцать второе лето Артаксеркса Неемия должен был возвратиться в Вавилон: но чрез год пришед опять в Иерусалим, изгнал Товию Асимонитянина, которому священник Елиасив, по родству, дал жилище во дворе храма; он восстановил десятины, обличил нарушителей субботы, и

прекратил в сей день торги, посредством заключения городских ворот; нашедши разноплеменные супружества и детей, говорящих смешанным языком, проклял и наказал виновных, и в том числе таковых одного священника, зятя Санаваллатова, удалил из города.

LXIII. Есфирь

Памятью пленения Вавилонского и долголетних бедствий народа Иудейского, под властью Ассириян, сохранилась еще книга Есфирь, которую приписывают обновителю Евреев, Эздры, и повесть сия объясняет причину необычайного благоволения великого Царя Артаксеркса к Эздры, Неемии и вообще всему их народу.

Некто Мардохей, от колена Вениаминова, человек именитый в своем народе, служивший при дворе царском в Сузах, нечаянно услышал разговор двух евнухов царских, хотевших возложить руки на Царя. Он известил о том Артаксеркса, и спасенный Государь велел записать в памятную книгу заслугу Мардохея, оставив его при дворе своем; но при нем находился также Аман, из рода Амалекитов, сильный вельможа, который завидовал Мардохею и хотел погубить его, со всем его племенем.

Славно было царство Артаксеркса, простиравшееся от Индии даже до Ефиопии. Однажды в великолепных чертогах Сузы сделал он пиршество присным своим и сатрапам, ста двадцати семи областей, и иноплеменникам, находившимся в его столице; в продолжении празднества, Царь, упоенный вином, велел призвать Царицу Астинь, чтобы показать красоту её всему сонму, и пред лицом всех возложить на нее венец царский. Но Астинь, оскорбленная таким зовом, отказалась явиться на пиршество и возбудила негодование супруга; по общему приговору, она лишена была высокого сана и Артаксерксу предложили избрать себе более достойную супругу.

По царскому повелению собраны были в Сузы, из всех областей, лучшие девицы, и в числе их прекрасная Есфирь, племянница Мардохея, которую воспитал он, как собственную дочь, по смерти её отца. На нее пал выбор Артаксеркса, её украсил он царским венцом и великолепным пиршеством праздновал брак свой. Но, по совету дяди, благоразумная Есфирь, не открыла Царю своего происхождения, хотя сама строго соблюдала все заповеди закона Моисеева, и, чрез её посредство, имел случай Мардохей довести до царского слуха заговор двух евнухов. Один он не кланялся раболепно Аману, возвеличенному над всеми вельможами, и тем навлек на себя его злобу. Аман умыслил погубить целый народ, в отмщение одному человеку, и убедил Царя, истребить в всех его пределах, чуждое племя, бесполезное и непокорное, живущее по своим особенным законам, и обещал умножить чрез то казну царскую десятью тысячами талантов. Согласился Артаксеркс и дал тайный указ Аману, ко всем

сатрапам, чтобы, в известный месяц и день, внезапно истреблены были Иудеи, во всех областях обширного государства.

Смутились Сузы, грозным повелением Царя. Мардохей разодрал свои одежды, с пеплом на голове, во вретнице, пришел он к чертогам и, не смея в них проникнуть, в столь плачевном виде, остановился у ворот. Узнав о том, Царица послала к нему евнухов своих сказать, чтобы он облекся в приличные одежды и взошел в её чертоги; но Мардохей не хотел оставить вретница своего и послал к ней только страшное предписание, именем Господа умоляя её, идти дерзновенно к Царю и просить его о пощаде своему народу. Тщетно, опять чрез евнуха, отвечала ему Есфирь, что никто без зова не дерзает вступить, во внутреннюю храмину Царя, и только одно прикосновение его скипетра, может спасти нарушителя сего строгого устава. Мардохей велел отвечать, что не должно ей одной думать о спасении жизни, посреди всеобщей гибели своего племени, ибо быть может Господь и возвеличил её единственно для сего страшного часа. Тогда Есфирь решилась действовать, с опасностью собственной жизни, но просила Мардохея возложить трехдневный пост на всех Иудеев, бывших в столице, ради её подвига, подобно как она сама хотела приготовиться, постом и молитвой, к великому делу.

В сокрушении смиренного сердца, возвала Есфирь к Богу отцов своих, чтобы вложил благоугодное слово в уста её и изменил львиное сердце Царя, ко спасению её народа. Укрепленная молитвой, облеклась она в великолепные одежды своего сана, которых обыкновенно чуждалась, в своем уединении, и в сопровождении двух рабынь, вступила в чертог царский, с трепетом в сердце; когда же предстала Царю, сидевшему на престоле, во всем величии своего могущества, не вынесла робкая Царица огненного взора властителя, и без чувств упала на руки своих прислужниц. Но Господь изменил внезапно дух Царя, сердце его смягчилось, он сошел с своего престола и приняв в объятия супругу, ободряя её ласковой речью: «что с тобой Есфирь? не брат ли я тебе? не бойся,» он простер к ней золотой скипетр, обещая исполнить все её прошения. Успокоенная Есфирь просила только Царя, придти к ней в тот день, на пиршество, вместе с Аманом, и во время пира пригласила опять супруга праздновать у нее и следующий день, с тем же царедворцем.

Превознесенный такой почестью Аман, встретив на дворе царском Мардохея, который опять не поклонился ему, исполнился ярости и возвратясь к себе в дом, рассказал жене своей, о бесчестии, какое терпит он от презренного Еврея, посреди окружающего его величия. Нечестивая жена подала ему мысль, испросить у Царя казнь Мардохею, а между тем

велел приготовить для него виселицу. Но, в ту самую ночь, отнял Господь сон у Артаксеркса и он велел читать себе памятные книги своего царствования; услышав, каким образом был открыт заговор двух евнухов против его жизни, Царь спросил служителей своих: «чем награжден был Мардохей?» ни чем, отвечали они, и опять спросил их Артаксеркс: «есть ли кто в палатах?» В ту минуту входил на двор царский Аман, чтобы испросить казнь Мардохея. Царь велел позвать Амана и спросил его: «какая может быть приличная награда человеку, которого хочет прославить Царь?» Надменный вельможа, думая, что до него относится вопрос сей, отвечал: «пусть облекут его в одежду царскую и посадят на царского коня, и один из ближних твоих пусть поведет под ним коня, возглашая на всех улицах, о милости царской.» – «Иди же, исполни все сие с Мардохеем Иудеянином.» сказал Артаксеркс, и вельможа, терзаемый яростью и позором, принужден был вести коня под ненавистным и сам возглашать его славу, а потом идти уже на пиршество к Царице.

Во время пира благосклонно спрашивал опять Царь у Есфири, чего она желает? Обещая заблаговременно исполнить все её прошения; Есфирь просила только сохранить её жизнь и жизнь её народа; ибо все они обречены на погибель, по клевете недостойного царедворца. Артаксеркс хотел узнать имя его, и услышав Аманово, с гневом восстал с пиршества и удалился в близлежащий сад. Смятенный Аман бросился к ногам Царицы, умоляя её о пощаде, и в таком положении застал его возвратившийся Царь; ему показалось, что дерзкий вельможа оскорбляет достоинство и непорочность Царицы, и он немедленно велел повесить Амана, на той виселице, которая была приготовлена им для Мардохея, а все имение осужденного отдал Есфири; узнав же, что Мардохей ей родственник, вручил ему золотой перстень и всю власть Амана. Есфирь умолила Царя отменить и нечестивое повеление, о истреблении всех Иудеев. Таким образом день, определенный для гибели народа Еврейского, обратился для них в день веселья, который и доныне празднуют, а враги их были истреблены, и владычество Мардохея благоприятно было его собратьям, по всей обширной монархии Персидской.

LXIV. Нашествие Александра Великого и Птолмеев, Илиодор

После Неемии, которого жизнь, как полагают некоторые, продлилась до времен Александра Великого, особенную силу получило в народе звание Первосвященника и сделалось предметом любочестия и внутренних междоусобий, что подавало повод к притеснениям, со стороны властителей Персидских. В правлении Адуя, последнего Первосвященника, названного в книге Неемии, основан был в пределах Самарийских, на горе Гаризине, храм, подобный Иерусалимскому, Самарянами, отлученными от истинного храма. Сам победитель Персии, Александр, разгневанный отказом Иудеев, в помощи ему против Тира, приблизился с войском к Иерусалиму, двести пять лет по возвращении их из плена. Первосвященник, после всенародного поста, будучи наставлен богом во сне, вышел на встречу неприятелю, в священном облачении, сопровождаемый священниками и народом, в белых одеждах. Александр, сверх чаяния, поклонился имени Божию, которое находилось на челе Архиерея, принес жертву в Иерусалиме, и когда показали ему пророчество Даниила, о разрушении Персидской монархии Греческим Царем, оставил Иудеев жить, по их отечественным законам, и дал им многие льготы.

Сильными чертами изображает первая книга Маккавейская, быстрое возвеличение Александра и его преждевременную смерть: он предпринял многие брани, одолел многие твердыни и убил Царей; прошел даже до края земли, собирая корысти со многих народов, и земля пред ним умолкла; возвысился и вознеслось сердце его, и потом он простерся на ложе своем и познал, что умирает; он созвал благородных служителей своих, с которыми был воспитан, и еще при жизни разделил им царство свое; они возложили на себя диадемы, по смерти его, и сыновья их, после них, на многие годы, и зло умножилось на земле.

Отселе, мимо всех частных событий четырех царств, основанных на обломках Александрова, и особенно Сирийского и Египетского, которые имели столь сильное влияние на Иудею, писатель первой книги Маккавейской прямо переходит к жестоким гонениям Антиоха, которые также предвидел Даниил. Некоторые приписывают её Первосвященнику Иоанну, сыну Симона Маккавея, или одному из современных ему священников, и она ясно обнаруживает промысел Божий о веровавших во имя Его, посреди гонений языческих. Другая книга Маккавейская, сокращенная, как видно в её предисловии, из пяти книг некоего Иасона

Киринейского, описывает также бедствия и гонения Иудеев, и спасение их Маккавеями. По своему благочестивому направлению, она принята, вместе с первой и третьей книгой сего же имени, в состав книг ветхозаветных, хотя и не находится он в подлиннике Еврейском, подобно как и еще две книги, приписываемых Эздры, и книга Премудрости, возвеличенная именем Соломона, и книга Премудрости Иисуса сына Сирахова, исполненная назидательных советов.

Вторая книга Маккавейская заключает в себе и некоторые события, предшествовавшие началу первой. Не касаясь нашествия Птолемея, первого Царя Египетского, который при Первосвященнике Онии первом, овладел Иерусалимом и увел множество пленников в Александрию; не говоря о том, как при Первосвященнике Симоне праведном, Птоломей Филадельф потребовал от него семьдесят толковников, для перевода Священного Писания на язык Греческий; умалчивая о бедствиях, какие терпела Иудея от междоусобий Птолемеев с Антиохами, – книга сия начинается временем добродетельного Первосвященника Онии III. – А третья книга Маккавейская описывает предшествовавшее сему гонение четвертого Птолемея, при Архиерее Симоне II.

Филопатор, обрадованный своим успехом, против Антиоха великого, посещал ближние города и капища, желая привлечь к себе народ; Иудеи принесли ему дары, но сей убийца своих родителей и братьев, по принесении жертвы во храме Иерусалимском, пожелал войти во Святое Святых, не смотря ни на представления священников, ни на слезы и смятение народа. Первосвященник видя, что Бог один может сохранить от осквернения избранное им место, пал пред святилищем на колена, и молился. Тогда Царь, сотрясенный внезапным трепетом, лишился сил и языка, и вынесен был из священной ограды телохранителями. Однако, не тронувшись сим наказанием, он с угрозами возвратился в Египет, и сперва повелел отнимать право гражданства у тех из Иудеев, которые не поклонятся идолам; потом, когда узнал, что большая часть их остается непоколебимы в своей вере, и даже гнушаются отступившими от нее, осудил их строгим указом, как презрителей царской власти, и в оковах отовсюду собрал их в Александрию, чтобы истребить слонами. Сие гонение прекращено было новым чудом, уже назначен был день кровавого зрелища: но, по причине долговременного сна Птолемея, оно не открылось; на другой день, по необычайному забвению и замешательству его мыслей, отсрочено было до следующего утра; в третий, явлением на месте казни двух Ангелов, приведенный в смятение Царь, возвратил узникам свободу, и назначил им семидневный пир. Он признал, пред всем

своим государством, невинность Иудеев и поборающую по ним руку Божью, и дал им власть наказать отступников от их веры, как скоро представили ему, что изменники алтаря не могут быть верными престолу.

По благочестию великого Архиерея Онии III, святой град наслаждался миром и сохранялись в нем законы Божьи; Сами Цари почитали место сие, обогащая дарами своим храм Господень; Селевк, Царь Сирийский, из собственных доходов, снабжал его всем, что было нужно для жертвоприношений. Но некто Симон, из колена Вениаминова, хотевший исторгнуть власть из рук архиерейских, возбудил корыстолюбие воеводы царского Апполония, поставленного над Сирией, уверив его, что неисчислимы сокровища храма Иерусалимского. Апполоний уведомил о том Царя, и Селевк послал одного из вельмож своих, Илиодора, чтобы принести ему сокровища храма. Илиодор, как бы под видом посещения подвластных областей, достиг Иерусалима и объявил Первосвященнику, о причине своего прихода, спрашивая его, истинны ли слова Симона?

Напрасно Ония, с должной почестью принявший вельможу, убеждал его, не оскорблять святыни, не касаться сокровищ, положенных только на сохранение в храм, или для вдов и сирот, и которые не превосходили четырехсот талантов серебра и двухсот золота. Илиодор настоятельно хотел исполнить волю царскую и назначил день для осмотра казны церковной. Великое смятение распространилось по всему городу: священники в ризах, простершись пред алтарем, призывали с небес давшего им закон, для сохранения вверенного Его защите; жалостно было смотреть на лицо Архиерея, ибо изменившийся вид его обнаруживал душевную скорбь; народ стекался к общественной молитве в храм, обреченный на поругание; на улицах толпились жены, препоясанные вретischem; все воздевали руки к небу и молились; но всего умильнее было мучительное ожидание бедствующего Архиерея. Илиодор, с оруженосцами своими, вступил в казнохранилище; там Господь Вседержитель сотворил великое чудо, поразившее ужасом дерзновенных.

Внезапно явился страшный всадник, на богато убранном коне, в золотой броне, и конь его опрокинул ударом копыт Илиодора; явились и другие два благолепные юноши, сияющие светлыми одеждами, и с двух сторон обступив поверженного, непрестанно его поражали, доколе не вынесли из храма Илиодора, объятого мраком, покрытого язвами, того, который с такой надменностью вступил в храм. – Безгласным и без надежды на исцеление лежал он, на одре смерти, испытав на себе силу Божью, а между тем вся Церковь, полная народа, исполнялась благоговением к имени Божию, за нечаянное спасение. Некоторый из

друзей Илиодоровых молили Первосвященника испросить у Господа жизнь умирающему, и Ония, опасаясь, чтобы Царь не подозревал его в убиении своего вельможи, принес за него жертву. Во время сей молитвы, те же юноши, в тех же одеждах, предстали опять Илиодору и сказали: «многое благодарение воздай Онии, ибо ради его Господь дарует тебе жизнь; ты же, пораженный Господом, возвести всем Его величие;» при сих словах невидимы стали юноши.

Илиодор, принеся жертву Господу и великие обеты, возблагодарил Первосвященника и возвратился к Царю, пред которым засвидетельствовал великие дела Божьи, виденные им собственными очами. Когда же Царь спросил его: кого бы мог он еще однажды послать в Иерусалим? Смиранный вельможа отвечал: «врага твоего, или врага царства, потому что воистину некая сила Божия есть на месте том, и Он, живущий на небесах, поражает идущих оскорбить хранимое Им святилище.»

LXV. Гонение Антиоха Епифана, мученичество семи братьев Маккавеев

Симон, оклеветавший благодетеля и защитника своего народа, не довольствовался первыми кознями, но продолжал возбуждать смятения в городе против Первосвященника, и приверженцы Симона позволяли себе даже смертоубийства. Ония, видя умножающуюся злобу и ненависть начальника области Аполлония, удалился в Антиохию к Царю, чтобы оттоле защитить сограждан; но Селевк вскоре скончался и воцарился сын его Антиох Епифан, злейший гонитель Иудеев. – Собственный брат Онии, Иасон, домогаясь первосвященства, силой денег выпросил оное у Царя и обещал ему, ввести обычаи языческие в нравы своих сограждан. Разоряя законы, Иасон устроил, в предместьи Иерусалима, палестру, для упражнениа лучших юношей в гимнастических играх, и до такой степени возбудил усердие сограждан к Эллинству, что и сами жрецы перестали радеть, о жертвах и службах церковных, ни во что вменяя предания благочестивых отцов.

Бесстыдный Иасон послал даже от себя серебро на игры, совершавшиеся в Тире, и для жертвы Ираклу; но сами посланные просили, чтобы деньги сии употреблены были на что либо менее незаконное, и их употребили на корабли. Когда же сам Антиох, на пути в Египет, посетил Иерусалим, Иасон встретил его с чрезвычайной почестью; но подобно как он сам восхитил достоинство архиерейское у брата Онии, так и другой брат его, Менелай, исходатайствовал себе, у того же Царя, силой денег, сие достоинство, и принужден был бежать Иасон, а Менелай превзошел его нечестием.

Воспользовавшись отсутствием Царя из Антиохии, он убедил царского наместника Андроника, умертвить добродетельного Онию, который укрывался в безопасном месте близ столицы. Подкупленный дарами, Андроник вызвал Онию из его убежища, дав ему клятву о сохранении жизни, и коварно умертвил его; но подвергся сам той же участи, ибо возбудил общее негодование своим преступлением. Не только Иудеи, но и язычники, возроптали на клятвopреступника, и по жалобе первых, Антиох, огорченный смертью праведника, велел предать Андроника достойной казни, на месте его преступления.

Между тем, в отсутствии Менелая, брат его Лисимах, расточением священных сосудов, возбудил смятение народа в Иерусалиме, и сам сделался жертвой оногo. Менелай вызван был на суд в Тир, для ответа за

пролитую кровь, и уже был осуждаем, когда опять подкупил советников царских, и обратил казнь на своих обвинителей, а сам, оправданным возвратился в Иерусалим, где предался тем же злоупотреблениям.

Необычайные явления предзнаменовали бедствия, висевшие над Иерусалимом: в воздухе видны были вооруженные конники, в золотых бронях, риставшие целыми полками друг против друга; виделись их дивные битвы, стройное движение коней, страшный блеск мечей и щитов, и метание стрел и копий. Смятенные жители Иерусалима молились, чтобы сии явления были добрым знамением. Между тем разнеслась ложная весть, будто умер Антиох; бывший Первосвященником, Иасон, с тысячею воинов, внезапно напал на город, принудил брата своего Менелая скрыться в крепости и наполнил Иерусалим убийствами, поражая единоплеменников, как врагов; не мог он однако удержать за собой начальства, и принужденный опять бежать, ненавидимый всеми, как отступник, скитался по чуждым странам, в Аравии и Египте, доколе не нашел себе горькой кончины у Лакедемонян.

В сие время, Антиох, опасаясь, чтобы не отложились Иудеи, возвратился с сильной ратью из Египта, взял Иерусалим и велел воинам своим, без всякой пощады, убивать в домах и на улицах всех, кто только встретится, без всякого разбора возраста и пола: в три дня погибло восемьдесят тысяч, не менее того было продано, и сорок тысяч уведено в плен. Недовольный сими бедствиями, нечестивый Царь, имея предводителем Менелая, предателя отеческих законов, дерзнул взойти в церковь, святейшую во всем мире, и оскверненными руками взял священные сосуды, данные иными Царями, ради славы места сего. Превознесенный надменный Антиох, не помышляя, что такое поругание святыни допущено было Владыкой всех, по грехам жителей; иначе и с ним могло бы случиться в храме то же, что и Илиодором; но не народ ради места, а место ради народа; потому и оно соучаствовало в бедствиях человеческих, как и опять испытало на себе благодеяния Божьи, вместе с народом. Тысячу восемьсот талантов взял из храма Антиох и поспешил возвратиться в свою столицу, в гордыне своей помышляя сделать под собой мореплавательной землю и пешеходным море. Он оставил, вместе с Менелаем, жестоких приставов в Иерусалиме, и послал еще туда, с силой воинской, ненавистного епарха Аполлония, который, вступив с личиною мира, воспользовался отдыхом субботнего дня, чтобы умертвить множество безоружных.

Несколько времени спустя, Царь послал одного Афинского старца в Иерусалим, побуждать Иудеев, чтобы отступили от преданий отеческих и

перестали жить по божественным законам; он велел осквернить сам храм, назвав его капищем Дия Олимпийского. Ужаснулся народ, когда увидел, что святилище исполнилось шума и любоддеяния язычников; запрещенные приношения лежали на алтаре; не возможно было хранить субботы и праздников отеческих, ни даже именоваться Иудеями. В день рождения царского, насильственно влекли народ к жертвенникам языческим, а в праздник Вакха принуждали людей хвалить скверного бога языческого. Не в одном Иерусалиме, но и во всех окрестных городах, совершалось такое же насилие с Иудеями, не хотевшими принять Эллинские уставы. Две женщины, обвиненные в обрезании своих детей, водимы были по всему городу, с младенцами, привешенными к их сосцам, и потом сброшены с городской стены. Некоторые из граждан, собравшиеся в ближние пещеры, чтобы втайне праздновать в них день субботний, сожжены были по приказанию Эпарха.

Читающие книгу сию, говорит благочестивый её писатель, да не устрашится сих напастей, но да размыслят, что сии мучения были не для погубления, а только для наказания нашего рода; знамением великого благодеяния Божия, может напротив служить то, что Он не позволил, на долгое время, людям своим впасть в прегрешения, и даже допустил для сего мучения; ибо не так поступает с нами долготерпеливый Владыка, как с прочими народами, которых наказывает, когда достигнут уже полноты греховной; нас же, напротив того, предваряет бедствиями, дабы мы не впали совершенно в прегрешения, и тем изъясляет милосердие, неотъемлемое Им от своего народа.

Был некто Елеазар, из первенствующих книжников, муж, украшенный благолепными сединами; его стали принуждать вкусить свиное мясо, и старец предпочел славную смерть ненавистной жизни, и добровольно пошел на мучения. Приставленный к беззаконной жертве, по знакомству своему с сим почтенным мужем, втайне молили его показать только вид, будто он вкушает запрещенное мясо, для исполнения воли царской, и тем избавиться от смерти. Но он, от юного возраста чтитель закона божественного, отвечал мучителям и коварным друзьям: «недостойно возрасту моему лицемерие, дабы многие из юных подумали, что девяностолетний Елеазар принял обычаи иноплеменников, и по моему примеру не прельстились бы скоротечной жизнью, к позору старости моей. Если я и избавлюсь ныне муки человеческой, не избегну живым или мертвым руки Всемогущего, а разлучившись мужественно с жизнью, явлю себя достойным старости своей, и оставлю юношам добрый пример, как подобает доблестно умирать за святые законы.»

Тогда, ведшие его на казнь, изменили прежнее к нему благоволение на свирепость, и уже готовый испустить дух, под жестокими ранами, он восстал к Господу: «Тебе Всемогущему известно, что я мог бы избавиться малодушием от смерти; но исполненный страха Твоего, хотя и терплю на теле моем жестокие язвы, однако душе моей сладостно.» Так скончался великий подвижник, оставив по себе народу славный пример и вечную память!

Примеру его последовали семь братьев, вместе с матерью их, которых также принуждали, бичами из воловьих жил, к запрещенному вкушению свиного мяса, уже в присутствии самого Царя. – Старший из братьев сказал ему: «хочешь ли от нас научиться? – мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческие законы.» Разгневанный Царь велел разжечь сковороды и котлы, и содрав кожу с отважного юноши, отрезал ему язык и оконечности членов, пред глазами матери и братьев, и наконец едва дышащего предал огню на сковороде; но братья мужественно возбуждали друг друга к смерти, говоря: «Господь Бог узрит и утешится мученичеством нашим.»

После мученической кончины первого, приступили к терзанию второго, и содрав кожу с головы его, допрашивали: будет ли вкушать запрещенное мясо, прежде нежели измучить каждый член тела его, но и он, подобно первому, твердо отвечал «нет», и пред самым издыханием, исповедал окаянному мучителю: «что хотя он лишает их временной жизни, но Царь мира воскресит умерших за соблюдение Своих законов, в воскресение вечной жизни.» – Столь же мужественно, и третий брат, дал язык свой и простер руки для отсечения, говоря: «от Господа я принял их, и пренебрег ими ради законов, надеясь опять от Него получить их.»

Сам Царь и окружавшие его удивлялись мужеству юношей, но не прекратили мучений, хотя и четвертый брат также обличал их: «что лучше быть умерщвленным от человеков, в надежде на воскресенье от Бога; мучитель же не воскреснет к жизни.» – «Ты, имеющий ныне власть на земле, сказал пятый Антиоху, не думай, чтобы род наш был оставлен Богом; ты сам узришь величие его державы, как Он искоренит тебя и род твой.» И шестой говорил: «мы терпим за грехи наши, а ты, богоборец, не обольщайся, почитая себя невинным.» Свыше всех своих сыновей, достойна была удивления великодушная мать, которая видя бедственную их кончину, все терпела благодушно, ради упования на Господа. Исполненная мудрости, попирая в себе женское помышление, мужественною душой, она каждого из них возбуждала к смерти, голосом отеческим, говоря: «не знаю как явились вы в утробе моей, ибо не я дала

вам жизнь и дух, но Творец мира, создавший род человеческий; Он щедро вам их опять возвратит, ибо вы сами себя презираете, ради Его законов.»

Антиох, видя себя поруганным, и пренебрегая обличением мучеников, искал убедить хотя младшего из братьев, клятвенно ему обещая сделать его счастливым и богатым и другом своим, за нарушение отеческих законов. Он умолял и мать, чтобы дала благой совет отроку для его спасения; но она, смеясь внутренне над мучителем, приклонилась к оставшемуся в живых сыну и тихо ему сказала: «сын мой, помилуй меня, носившую тебя, в утробе моей, девять месяцев, а потом еще три года питавшую тебя млеко, и со многими болезнями воспитавшую тебя до сего возраста. Дитя мое, умоляю тебя, взгляни на небо и на землю и уразумей, что все сие, как и род человеческий, создал Господь из небытия; не бойся терзателя плоти твоей и будь достоин братьев твоих, чтобы вместе с ними я восприяла тебя опять от щедрот Господа.» Еще говорила она, когда мужественный отрок воскликнул: «чего еще ждете? Не слушаю повеления царского, слушаю повеления, данного отцам нашим чрез закон Моисея; ты же изобретатель всякой злобы на Иудеев, не избежишь руки Божьей. Мы страждем за грехи наши, но если для нашего наказания и прогневался несколько живой Господь наш, то опять примирится с Своими рабами; а ты, о беззаконнейший из всех людей, не превозносись тщетной надеждой, подымая руки на рабов Его, ибо и на тебя придет суд Всевидящего Бога. – Братья мои, претерпев ныне немного болезней, получили вечную жизнь, по завету Божию, а ты воспримешь праведную казнь за свою гордыню; и я, подобно братьям моим, предаю душу и тело за отеческие законы, взывая к Богу, чтобы вскоре смиловался над Израилем; мною и братьями моими прекратится гнев Вседержителя, праведно возникший против рода сего.» Тогда, еще большей яростью восплавленный Царь, предал и седьмого брата лютым мучениям, и наконец, за всеми детьми своими, последовала и великодушная мать.

Корнем греха называет первая книга Маккавейская сего Антиоха Епифана, описывая поругание и расхищение им святилища, посреди общего плача, и запустение Иерусалима. Град Давидов сделался крепостью врагов, отколе нечестивые непрестанно нападали на жителей, для пролития невинной крови, принуждая их к осквернению суббот и языческим жертвам. Строго и жестоко было хульное предписание Антиоха, о повсеместном идолослужении: в городах и окрест них созидались требища, фимиам курился на улицах и пред дверьми домов, книги закона истреблялись огнем, и если у кого их находили, тот осуждаем был на смерть, как равно и те, которые обрезали детей своих;

однако многие предпочли смерть осквернению; велик был гнев Божий на весь Израиль, оставивший законы свои, чтобы жить по обычаям языческим. – Тогда исполнилось пророчество Даниила, ясно предсказавшего, о последующих судьбах монархии Персидской, Сирии и Египта, и о бедствиях, какие понесет от них Иерусалим. Исполнились и слова его, которыми прямо указывал на Антиоха, говоря «что восстанет Царь, который возвысится и возвеличится над всяким богом, и тяжкое возглаголет на Бога богов, и успеет, доколе не скончается гнев и не совершится над ним приговор.»

LXVI. Матафия и сыновья его, подвиги Иуды Маккавея

В те бедственные дни восстал Матафия, священник Иерусалимский, и удалился в Модин, с пятью сыновьями своими, Иоанном, Симомном, Иудой, Елезаром и Ионафаном, которые все должны были принять живое участие в судьбах своего отечества, и наипаче третий, прозванный Маккавеем. Сокрушаясь о бедствиях Иерусалима, Матафия и дети его облеклись во вретнице; когда же пришли в Модин посланные от Царя, чтобы принудить жителей к идолослужению, и обратились к нему, как старейшине, он всенародно объявил, что никакое повеление царское не может принудить его к нарушению завета Божия. Не довольствуясь словом, он запечатлел на самом деле твердое свое исповедание; увидев Иудеянина, пришедшего в капище для принесения жертвы, старец исполнился божественного рвения, как некогда Финеес, и поразил его пред лицом всех, убил и пристава царского, разорил само капище и, воскликнув к народу: «всякий ревнующий о законе и стоящий в завете, да выходит вслед за мной!» удалился в горы.

Многие последовали его примеру, и целыми семействами бежали в пустыню. Услышав о том, воеводы царские, пришли с вооруженной силой из Иерусалима, и в день субботний напали на беззащитных, которые, ради святости дня, не только не бросали в них камней, но даже не заградили ущелий: «умрем лучше в простоте нашей, говорили они, и свидетелями неправого убийства будут за нас небо и земля.» Восплакал Матафия, с друзьями своими, при сей горестной вести; они совещались взаимно противостоят врагам, даже в день субботний, чтобы не погибнуть всем подобно братьям их. Около него собрались все ревнители закона, воины крепкие, избежавшие рук врагов, и с ними ходил он по окрестным местам, убивая нарушителей закона, сокрушая язычников, разоряя капища и совершая обрезание над всеми отроками, каких только находили в пределах Израилевых.

После многих подвигов, ко спасению отечества, Матафия, чувствуя приближение кончины, созвал детей своих и умолял их положить души свои, ради данного от Бога завета. Он напомнил им благочестивые примеры отцов, Авраама, верного во всех искушениях, сохранившего заповедь Иосифа, верных соглядатаев Иисуса и Халева, Давида, воспринявшего престол вечный, и взятого на небеса Илию, и трех неопалимых отроков Вавилонских, и Даниила, невредимого во рве

львином, и не велел им бояться язычников, но укрепляться напротив упованием в законе, которым прославятся. – Симона назвал он мужем совета и отцом, вместо себя, детям своим, а Иуду Маккавея начальником воинства, и благословив сынов своих, испустил дух. Это было в сто сорок шестое лето правления Царей Греческих, и триста семьдесят лет, после пленения Вавилонского; с плачем погребли его дети и весь Израиль в Модине, во гробе предков.

По завещанию отца своего, ополчился Иуда Маккавей, с братьями и всеми искавшими защиты, под сенью его. Повсюду распространилась слава его, он восстал как исполин, облекся броней ратной, исторгнул меч и двинул полки, деяниями своими подобный льву на ловитве, убийственный, как пламя, для незаконных, смутились нечестивые, огорчились Цари языческие, когда прошел он по городам Израилевым, собирая воедино остатки их, и возвеселя Иакова, так что память его на веки слилась с благословениями и до края земли достигло имя его. Прежде всех выступил против него ратью Аполлоний, начальник области, и пал под мечем его; потом другой военачальник Сирон, уже заранее уверенный в своей победе, над малочисленной дружиной Иуды, и действительно смутилась сия дружина, изнуренная подвигами битв и поста; но Иуда укрепил её краткой речью: «легко и малым числом одолеть многих, ибо для Бога небесного одинаково спасать, во многом или в малом числе; не во множестве, но с небес победа! Враги идут против нас, во множестве беззаконий своих, чтобы исторгнуть жен и детей, и достояние наше; а мы ополчаемся за души наши и законы, и сам Господь сокрушит их пред лицом нашим: только не бойтесь.» – Сказал и сокрушил врагов, умертвив до восьмисот человек, и страх Иуды распространился окрест на все племена.

Имя его дошло до слуха царского, и разгневался Антиох; он истощил сокровища свои для вооружения сильного войска, а сам пошел собирать новые дани в Персии, оставив родственника своего Лисия правителем царства и воспитателем малолетнего сына. Полвоинства взял он с собой и половину велел послать против Иуды, чтобы совершенно искоренить Иерусалим и заселить его инородными. Лисия избрал военачальниками трех сильных мужей, из числа друзей царских, Птоломея, Никанора и Горгию, и дал им сорок тысяч пеших и семь тысяч конных; к ним присоединились другие союзные полки, и многие купцы последовали за войском, чтобы дешево купить бесчисленных пленников, которых заблаговременно уже обещали им, надеявшиеся на верную победу.

Видя, что совершенным истреблением угрожали враги, без всякой надежды на пощаду, Иуда собрал вокруг себя всех, кто только мог нести

оружие, чтобы спасти отечество от неминуемой гибели; но прежде велел сонму приготовиться к брани постом и молитвой. Пуст был Иерусалим, не было в нем входящих или исходящих, и попрана была святыня: иноплеменники обитали в крепости его и не слышалось более в Иакове ни псалтыря, ни гуслей. – Войско Израилево собралось в Массифе, против Иерусалима, во вретницах, с пеплом на голове; раскрыли книгу закона, принесли ризы священные, начатки и десятину; Назореи обрекли себя Господу, и все возопили единодушно: «что сделаем и как отразим врагов? Господи, осквернена и попрана Твоя святыня; священники Твои в скорби и смирении, и вот язычники собрались погубить нас! Ты знаешь помышления их; как можем противостать им, если не Ты нам поможешь?» – Тогда, при гласе труб, Иуда поставил начальников народу и, по закону Моисееву, отпустил всех созидавших дома, насаждавших виноград и новообрученных; с остальными ополчился он, близ Эммауса, возбудив их лучше умереть в битве, нежели видеть погибель братьев своих и святыни, да исполнится воля Божия во всем.

Ночью поднялся Горгия, с пятью тысячами пеших и тысячью конных, чтобы нечаянно напасть на Иуду; но Иуда заблаговременно о том узнал и сам выступил ночью, для нападения на стан неприятельский. Утром явился он в поле, только в тремя тысячами ратных, худо вооруженных, пред опытными и многочисленными полками язычников, но не упал дух его. «Вспомните, сказал он дружине, как спасены отцы ваши в море Чермном от Фараона; ныне возопием к небу; быть может, умилосердится и над нами, и вспомнит Господь завет отцов наших, сокрушит врагов пред лицом нашим и уведают все народы, что еще есть спасающий Израиля.» Сошлись полки, началась битва, вострубили бывшие и Иудой, и пораженные язычники бежали; три тысячи их погибло в бегстве. Иуда не велел далеко их преследовать и не собирать добычу, потому что еще Горгия, с избранными воинами, искавший его ночью, в горах, стоял недалеко. Но когда люди Горгии увидели зажженный стан свой и дружину Иудову, готовую к битве, они также обратились в бегство, и уже, без всякого опасения, могли Иудеи расхищать богатства неприятельского стана; хвалением имени Божия, во псалмах и песнях, возвратились они после светлой победы. – На другой год Лисия собрал опять шестьдесят тысяч пеших и восемь тысяч конных, для конечного сокрушения Иерусалима. Но Иуда, с десятью тысячами, встретил полки его в Идумее, и благословив Бога, Спаса Израилева, который некогда, рукой Давида и рукой Ионафана, сына Саулова, сокрушил иноплеменных, молил, чтобы и дерзость сих язычников растаяла под мечем любящих Гопода. До восьми

тысяч неприятелей пало в битве; Лисия принужден был удалиться в Антиохию, где опять стал собирать войско.

Между тем Иуда, с братьями своими, собрали сынов Израиля, чтобы очистить и обновить святыню Иерусалимскую. Увидев опустошенную святыню и оскверненный жертвенник, сожженные врата и деревья, поросшие в притворах храма, как бы в дубраве, или на горах, они разодрали свои одежды и с великим плачем посыпали голову пеплом и простершись на землю, при звуке трубном, возопили к небу. Иуда велел воинам своим сражаться с врагами, бывшими в крепости, доколе сам не очистил святилища. Он избрал для сего непорочных священников, ревнителей закона Божия, которые вынесли из храма всякую нечистоту: было совещание, оставить ли алтарь всесожжений, оскверненный языческими жертвами? И положили совершенно разорить его, чтобы истребить саму память сих жертв, и создать другой из новых камней, а прежние отложить в ожидании, не восстанет ли какой Пророк сказать о них слово Божье. Очищена была вся внутренность и притворы храма, сделаны были новые сосуды и поставлены опять свещник и алтарь кадилный, и трапеза для хлебов предложения. Когда все приведено было к окончанию, в двадцать пятый день девятого месяца, принесена была первая законная жертва, на алтаре всесожжения, при звуке песней, гуслей и кимвалов, чрез три года после его поругания Антиохом; восемь дней праздновали обновление храма обильными жертвами. Иуда, по согласию с братьями и всего собора Израилева, положил всегда праздновать день сего обновления, и восстановить совершенно святилище, укрепил гору Сионскую крепкими стенами и башнями, чтобы опять не овладели городом язычники.

Раздражились окрестные народы, услышав, что опять обновилась по прежнему святыня, и совещались между собой истребить род Иакова. Но Иуда постепенно сокрушил всех: сперва отяготилась рука его на Идумеях, и он разорил их твердыни; потом рассеял сынов Аммона, с вождем их Тимофеем, и опять вооружился против вождя сего, по просьбе жителей Галаада, пределы коих он опустошал. Он выступил с Ионафаном в Галаад, послав старшего брата Симона в Галилею, и оставив защитниками Иерусалиму двух воевод, которым строго запретил начинать войну, до своего возвращения. Успех увенчал оружие Симона и Иуды; жители Галаада заключились в крепкие города свои, к которым готовы были приступить враги, овладевшие уже некоторыми из них. Иуда, перейдя в три дня пустыню заиорданскую, взял на пути Восор и на рассвете подступил к крепости, которую уже осаждали враги; полки Тимофеевы,

услышав имя Маккавея, бежали, и все взятые ими города покорились Иуде. Тимофей собрал опять свои дружины и с союзными Арабами ополчился на берегу потока, близ Рафона. – Но Иуда мужественно перешел поток, впереди всех, смял неприятеля и преследовал его до Карнаима; взят был и сей город и сожжен вместе с своим капищем. Иуда собрал всех Израильтян, живших в Галааде, чтобы отвести их, с семьями и имуществом, в землю Иудову, как и Симон сделал тоже с единоплеменниками, жившими в Галилеи; но на пути, жители крепкого города Ефрона, не хотели дать им свободного прохода; Иуда приступом взял город, истребил всех жителей, и перейдя Иордан, с радостью принес всеожжение на горе Сионской, ибо никто не погиб из его дружины.

Во время отсутствия Маккавеев, оставленные ими воеводы в Иерусалиме, хотели также прославить имя свое, хотя они не были из рода тех мужей, которым дано было спасти Израиля. Неопытные вожди выступили, вопреки запрещения, против Горгии, и возвратились с сильным уроном. Иуда пошел опять на брань и победил Горгию; очистившись в день субботний, по обычаю, он хотел предать земле тела убиенных воинов своей дружины, и нашел под их одеждами причину их смерти, приношения, взятые из идольского храма. Воздав Господу хвалу, за правый Его суд, Иуда помолился с живыми, о грехах мертвых, и собрав до двенадцати тысяч драхм серебра, послал в Иерусалим принести жертву за души согрешивших, в надежде на их воскресенье, ибо без сей благочестивой надежды не стал бы о них молиться, и: «это весьма святое дело, молиться за умерших, для их спасения.» говорит писатель второй книги Маккавейской. – Потом Иуда, сокрушив сынов Исавлевых в Хероне, прошел все пределы Самарийские и Филистимские, разоряя капища идольские.

LXVII. Смерть Антиоха воина, Иуды с его преемниками

Между тем, нечестивый Антиох, недовольный расхищением храма Иерусалимского, покусился ограбить и богатое капище Элимаиса в Персии, где, как слышал, хранились драгоценности со времени Александра Македонского, но возмущение народа принудило его бежать оттоле в Вавилон; на дороге пришла к нему весть о успехах Маккавеев. Исполненный ярости и смущения, и преследуемый сам судом Божиим, Царь ускорял течение своей колесницы, помышляя в надменном сердце, обратить Иерусалим в кладбище. Едва произнес он сей хульный помысел, как самого его поразила Господь неисцелимой язвой, жестокими муками в утробе; он упал с колесницы, посреди быстрого её бега, и сокрушились члены его, черви воскипели в язвах нечестивого, и смрада их гнушались все окружающие его; Антиох, недавно возносившийся до небес, в тяжком недуге передвигаем был на носилках, и ему самому нестерпим делался собственный его смрад. Тогда познал он всю суету своей гордости, и сколь страшно возносить себя до равенства Богу; уже он произносил обеты некогда гонимому им Богу Израилеву, что восстановит храм Его и град и сделается сам Иудеянином, и писал благосклонное послание к Иудеям, но было поздно. – Созвав друзей своих, он каялся пред ними, в расхищении святыни Иерусалимской, сознавался, что за сие постигает его смерть на чужбине, и чувствуя её приближение, вручил одному из них, Филиппу, диадему и перстень, поставив его над всем царством своим, на время юности сына своего. Так в злых мучениях скончался гонитель; Лисия, услышав о смерти Антиоха, воцарил его сына, Антиоха Евпатора.

Пользуясь благоприятным временем, Иуда хотел избавиться от непрестанной осады, в какой содержали святилище войска языческие, стоявшие в Иерусалимском краеградии, и он осадил крепость их. Предатели, из числа самих Иудеев, донесли о том новому Царю, прося его защиты от Маккавеев; Антиох выступил против них с сильным войском, сто двадцатью тысяч пеших и двадцатью тысяч конных, с тридцатью двумя слонами, наученными битве. Иуда вняв осаду, пошел на встречу Царю в Идумею; готовилась страшная сеча. Неприятель разъярил вином огромных животных, которые несли на хребтах своих башни с вооруженными; каждого из них окружали по тысяче воинов и до пятисот конных, для подкрепления их напора; на двух крылах многочисленного войска расположены были конники; воссиявшее солнце озарило, как огненными

лампадами, медные щиты и брони, и блеск их отразился на горах; колебалась земля от топота идущих, и шумного их гласа, и стука оружия.

Иуда, видя грозящую опасность, молил днем и ночью Господа: спасти, как и прежде, народ свой, и не допустить, едва отдохнувшему от насилий языческих, подвергнуться опять игу иноплеменников. Он выступил мужественно, с малыми силами, против несметных полчищ Антиоха, и встретив в горах отделившуюся часть его ополчения, поразил до шестисот человек; началась общая битва. Некто Елезар, увидя слона, облеченного пышной броней, подумал, что сам Царь на хребте его, и решился пожертвовать жизнью, для спасения сограждан, чтобы приобрести себе вечное имя; отважно бросился он в самую середину полка, поражая всех окружавших зверя, и став под ним, проколол его копьем, так что падающий слон задавил его под собой. Но многочисленность воинства царского заставила Иудеев отступить.

Царь двинулся к Сиону и взял на дороге укрепление Вефсуры, защитники коего принуждены были ему сдаться. Он окружил, стенобитными орудиями, святилище и осада длилась, сопряженная с голодом для осажденных, потому что это был субботний год, и множество переселившихся Иудеев, из стран языческих, истощили все запасы пищи. Между тем пришла весть к Царю, что Филипп, поставленный отцом его в наместники царству, возвратился из Персии и хочет всем овладеть. Лисия, другой наместник, убедил Антиоха заключить мир с Иудеями, позволив им жить по законам отеческим, и на сих условиях заключен был клятвенный договор; но взошедши в крепость Сионскую, Царь нарушил клятву свою, немедленно повелев разрушить недавно созданные стены, а сам поспешил в Антиохию, чтобы силой изгнать Филиппа. Во время сего похода получил достойную казнь убийца брата своего, благочестивого Онии, бывший Первосвященником Менелай, который надеялся достигнуть прежней славы в своем народе. – По совету наместника Лисии, знавшего все его козни, и что он был началом всех бедствий, Антиох велел свергнуть его, с высокой башни над бездной; так совершился суд Божий над святотатцем, который лишен был даже погребения.

Три года спустя, Димитрий, сын Селевка, бывшего Царя, воспитанный в Риме, возвратился с немногими людьми в свое отечество, и все царство к нему обратилось; Антиох и Лисия были умерщвлены воинами. Пришли к Димитрию из Иерусалима и все нечестивые люди Израиля, имея вождем Алкима, который домогался архиерейства, и получил оное, оклеветав пред Царем Иуду и братьев его. Царь послал друга своего Вакхида, для водворения Алкида; но лучшие из граждан Иерусалимских, которые

доверились новому Первосвященнику, погибли, изменой клятвопреступника, и Вакхид, содействуя Алкиму, умертвил многих других почетных людей; тела их брошены были в колодези.

Огорченный такой вестью Иуда, собрал опять вооруженных и наказал приверженцев Алкима, который, не в силах будучи противостоять ему, обратился за помощью к Царю. Димитрий послал славнейшего из воевод своих Никанора, с повелением истребить Иудеев. Пришедший с великой силой в Иерусалим, он хотел уловить лестью Иуду, и дружественно принял его на мирном свидании; но до Иуды дошла весть, что Никанор ищет схватить его, и вождь Израилев вооружился; пять тысяч воинов Сирийских пали в битве, остальные бежали в крепость Сионскую. Там раздраженный Никанор, когда вышли к нему на встречу жрецы и старейшины, с предложением принести жертву за Царя, поругался над ними, и клялся, что если Иуда с дружиной не будет предан в руки его, то сожжет храм. Священники с плачем помолились пред алтарем, чтобы Господь, Сам избравший место сие себе жилищем, вняв хуле врага, отомстил ему.

Помолился и вождь Израилев, ополчившийся против всей силы Сирийской, с тремя только тысячами воинов: чтобы Господь, сокрушивший некогда гордыню Сеннахирима, сокрушил и сие ополчение вражье, да все познают, сколь страшно произносить хулу на святыню. – Утешительный сон ободрил дух его пред началом битвы: ему виделся благочестивый Первосвященник Ония, воздевающий к небу руки, о спасении своего народа, и другой молитвенник, Пророк Иеремия, подающий ему меч святой, в дар от Бога, для сокрушения врагов.

Возгорелась битва, и первый пал Никанор, разбежались войска его, видя смерть вождя; Иудеи преследовали их, во всех окрестных селениях, и всех до одного умертвили. Победители отсекали голову и правую руку Никанора, которую дерзнул он простирать на храм Господень, с клятвой, что его разрушит, и повесили их против Иерусалима; велика была радость народная; тринадцатый день месяца Адера, день победы, установлено было праздновать вечно, и на малое время успокоилась земля Иудейская. – Тогда Иуда, услышав о победоносном имени Римлян, громком во всей вселенной, и о покровительстве, какое оказывают они друзьям своим, располагая царскими диадемами и не позволяя никому из среды своей венчаться ими, отправил двух посланников в Рим, заключить с ними союз дружбы. Приятно было Римлянам сие посольство; заключив с Иудеями дружественный договор, для вечной памяти, они вырезали его на медных досках, и обещали покровительство против Димитрия.

Царь, услышав о поражении Никанора, послал опять военачальника Вакхида и Первосвященника Алкима, с двадцатью тысячами пеших и двумя тысячами конных, которые много погубили народа в окрестностях Иерусалима. Иуда ополчился против них с тремя тысячами ратных; но воины его, устранившись множества врагов, разбежались и оставили вождя только с восемьюстами избранных. Наступил час его; но и последняя его битва была победой. Видя бегство своих, он сокрушился сердцем, ибо уже не имел времени собрать их: «пойдем на врагов наших, сказал он остатку своей дружины; посмотрим, можем ли сразиться с ним.» Тщетно убеждали его отложить битву до другого, более благоприятного времени: «никогда да не случится со мной такого позора, чтобы бежать мне от лица врагов, отвечал Иуда; лучше умереть мужественно за братьев наших и не запятнаем нашей славы!» Сошлась малая дружина его с многочисленной ратью, разделившейся на две части, со множеством конников, пращников и стрельцов; на правом крыле был сам Вакхид; загремели гласы трубные с обеих сторон, битва продолжалась от утра до вечера. Иуда, устремившись на правое крыло, смял Вакхида и преследовал его даже до Азота; но левое крыло неприятеля, видя поражение своих, погналось вслед за победителями и многих разило в тыл. Пал и сам Иуда, прочие бежали; Ионафан и Симон подняли труп славного брата и погребли его в Модине, во гробе предков, посреди общего плача всего народа, который неутешно восклицал: «как мог погибнуть сильный, спасавший Израиля!»

LXVIII. Правление Ионафана

После смерти Иудиной, усилились незаконные в пределах Израилевых, и Вакхид поставил их начальниками бедствующей страны; они же мстили и ругались друзьям Иудиным. Велика была скорбь в Израиле, какой не бывало с тех пор, как перестали в нем являться Пророки. Собрались приверженцы Иудины к брату его Ионафану, и единодушно избрали его вождем в Израиле. С тех пор искал умертвить его Ваухид; но Ионафан, вместе с Симоном и присными своими, удалился в пустыню Фекуа. Там послал он брата Иоанна, с запасами воинскими, к жителям той страны, которых почитал себе приятными; но они убили Иоанна; Ионафан взыскал на них кровь брата своего. Вакхид последовал за Маккавеями, на берег Иорданский, и настиг их в день субботний. «Ополчимся ныне за души наши, сказал дружине своей Ионафан, ибо отовсюду враги и вода Иорданская нас окружает, с болотом и лесами; некуда спастись бегством; но возопием к нему, да избавимся от врагов наших.» Загорелась битва; Ионафан устремился на Вакхида; вслед за ним бросился в Иордан; переплыла реку вся его дружина, и в сей день пало до тысячи человек на стороне врагов.

Вакхид возвратился в Иерусалим и стал укреплять многие города, по всей земле Иудейской, чтобы держать её в покорности; захватил также заложников, из детей старейшин, и заключил их в крепости Сионской. В то же время нечестивый Первосвященник Алким начал разорять дело Пророков, стену внутреннего двора святилища; но во время разорения внезапный недуг поразил Алкима, онемел он и расслаб и испустил дух, в жестоких мучениях. По смерти его, Вакхид возвратился к Царю, и два года отдыхала земля Иудейская. Опять покушались незаконные схватить Ионафана и призвать Вакхида; но Маккавеи избежали их злобы и наказали смертью виновных; сами укрепились они в городе Вефваме, что в пустыне. Там тщетно осаждал их Вакхид, а между тем часть часть дружины Маккавейской ходила по окрестным пределам, непрестанно усиливаясь и одерживая успехи над врагами. Утомился наконец вождь Сирийский и стал негодовать на людей незаконных, советовавших ему неудачный поход сей; многих из числа их предал он заслуженной казни. Услышав о том Ионафан, предложил ему мир, и обменявшись пленными, заключил с ним клятвенный договор, чтобы уже он не воевал более землю Иудину. Так водворилась наконец тишина в Израиле; Ионафан, обитая в Махмесе, стал управлять народом.

Не много лет спустя, Александр, сын Антиоха Епифана, восстал против Димитрия и овладел Птолемаидой. Смутился Димитрий, и желая приобрести благосклонность Евреев, послал ласковые грамоты к Ионафану, велел возвратить ему заложников и дал власть собирать у себя воинов. Ионафан стал обитать в Иерусалиме и обновлять его разрушенные стены; иноплеменники бежали из всех мест, укрепленных Вакхидом. И новый Царь Александр, услышав о доблести Маккавеев, искал приязни Ионафана и назначив его Первосвященником, прислал ему в дар порфиру и золотой венец; на праздник кущей, впервые облекся Ионафан, в одежды сана своего, и собрал многочисленное войско. Тогда еще более умножил льстивые свои обещания Димитрий; милостивым указом освобождал он Иудеев от всех налогов, прибавлял к их области пограничные участки и саму Птолемаиду уступал на иждивение святилищу; но Ионафан, помня прежнюю злобу Димитрия, не поверил словам его и держался Александра; победа оправдала сей выбор между двумя соперниками.

После падения Димитрия, Первосвященник вызван был Александром в Птолемаиду, где торжествовал он брак свой с дочерью Царя Египетского; там облек его порфирой и посадил с собой как друга, так что невольно умолкли клеветники, пришедшие обвинить его из Иерусалима. Чрез пять лет, одноименный Димитрию сын, вооружился против Антиоха, и военачальник его Аполлоний навлек на себя оружие Ионафана; он был поражен, в кровопролитной битве, и города Филистимские пали пред оружием Первосвященника.

Не прочен был союз Александра с Птолемеем. Честолюбивый тесть, под предлогом посещения Сирии, овладел всеми её твердынями, в коих с честью был встречен; приветствуемый на пути Ионафаном, он не смел однако его коснуться; но достигнув Антиохии, возложил на себя оба венца Сирии и Египта. Бежавший в Аравию Александр убит был изменниками, и скоро умер сам Птолемеи; Царь Димитрий воспользовался его успехами. Между тем Ионафан стал осаждать крепость Иерусалимскую, именуемую краеградием, чтобы выгнать из нее стражу неприятельскую, но принужден был сам идти, на зов Димитрия, в Птолемаиду, с опасностью собственной жизни. Однако он умягчил дарами сердце Царево, получил от него многие льготы и три области в пределах Самарийских; но не долго опять продолжался мир. Трифон, бывший военачальник Александра, провозгласил Царем сына его, малолетнего Антиоха, и Первосвященник, верный Царю своему, послал на помощь Димитрию три тысячи воинов в Антиохию, которые спасли его от неминуемой смерти, посреди возмущения народного, поразив до ста тысяч мятежников.

Неблагодарный Димитрий не исполнил однако ничего, из обещанного им Первосвященнику, во дни опасности, и Ионафан принял сторону Антиоха, который, с своей стороны, послал к нему богатые дары и сосуды для храма, утвердил и умножил царственные и святительские права его. Ионафан вышел к нему на помощь, с вооруженной силой, покорил Аскалон и Газу, сразился с полками Димитрия в Галилеи, и оставленный своими в начале битвы, молитвой одержал победу.

Пользуясь временем благоприятным, Первосвященник отправил от себя посланников в Рим и Спарту, чтобы обновить и заключить с ними дружественный союз. Между тем, слыша о вооружении некоторых военачальников бывшего Царя Дмитрия, он рассеял полчища их, одним страхом имени своего, и победил Арабов в окрестностях Дамаска; брат его Симон успешно действовал против приверженцев Димитрия, в Аскалоне и Иопии. Первосвященник возвысил и укрепил стены Иерусалимские; но посреди славного своего правления сделался жертвой измены. Трифон, воцаривший Антиоха, умыслил сам похитить его престол, и зная верность Ионафана, искал умертвить его. Первосвященник встретил Трифона, сперва с сильным ополчением, но потом, обманутый его льстивой речью, последовал за ним в Птолемаиду, только с тысячью воинов; там ожидала их измена, ибо Трифон, заключив врата города, умертвил всех бывших с Ионафаном, и послал преследовать остаток дружины его в Галилею, но она спаслась. Горько плакал весь Израиль о своем великом вожде; окрестные народы надеялись опять покорить беззащитных.

Тогда Симон услышав, что Трифин собрал многочисленное войско, дабы сокрушить землю Иудину, вошел в Иерусалим и ободрил смутившийся народ: «вы знаете, сказал он, сколько я и братья мои, и весь дом отца моего, позвизались за храм и законы, и сколько видели брани и бедствий; все братья мои погибли ради Израиля и я остался один; ныне, во время скорби, да не пощажу души моей, ибо я не лучше братьев моих; буду защищать народ мой и святыню, и жен и детей наших, ибо собрались народы сокрушить нас, по своей вражде.» При сих словах возгорелся дух народа и все единодушно воскликнули: «будь вождем нашим, вместо Иуды и Ионафана, братьев твоих, сражайся за нас, и все, что повелишь, исполним.» Симон поспешил собрать воинов и укрепить стены Иерусалимские, послал дружину и в Иоппию, отколе изгнал неприятельскую стражу.

Поднялся Трифон из Птолемаиды и взял с собой пленного Ионафана; узнав об ополчении Симона, он послал сказать ему, что содержит в плену Ионафана за серебро, должное им Царю; если же даст ему Симон сто

талантов серебра и двух сыновей Ионафановых в залог, отпустит брата его. Разумел Симон льстивые речи врага, но чтобы не подвергнуться вечному нареканию, что не хотел освободить брата своего, он послал к Трифону отроков и серебро, и не сдержал слова своего Трифон. Осажденные в крепости Иерусалимской просили у него помощи; но с какой стороны ни старался он проникнуть в Иудею, отовсюду встречал ополчение Симона, и без боя отошел в Галаад; озлобленный умертвил Ионафана на пути, и Симон послал взять кости брата своего, чтобы погребсти их в Модине, городе отцов своих. Там соорудил он великолепный памятник над гробом отца и братьев, с семью пирамидами; изваянными столпами и трофеями, которые видны были издали даже плывущим по морю, и горько плакал Израиль многие дни, о гибели вождя своего Ионафана.

LXIX. Правление Симона и прочих Маккавеев, Ирод

Между тем Трифон, коварно умертвивший юного Антиоха, Царя своего, возложил на себя его диадему; а Симон, укрепив твердыни Иудейские, отправил посольство к бывшему Царю Димитрию и заключил с ним союз, испросив у него многие льготы; за ним был утвержден и сан Первосвященника. В лето сто семидесятое после Александра Великого, совершенно освободился Израиль от ига Царей языческих, и с тех пор начал писать все свои грамоты, на имя великого Архиерея и вождя. Симон, действуя успешно во всех своих предприятиях, завоевал Газу, пощадив однако её жителей, и заставил голодом сдаться краеградие. С великим торжеством, при звуке гимнов и гуслей, с пальмами в руках, взошел он в сию покоренную твердыню, которая столь долго огорчала сынов Израилевых, и установил праздновать день сей ежегодно.

Первосвященник поручил вооруженную силу возмужавшему сыну своему Иоанну Гиркану, а сам занялся мирными делами управления. Пользуясь междоусобием Трифона и Димитрия, он распространил пределы свои, устроил пристань в Иоппии, и под его мирной сенью опять отдыхал народ Израилев; как во дни Соломона, каждый сидел под виноградником своим и под смоковницей; старейшины беседовали на стогнах, юноши облекались в светлые одежды; не было ратующих внутри земли Иудейской и процветали города, Римляне и Спартанцы обновили с ними дружественный союз; договор последних писан был на медных досках, которые внесены были Первосвященником, для вечной памяти, в сокровищницу храма. Римляне, приняв благосклонно послов Иудейских, обещали им свое покровительство и повелели всем, окрестным Царям и народам, не оскорблять их союзников.

Однако строгое их запрещение не удержало Антиоха, сына Димитрия, томившегося в темницу Аравийской. Сперва искал он дружбы Первосвященника, чтобы одолеть Трифона, когда же укрепился и заключил мятежника в приморской крепости, отколе наконец принужден был бежать, то Антиох отринул дары и помощь, присланную Симоном, и стал требовать возвращения всех покоренных им городов, или тысячу талантов серебра. Мужественно отвечал Симон, что Иудеи правильно вступили во владение землей предков, несправедно у них отнятой язычниками, и предлагал только сто двадцать талантов за Илппию и Газары. Раздраженный Царь, преследуя сам Трифона, послал

военачальника своего Кендевия воевать Иудею, и он укрепился в Кедроне, нападая оттоле на её пределы.

Тогда Симон призвал обоих сыновей своих Иуду и Иоанна, и сказал им: «я и братья мои, и дом отца моего, противоборствовали врагам Израиля, от юности нашей и доньне, и неоднократно Избавляли мы Израиля. Теперь я состарился, а вы милостью Божьей уже в возрасте; будьте вместо меня и брата моего и сражайтесь за народ наш, помощь же придет к вам с небес!» Он отпустил их в битву, с двадцатью тысячами воинов» около Модина, гробнице их предков, встретили сыны Симоновы полчища врагов: – побежден был Кендевий, ранен старший из Маккавеев, Иуда; но меньшей преследовал врагов до пределов Филистимских и возвратился с миром.

Первосвященнику Симону суждено было погибнуть от меча, подобно всем своим братьям, и даже не во дни брани, но посреди водворенного им благосостояния, от руки единокровных изменников. Некто Птоломей, зять его, поставлен был им воеводой в Иерихоне, и превознесенный своими богатствами, замыслил восхитить власть из рук Симона и детей его. Изменник пригласил Первосвященника, обходившего страну свою, с семейством, исключая сына Иоанна, на пиршество в крепость Док, и там, посреди пира, умертвил Симона, двух сыновей его, Иуду и Маттафию, и некоторых из служителей. Он писал к Царю, чтобы прислал к нему воинов для покорения страны, и послал также единомышленников своих, захватить крепость Иерусалимскую и святилище, а других в Газару, чтобы умертвить Иоанна. Но Иоанн уже был предупрежден, верными людьми, о смерти отца и братьев. И мужеством своим не только отразил опасность от себя и своего народа, но и наследовал сан архиерейский; он возвеличил землю Иудейскую, мудрым и долгим своим правлением.

Здесь оканчиваются книги Маккавейские, за сто двадцать лет до пришествия Мессии, ожидаемого пять с половиной тысячелетий. Святое Писание ветхого завета, после столь ясных о нем пророчеств, и раскрытия дивного промысла Божия, о роде человеческом, в особенности о народе Израильском, как рассаднике истинного Богопознания, показало еще однажды, в лице Маккавеев, как сила Божия совершается в немощи, и умолкло до новозаветных откровений. После кончины третьего брата из сей великой семьи, оно не сохранило, в книгах своих, ни тридцатилетнего счастливого правления Иоанна Гиркана, который один из всех Маккавеев скончался своей смертью, ни краткого владычества жестокого его сына Раистовула, который присоединил венец царский к митре архиерейской, ни междоусобий его внуков, Гиркана и Аристовула, которые навлекли на

себя иго союзников Римских и погубили все свое потомство, уступившее место иному, чуждому роду.

Помпей, военачальник Римский, покорив Восток, осадил и Иерусалим, осквернил своим присутствием святилище, недоступное язычникам, и обратив независимую дотоле Иудею в провинцию Римскую, украсил триумф свой в Риме, царственными пленниками, Маккавеями. Другой, более хищный военачальник Красс, мимоходом ограбил все сокровища храма, простиравшиеся до десяти тысяч талантов; но святотатец вскоре погиб в походе против Парфян. Между тем возвысилась, чуждая Израильтянам, Идумейская семья Антипарта; сын его Ирод, прозванный великим, но исполненный злодеяний, вступив в родственные связи с Маккавеями, сперва усвоил себе всю власть их, а им сохранил только звание Первосвященника; наконец истребил и все их поколение, в лице последнего Царя Антигона, престарелого Первосвященника Горкана и юного Аристовула, собственной супруги Мариамны и даже двух сыновей своих, которых предал казни, по мучительному недугу подозрений. Происками в Риме, испросил он себе, у вселенского Императора Августа, венец царский, и хотя обновил великолепный храм Иерусалимский, но сам пренебрегал, как иноплеменник, его богослужением, вводя обычаи языческие в нравы народа Иудейского; тридцати четырехлетнее царствование Ирода было непрерывной цепью злодеяний и беспорядков, следствием и наказанием его властолюбия.

LXX. Ожидание Мессии

Между тем крайнее заблуждение в язычестве, идолопоклонство, освятившее в себе все пороки, посреди напряженного усилия разума, в исследовании божества и природы, показывали, что наступила уже полнота времен, когда полнота народов долженствовала вступить в наследие Израилево; ибо мир, как бы оставленный на время собственным силам, чувствовал немощь свою, без чрезвычайной помощи свыше. Самое сосредоточение власти вселенской и высшей степени человеческого могущества, в империи Римской, четвертом, железном царстве Пророка Даниила, которое представляло в себе мир, с его величием, бедствиями, пороками и суетой, уже давало особенно чувствовать нужду, в лучшем духовном владычестве, и способствовало к его распространению, единством владычества вышнего.

Тогда, по истечении таинственного срока семидесяти седмин Данииловых, исполнилось пророчество древнего Иакова сынам своим, о времени явления Мессии, при чуждых владыках Иудеи: «не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, доколе не придет Умиротворитель, и Он будет чаянием языков.» (Быт. XLIX. 10.)

Содержание

Священная история Андрей Николаевич Муравьев	1
I. Сотворение мира	2
II. Создание человека	4
III. Падение человека в раю	7
IV. Времена допотопные, 2256 лет	11
V. Потоп и обновление мира	14
VI. Время от потопа до Авраама, 1192 года	17
VII. Призвание Авраама	19
VIII. Завет Божий с Авраамом	22
IX. Казнь Содома	26
X. Рождение, жертва и брак Исаака	28
XI. Смерть Авраама; неприязнь детей Исаака	32
XII. Странствование Иакова	35
XIII. Приключения Иосифа	41
XIV. Свидание Иосифа с братьями	45
XV. Переселение и кончина Иакова	49
XVI. Рождение и призвание Моисея	53
XVII. Ожесточение Фараона; десять язв Египетских	56
XVIII. Пасха; исход из Египта	60
XIX. Завет Божий, с Израилем на Синае	66
XX. Идолослужение народа; предстательство Моисея	70
XXI. Устройство скинии и кивота	73
XXII. Обряды богослужения и законы	77
XXIII. Ропот народа в пустыне и мятеж	83
XXIV. Приближение к земле обетованной	89
XXV. Повторение закона и кончина Моисея	96
XXVI. Иов	101
XXVII. Иисус Навин; завоевание земли обетованной	106
XXVIII. Судии, 356 лет. Девора, Гедеон, Еффай	112
XXIX. Подвиги Сампсона; бедствие колена	110

Вениаминова	115
XXX. Руфь	123
XXXI. Пророк Самуил	126
XXXII. Избрание и отвержение царя Саула	131
XXXIII. Помазание Давида; бой с Голиафом, гонение от Саула	136
XXXIV. Смерть Самуила и Саула, воцарение Давида	143
XXXV. Перенесение кивота; пророчества о Мессии	149
XXXVI. Победы Давида, его искушение и покаяние	153
XXXVII. Семейные бедствия Давида, мятеж Авессалома	156
XXXVIII. Последние годы и кончина Давида	164
XXXIX. Царствование Соломона	168
XL. Построение храма	171
XLI. Слава Соломона, его грехопадение и кончина	175
XLII. Разделение царства, Ровоам и Иеровоам	179
XLIII. Авия, Аса, Иосафат в Иуде; Власа, Амврий, Ахаав в Израиле	183
XLIV. Пророк Илия	187
XLV. Беззаконие и смерть Ахаава	191
XLVI. Вознесение Илии, чудеса Елиссея Пророка	195
XLVII. Благочестие Иосафата, Иорам, Охозия, Цари Иудовы	202
XLVIII. Истребление всего рода Ахаавова, Ииуй, Гофолия, спасение Иоаса	206
XLIX. Амасия, Озия, Иоафам, Ахаз, Цари Иудины; последние годы царства Израилева	210
L. Пророки: Иона, Амос, Осия, Иоиль, Авдий, Михей, Наум	214
LI. Благочестивое царствование Езекии	220
LII. Пророчества Исаии	224
LIII. Плен Моассии, Аммон, благочестие Иосии.	229

Пророки Аввакум, Софония	---
LIV. Пророки Иезекииль и Иеремия в царствование Иоакима и Иехонии	233
LV. Последний Царь Седекия, разорение Иерусалима, плачь Иеремии	238
LVI. Товит	244
LVII. Иудифь	247
LVIII. Отрочество Даниила, сон Навуходоносора. Сусанна	251
LIX. Три отрока в печи Халдейской, изступление Навуходоносора	255
LX. Пир Валтасара; видения Даниила, спасение его от львов	258
LXI. Освобождение из плена Вавилонского. Пророки Аггей, Захария и Малахия	264
LXII. Ездра и Неемия	269
LXIII. Есфирь	274
LXIV. Нашествие Александра Великого и Птолмеев, Илиодор	277
LXV. Гонение Антиоха Епифана, мученичество семи братьев Маккавеев	281
LXVI. Матафия и сыновья его, подвиги Иуды Маккавея	287
LXVII. Смерть Антиоха воина, Иуды с его преемниками	292
LXVIII. Правление Ионафана	296
LXIX. Правление Симона и прочих Маккавеев, Ирод	300
LXX. Ожидание Мессии	303